

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

На правах рукописи

ЛАПТЕВ ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ

**АКЦЕССОРНЫЕ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Арямов Андрей Анатольевич

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Феномен акцессорных мер уголовно-правового характера ...	24
1.1. Акцессорные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки, виды	24
1.2. Место акцессорных мер в системе мер уголовно-правового воздействия.....	53
1.3. Социально-правовая обусловленность акцессорных мер уголовно-правового характера	80
1.4. Становление акцессорных мер в российском уголовном законодательстве	101
Глава 2. Система акцессорных мер уголовно-правового характера ...	129
2.1. Проблемы систематизации акцессорных мер уголовно-правового характера.....	129
2.2. Системные связи в структуре акцессорных мер уголовно-правового характера	149
2.3. Классификация акцессорных мер уголовно-правового характера.....	168
Глава 3. Проблемы реализации акцессорных мер уголовно-правового характера	186
3.1. Принудительные меры воспитательного воздействия.....	186
3.2. Судебный штраф.....	210
3.3. Конфискация имущества	234
3.4. Принудительные меры медицинского характера	251
Глава 4. Перспективы развития института акцессорных мер уголовно-правового характера	274

4.1. Тенденции применения акцессорных мер уголовно-правового характера	274
4.2. Критерии оценки эффективности акцессорных мер уголовно-правового характера	302
4.3. Аналоги акцессорных мер уголовно-правового характера в зарубежном законодательстве	325
Заключение.....	356
Библиографический список.....	367
Приложения.....	438

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Становление и развитие демократического правового государства подразумевает реализацию уголовно-правовой политики, не связанной с избыточным применением средств уголовной репрессии. В этой связи актуальными для исследования представляются некарательные способы воздействия на правонарушителей, обусловленность, сущность и содержание которых уже не одно десятилетие продолжают вызывать споры в правовой доктрине.

В рамках идеи последовательной гуманизации уголовного права в законе были закреплены меры, исключаяющие уголовную ответственность, но при этом обеспеченные силой государственного принуждения. С другой стороны, необходимость учета специфических характеристик общественно опасного деяния и личности лица, его совершившего, была положена в основу регламентации мер, не входящих в объем уголовной ответственности, но применяемых в дополнение к различным формам ее реализации.

Соответствующие правовые последствия совершения общественно опасного деяния закреплены в разделе VI Уголовного кодекса Российской Федерации «Иные меры уголовно-правового характера». Однако его содержание представляется неоднозначным, поскольку ограничено лишь конфискацией имущества, судебным штрафом и принудительными мерами медицинского характера. При этом аналогичные правовые средства, выступающие альтернативой либо дополнением мер уголовной ответственности, сформулированы и в других разделах УК РФ, а также нормах законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Анализ положений уголовного закона об иных мерах уголовно-правового характера позволяет заключить, что содержание корреспондирующего института составляют правовые средства, имеющие акцессорный характер по отношению к мерам, реализуемым в рамках уголовной ответственности. В структуре уголовно-правового воздействия данные меры выполняют роль вспомогательных правовых

средств, применение которых обеспечено силой государственного принуждения. Учитывая тот факт, что Уголовный кодекс Российской Федерации отражает дихотомический подход к определению мер уголовно-правового характера (наказание и иные меры уголовно-правового характера), логично предположить, что легальный перечень рассматриваемых мер должен содержать исчерпывающий комплекс соответствующих акцессорных правовых последствий.

Однако законодатель не завершил формирование перечня иных мер уголовно-правового характера как исчерпывающей совокупности внутренне согласованных, взаимосвязанных, однородных регуляторов. Правовой доктриной до настоящего времени не предложены научно обоснованные подходы к интеграции отличных от уголовной ответственности мер в структуру единой системы, и, как следствие, обособлению соответствующего института Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. В этой связи актуальность приобретает исследование рассматриваемых явлений с позиции общей теории систем.

В юридической литературе не прослеживается консенсус относительно правовой природы иных мер уголовно-правового характера, перечня, оснований, целей и условий их применения. Проблемным видится определение места и роли отличных от уголовной ответственности мер в системе уголовно-правового воздействия. Обращает на себя внимание неопределенность и самой дефиниции «иные меры уголовно-правового характера», которая в нормах закона закреплена на основе исключительно негативного признака (отсутствие свойств наказания) и лишена самостоятельного смыслового значения.

В структуре зарегистрированной преступности в России преобладают преступления небольшой и средней тяжести. Совершение данного вида посягательств в ряде случаев не предполагает обязательного назначения виновным уголовного наказания. Соответственно, необходима оценка эффективности мер, реализуемых вне рамок уголовной ответственности.

Законодательные инициативы, направленные на расширение перечня иных мер уголовно-правового характера, начиная с 2003 г. и до настоящего времени, реализуются достаточно часто и нуждаются в научном анализе.

Таким образом, юридическая наука на современном этапе испытывает потребность в актуализации соответствующей дискуссии на новом уровне путем выработки научно-обоснованной концепции регулирования правоотношений, связанных с регламентацией отличных от уголовной ответственности средств разрешения уголовно-правового конфликта.

При этом аргументация необходимости изменений уголовного закона в целях устранения неясности соответствующих норм предполагает анализ таких правовых категорий как «конкретизация права» и «определенность права», что свидетельствует об актуальности обращения к отдельным научно аргументированным изысканиям в области общей теории права.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Правовым последствиям запрещенного уголовным законом деяния и, в частности, отличном от наказания и уголовной ответственности мерам уделялось внимание в трудах А.А. Арямова, Л.В. Головки, В.И. Горобцова, П.Ф. Гришанина, В.С. Егорова, И.Э. Звечаровского, Л.В. Иногамовой-Хегай, С.Г. Келиной, П.А. Колмакова, Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Ю. Лесникова, Г.В. Назаренко, Ю.Е. Пудовочкина, Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского, В.Д. Филимонова, Н.В. Щедрина и других авторов.

Некоторые проблемы общей теории права, имеющие связь с тематикой настоящего исследования в части определения теоретической базы для формирования научной концепции регламентации и применения мер уголовно-правового воздействия, были раскрыты в трудах И.Ю. Воронова, В.В. Ершова, А.Л. Кононова, С.Ю. Лаврус, где сформировалось теоретически обоснованное понимание системы права, источников и форм права, выработаны алгоритмы обеспечения определенности права, в том числе, посредством конкретизации норм.

При написании диссертационных исследований иные меры уголовно-правового характера исследовались учеными, как в совокупности, так и по

отдельности. Так, диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, защищенные Э.Л. Биктимеровым (2009 г.), К.Н. Карповым (2010 г.), А.А. Павловой (2011 г.), С.А. Корнеевым (2021 г.), в перечень исследовательских целей и задач включали определение места иных мер уголовно-правового характера в структуре уголовного законодательства. Данными авторами были предложены классификации иных мер уголовно-правового характера, установлены критерии эффективности их применения, определены положения зарубежного законодательства, которые могли бы получить отражение в УК РФ.

В диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук, защищенных О.В. Полосухиной (2011 г.), Э.М. Губайдуллиной (2015 г.), С.А. Бурлака (2005 г.), Е.В. Поводовой (2005 г.), С.Ю. Оловенцовой (2010 г.), М.М. Коблевой (2015 г.), И.Н. Тюриной (2016 г.), Ю.А. Герасиной (2013 г.), В.А. Пимоновым (2002 г.), А.Н. Батановым (2004 г.), Н.В. Жарко (2005 г.), А.А. Пропостиным (2010 г.), Д.В. Толковым (2010 г.), А.В. Васеловской (2019 г.), Д.О. Михайловым (2021 г.), С.П. Андреевым (2022 г.) и др., рассматривались отдельные из иных мер уголовно-правового характера: принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф. Результаты, полученные данными авторами, представляют существенный научный интерес для определения направлений развития законодательства в части конкретных уголовно-правовых мер.

В ряде научных изысканий, авторам которых была присуждена ученая степень доктора юридических наук, также рассматривались иные меры уголовно-правового характера. Так, в диссертациях А. А. Нечепуренко (2009 г.) и И. М. Агзамова (2013 г.) научное осмысление получили такие категории, как испытание и условное неприменение наказания. Б.А. Спасенниковым исследованы теоретико-правовые аспекты применения принудительных мер медицинского характера, дана оценка их эффективности (2004 г.); Н.Ю. Скрипченко – совокупность иных мер уголовно-правового характера, применимых к

несовершеннолетним (2013 г.). Данными авторами сформулированы интересные предложения по совершенствованию действующего законодательства, внесен существенный вклад в построение теоретических основ системы иных мер уголовно-правового характера.

Признавая важность проведенных исследований, имеющих большое значение для развития науки уголовного права, необходимо обратить внимание на следующее. Значительная часть выполненных работ связана с исследованием отдельных уголовно-правовых мер и не отражают проблемы в целом института иных мер уголовно-правового характера. В комплексных же исследованиях авторам не в полной мере удалось выработать критерии, определяющие содержание рассматриваемого института, в том числе, не были сформулированы научно-обоснованные признаки интеграции онтологически однородных элементов (уголовно-правовых мер) в целостную систему соответствующих правовых последствий. Кроме того, упомянутые научные исследования имеют существенную давность и их результаты нуждаются в актуализации, особенно с учетом изменившейся законодательной регламентации перечня иных мер уголовно-правового характера в разделе VI УК РФ.

Объект исследования составляет совокупность правоотношений, возникающих в связи с законодательной регламентацией и применением уголовно-правовых мер, обеспеченных силой государственного принуждения и не входящих в объем уголовной ответственности.

Предмет исследования составляют тенденции становления и развития принудительных уголовно-правовых мер, отличных от наказания и уголовной ответственности, в истории отечественного уголовного закона и за рубежом; теоретические проблемы построения и функционирования системы мер уголовно-правового характера с позиций системного подхода и общей теории систем; практика применения конкретных уголовно-правовых мер и ее эффективность; мнение правоприменителей по проблемным вопросам регламентации и применения норм института иных мер уголовно-правового характера; статистические данные, характеризующие динамику применения уголовно-

правовых мер; философская и юридическая литература, имеющая непосредственное отношение к проблемам реализации мер уголовно-правового характера.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является разработка научно обоснованной концепции правового и индивидуального регулирования отношений в сфере регламентации и применения не входящих в объем уголовной ответственности и обеспеченных силой государственного принуждения средств разрешения уголовно-правового конфликта (акцессорных уголовно-правовых мер).

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- определить понятие, признаки, виды акцессорных уголовно-правовых мер;
- раскрыть юридическую природу акцессорных уголовно-правовых мер;
- определить место и роль акцессорных уголовно-правовых мер в системе уголовно-правового воздействия;
- выявить исторические тенденции становления и развития законодательства, регулирующего применение отличных от уголовной ответственности и наказания мер уголовно-правового характера;
- определить социально-правовую обусловленность закрепления акцессорных мер в уголовном законе;
- обосновать возможность рассмотрения акцессорных уголовно-правовых мер в качестве единой системы и представить выводы относительно соответствия совокупности акцессорных мер системным критериям;
- осуществить классификацию акцессорных уголовно-правовых мер и провести юридический анализ каждой из них;
- выработать критерии оценки эффективности применения акцессорных уголовно-правовых мер;
- выявить особенности правового регулирования аналогов акцессорных уголовно-правовых мер в законодательстве зарубежных стран;

- обосновать целесообразность корректировки норм уголовного закона, регламентирующего акцессорные уголовно-правовые меры с целью их систематизации и повышения эффективности применения.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена сочетанием общенаучных и специальных методов познания. К примененным общенаучным методам, в частности, относятся системный, функциональный и логический методы. Использование метода системного анализа позволило предложить системообразующие критерии интеграции онтологически однородных элементов (уголовно-правовых средств) в систему акцессорных мер, а также выявить и обосновать характерные признаки корреспондирующего института Общей части УК РФ. Использование функционального и логического методов оказалось эффективным для разработки непротиворечивых классификаций вариативных и дополнительных мер уголовно-правового характера.

Специфика поставленных в работе целей и задач обусловила применение и таких общенаучных методов исследования как сравнение, аналогия, индукция, дедукция, описание, синтез, а также метода диалектического познания, посредством которого стало возможным оценить динамику изучаемых явлений. Реализация указанных методов, в частности, обеспечила формулировку научных выводов о содержании мер уголовно-правового воздействия, их соотношении с мерами уголовно-правового характера и мерами уголовной ответственности.

Для полноты охвата проблематики использовались такие специальные методы научного познания как историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования, статистический и конкретно-социологический.

При помощи историко-правового и сравнительно-правового методов были выявлены особенности правового регулирования правоотношений, связанных с закреплением отличных от наказания (уголовной ответственности) мер в зарубежном законе в разные исторические периоды, что позволило, в частности, сделать выводы о социально-правовой обусловленности акцессорных уголовно-правовых мер. Применение формально-юридического метода позволило

определить понятие и признаки рассматриваемых мер. Благодаря методу правового моделирования удалось предложить модель заключительного раздела Общей части УК РФ «Акцессорные меры уголовно-правового характера», объединившую все принудительные меры уголовно-правового характера, не входящие в объем уголовной ответственности в силу вариативного либо дополняющего характера. Оперирование социологическим и статистическими методами обеспечило возможность выявить недостатки действующего законодательства применительно к отдельным уголовно-правовым мерам и предложить пути совершенствования норм рассматриваемого института.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых, внесших существенный вклад в развитие правовой науки. В частности, таких авторов, как Ю.М. Антонян, С.С. Алексеев, А.А. Арямов, В.М. Баранов, А.В. Бриллиантов, Л.Д. Гаухман, В.К. Дуюнов, В.В. Ершов, В.А. Жабский, А.А. Жижиленко, В.И. Зубкова, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Г. Кадников, И.И. Карпец, А.П. Козлов, В.С. Комиссаров, Н.Р. Косевич, Л.Л. Кругликов, Н.Ф. Кузнецова, С.И. Курганов, С.В. Максимов, В.Д. Малков, С.Ф. Милюков, А.С. Михлин, А.В. Наумов, А.А. Нечепуренко, И.С. Ной, П.Н. Панченко, Н.И. Пикуров, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло, И.А. Подройкина, С.В. Познышев, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, А.Б. Сахаров, Б.А. Спасенников, О.В. Старков, Н.С. Таганцев, А.Н. Трайнин, С.И. Улезько, В.А. Уткин, А.Л. Цветинович, А.И. Чучаев, М.Д. Шаргородский, В.Ф. Щепельков и др.

Правовая база исследования включает в себя нормы действующего уголовного, уголовно – процессуального, уголовно – исполнительного закона Российской Федерации, уголовные кодексы отдельных зарубежных государств, международные правовые акты, иные правовые акты по теме исследования.

Эмпирическая основа исследования включает в себя: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации по вопросам содержания иных мер уголовно-правового характера; материалы уголовных дел, по которым применялись отдельные иные меры уголовно-правового характера: изучены материалы 700 уголовных дел, судебных

решений, размещенных на сайтах судов и в государственной автоматизированной системе «Правосудие», рассмотренных в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Томской, Омской и Новосибирской областях, Краснодарском крае; результаты проведенного в период с 2018 по 2023 годы социологического опроса 412 человек - правоприменителей различных целевых групп (112 следователей, 89 сотрудников прокуратуры, 102 судей, 109 адвокатов, работающих в различных регионах России: городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Республике Карелия, Воронежской, Томской, Омской и Новосибирской областях, Краснодарском крае); данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по вопросам диссертационного исследования; результаты эмпирических исследований, полученные другими авторами при разработке родственной проблематики.

Научная новизна исследования. На монографическом уровне разработка концепции правового и индивидуального регулирования отношений в сфере регламентации и применения не входящих в объем уголовной ответственности принудительных мер, направленных на разрешение уголовно-правового конфликта, проведена впервые.

Рассмотрение иных мер уголовно-правового характера и мер уголовной ответственности через призму общенаучной и логико-методологической концепции исследования объектов, представляющих собой системы, позволило аргументировать оригинальный вывод, в соответствии с которым иные меры уголовно-правового характера обеспечивают разграничение принудительного сегмента уголовно-правового воздействия и имеют акцессорный характер по отношению к мерам уголовной ответственности.

В целях обеспечения большей степени определенности права в части изложения соответствующих предписаний уголовного закона диссертантом выработаны новые дефиниции: «акцессорные», «вариативные» и «дополнительные» меры, изучение которых наполнило правовую доктрину и открыло новый взгляд на содержание института иных мер уголовно-правового характера.

Конкретизация соответствующих норм predeterminedли возможность на новом качественном уровне интегрировать онтологически однородные элементы (вариативные и дополнительные меры) в систему аксессуарных мер. Выявленные автором признаки рассматриваемых мер позволили сформулировать отличный от предлагавшихся ранее подход к формированию перечня уголовно-правовых средств, относимых к иным мерам уголовно-правового характера. Отдельные признаки рассматриваемых мер, в частности, их некарательный характер, получили новое содержание, отличающееся от сложившегося в доктрине.

Подход к систематизации аксессуарных мер на основе разработанных диссертантом системообразующих признаков (утилитарные меры уголовно-правового характера социально-компенсирующей направленности, не входящие в объем уголовной ответственности) обеспечил построение целостной системы аксессуарных мер с включением в ее состав элементов, формально подведомственных системам других институтов Общей части УК РФ, а также закона о профилактике правонарушений несовершеннолетних. В результате исследование отдельных мер уголовно-правового характера на уровне диссертации проводилось впервые.

При исследовании места и роли аксессуарных мер в системе уголовно-правового воздействия предложены новые подходы к определению и дифференциации мер уголовно-правового воздействия, а также корректирующих и сопутствующих их реализации средств. Также в работе представлена система критериев эффективности исследуемых мер, ранее не встречавшаяся на страницах юридической печати.

Программа реформирования иных мер уголовно-правового характера соответствует критерию новизны, поскольку разработанная автором теоретическая модель заключительного раздела Общей части УК РФ охватывает весь комплекс аксессуарных мер, не входящих в объем уголовной ответственности в силу вариативного либо дополняющего характера, с учетом актуальных оригинальных предложений по совершенствованию каждой из них.

Научная новизна диссертационного исследования также конкретизируется в основных положениях, выносимых на защиту.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование феномена предусмотренных в законе «иных мер уголовно-правового характера» эффективно прежде всего в рамках единой, развивающейся системы правовых последствий совершения общественно-опасных посягательств. Концептуально данные меры обеспечивают разграничение принудительного сегмента уголовно-правового воздействия и имеют акцессорный характер по отношению к мерам, применяемым в рамках уголовной ответственности.

Учитывая обусловленную природой права необходимость непрерывного движения от меньшей степени определенности права к большей степени определенности, конкретизация дефиниции «иные меры уголовно-правового характера» в «акцессорные меры уголовно-правового характера» является необходимой предпосылкой для обеспечения действительности правового регулирования и эффективности правореализационной практики.

Акцессорными являются вспомогательные связанному с реализацией уголовной ответственности ресурсу уголовно-правового воздействия некарательные меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

2. Акцессорные уголовно-правовые меры являются вариативной формой реализации принудительного сегмента уголовно-правового воздействия, исключая уголовную ответственность, либо дополняют объем уголовно-правового воздействия в случаях привлечения лица к уголовной ответственности или освобождения от нее.

Учитывая тезис о достижимости определенности права в процессе конкретизации норм дифференциация в уголовном законе акцессорных мер на вариативные и дополнительные меры обеспечит ожидаемость и стабильность регулирования отношений, связанных с регламентацией отличных от уголовной ответственности правовых последствий, реализуемых в связи с совершением общественно опасного деяния.

3. Вариативными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключая реализацию уголовной ответственности, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

К вариативным уголовно-правовым мерам относятся:

- принудительные меры медицинского характера, реализуемые в стационарных условиях;
- судебный штраф;
- принудительные меры воспитательного воздействия, реализуемые при освобождении от уголовной ответственности;
- помещение несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

4. Критериями, характеризующими социально-правовую обусловленность вариативных уголовно-правовых мер, являются:

- в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законе всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния;
- отсутствие необходимости реализации уголовной ответственности ввиду специфики отдельных общественно опасных посягательств;
- необходимость отражения индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особыми характеристиками;
- способность вариативных форм уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами целей;
- социальный запрос на законодательное закрепление способов принудительного уголовно-правового воздействия, исключая уголовную ответственность.

5. В целях обеспечения реализации принципа экономии репрессии при выборе меры уголовно-правового воздействия в рамках индивидуального

судебного регулирования необходимо в положениях уголовного закона и разъяснениях высших судебных инстанций отразить следующий алгоритм правоприменительной деятельности: в отсутствие оснований для освобождения лица от уголовной ответственности применению подлежит акцессорная вариативная мера при условии соответствия специфики деяния и лица, его совершившего, установленным требованиям; привлечение лица к уголовной ответственности допустимо только в случае признания невозможности достижения целей уголовно-правового воздействия путем применения акцессорных вариативных мер с приведением мотивов принятого решения.

6. Дополнительными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с мерами уголовной ответственности либо мерами, исключающими уголовную ответственность, в связи с совершением общественно опасного деяния.

К дополнительным мерам уголовно-правового характера относятся:

- конфискация имущества;
- принудительные меры медицинского характера, реализуемые в амбулаторных условиях;
- возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

7. Критериями, характеризующими социально-правовую обусловленность дополнительных мер уголовно-правового характера, являются:

- в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законодательстве всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния;
- недостаточность мер уголовной ответственности либо мер, направленных на освобождение от уголовной ответственности, для достижения целей уголовно-правового воздействия;
- необходимость отражения в законодательстве индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными

особенными характеристиками, а также лиц, совершивших общественно опасные посягательства определенной специфики;

- способность дополнительного уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами целей;

- социальный запрос на законодательное закрепление дополнительных уголовно-правовых последствий общественно опасного деяния.

8. В зависимости от соотношения с уголовной ответственностью меры уголовно-правового воздействия дифференцируются на два типа мер: связанные с реализацией уголовной ответственности и акцессорные уголовно-правовые меры. Связанные с реализацией уголовной ответственности меры включают в себя меры освобождения от уголовной ответственности и меры привлечения к уголовной ответственности, которые, в свою очередь, делятся на меры привлечения к уголовной ответственности с назначением и без назначения наказания. Акцессорные уголовно-правовые меры дифференцируются на вариативные и дополнительные меры. Вариативные меры исключают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности. Дополнительные меры сопровождают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности, а также отдельных вариативных мер.

9. Некарательное свойство является имманентным признаком акцессорных уголовно-правовых мер.

Некарательное свойство вариативных мер уголовно-правового характера проявляется в том, что данные меры по степени правоограничений уступают той форме реализации уголовной ответственности, по отношению к которой они выступают вариативной формой разрешения уголовно-правового конфликта.

Некарательное свойство дополнительных мер уголовно-правового характера проявляется в том, что данные меры предполагают возложение на адресата применения ограничений в правах, реализация которых либо не подлежит защите в силу закона, либо затрагивает сферу жизнедеятельности, где лицу необходима помощь.

10. Разнонаправленная специфика реализации аксессуарных уголовно-правовых мер в рамках лечебной, воспитательной, имущественной коррекции обуславливает отсутствие комплекса универсальных целей норм соответствующего института.

Принудительно-некарательное свойство, а также дифференцированное целеполагание аксессуарных мер определяет их самостоятельное место в структуре уголовно-правового воздействия. Сочетание названных признаков является уникальным и отграничивает сферу реализации аксессуарных мер от наказания и видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

11. Совокупность аксессуарных мер является открытой системой онтологически однородных элементов, объединенных на основе следующих системообразующих признаков: каждый элемент системы является утилитарной мерой уголовно-правового характера социально-компенсирующей направленности, не входящей в содержание уголовной ответственности.

Система аксессуарных уголовно-правовых мер является целостным образованием, имеет достаточную плотность системных связей между ее элементами, входит в надсистему более высокого порядка - систему мер уголовно-правового характера, выступающую подсистемой мер уголовно-правового воздействия.

12. Системой аксессуарных мер является обусловленное развитием внешней среды и выстроенное по функциональному принципу постоянное множество взаимосвязанных элементов (не входящих в содержание уголовной ответственности принудительных уголовно-правовых мер), разделенное на две подсистемы вариативных и дополнительных мер, нормативное отражение которых имеет место в положениях Общей части УК РФ, а социальное – в конкретных общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния и необходимостью применения к нему мер уголовно-правового воздействия, сочетающих принудительно-некарательные начала.

13. Элементы системы акцессорных мер имеют следующие типы системных связей:

- внешние обратные связи, обеспечивающие возможность коррекции акцессорных мер в процессе индивидуального судебного регулирования соответствующих отношений;

- внешние координационные связи между акцессорными мерами и другими подсистемами уголовно-правового воздействия (наказанием, освобождением от уголовной ответственности или наказания), которые проявляются в нормах Общей части УК РФ, ориентирующих правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной формы реагирования на общественно опасное деяние;

- внутренние координационные связи между подсистемами, образующими систему акцессорных мер, взаимообуславливающие выбор соответствующей меры, которые проявляются в нормах Общей части УК РФ, ориентирующих правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной акцессорной меры уголовно-правового характера при наличии возможных альтернатив либо совокупности мер;

- реординационные связи между элементами системы акцессорных мер и внешними системами медицинского права, закона о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые проявляются в нормах, обеспечивающих соответствующее межсистемное взаимодействие.

14. В целях завершения формирования в уголовном законе института акцессорных мер как совокупности внутренне согласованных, взаимосвязанных и однородных регуляторов, правовые последствия совершения общественно опасного деяния, имеющие признаки вариативных и дополнительных уголовно-правовых мер, необходимо закрепить в одном разделе УК РФ, что обеспечит единообразное понимание их правовой природы, а также последовательность и непротиворечивость правового регулирования, при котором в разделе III Общей части УК РФ устанавливается исчерпывающий перечень наказаний, а в разделе VI будут консолидированы все акцессорные меры.

15. Эффективность применения аксессуарных уголовно-правовых мер основывается на показателях индивидуального судебного регулирования соответствующих отношений. Критерии эффективности применительно к вариативным и дополнительным мерам необходимо оценивать дифференцированно.

Эффективность применения вариативных уголовно-правовых мер определяется максимальным снижением вероятности совершения повторного общественно опасного деяния после применения меры с минимальными правоограничениями, налагаемыми на адресата.

Эффективность применения дополнительных уголовно-правовых мер определяется максимальным достижением целей мер уголовно-правового воздействия, реализацию которых они сопровождают, путем разрешения автономных задач лечебной направленности либо имущественной коррекции правового статуса адресата.

Теоретическая значимость исследования определяется перспективами использования его результатов в дальнейших научных изысканиях, предметом которых будет исследование проблем регламентации и применения иных мер уголовно-правового характера. Выявленные в работе системные связи в структуре аксессуарных мер уголовно-правового характера будут востребованы при исследовании родственных тематик: уголовно-правовое воздействие, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера и др.

Предложения о совершенствовании действующего законодательства позволяют актуализировать научную дискуссию о соотношении наказания, иных мер уголовно-правового характера, мер освобождения от уголовной ответственности и наказания, возможности уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Результаты диссертационного исследования, представляющие комплексную концепцию правового и индивидуального регулирования отношений в сфере регламентации и применения не входящих в объем уголовной ответственности и обеспеченных силой государственного принуждения средств разрешения

уголовно-правового конфликта, выступают катализатором научного поиска новых направлений повышения эффективности средств противодействия преступности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в нормотворческой деятельности при совершенствовании действующего законодательства, что особенно актуализируется во взаимосвязи с перспективой дифференциации в структуре общественно опасных деяний преступлений и уголовных проступков.

Отдельные положения диссертации будут полезными в процессе подготовки постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и востребованными в правоприменительной деятельности при решении вопроса о необходимом объеме уголовно-правового воздействия по конкретным уголовным делам. Результаты исследования имеют потенциал для использования в педагогическом процессе при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Степень достоверности и обоснованности научных выводов и предложений. Достоверность и обоснованность результатов обеспечивается методологией исследования, соответствующей его предмету, целям и задачам, и подтверждается широким перечнем доказавших свою состоятельность теоретических источников, соответствующих избранной тематике, а также репрезентативностью использованных материалов судебной практики, результатов социологического опроса, статистических исследований, непротиворечивостью сформулированных выводов и предложений, результатами их апробации.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения диссертации и основные предложения по совершенствованию действующего законодательства в области применения отличных от уголовной ответственности принудительных мер уголовно-правового характера изложены в одной монографии, тридцати трех публикациях, двадцать семь из которых размещены в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Выводы исследования докладывались на Шестой всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (г. Москва, 21 ноября 2018 г.); Круглом столе «Возмещение вреда в уголовном процессе» (г. Томск, 30 января 2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (г. Томск, 02 февраля 2019 г.); Межвузовской отчётной научно-практической конференции «Парадигма современного права: вопросы теории и правоприменения» (г. Томск, 12 апреля 2021 г.); Всероссийском научном круглом столе «Меры уголовно-правового характера: проблемы теории и практики» (г. Москва, 21 мая 2021 г.); Международном научно-практическом семинаре «Международные аспекты защиты прав ребенка. Практика применения Гаагской конвенции 1980 года» (г. Томск, 15 июня 2021 г.); Международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги – University law dialogues» (г. Челябинск, 24 марта 2022 г.), Научно-практической конференции «Судебная защита прав личности в уголовном судопроизводстве» (г. Москва, 13 апреля 2022 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Iustitia – fundamentum regni / Правосудие – основа государства» (г. Томск, 3 июня 2022 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Конституционные основы правосудия: опыт, тенденции, перспективы» (г. Томск, 27 октября 2022 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Судебная власть в России (к 100-летию Верховного Суда РФ» (г. Нижний Новгород, 9 ноября 2022 г.), Всероссийском круглом столе «Актуальные проблемы формирования антикоррупционной правовой политики в современной России» (г. Ростов на Дону, 6 декабря 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве» (г. Симферополь, 12 декабря 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (г. Томск, 26 января 2023 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы реализации прав и свобод человека и гражданина в судебной практике Верховного

Суда Российской Федерации» (г. Краснодар, 7 февраля 2023 г.), Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием «Судебная власть на защите прав и интересов личности, общества, государства (к 100-летию юбилею Новосибирского областного суда)» (г. Новосибирск, 3 марта 2023 г.), Национальной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации «Эффективность современного законодательства: вопросы теории и практики» (г. Иркутск, 16 марта 2023 г.).

Результаты работы внедрены в образовательный процесс ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». Прикладные рекомендации, сформулированные в работе, используются в практической деятельности судей Томского областного суда.

Материалы исследования применяются Законодательной Думой Томской области при подготовке и при рассмотрении проектов законов о внесении поправок соответствующей направленности в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Структура работы определяется ее целями и поставленными для их достижения задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, объединяющих 14 параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН АКЦЕССОРНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

§ 1.1. Акцессорные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки, виды

Способами решения задач Уголовного кодекса РФ, а именно охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественной безопасности и общественного порядка, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечения мира и безопасности человечества, предупреждения преступлений, названы установление видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Выделяя наиболее важные группы общественных отношений, отсутствие уголовно-правовой охраны которых не представляется возможным¹, законодатель изначально ориентирует правоприменительную деятельность на то, что наказание (наиболее интенсивная мера государственного принуждения) не является единственным средством защиты общества от преступлений или единственным способом недопущения совершения преступлений.

Появление в уголовном законодательстве категории «иные меры уголовно-правового характера» как второй самостоятельной колеи правовых последствий совершения общественно опасного деяния привело к наличию не разрешенных, по сей день дискуссий относительно ее содержания. В частности, А.И. Чучаев, А.П. Фирсова справедливо обращают внимание на «ограниченный гносеологический потенциал» дефиниции «меры уголовно-правового характера»². А.С. Пунигов полагает, что данный термин слишком объемный и потому не позволяет строго определить сферу применения отдельных из них³. Отсутствие единства в понимании категории «мера уголовно-правового характера» логично

¹ Коробеев А.И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний. Хабаровск, 1986. С. 15.

² Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex Russica. – 2008. – № 6. – С. 1330–1346.

³ Пунигов А.С. Меры уголовно-правового характера: проблемы определения понятия // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 458–466.

предрешает наличие неопределенности и в отношении круга «иных» мер уголовно-правового характера.

Недосказанность законодателя относительно понятия, классификации, целей иных мер уголовно-правового характера обуславливает возникновение коллизий в уголовном законодательстве применительно к статусу отдельных уголовно-правовых средств, не являющихся наказанием, но формально не отнесенных и к иным мерам.

Решение названных проблем затруднено низкой информативностью названия самой дефиниции «иные меры уголовно-правового характера», которая в нормах закона сконструирована на основе негативного признака (отсутствие свойств наказания) и лишена самостоятельного смыслового значения. В этой связи полагаем, что для раскрытия специфики исследуемого феномена необходим поиск отличительных сущностных свойств соответствующих мер, которые могли бы рассматриваться в качестве позитивных признаков интеграции отличных от наказания мер уголовно-правового характера в единую систему.

При этом основу построения качественной теории должен быть положен надлежащий тип правопонимания. В настоящее время в научной литературе правопонимание развивается на основе классических монистических подходов, в частности естественно-правового, позитивистского, философского и др. Однако, как представляется, именно «научно обоснованная концепция интегративного правопонимания»¹, позволяющая рассматривать право в его единстве и многообразии, как сложный социальный феномен, обеспечивает надлежащую первооснову формирования положений, в том числе, уголовно-правовой доктрины.

Обозначенная концепция основана на интеграции в систему права онтологически однородных элементов (принципов и норм права), содержащихся в единой многоуровневой системе форм национального и международного права. Подход, заложенный данным типом правопонимания, считаем прогрессивным и отчасти приложимым к исследованию вопросов уголовно-правовой тематики. В

¹ См. более подробно: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 54-82.

частности, при определении сущности иных мер уголовно-правового характера важна их оценка в контексте единой, развивающейся системы правовых последствий совершения общественно-опасных посягательств, содержащихся как непосредственно в УК РФ, так и, возможно, правовых актах иной отраслевой принадлежности.

Анализ положений раздела VI УК РФ позволяет заключить, что содержание института иных мер уголовно-правового характера составляют правовые средства, имеющие акцессорный характер по отношению к мерам наказания (мерам уголовной ответственности). Исторический аспект становления в отечественном законодательстве отличных от наказания способов воздействия на преступников, о чем мы более подробно укажем далее, свидетельствует, что иные меры уголовно-правового характера по мере появления в тексте уголовного закона последовательно обеспечивали дифференциацию принудительного сегмента уголовно-правового воздействия. С течением времени наказание методично утрачивало статус единственно возможной реакции государства на совершение общественно опасного деяния, поскольку появлялись средства иного принципа действия.

Соответственно, полагаем, что рассматриваемые меры в структуре уголовно-правового воздействия выполняют роль вспомогательных, дополняют арсенал средств принудительно – порицательной направленности особым типом реакции на общественно опасное поведение, обеспеченной силой государственного принуждения, но при этом не несущим порицания лица от имени государства. В этой связи конкретизация дефиниции «иные меры уголовно-правового характера» в «акцессорные меры уголовно-правового характера» обеспечит надлежащее, более точное отражение в нормах закона их правовой сущности.

Учитывая изложенное, практически необходимым считаем взаимосвязанное исследование акцессорных мер уголовно-правового характера и мер уголовной ответственности как парных категорий, содержание которых входит в содержание категории «мера уголовно-правового характера», но не ограничивается ей.

Термин «категория» означает наиболее общее понятие, отражающее существенные, всеобщие свойства, закономерные связи и отношения явлений действительности и познания¹. Термин «пара» означает «два однородных предмета, вместе употребляемые и составляющие целое»². Согласимся с тем, что построенная методом восхождения от абстрактного к конкретному общая теория права как целостная система должна представлять собой совокупность диалектических пар – противоположных понятий, приведенную в состояние органического взаимодействия, посредством множества операций их (пар) определения³. При таком подходе представляется теоретически обоснованным исследование акцессорных мер и мер уголовной ответственности как разнообразных, но с объективной необходимостью взаимодействующих и взаимосвязанных диалектических пар.

Однородный характер акцессорных мер и мер уголовной ответственности обусловлен характерным для уголовного права принудительным содержанием данных правовых средств, что не свойственно каким-либо иным уголовно-правовым регуляторам. Одновременно, противоположный характер рассматриваемых мер связан с оценкой карательных свойств, соотношением правоограничений и другими параметрами, о которых более подробно будет изложено в другой части исследования.

Далее, исходя из содержания раздела VI Общей части УК РФ, объединившего такие инструменты как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, можно заключить, что «вторая колея» правовых последствий совершения преступления (общественно опасного деяния) включает меры, применяемые в дополнение к реализуемым мерам уголовной ответственности либо в качестве альтернативы уголовной ответственности, а точнее, в качестве вариативной формы уголовно-правового

¹ Новейший философский словарь. Минск, 2001. С. 481.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 450.

³ Нырков В.В. Роль парных юридических категорий в процессе восхождения от абстрактного к конкретному // Право и политика. 2003. №2. С.19.

воздействия, исключаящей реализацию уголовной ответственности в форме осуждения виновного (как с назначением наказания, так и без такового).

Мы сознательно используем формулировку, что иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера являются альтернативой либо дополнением не наказания, как это преимущественно представлено на страницах юридической печати¹, а именно реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного (с назначением либо без назначения наказания). Подобное уточнение считаем существенным, поскольку оно позволяет наиболее полно раскрыть специфику применения акцессорных мер, в том числе, с учетом положений ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

К примеру, сказать, что такая мера как судебный штраф выступает альтернативой именно наказанию, будет не совсем точным, поскольку в случае ее не реализации и продолжения уголовного преследования исход дела может заключаться в вынесении обвинительного приговора и без назначения наказания. В частности, при применении принудительных меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

Принудительные меры медицинского характера могут быть, во-первых, назначены в качестве альтернативы таким формам реализации уголовной ответственности как вынесение обвинительного приговора с назначением наказания либо без его назначения (пункты 2, 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ), во-вторых, могут дополнять объем уголовной ответственности при осуждении виновного (п. а, ч. 1, ст. 99 УК РФ).

Конфискация имущества может быть, во-первых, назначена в дополнение к таким формам реализации уголовной ответственности как вынесение обвинительного приговора с назначением наказания либо без его назначения (пункты 2, 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ), во-вторых, решение о применении конфискации

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов [и др.] / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017. 384 с; Акутаев Р.М., Юсупов М.Ю. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 25; Власов И.С., Голованова Н.А., Гравица А.А. [и др.] Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018. 280 с.

имущества может быть принято в случае прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17)¹. Во втором случае конфискацию имущества сложно отнести к альтернативной уголовной ответственности мере, поскольку она применяется не вместо уголовной ответственности, а скорее независимо от ее реализации. В случае прекращения уголовного дела (уголовного преследования) конфискация имущества в большей степени выступает дополняющим уголовно-правовое воздействие инструментом.

Как было отмечено выше, формулировки «иные меры» без какой-либо детализации в законодательстве признаков рассматриваемых мер недостаточно для уяснения их сущности. Предложив конкретизацию термина «иные меры» в «аксессуарные меры», мы сделали первый шаг, направленный на обеспечение определенности права в части концептуального понимания сущности рассматриваемых правовых средств. Однако, полагаем, что для решения названной проблемы необходимо еще больше конкретики. При раскрытии правовой природы иных мер уголовно-правового характера, помимо отражения их специфики в части соотношения с системой наказаний и обозначения роли данных правовых средств в целом в системе уголовно-правового воздействия, важно вычлениить признаки, характеризующие их внутреннее содержание.

Сложившиеся правила юридической техники предполагают, что правовая терминология должна отвечать определенным требованиям: точности в обозначении того или иного понятия; единства его восприятия, а также однозначности, краткости, ясности и простоты². Именно с помощью соотнесения грамматического, логического смысла нормы с ее целью можно добиться того,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 22.06.2018. № 134 (7597).

² Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 183–193.

чтобы правовая форма активно способствовала развитию регулируемых отношений¹.

Полностью согласны с утверждением профессора В.В. Ершова, что право ничтожно вследствие его неопределенности (voidforvagueness); объективная необходимость непрерывного движения от неопределенности права к определенности права обусловлена его социальной природой как равной меры свободы в пределах несвободы, установленной правотворческими органами и лицами для участников динамических правоотношений².

Движение от неопределенности содержания права к его определенности осуществляется посредством конкретизации³. Правотворческая конкретизация - это объективно обусловленная, закономерная деятельность компетентных органов по установлению норм права, осуществляемая с помощью уменьшения объема понятий общей абстрактной нормы на основе расширения их содержания с целью повышения точности и определенности правовой регламентации общественных отношений⁴.

Представленный выше анализ позволяет выявить отличительные свойства, присущие иным мерам уголовно-правового характера, напрямую указанным законодателем в качестве таковых. Признаками иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера можно назвать их «дополнительность» либо «альтернативность» по отношению к формам реализации уголовной ответственности. При этом «альтернативный» характер рассматриваемых мер в чистом виде сложно признать наличествующим, поскольку, как представляется, судебское усмотрение не связано с возможностью применить либо меру уголовной ответственности, либо акцессорную меру по произвольному решению правоприменителя. Задача суда – выбрать единственно верный и подходящий к

¹ Насырова Т.Я., Лазарев В.В. Телеологическое толкование советского права и нормотворчества // Правоведение. – 1988. – № 2. – С. 27–28.

² Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 41.

³ Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 32–44.

⁴ Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988. С. 85.

фактическим обстоятельствам дела вариант разрешения уголовно-правового конфликта. И в этом смысле каких-либо альтернатив, с нашей точки зрения, быть не может.

Соответственно, наиболее удачной будет интерпретация рассматриваемых средств не в качестве альтернативы, применяемой «вместо» наказания, а в качестве правовых последствий, инкорпорированных в систему уголовно-правового воздействия «вместе» с наказанием и выступающих вариативной формой реализации принудительного сегмента уголовно-правового воздействия, исключая уголовную ответственность.

В этой связи полагаем, что «абстрактную» регламентацию иных мер уголовно-правового характера важно именно на уровне закона привести в более конкретное состояние. Иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера необходимо законодательно дифференцировать на вариативные и дополнительные меры, что обеспечит соблюдение требований правовой определенности права и однозначности правового регулирования отношений, связанных с установлением отличных от наказания уголовно-правовых средств, применяемых в связи с совершением общественно опасного деяния.

Далее, представляется, что фактически круг вариативных и дополнительных мер не ограничен напрямую указанными в разделе VI УК РФ правовыми средствами и включает в себя некоторые другие правовые инструменты. В этой связи важно отграничить от акцессорных мер уголовно-правового характера: меры, относящиеся к элементам системы наказаний, освобождения от наказания, освобождения от уголовной ответственности, судимости и др. С нашей точки зрения, все указанные правовые институты пересекаются в общей (рядоположенной) категории «уголовно-правовое воздействие», но имеют принципиальные отличия между собой в целом и от акцессорных мер уголовно-правового характера, в частности. Решение этой задачи осложняется тем, что в нормах Общей части УК РФ имеются внутренние противоречия.

Весьма проблематичным является статус условного осуждения, которое, следуя логике законодателя, требуется рассматривать в системе норм,

регулирующих порядок назначения наказания. С одной стороны, это справедливо и соответствует положениям ст. 60 УК РФ. С другой стороны, поскольку испытание при условном осуждении охватывает выполнение осужденным ряда обязанностей, назначаемых судом, правоотношение по исполнению условного осуждения приобретает длящийся характер и сближается с правоотношениями в сфере исполнения наказания. Однако с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ необходимо отметить, что исполнение наказания имеет место только тогда, когда осужденный пребывает в месте отбывания наказания¹. В силу ст. 74 УК РФ возможна отмена условного осуждения и обращение приговора к исполнению. Это сближает условное осуждение с правовым режимом отсрочки отбывания наказания, однако, не в полном объеме. При условном осуждении субъект состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции, контролирующей его поведение, и до тех пор, пока он надлежащим образом соблюдает возложенные обязанности, течет испытательный срок. При отсрочке отбывания наказания этого не происходит.

Вызывает сомнения статус принудительных мер воспитательного воздействия. Регламентируя их в гл. 14 УК РФ, законодатель исходил, очевидно, из того, что они применимы исключительно к несовершеннолетним субъектам. Это отчасти справедливо (хотя ст. 96 УК РФ допускает искусственное «продление» пребывания лица в статусе юридически несовершеннолетнего), однако не в полной мере учитывает содержание данных мер.

Отсутствует баланс между правовой характеристикой судебного штрафа в ст. 76.2 УК РФ как вида освобождения от уголовной ответственности и его статусом как иной меры уголовно-правового характера в главе 15.2 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба или иного заглаживания вреда выступает в данном случае своеобразной льготой, применяемой судом в тех случаях, когда он признает, что лицо совершило эти

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 5-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Российская газета. 07.04.2016. № 73 (6941).

действия и тем самым продемонстрировало низкую степень общественной опасности. В то же время, исключительно судебный порядок наложения судебного штрафа отграничивает его от иных видов освобождения от ответственности, применяемых другими субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу. Фактически статус судебного штрафа дифференцирован в рамках двух самостоятельных уголовно-правовых институтов.

Недостаточно ясности относительно критериев соотношения акцессорных мер уголовно-правового характера с некоторыми видами освобождения от наказания (в частности, условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью и др.), а также с заменой назначенного наказания более строгим (например, при злостном уклонении от уплаты штрафа, отбывания обязательных или исправительных работ).

Представляется, что отправной точкой в проведении водораздела между схожими исследуемыми правовыми инструментами является обретение определенности в понимании категории «мера уголовно-правового характера», отсутствие которого не позволяет решить высокодискуссионную проблему «иных мер уголовно-правового характера»¹ и перейти на новый уровень исследования, усматривая в совокупности качества, не свойственные отдельным составляющим².

Из формулировки ч. 2 ст. 2 УК РФ «...наказание и иные меры уголовно-правового характера...» можно заключить, что категория «мера уголовно-правового характера» является более широкой по смыслу и, помимо наказания, охватывает «иные», то есть отличные от него правовые средства. Соответственно, понятие «мера уголовно-правового характера» является родовым и по отношению к понятию наказания, и по отношению к понятию иных мер уголовно-правового характера³.

¹ Лопашенко Н. А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 10.

² Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex Russica. – 2008. – № 6. – С. 1330–1346.

³ Долгополов К.А., Магомедов Г.Б. Применение иных мер уголовно-правового характера: теоретические аспекты // Власть Закона. – 2017. – № 1. – С. 117–124.

В литературе под мерами уголовно-правового характера предлагается, в частности, понимать предусмотренные уголовным законом меры государственного принудительного воздействия на лицо, совершившее общественно опасное деяние¹. Согласно другому определению меры уголовно-правового характера – это определяемые за совершение общественно опасных деяний (за исключением принудительных мер медицинского характера, которые назначаются лицам, нуждающимся в таком лечении), меры государственного принуждения либо меры, не являющиеся государственным принуждением (насилием), однако основанные на угрозе реального применения государственного принуждения². Рассматриваемые меры понимаются также как установленные уголовным законом принудительные меры воздействия, применяемые к лицам за совершение преступлений, в целях охраны общественных отношений и предупреждения преступной деятельности³.

По мнению ученых, любая мера уголовно-правового характера является мерой государственного принуждения⁴, применяемой помимо воли осужденного и обеспеченной деятельностью государственных органов. Общим для уголовно-правовых мер является то, что они реализуются в принудительном порядке: их назначают и исполняют соответствующие, уполномоченные на то государственные институты⁵.

Вместе с тем, наличие принудительного элемента в структуре мер уголовно-правового характера воспринимается в литературе неоднозначно. В одной из своих работ профессор С.И. Курганов указал, что принуждение свойственно лишь наказанию, в то время как альтернативные меры – любой вид освобождения от наказания или от его отбывания – не являются мерами принуждения, поскольку не

¹ Доктринальные и законодательные понятия в уголовном праве России: учеб. пособие: В 7 т. / под ред. Г.И. Чечеля. Ростов н/Д, 2013. Т. 2 (И - М). 325 с. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_21310564_38547646.pdf (дата обращения: 27.03.2019).

² Колосовский В.В. Понятие и виды мер уголовно-правового характера // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 29. – С. 44–49.

³ Пунигов А.С. К вопросу о понятии «меры уголовно-правового характера» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 291.

⁴ Розенко С.В. Эволюция наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 51.

⁵ Крастиньш У.Я. Системность и иные уголовно-правовые меры принудительного воздействия // Системность в уголовном праве: материалы II российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 216–217.

влекут наступления неблагоприятных правовых последствий для виновного лица¹. Относительно данной позиции позволим себе высказать два уточнения. Во-первых, с нашей точки зрения, к мерам государственного принуждения верно относить как меры, само содержание которых сводится к принуждению, так и меры, потенциально обеспеченные государственной принудительной реализацией. Во-вторых, не очевидным представляется рассмотрение таких инструментов как освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания в качестве мер уголовно-правового характера.

Наиболее подходящим значением слова «мера» в уголовном праве стоит признать «средство осуществления чего-нибудь». В свою очередь под «средством» верно понимать «прием, способ действия для достижения чего-нибудь»². Соответственно, уголовно-правовая мера – это определенный способ действия со стороны государства в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. При этом указание на «уголовно-правовой» характер меры предопределяет вывод о необходимости закрепления исчерпывающего перечня соответствующих способов реагирования в нормах уголовного законодательства.

Под «характером» понимается отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь³. Поэтому меры уголовно-правового характера должны охватывать такие способы воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния, в которых проявляется главное отличительное свойство уголовного права, отражена его особенность. Можем ли мы утверждать, что, к примеру, при освобождении лица от уголовной ответственности проявляется эксклюзивная черта уголовного права, отражающая в целом его характер? Является ли отличительной характеристикой исходного перечня правовых средств, применяемых в связи совершением общественно опасного деяния, возможность проявления снисхождения к лицу, его совершившему? Полагаем, что нет.

С нашей точки зрения, наиболее выраженным базовым отличительным свойством уголовного права является возможность реализации в отношении лиц,

¹ Курганов С.И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 61.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 350.

³ Там же. С. 388.

совершивших преступление (общественно-опасное деяние), мер государственного принуждения (наказаний и иных мер уголовно-правового характера), которые имеют по сравнению с правовыми последствиями иных отраслей права большую степень интенсивности. Полагаем, что именно подобное понимание характера уголовного права обуславливает интуитивное представление ученых о мере уголовно-правового характера как мере, соотносимой с принуждением¹. Соответственно, мера уголовно-правового характера – некий способ реагирования, всегда обеспеченный государственным принуждением и, как правило, носящий правоограничительный характер.

Более того, считаем верным утверждать о наличии в уголовном законодательстве презумпции, в соответствии с которой последствием совершения общественно-опасного деяния является применение мер государственного принуждения. Исходная идея в том, что нарушение уголовного закона предполагает ответную реакцию государства, в первую очередь, в форме принуждения, о чем, как представляется, свидетельствует и базовая норма ч. 2 ст. 2 УК РФ, где «за совершение преступлений» не обозначается перспектива, к примеру, освобождения от уголовной ответственности, а предусматриваются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Именно в этом, как представляется, проявляются основная отличительная черта (характер) уголовного права.

Учитывая тот факт, что уголовный закон в качестве реакционной основы предусматривает двухколейную систему правовых последствий совершения общественно опасного деяния (мер уголовно-правового характера), то наказание и акцессорные меры уголовно-правового характера, к которым, как было отмечено выше, относятся вариативные и дополнительные меры, должны рассматриваться исключительно как уголовно-правовые средства, обеспеченные принудительным потенциалом.

Данный вывод позволяет отграничить меры уголовно-правового характера от других мер уголовно-правового воздействия, не обеспеченных принуждением (к

¹ Курганов С.И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 61.

примеру, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки), которые подлежат применению при опровержении указанной презумпции, в том числе, когда материалы уголовного дела свидетельствуют о низкой общественной опасности лица, совершившего преступление, его позитивном посткриминальном поведении и др.

При этом обеспеченные силой государственного принуждения меры уголовно-правового характера не всегда выступают в качестве форм реализации уголовной ответственности (в частности, при реализации судебного штрафа, принудительных медицинских мер). В этой связи мнение ученых, согласно которому «анализ признаков мер наказания и признаков мер уголовно-правового характера дает однозначный ответ: и те, и другие являются мерами уголовной ответственности», представляется слишком категоричным¹.

В части 2 ст. 2 УК РФ говорится, что уголовный кодекс устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Применение «за совершение преступлений» мер уголовно-правового характера позволяет сделать вывод, что они являются первичным базовым правовым последствием, применяемым государством в качестве ответной реакции на совершенное преступление.

Соответственно, уголовно-правовые средства, реализуемые в рамках уже возникших уголовно-исполнительных отношений, либо направленные на корректировку правового статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, в рамках либо помимо уже реализуемой меры уголовно-правового воздействия, не относятся к иным мерам уголовно-правового характера, что будет более подробно аргументировано нами ниже.

Учитывая, что раздел VI Общей части УК РФ включает, в том числе, принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным в момент совершения деяния невменяемыми, и не способным в юридическом смысле совершить преступление, то формулировка, в соответствии с

¹ Пилюк А.В. Уголовное наказание и меры уголовно-правового характера: соотношение и перспективы применения // Судья. – 2020. – № 8. – С. 35–41.

которой реализация мер уголовно-правового характера осуществляется «за совершение преступлений», выглядит сомнительной. Подобную законодательную конструкцию можно объяснить замыслом законодателя установить возможность принятия рассматриваемых мер за совершение преступлений и, одновременно, отсутствием запрета на регламентацию мер уголовно-правового характера в качестве правовых последствий деяния, формально преступлением не являющимся. Но это лишь версия, которая рождается на фоне не вполне определенной и неоднозначной правовой конструкции ч. 2 ст. 2 УК РФ.

Вместе с тем, по смыслу последовательно высказываемых Конституционным Судом РФ позиций, неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод¹. Соответственно, с нашей точки зрения, ч.2 ст. 2 УК РФ подлежит корректировке и изложению в следующей редакции: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера, применяемые в связи с совершением общественно опасных деяний, предусмотренных настоящим Кодексом». Представляется, что данная формулировка является универсальной и позволяет более определенно воспринимать потенциал возможной реализации мер уголовно-правового характера, в том числе, в отношении лиц, не отвечающих требованиям субъекта преступления.

Схожая проблема наблюдается при анализе положений ч. 1 ст. 6 УК РФ, где указано, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Воргена и П.Д. Олдхэма» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51335.html/> (дата обращения: 25.10.2020).

к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Возникает вопрос, должна ли, к примеру, такая мера как конфискация имущества находится в соответствии с характером и степенью совершенного деяния? В главе 15.1. УК РФ законодатель четко обозначил сферу применения данного уголовно-правового средства, когда в пользу государства изымаются орудия и средства совершения преступления, преступные доходы, а также денежные средства, предназначенные для финансирования терроризма. При этом в случае наличия у виновного указанного имущества правоприменитель лишен возможности учитывать характер и степень общественной опасности совершенного деяния. Конфискация либо применяется в отношении имущества, предусмотренного законом, либо не применяется, когда соответствующее имущество не установлено.

Вместе с тем, обозначенная выше проблема, с нашей точки зрения, не свидетельствует о наличии существенных противоречий в уголовном законе. В ч. 1 ст. 6 УК РФ идет речь о необходимости соответствия применяемых мер уголовно-правового характера совершенному преступлению, что, как представляется, подразумевает только те случаи, когда содержание самой применяемой меры позволяет обеспечить необходимое соответствие. К примеру, при определении размера судебного штрафа суд вправе учитывать характер и степень общественной опасности совершенного деяния. В случае же, когда содержание меры не позволяет учесть данные обстоятельства, ее реализация не может свидетельствовать о нарушении принципа справедливости. Закон не устанавливает подобного императивного требования к каждой мере уголовно-правового характера.

Возвращаясь к вычленению признаков «мер уголовно-правового характера» и учитывая выдвинутые нами предложения о необходимости совершенствования положений ч. 2 ст. 2 УК РФ, считаем верным сделать вывод, что любая мера уголовно-правового характера являются первичным базовым правовым последствием, применяемым государством в качестве ответной реакцией на совершенное общественно опасное деяние.

Соответственно, мерами уголовно-правового характера являются обеспеченные силой государственного принуждения правовые средства, реализуемые государством в качестве основного средства разрешения уголовно-правового конфликта, то есть первичной ответной реакции на совершение общественно опасного деяния.

Данное определение, как было отмечено выше, охватывает как наказание, так и иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, содержание которых в научной литературе раскрывается по-разному.

Так, И.Э. Звечаровский предлагает весьма объемный круг иных мер уголовно-правового характера, включая в него, в том числе, виды освобождения от уголовной ответственности, виды освобождения от наказания, виды освобождения от отбывания наказания, виды замены неотбытой части наказания более мягким либо более строгим наказанием, погашение или снятие судимости¹. При этом принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия ученый не относит к мерам уголовно-правового характера, поскольку они, по его мнению, не меняют уголовно-правовой статус личности. Данная точка зрения представляется важным звеном в цепи поиска научного компромисса по рассматриваемому вопросу, однако не разделяется нами, поскольку, как представляется, основана на слишком широком толковании категории «мера уголовно-правового характера». По этому основанию мы не можем согласиться с исследователями, которые определяют круг «иных мер» по логике «от противного», относя к ним все, что не связано с наказанием².

С.Г. Келина в числе иных мер уголовно-правового характера называет принудительные меры воспитательного воздействия, условное осуждение, судимость, специальную конфискацию, а также дополнительные наказания, которые могут применяться по усмотрению суда независимо от того, определены или не определены они в санкции за конкретное преступление³. Отнесение автором

¹ Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. – 2007. – № 1. – С. 21.

² Биктимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 14–15.

³ Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 56–57.

судимости и некоторых наказаний к иным мерам уголовно-правового характера вызывает сомнения. Как мы отмечали выше, судимость скорее выступает правовым последствием вынесения обвинительного приговора с назначением наказания, а не совершения преступления. Ряд наказаний, действительно, может применяться, независимо от их регламентации в санкциях соответствующих норм (лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград), однако их содержание, характер налагаемых на виновного правоограничений не дают нам достаточной аргументации для пересмотра сложившейся системы наказаний.

По мнению А.И. Чучаева, к иным мерам уголовно-правового характера следует относить принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, принудительные меры воспитательного воздействия, помещение несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием¹. Полагаем, что большинство из предлагаемых автором мер, действительно, относимы к вариативным либо дополнительным мерам уголовно-правового характера, однако не исчерпывают данный круг, в частности, не учитывают появившиеся относительно недавно положения о судебном штрафе (ст. 104.4 УК РФ).

Другие ученые, исходя из названия и расположения правовых средств в соответствующих главах и разделах, выделяют четыре иные меры уголовно-правового характера, относя к ним принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф². Однако, представители узкого подхода к пониманию «иных мер»³ предлагают такое основание их отбора, которое не в

¹ Чучаев А.И. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве // Законность. – 2006. – № 9. – С. 12.

² Ветошкин С.А. Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. – 2017. – № 12. – С. 123.

³ Батанов А.Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. – 2011. – № 5 (37). – С. 152.

полной мере учитывает сущностные характеристики мер, а ограничено лишь формальным критерием.

Т.В. Непомнящая исходит из того что все иные меры уголовно-правового характера являются формами реализации уголовной ответственности и выступают альтернативой реальному наказанию, относя к ним условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания¹, что находится в определенном противоречии с концепцией действующего раздела VI УК РФ, где, в частности предусмотрен судебный штраф, реализуемый при освобождении от уголовной ответственности, и не может быть нами поддержано.

С нашей точки зрения, многообразие различных позиций по рассматриваемому вопросу обусловлено отсутствием «устойчивого» основания отбора иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера. Считаем, что нахождению консенсуса в данной научной дискуссии, которая, по справедливой оценке ученых, зашла в тупик², будет способствовать выработка отличительной системы признаков акцессорных (вариативных и дополнительных) мер.

В первую очередь представляется важным вычлениить признаки, по которым можно провести отграничение элементов системы наказаний от акцессорных мер уголовно-правового характера, поскольку оба названных правовых последствия объединены в категории «мера уголовно-правового характера», за пределами которой остались виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Считаем верным заключить, что, исходя из инерции названия и содержания раздела VI Общей части УК РФ, акцессорные меры уголовно-правового характера не являются формами реализации уголовной ответственности и не входят в ее объем.

¹ Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 119.

² Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 96.

Данный вывод однозначно вытекает из анализа норм, изложенных в соответствующем разделе Общей части УК РФ, где представлены такие меры как судебный штраф, предполагающий отказ от реализации уголовной ответственности, принудительные меры медицинского характера, применимые в лечебных целях, в том числе, к лицам, не подлежащим ответственности в силу невменяемости, а также конфискация имущества, содержание которой тесно связано с уголовной ответственностью, но не входит в ее объем, поскольку уголовная ответственность предполагает порицание деяния виновного лица, выраженное самим фактом наличия обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу¹. При этом реализация конфискации имущества возможна и в отсутствие обвинительного приговора, что в сочетании с некарательной характеристикой данной меры (более подробно аргументируем далее), не позволяет рассматривать данное правовое последствие в качестве одной из форм реализации уголовной ответственности.

При этом мы не разделяем позицию авторов предлагающих, с нашей точки зрения, весьма объемное понимание уголовной ответственности. В частности, по мнению профессора А.В. Наумова под уголовной ответственностью следует понимать все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление. По мнению автора, уголовная ответственность подразделяется на наказание и иные меры уголовно-правового воздействия (например, меры медицинского характера), не являющиеся наказанием².

Не можем мы поддержать и подход, в соответствии с которым меры уголовно-правового характера включают в себя уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера³. С нашей точки зрения, уголовная ответственность не может «включаться», то есть охватываться содержанием конкретной меры. Напротив, мы согласны с утверждением, что содержанием уголовной ответственности выступает осуждение лица и совершенного им деяния от имени государства в обвинительном приговоре суда, меры воздействия на это

¹ Жовнир С.А. О понятии уголовной ответственности // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 22.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 243–246.

³ Лопашенко Н.А. Конфискация имущества. М., 2012. С. 66.

лицо, определяемые в приговоре суда на основании уголовного закона, а также судимость¹.

Далее в литературе встречаются позиции, что одним из отличий иных мер уголовно-правового характера от наказания является то, что они не сопряжены с существенным ограничением правового статуса осужденных², содержание иных мер уголовно-правового характера включает любые способы воздействия, не имеющие карательного потенциала³. Данные утверждения, с нашей точки зрения, нуждаются в уточнении. Сопоставляя, к примеру, такие наказания как ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания с такими мерами как конфискация имущества, принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением, не становится очевидным вывод о более низкой степени правоограничений иных мер уголовно-правового характера. Другими словами, не вполне точно будет сказать, что каждая иная мера уголовно-правового характера по степени правоограничений ниже, чем любое наказание. Означает ли сказанное, что вариативные и дополнительные меры, так же, как и наказание, носят карательный характер, поскольку среди них есть весьма строгие правовые средства? Полагаем, что нет.

По мнению профессора В.К. Дуюнова, кара – это нравственная, социально-политическая и условная юридическая оценка преступления и личности преступника⁴. Мы согласны с тем, что кара — это возмездие за деяние, удовлетворение нравственного требования всех членов общества, удовлетворение чувства справедливости⁵. При этом возмездие проявляется в более высокой степени и глубине ограничений прав и свобод, возлагаемых на адресата

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 78.

² Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 116.

³ Бавсун М.В. Принудительные меры медицинского характера: актуальные вопросы применения // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 3. – С. 183.

⁴ Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 27.

⁵ Брылева Е.А. Цели наказания на современном этапе развития Российского государства: восстановление социальной справедливости или кара? // Администратор суда. – 2019. – № 4. – С. 43–47.

применения. Соответственно, карательную составляющую в структуре мер уголовно-правового характера, в целом, верно оценивать исходя из характера налагаемых на лицо правоограничений. Но для вывода, что именно наказание обладает эксклюзивным потенциалом в реализации репрессивного (карательного) уголовно-правового воздействия¹, подход к соответствующей оценке должен основываться на сравнительной специфике реализации рассматриваемых мер.

Так, полагаем, что некарательный характер вариативных мер уголовно-правового характера проявляется не в том, что они не способны нести существенный обобщающий адресату применения, а в том, что рассматриваемые меры по степени правоограничений уступают той форме реализации уголовной ответственности, по отношению к которой они являются вариативной формой разрешения уголовно-правового конфликта в конкретном случае.

К примеру, реализация норм о судебном штрафе в отношении конкретного лица предполагает меньший объем уголовно-правового воздействия по сравнению с возможным осуждением этого же лица с назначением какого-либо наказания, включая последствия судимости.

Дополнительные меры уголовно-правового характера не являются карательными в связи с тем, что предполагают возложение на адресата применения ограничений в правах, реализация которых либо не подлежит защите в силу закона, либо затрагивает сферу жизнедеятельности, где лицу необходима помощь.

К примеру, конфискация имущества распространяется на такие его виды, которые приобретены незаконно, а значит, на них не распространяется юридический режим, присущий праву собственности (пп. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), либо хотя и принадлежат лицу на законном основании, но используются им в противоправных целях (пп. «в», «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), а значит, защита права собственности становится невозможной на основании ст. 10 ГК РФ.

¹ Медведев Е.В. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера // Адвокатская практика. – 2021. – № 4. – С. 45–50.

Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (п. а, ч. 1, ст. 99 УК РФ) не находится во взаимосвязи с характером и степенью общественной опасности содеянного, а осуществляется с учетом требуемой интенсивности лечения душевного заболевания. Именно лечебный процесс, то есть помощь, обуславливает временное непредоставление гражданину отдельных прав.

О некарательном характере в целом иных мер уголовно-правового характера можно заключить, оценив механизм реализации акцессорных мер вне объема уголовной ответственности, а также сопоставив потенциальный комплексный арсенал воздействия мер наказания и рассматриваемых мер, где наказание, безусловно, обладает гораздо большей степенью интенсивности.

Далее, продолжая поиск эксклюзивных характеристик рассматриваемых мер, отметим, что вывод, согласно которому иные меры уголовно-правового характера носят альтернативный наказанию характер, преследуют цели исправления осужденного и (или) предупреждения совершения им новых преступлений или общественно опасных деяний¹, не совсем точен применительно ко всему комплексу мер, регламентированных в разделе VI УК РФ. Во-первых, даже с формальной позиции в разделе VI УК РФ объединены меры, носящие не только альтернативный, но и дополнительный по отношению к наказанию характер. Во-вторых, при описании в ст. 98 УК РФ целей принудительных мер медицинского характера законодатель однозначно сформулировал их направленность, которая не находится во взаимосвязи с исправлением лица.

Позиция профессора Н.А. Стручкова, согласно которой в случае реализации уголовной ответственности без применения наказания она приобретает форму иной меры, отличной от собственно наказания², представляется важной в контексте поиска уникальных характеристик акцессорных мер уголовно-правового характера, но не в полной мере соотносится с современной концепцией УК РФ, где

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов [и др.] / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М., 2017. С. 143.

² Стручков Н.А. Уголовная ответственность и её реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 76.

все три предусмотренных в качестве «иных мер» правовых последствия могут реализовываться без привлечения лица к уголовной ответственности.

В литературе встречается мнение, согласно которому осуждение лица и применение к нему меры наказания влечет судимость, в то время как применение иных мер уголовно-правового характера судимость не порождает¹. Позволим себе отнестись к данному высказыванию критически. Во-первых, само по себе применение иных мер уголовно-правового характера в принципе не может породить судимость, которая является последствием обвинительного приговора с назначением наказания. Во-вторых, осуждение лица не исключает применение к нему на основании обвинительного приговора отличных от наказания мер (к примеру, конфискации имущества).

Можно согласиться, что наиболее зримым отличием иных мер уголовно-правового характера выступает то, что они не включены в законодательный перечень видов наказаний², и отграничивать одно правовое последствие от другого по формальному признаку. Однако, используя один лишь формальный критерий вряд ли можно определенно ответить на вопрос о правовой принадлежности, к примеру, таких мер как замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замена обязательных работ в случае злостного уклонения осужденного от них принудительными работами или лишением свободы (ч. 3 ст. 49 УК РФ) и др. Указанные выше правовые последствия не включены законодателем в перечень видов наказаний, но и раздел VI УК РФ ограничен лишь тремя иными (акцессорными) мерами уголовно-правового характера.

Соответственно, в дополнение к формальному критерию отграничения акцессорных мер от мер, которые более соотносимы с системой наказаний, можно

¹ Понкратова Е.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера как две основные формы реализации уголовной ответственности // Исследования молодых ученых: материалы XVII Международной научной конференции. Казань, 2021. С. 45–48. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/388/16366/> (дата обращения: 24.10.2021).

² Набиулин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 6.

назвать предусмотренную законодателем сферу реализации вариативных и дополнительных мер вне рамок уголовно-исполнительных отношений. То есть при применении акцессорной меры правоотношение не имеет уголовно-исполнительного характера.

Сформулированный выше признак, по сути, является производным. Его содержание вытекает из анализа таких выдвинутых нами ранее характеристик рассматриваемых мер как не вхождение в объем уголовной ответственности и применение в качестве первичной реакции на совершенное общественно опасное деяние, совокупность которых очевидно предполагает, что реализация акцессорных мер происходит вне рамок уголовно-исполнительных отношений. Вместе с тем, для наиболее полного раскрытия и уяснения сущности акцессорных мер, расстановку подобных акцентов считаем оправданной.

Таким образом, акцессорными являются некарательные меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые государством в качестве базового средства разрешения уголовно-правового конфликта (первичной реакции на совершение общественно опасного деяния), и не входящие в содержание уголовной ответственности в силу вариативного или дополнительного характера.

Уголовное законодательство фактически устанавливает два самостоятельных вида акцессорных мер: вариативные и дополнительные меры. Вариативными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию уголовной ответственности, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния. Дополнительными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с мерами уголовной ответственности либо мерами, исключающими уголовную ответственность, в связи с совершением общественно опасного деяния.

Далее, опираясь на выявленные нами признаки, предпримем попытку вычленения круга вариативных и дополнительных мер из всего арсенала уголовно-правового воздействия, а также законодательства, регулирующего вопросы

смежной тематики. Сопоставив все имеющиеся уголовно-правовые инструменты и схожие правовые средства, предусмотренные иными сферами российского законодательства, с предложенными нами дефинициями и признаками, приходим к следующим выводам.

Вариативными мерами уголовно-правового характера являются:

- принудительные меры медицинского характера (пункты «б» – «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ);
- судебный штраф (ст. 104.4. УК РФ);
- принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ);
- меры воспитательного воздействия, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния и не достигшим возраста уголовной ответственности, на основании ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

Дополнительными мерами уголовно-правового характера являются:

- конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ);
- принудительные меры медицинского характера (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ);
- возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ).

Тот факт, что отобранные нами меры не входят в противоречие с содержанием действующего перечня наказаний (ст. 44 УК РФ) и соответствуют концепции раздела VI УК РФ, содержащего легальный перечень иных мер уголовно-правового характера, подтверждает качество выявленных нами признаков. Статусом акцессорных мер уголовно-правового характера мы наделили лишь те меры, принадлежность которых к какому-либо институту общей части УК РФ не была очевидна и вызывала вопросы в научной доктрине.

Относительно правовой природы мер воспитательного воздействия, применяемых на основании ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в литературе предлагаются решения, в том числе, исходя из понимания конкретным автором на вопрос, возникают ли уголовно-правовые отношения в связи с совершением

предусмотренных в УК РФ деяний лицами, не способными к уголовному вменению - неменяемыми и не достигшими возраста уголовной ответственности. Очевидно, что выработать бесспорное решение в данном случае практически невозможно.

Применительно к данной проблеме в литературе справедливо отмечается, что в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, комиссиями по делам несовершеннолетних фактически могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия, содержание которых определено в уголовном законе и которым свойственен принудительный характер¹. Мы полагаем, что выводы исследователей, сделанные ранее², основы, заложенные законодателем в рамках концепции современного раздела VI Общей части УК РФ, доводы, полученные на основе изучения уголовно-правовых инструментов через призму общей теории систем (на этом сделаем акцент далее), а также признаки акцессорных мер уголовно-правового характера, сформулированные и доказанные нами в рамках настоящего исследования, позволяют в качестве предварительного вывода отнести принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности, к вариативным мерам уголовно-правового характера. Более детально относимость всех либо отдельных соответствующих мер к вариативным мерам мы рассмотрим в одном из следующих параграфов исследования.

Вышеизложенное позволяет заключить, что вследствие юридико-технических недоработок в нормах Общей части УК РФ, а также законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних сформировались условно оспоримые положения, фактически регламентирующие иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, но формально подведомственные другим институтам.

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 186.

² Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М., 2015. С. 48–50.

На основании изложенного, в параграфе представляется необходимым сделать следующие выводы:

В целях устранения противоречий, обусловленных, с одной стороны, возможностью применения иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, не отвечающих требованиям субъекта преступления, и, с другой стороны, наличием в уголовном законе формулировки, предполагающей установление рассматриваемых мер за совершение преступлений, часть 2 ст. 2 УК РФ подлежит корректировке и изложению в следующей редакции: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера, применяемые в связи с совершением общественно опасных деяний, предусмотренных настоящим Кодексом».

Исследование феномена предусмотренных в законе «иных мер уголовно-правового характера» эффективно прежде всего в рамках единой, развивающейся системы правовых последствий совершения общественно-опасных посягательств. Концептуально данные меры обеспечивают разграничение принудительного сегмента уголовно-правового воздействия и имеют акцессорный характер по отношению к мерам, применяемым в рамках уголовной ответственности.

Учитывая обусловленную природой права необходимость непрерывного движения от меньшей степени определенности права к большей степени определенности, конкретизация дефиниции «иные меры уголовно-правового характера» в «акцессорные уголовно-правовые меры» является необходимой предпосылкой для обеспечения действительности правового регулирования и эффективности правореализационной практики.

Акцессорными являются вспомогательные связанному с реализацией уголовной ответственности ресурсу уголовно-правового воздействия некарательные меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

Правовая природа акцессорных мер раскрывается в юридически значимых признаках, проявляющихся в том, что данные меры:

- являются первичными правовыми последствиями совершения общественно опасного деяния,
- не входят в объем уголовной ответственности,
- обладают принудительным потенциалом,
- имеют некарательный характер.

В соответствии с положениями и выводами общей теории систем рассмотрение категорий «акцессорные уголовно-правовые меры» и «меры уголовной ответственности» в качестве парных правовых категорий является научно обоснованным.

Акцессорные уголовно-правовые меры являются вариативной формой реализации принудительного сегмента уголовно-правового воздействия, исключающей уголовную ответственность, либо дополняют объем уголовно-правового воздействия в случаях привлечения лица к уголовной ответственности или освобождения от нее.

Учитывая тезис о достижимости определенности права в процессе конкретизации норм дифференциация в уголовном законе акцессорных мер на вариативные и дополнительные меры обеспечит ожидаемость и стабильность регулирования отношений, связанных с регламентацией отличных от уголовной ответственности правовых последствий, реализуемых в связи с совершением общественно опасного деяния.

Вариативными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию уголовной ответственности, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

К вариативным мерам уголовно-правового характера относятся:

- принудительные меры медицинского характера, реализуемые в стационарных условиях;
- судебный штраф;

- принудительные меры воспитательного воздействия, реализуемые при освобождении от уголовной ответственности;

- отдельные меры, применяемые в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших общественно опасные деяния.

Дополнительными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с мерами уголовной ответственности либо мерами, исключающими уголовную ответственность, в связи с совершением общественно опасного деяния.

К дополнительным мерам уголовно-правового характера относятся:

- конфискация имущества;
- принудительные меры медицинского характера, реализуемые в амбулаторных условиях;
- возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

§ 1.2. Место акцессорных мер в системе мер уголовно-правового воздействия

В современный период юридический инструментарий воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния, приобрел многоспектральный характер. Научное осмысление получили его системные¹, философские², аксиологические³ и методологические⁴ основы. Взаимное соподчинение и соотношение отдельных элементов внутри этого инструментария было обосновано в трудах российских ученых в конце XIX – начале XX в. (например, С.В.

¹ Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 66–110.

² Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 149–173.

³ Бочкарев С.А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4. – С. 73–80.

⁴ Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания. СПб., 2006. С. 70–121.

Познышевым¹, Н.С. Таганцевым²). Тем не менее, процесс познания осложняется тем, что терминологическое содержание категории «уголовно-правовое воздействие» не раскрывается в нормах уголовного закона, вследствие чего ее доктринальное толкование становится достаточно важным как в целях уяснения ее правовой природы, так и для обоснования определенных иерархических связей в структуре юридических последствий совершения преступления.

Основываясь, в том числе, на сделанных нами ранее выводах, можно заключить, что принудительный сегмент уголовно-правового воздействия реализуется в двух блоках правоотношений: наказание и иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, и приоритет приобретает тот из них, который в наибольшей степени позволяет минимизировать вредные последствия противоправного поведения.

При этом нормативное определение наказания закреплено в ч. 1 ст. 43 УК РФ, тогда как иные меры уголовно-правового характера, как было отмечено ранее, законодатель не счел нужным «оснастить» юридической дефиницией. В ч. 1 ст. 68 УК РФ применительно к наказанию используется категория «исправительное воздействие»; в ст. 90 УК РФ – категория «воспитательное воздействие» служит характеристикой одной из вариативных мер уголовно-правового характера. Как видно, нормотворческий терминологический дисбаланс все же позволяет объединить в содержании дефиниции «меры уголовно-правового воздействия» обе названные позиции, а в механизме применения уголовно-правового воздействия выделить, как минимум, два вышеуказанных самостоятельных блока правоотношений.

Аргументируя это, обратимся к подходам, сформировавшимся в правовой доктрине. Сторонники одного из них раскрывают понятие уголовно-правового воздействия через определение направлений специальной деятельности государства и его уполномоченных органов по регулированию тех общественных отношений, которые возникают в связи с нарушением уголовно-правового

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М., 1994. С. 100–102.

² Познышев С.В. Основы начала науки уголовного права. М., 1999. С. 465–467.

запрета¹. С долей условности эту позицию можно назвать «процессуальной», основанной на лексическом значении слова «воздействие» (влияние, понуждение, способ изменения², то есть некий процесс, в ходе которого достигается преобразование объекта воздействия: в данном случае, поведения лица, совершившего общественно опасное посягательство).

Второй подход, напротив, тяготеет к материально-правовому аспекту уголовно-правового воздействия и включает в него перечень мер (форм реализации уголовной ответственности), с помощью которых уголовно-правовая политика формирует направления коррекции преступного поведения, учитывая, что интенсивность и характер этих мер зависят от общественной опасности содеянного и личности виновного³. Соответственно, в результате нормотворческого процесса данные меры получают правовую основу для реализации и могут применяться к лицам, совершившим общественно опасные посягательства.

В развитие двух названных научных течений некоторые авторы определяют уголовно-правовое воздействие как систему правовых мер, закрепленных в уголовном законе и необходимых для эффективной охраны личности, общества и государства от преступных посягательств⁴. В систему мер уголовно-правового воздействия ученые включают уголовное наказание, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, иные меры уголовно-правового характера (а также особые положения закона, характеризующие уголовную ответственность несовершеннолетних, судимость и некоторые другие рядоположенные институты)⁵. В данном случае акцент делается именно на мерах,

¹ Векленко С.В. О повышении эффективности уголовно-правового воздействия // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III российского конгресса уголовного права. М., 2008. С. 234–236; Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 28.

² Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь М., 2007. С. 78.

³ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 7; Сабитов Т.Р. Уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее принципы // Вестник НГУ. Серия «Право». – 2007. – Т. 3. – № 1. – С. 167–175.

⁴ Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: монография. М., 2017. С. 56–60; Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. С. 11–29.

⁵ Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2013. С. 10–11; Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Векленко. М., 2017. С. 253–373.

которые могут применяться в целях коррекции преступного поведения и принципах выбора этих мер.

Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что единый подход к определению содержания уголовно-правового воздействия в отечественной правовой доктрине не сформировался. В этой связи мы попытаемся в рамках имеющихся подходов вычленить разделяемые нами признаки и сущностные черты исследуемого феномена, на основе которых можно будет выстроить иерархию мер уголовно-правового воздействия и определить в ней место аксессуарных мер.

Во-первых, правовой основой для реализации уголовно-правового воздействия служит исключительно уголовное законодательство. Корректировка правового статуса личности в рамках уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства имеет взаимосвязь с уголовно-правовым воздействием, но не входит в его объем. Рассмотрение учеными мер процессуального принуждения как особых средств уголовно-правового воздействия¹ не может быть поддержано нами ввиду специфики оснований и целей их реализации.

Во-вторых, уголовно-правовое воздействие – это прерогатива государства в лице уполномоченных органов власти. Определение уголовно-правового воздействия, предложенное профессором Ю.В. Трунцевским, как специальной деятельности государства, общества и отдельных граждан, в сфере противодействия преступности, посредством использования возможностей и средств, закрепленных в уголовном законе, составляющих в своей совокупности механизм уголовно-правовой борьбы (противодействия) преступности², безусловно, заслуживает внимания. Однако данная позиция не учитывает, что в основе уголовно-правового воздействия лежит правоприменение, которое вряд ли относимо к правомочиям отдельных граждан.

¹ Закомолдин А.В., Дуюнов В.К. Об уголовно-процессуальном принуждении как составляющей механизма уголовно-правового воздействия // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 4. – С. 21–26; Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. С. 115.

² Трунцевский Ю.В. Классификация мер уголовно-правового воздействия // Финансовое право и управление. – 2015. – № 2. – С. 137–144.

В-третьих, уголовно-правовое воздействие – это ответная реакция государства на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законодательством. При этом данная реакция, в зависимости от обстоятельств содеянного и посткриминального поведения лица его совершившего, может быть реализована как в форме принуждения, наложения правоограничений, так и в отсутствии подобных свойств. Более того, данная реакция может получать преобразование и развитие в зависимости от определенных факторов, возникающих уже после ее осуществления.

Как мы отмечали ранее, в качестве базовых уголовно-правовых инструментов, применяемых к лицу, совершившему общественно опасное деяние, законодатель предусмотрел наказание и иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, обеспеченные силой государственного принуждения, объединенные категорией «мера уголовно-правового характера». При этом «мера уголовно-правового характера» не включает в себя виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые, по мнению профессора Л.В. Иногамова-Хегай, выступают «поощрительными» мерами¹. Исходя из представленной нами ранее аргументации, освобождение от уголовной ответственности и наказания верно квалифицировать в качестве поощрительных мер уголовно-правового воздействия, но не в качестве мер уголовно-правового характера.

В-четвертых, уголовно-правовое воздействие тесно связано с уголовной ответственностью, но не ограничено ей. Именовать иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, являющиеся частью уголовно-правового воздействия, формами реализации уголовной ответственности², как мы отмечали ранее, представляется ошибочным, поскольку это не соответствует как сущностным характеристикам рассматриваемых мер, так и формальным аспектам: лицо освобождается от нее при назначении некоторых из вариативных мер

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 98–103.

² Дворецкий М.Ю. Иные меры уголовно-правового характера как форма реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия «Политические науки и право». – 2015. – № 3. – С. 52–56.

(судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия). Исходя из правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, следует, что освобождение от уголовной ответственности означает отказ государства от ее реализации (п. 1 постановления от 27 июня 2013 г. № 19)¹.

В других случаях (например, при применении принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания) иная мера уголовно-правового характера становится частью сочетанного с мерами уголовной ответственности воздействия на правонарушителя.

При этом в отношении вариативных принудительных мер медицинского характера законодатель предусмотрел возможное, а не обязательное применение, указав, что лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности, то есть отказ от ее реализации является безусловным (и окончательным), а вот использование альтернативы – условным, то есть зависящим от усмотрения суда и внутреннего убеждения судьи, основанного на совокупности результатов исследования материалов дела.

Соответственно, уголовно-правовое воздействие – это предусмотренная уголовным законодательством ответная реакция государства на совершение общественно опасного деяния, выраженная в применении соответствующих мер, которая может получать преобразование и развитие в зависимости от вторичных юридических фактов, возникающих после ее реализации.

Системно и функционально наказание и акцессорные меры уголовно-правового характера охватываются более широкой категорией «мера уголовно-правового характера», а последняя, в свою очередь входит в содержание дефиниции «мера уголовно-правового воздействия».

Выбор меры уголовно-правового воздействия – это чаще всего прерогатива суда, однако в ряде случаев в этом процессе может играть достаточно значимую роль лицо, осуществляющее досудебное производство по уголовному делу (так,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 05.07.2013. № 145 (6121).

для реализации ч. 1 ст. 90 УК РФ может иметь значение позиция следователя либо дознавателя, которые уполномочены на вынесение постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия; положения УК и УПК РФ о применении судебного штрафа – при назначении этой меры исключительно судом – допускают принятие такого решения по мотивированному ходатайству следователя).

В основе выбора меры уголовно-правового воздействия лежат следующие критерии:

- характер и степень общественной опасности содеянного;
- особые характеристики совершенного преступления;
- признаки, характеризующие личность виновного и степень глубины его криминогенных качеств, а также способность нести уголовную ответственность.

Характер и степень общественной опасности преступления законодательно отражены в одной из четырех категорий (ст. 15 УК РФ). Анализируя понятие общественной опасности, ученые обращают внимание на ее исключительную роль в возможном негативном изменении общественных отношений, предрешающую применение мер уголовно-правового воздействия¹. Согласно правовой позиции актуального ранее Пленума Верховного Суда РФ, характер общественной опасности деяния определялся особенностями объекта посягательства, формой вины и отнесением деяния к категории более или менее тяжких преступлений, а степень – обстоятельствами содеянного и данными, характеризующими личность виновного².

¹ Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 81–91.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 8 «О ходе выполнения судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.1988 № 1 «О практике назначения судами Российской Федерации наказания в виде лишения свободы» (утратило силу) // Российская газета. 05.11.1996. № 212 (1572).

Аналогичные положения воспроизводились Пленумом Верховного Суда РФ в постановлениях о практике назначения уголовного наказания в 1999¹ и 2007² гг. При этом действующее постановление, принятое в декабре 2015 г.³, истолковывает характер общественной опасности деяния во взаимосвязи с ценностью объекта посягательства, направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненным им вредом, а степень – в зависимости от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении совершенном в соучастии, формы и вида вины. Кроме того, при определении степени общественной опасности преступления Пленум Верховного Суда РФ требует учитывать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, допускающие изменение категории преступления на менее тяжкую, могут быть применены только в случае, когда суд придет к выводу о том, что фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени общественной опасности (п. 2 постановления от 15 мая 2018 г. № 10)⁴.

Признаки, характеризующие личность виновного, в свою очередь, могут оказать влияние на альтернативную постановку вопроса о возможности/невозможности, целесообразности/нецелесообразности назначения ему уголовного наказания. Помимо целей наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений), имеет значение и его ресоциализация, то есть формирование правопослушного поведения.

В свою очередь, ресоциализация и предупреждение преступлений тесно связаны между собой, сферы их достижения пересекаются (более того, из ст. 17

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (утратило силу) // Российская газета. 07.07.1999. № 129.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (утратило силу) // Российская газета. 24.01.2007. № 13 (4276).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 29.12.2015. № 295 (6866).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 19.05.2018. № 106с (7569).

Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ»¹ следует, что ресоциализация – это форма профилактического воздействия, тогда как профилактика является компонентом предупреждения преступлений²). Характер и степень общественной опасности содеянного и особенности личности виновного не во всех случаях свидетельствуют о необходимости назначения ему уголовного наказания. Соответственно, когда она отсутствует, суд может постановить обвинительный приговор без назначения наказания, который может не сопровождаться мерой уголовно-правового воздействия (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Данная процессуальная возможность в комплексе с иными формами освобождения от наказания применяется относительно редко (например, в 2017 г. – к 7378 осужденным, то есть к 1%, в 2018 – к 6388 или к 1%, в 2019 – к 6795 или 1,1%, в 2020 – к 6528 или 1,2%, в 2021 – к 5913 или 1,1%³). В то же время, наличие достаточно широкого спектра акцессорных мер уголовно-правового характера позволяет суду проявить индивидуальный подход, используя предоставленные законом альтернативы.

Таким образом, оценка личности субъекта, совершившего общественно опасное деяние, его способности нести уголовную ответственность, а также наличия/отсутствия потребности в применении к нему уголовного наказания, требуется в обязательном порядке, а не по усмотрению правоприменителя. Иными словами, в структуре уголовно-правового воздействия получают отражение как объективные, относящиеся к содеянному, так и субъективные, относящиеся к личности виновного, обстоятельства.

Исходя из этого, мерой уголовно-правового воздействия является наиболее соответствующий объективным, относящимся к совершенному общественно опасному деянию, и субъективным, относящимся к личности лица его

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 28.06.2016. № 139 (7007).

² Кобец П.Н. Предупреждение преступности: теоретические аспекты // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 8. – С. 197–199; Малков В.Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 25. – С. 78–88.

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017-2021 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 25.10.2022).

совершившего, обстоятельствам вид первичных юридических последствий совершения общественно опасного посягательства, установленных в санкции нормы Особенной части УК РФ, по которой квалифицируется содеянное, или в диспозиции нормы Общей либо Особенной частей УК РФ, в которой предусмотрен способ привилегированного или исключительного правового реагирования.

Привилегированными, с нашей точки зрения, являются такие способы реагирования, которые позволяют не применять к лицу уголовного наказания (вариативные меры, освобождение от уголовной ответственности и наказания). Соответственно, представляется ошибочным определение мер уголовно-правового воздействия в качестве совокупности способов выражения государственного принуждения, поскольку в качестве таковых выступают, в том числе, виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Исключительными способами правового реагирования, с нашей точки зрения, должны признаваться те, которые применяются, если лицо в силу психического заболевания нуждается в медицинской коррекции (принудительные меры медицинского характера), либо те, которые применяются при наличии особых характеристик преступного поведения, его направленности на определенные законом общественные отношения (конфискация имущества).

Акцентируем внимание, что с нашей точки зрения, мера уголовно-правового воздействия, как ответная реакция государства на совершенное общественно опасное деяние, представляет именно первичное уголовно-правовое последствие для лица, переступившего закон. Свое заключение мы основываем, в том числе, на понимании профессором А.И. Рарогом меры уголовно-правового воздействия как относительно самостоятельного средства выражения уголовно-правового реагирования на совершение общественно опасного деяния, обладающего индивидуально определенной совокупностью ограничений прав и свобод личности¹. Соответственно, меры уголовно-правового воздействия включают в себя меры наказания, акцессорные меры уголовно-правового характера (вариативные и дополнительные меры), а также виды освобождения от уголовной

¹ Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М., 2014. С. 191.

ответственности и наказания, которые применяются в качестве первичного средства разрешения уголовно-правового конфликта.

Исходя из изложенного, к примеру, такие правовые средства как условно-досрочное освобождение от наказания, замена наказания на более строгое либо более мягкое, безусловно, входят в объем уголовно-правового воздействия и являются его составляющей. Но при этом данные инструменты вторичны и реализуются в структуре уже назначенной ранее меры уголовно-правового характера – наказания. Применение данных правовых средств обусловлено возникновением юридических фактов второго порядка, влияющих уже не на возникновение, а на динамику правоотношений и возможность корректировки правового статуса лица, совершившего преступление¹.

Поэтому, с нашей точки зрения, названные правовые средства не совсем корректно рассматривать в качестве мер уголовно-правового воздействия, поскольку они применяются не в качестве первичной ответной реакции на совершенное преступление (не выступают средством разрешения уголовно-правового конфликта), а обусловлены, в том числе, поскриминальными факторами, возникшими после реализации в отношении адресата соответствующей меры, то есть выступают соответствующими правовыми последствиями в рамках уже урегулированных уголовным законом охранительных отношений между преступником и государством².

Когда речь идет о преобразовании одного вида уголовно-исполнительных отношений в другой либо прекращении уголовно-исполнительных отношений соответствующие правовые средства применяются не «за совершение преступлений» и даже не «в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законодательством», что, на основе полученных нами ранее результатов, предопределяет вывод о невозможности их рассмотрения в качестве мер воздействия. Данные регуляторы являются самостоятельными корректирующими средствами уголовно-правового воздействия.

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 14.

² Там же. С. 75.

Такие правовые средства как судимость, ее снятие и погашение, как мы отмечали ранее, также верно рассматривать не в качестве первичных правовых последствий совершения преступления, а в качестве последствий вынесения обвинительного приговора с назначением наказания и возникающих впоследствии иных юридических фактов. Данные инструменты, как представляется, более относимы к самостоятельным сопутствующим средствам уголовно-правового воздействия.

Таким образом, с нашей точки зрения, уголовно-правовое воздействие – это предусмотренная уголовным законодательством ответная реакция государства на совершение общественно опасного деяния, выраженная в применении мер уголовно-правового воздействия (наказание, акцессорные меры, освобождение от уголовной ответственности и наказания), а также корректирующих либо сопутствующих их реализации средств.

Меры уголовно-правового воздействия в целом обладают собственной иерархией, характеризующейся достаточно сложной структурой. Как известно, термин «иерархия» отражает отношения соподчиненности явлений и процессов¹, их организационную структуру², а также детализацию (расслоение более крупных сегментов на мелкие)³. Именно с учетом последнего обстоятельства может быть выстроена иерархия уголовно-правового воздействия. При этом сразу следует оговориться, что традиционные представления о жесткой строгой подчиненности и взаимозависимости иерархических элементов в данном случае не получают отражения в общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом преступления. Иными словами, иерархия мер уголовно-правового воздействия отличается по своей структуре от иных соподчиненных управляемых конструкций (например, от иерархии норм права, выстроенной по признаку различной юридической силы последних⁴).

¹ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2007. С. 229.

² Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 91–95.

³ Кузнецова М.А. Об иерархической системе правовых норм и смежных правовых явлениях // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2014. – № 3. – С. 153–158.

⁴ Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. С. 13–15.

Считаем логичным прибегнуть к способу построения иерархии мер уголовно-правового воздействия путем моделирования, в основе которого лежит определенная аналогия, воспроизводящая функциональные связи предмета исследования (оригинала)¹. В рассматриваемом случае «оригиналом» выступает уголовно-правовое воздействие как совокупность возможных мер, корректирующих и дополняющих средств, применяющихся в связи с общественно опасным поведением лиц, посягающих на нормальный порядок осуществления общественных отношений, а также в связи с возникновением юридических фактов вторичного порядка.

Соответственно, в структуре уголовно правового воздействия верно выделять:

- непосредственно меры уголовно-правового воздействия, являющиеся средствами разрешения уголовно-правового конфликта и реализуемые государством в качестве первичной ответной реакции на совершенное общественно опасное деяние (наказание, акцессорные меры, виды освобождения от уголовной ответственности и наказания).

- корректирующие средства уголовно-правового воздействия, реализуемые в механизме примененных ранее мер и обусловленные возникновением вторичных юридических фактов в рамках уже урегулированных уголовным законом охранительных отношений (замена неотбытой части более мягким наказанием, замена назначенного наказания на более строгое, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отмена условного осуждения, виды освобождения от наказания, реализуемые в рамках уголовно-исполнительных отношений и др.). Данные формы уголовно правового воздействия в какой-то степени «обслуживают» реализуемые меры уголовно-правового воздействия, позволяя им получать должное наполнение, своевременное преобразование и адекватно реагировать на складывающиеся в ходе их применения обстоятельства.

¹ Бабенко Н.И. Моделирование современного философского познания мира // Известия Байкальского государственного университета. – 2003. – № 2. – С. 123–126; Салыгин Е.Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 3. – С. 12–31.

- сопутствующие средства уголовно-правового воздействия, позволяющие изменять правовой статус лица, совершившего преступление, помимо меры уголовно-правового воздействия (судимость, снятие и погашение судимости и др.).

Наказание, как мера уголовно-правового воздействия, представлена его видами, предусмотренными в ст. 44 УК РФ. Круг аксессуарных мер был раскрыт нами в предыдущем параграфе: судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия (применяемые при освобождении от уголовной ответственности), принудительные меры медицинского характера, возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании, конфискация имущества. Виды освобождения от уголовной ответственности и наказания сформулированы, в том числе, в главах 11, 12, 13 УК РФ (за некоторыми исключениями), а также в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК РФ.

Наказание является структурно более сложной подсистемой, элементы которой расположены в зависимости от строгости (как это и предусмотрено в ст. 44 УК РФ), а также в зависимости от природы возлагаемых на субъекта ограничений.

В свою очередь, оптимальной видится модель, в соответствии с которой аксессуарные меры уголовно-правового характера выступают частью (подсистемой) уголовно-правового воздействия, выстроенной в зависимости от сущности направлений коррекции общественно опасного поведения (воспитательное, медицинское, имущественное).

К воспитательному направлению верно отнести принудительные меры воспитательного воздействия, к медицинскому – принудительные меры медицинского характера, а также возложение обязанности пройти лечение от наркомании, к имущественному – судебный штраф и конфискацию имущества.

В отдельной подсистеме мер уголовно-правового воздействия объединены меры освобождения от уголовной ответственности и наказания, дифференцируемые, в зависимости от расположения в нормах Общей и Особенной частей УК РФ, на общие и специальные.

При этом, как мы упоминали ранее, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, освобождение от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, требуют самостоятельного анализа. Поскольку данные правовые средства входят в объем уголовной ответственности, очевидно, их нельзя признать акцессорными мерами. Соответственно, методом исключения, их институциональную принадлежность можно признать близкой к системе наказаний. К примеру, отсрочку отбывания наказания и условное осуждение можно определить в качестве способов назначения наказания либо его самостоятельными видами, а меры принудительного воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних при освобождении от наказания - особым видом наказания, назначение которого не порождает последствий судимости.

Если же правовую природу обозначенных мер принципиально не рассматривать в контексте мер уголовно-правового характера (как наказания, так и акцессорных мер), то названные правовые средства могут быть квалифицированы как особые виды освобождения от наказания, отличительной особенностью которых будет наличие принудительного потенциала в структуре данных мер, что, в свою очередь, серьезно дезорганизует указанную систему. Сказанное свидетельствует о невозможности нахождения безупречной модели, предусматривающей бесспорное место названных правовых средств в системе мер уголовно-правового воздействия.

Другой проблемный вопрос связан с возможностью применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ), отдельных видов освобождения от наказания (ст. 81, 83, ч. 2 ст. 92 УК РФ) и некоторых принудительных мер медицинского характера (пп. «б» - «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ) как в качестве первичной реакции на совершенное общественно опасное деяние, так и на этапе исполнения наказания. Данное обстоятельство означает, что данные правовые средства могут и не выступать в качестве первичного правового последствия совершения общественно опасного деяния и, соответственно, справедливо возникает сомнение

относительно возможности их рассмотрения в качестве мер уголовно-правового воздействия в интерпретации настоящего исследования.

Вместе с тем, как представляется, изначально заложенная в нормах об отсрочке отбывания наказания, освобождении от наказания, принудительных медицинских мерах возможность их реализации вне рамок уголовно-исполнительных отношений в качестве основного средства разрешения уголовно-правового конфликта подтверждает верность их рассмотрения в качестве мер уголовно-правового воздействия.

Соответственно, в структуре названных выше норм законодателем предусмотрены два самостоятельных типа правовых средств. Так, в случае применения данных инструментов в качестве первичной ответной реакции на совершенное преступление при вынесении обвинительного приговора либо постановления, как мы отметили выше, реализуются самостоятельные меры уголовно-правового воздействия. В случае их применения на стадии исполнения назначенного наказания, то есть в рамках уголовно-исполнительных отношений, отсрочку отбывания наказания, освобождение от наказания и принудительные медицинские меры следует признавать корректирующими средствами уголовно-правового воздействия.

Элементы, входящие в структуру норм об отсрочке отбывания наказания, как и условного осуждения, находятся в координационно-функциональном взаимодействии с элементами системы наказаний. Так, реализация ст. ст. 73, 82, 82.1 УК РФ предполагает назначение виновному конкретного вида наказания, в отношении которого предоставляется отсрочка либо принимается постановление считать назначенное наказание условным. При этом в содержании данных мер заложены самостоятельные обеспеченные силами государственного принуждения механизмы воздействия на правонарушителя, связанные с установлением испытательного срока, возложением определенных обязанностей либо понуждением к исполнению вытекающих из закона обязательств семейно-правовой природы, позволяющие их рассматривать в качестве самостоятельных мер уголовно-правового воздействия, соотносимых, с нашей точки зрения, в

большей степени с системой наказаний. Не бесспорно, но все же позволим себе заключить, что данные правовые средства (учитывая их реализацию в объеме уголовной ответственности) как и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые при освобождении от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ), по своим сущностным характеристикам ближе к специальным видам наказания.

Применительно к судебному штрафу ученые отмечают его двойственную природу¹, поскольку соответствующие положения расположены в разделе IV УК РФ – «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» и, одновременно, сформулированы в главе 15.2 УК РФ в рамках раздела VI УК РФ – «Иные меры уголовно-правового характера». Аналогичный вывод можно сделать относительно принудительных мер воспитательного воздействия, нормы о которых закреплены в ст. 90 УК РФ, поскольку содержание данных мер включает, в том числе освобождение от уголовной ответственности.

Вместе с тем, мы полагаем, что формальное расположение норм в соответствующих разделах уголовного закона либо одно лишь наличие в механизме уголовно-правового воздействия элемента освобождения от уголовной ответственности, не является достаточным для постановки заключений о правовой природе рассматриваемых правовых средств. Необходим комплексный анализ содержания данных инструментов.

Так, в структуре уголовно-правового воздействия мы разделяем виды освобождения от уголовной ответственности и наказания как самостоятельные меры, не обеспеченные принудительным потенциалом (статьи 75, 76, 76.1, 78 УК РФ и др.), и меры уголовно-правового характера, в объеме которых, с одной стороны, уже заложено освобождение от уголовной ответственности (наказания), а с другой стороны, одновременно, присутствует самостоятельный элемент воздействия, обеспеченный принуждением. К этой разновидности «комбинированных» мер следует отнести появившийся относительно недавно в

¹ Луценко Н.С. К вопросу о «двухаспектной» правовой природе судебного штрафа // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 34–38.

отечественном законодательстве судебный штраф и упомянутые выше принудительные меры воспитательного воздействия.

Соответственно, отвечая на вопрос, является ли судебный штраф, а также принудительные меры воспитательного воздействия мерами по освобождению от уголовной ответственности, можно ответить утвердительно, но отчасти, поскольку освобождение от уголовной ответственности составляет лишь часть их содержания – в объем данных мер заложено и денежное взыскание, и применение конкретных мер к несовершеннолетним. Соответственно, нормы о судебном штрафе, как и принудительные меры воспитательного воздействия, имеют схожий с нормами об освобождении от уголовной ответственности и наказания элемент воздействия и только.

При этом схожесть элементов воздействия в структуре разных мер, как представляется, не свидетельствует об их двойственной правовой природе. Ввиду наличия в их содержании наиболее выраженных элементов принуждения (реального либо потенциального), судебный штраф и принудительные меры воспитательного воздействия верно рассматривать в качестве «монолитных» вариативных мер уголовно-правового характера.

При реализации конкретной меры уголовно-правовое воздействие не исчерпывается ее содержанием и включает в свой объем, как мы отмечали выше, корректирующие и сопутствующие средства. Соответственно, корректирующие средства уголовно-правового воздействия можно дифференцировать в зависимости от той меры, содержание которой претерпевает изменения при применении данных средств.

По этому основанию, в частности, такие правовые средства как условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), замена наказания на более строгое (ч. 5 ст. 46 УК РФ) относимы к элементам, взаимосвязанным с системой наказаний.

Отмена судебного штрафа (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ), отмена принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 4 ст. 90 УК РФ), изменение режима

принудительного лечения (ч. 2 ст. 104 УК РФ) являются корректирующими средствами уголовно-правового воздействия - элементами, взаимосвязанными с системой акцессорных мер уголовно-правового характера.

Как было отмечено выше, сопутствующим средством уголовно-правового воздействия выступает судимость, а также ее снятие и погашение. Данное сопутствующее средство сопровождает реализацию наказания в период его применения и продолжает реализацию в течение определенного отрезка времени после его отбытия.

Далее в предложенной структуре мер уголовно-правового воздействия считаем верным обозначить его предмет, оценить правоограничительный компонент и возможность рациональной экономии мер государственного принуждения.

Предметом уголовно-правового воздействия выступает правовой статус лица, совершившего преступление¹: он деформируется (посредством изъятия отдельных прав и свобод) и регулируется (посредством возложения дополнительных обязанностей)² либо остается относительно неизменным при реализации мер по освобождению от уголовной ответственности.

При этом наказанию, как мы отмечали ранее, присуще карательное содержание³, а иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера такового лишены⁴. Следует отметить, что в этой связи уголовно-правовое воздействие, в целом, не может признаваться «внешним выражением кары»⁵. Тем не менее, в структуре наказания и акцессорных мер уголовно-правового характера имеет место такой метод регулирования правоотношений, как принуждение. И если для наказания он является безусловным, то вариативные меры уголовно-правового характера в целом законодательно закреплены с приоритетом использования

¹ Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 160.

² Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретические и методологические аспекты исследования: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 305.

³ Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 15.

⁴ Бавсун М.В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 99–102.

⁵ Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... докт. юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 36.

метода убеждения, и основной принудительный элемент, как правило, реализуется только в тех случаях, когда возникает особая потребность общества (например, при неисполнении возложенных на лицо обязанностей при реализации принудительных мер воспитательного воздействия).

Правоограничительный характер как свойство определенного сегмента уголовно-правового воздействия отражается в наказании и акцессорных мерах уголовно-правового характера дифференцированно. Так, каждый вид наказания, основной, дополнительный, смешанный, имеет конкретное содержание, обеспечивающее временную (в исключительных случаях пожизненную) утрату осужденным части прав, приобретаемых в различных сферах социальной жизни, в том числе, в связи с генерированием последствий судимости.

Напротив, с определенной долей условности можно заключить, что акцессорные меры уголовно-правового характера в большей степени тяготеют к возложению дополнительных обязанностей (дисциплинарного, медицинского, имущественного характера). Комплекс прав адресата применения акцессорной меры в меньшей степени подвержен отрицательным изменениям, учитывая, в том числе, отсутствие обязательных последствий судимости. Такая ситуация становится возможной вследствие различной общественной опасности содеянного и различных характеристик личности субъекта, совершившего общественно опасное деяние, что, как следствие, предопределяет наличие дифференцированных комбинации мер как генерирующих, так и не генерирующих последствия судимости.

Соответственно, относительно видов освобождения от уголовной ответственности и наказания верно констатировать их минимальный правоограничительный потенциал. Данные правовые средства исключают реализацию государственного принуждения в отношении адресата (хотя при этом часть из них реализуется в объеме уголовной ответственности), а также последствий судимости.

Принцип рациональной экономии мер государственного принуждения реализован в части установления в иерархии мер уголовно-правового воздействия

не только наказания, но и акцессорных мер уголовно-правового характера, а также мер освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые, как отмечалось нами ранее, являются самостоятельными мерами правового воздействия на лиц, совершивших преступления¹. Следует признать справедливым суждение о том, что данный принцип призван сбалансировать применение наказания². Именно в целях правильного определения такого баланса и выстраивается иерархия мер уголовно-правового воздействия. Эта необходимость была обоснована более сорока лет назад профессором Н.А. Стручковым, который полагал, что при отсутствии необходимости применения наказания лицо может быть подвергнуто иной мере, «отличной от собственно наказания»³.

При этом наличие аналогий между видами наказаний и иными мерами уголовно-правового характера, отмечаемое некоторыми авторами⁴, также служит доводом в пользу существования предложенной иерархии мер уголовно-правового воздействия. Родственный характер правоограничений (например, в структуре ограничения свободы, условного осуждения, принудительных мер воспитательного воздействия), их направленности (например, в структуре штрафа и судебного штрафа) позволяет заключить, что в иерархии мер уголовно-правового воздействия присутствует соподчиненность, но она носит нестрогий характер и отражает большую или меньшую интенсивность реагирования государства на противоправное поведение субъекта.

Предложенная выше иерархия мер уголовно-правового воздействия может быть рассмотрена и через призму соотношения с такой категорией как уголовная ответственность. Необходимо отметить, что учеными выстроена иерархия мер юридической ответственности, в структуру которой достаточно гармонично

¹ Сундугов Ф.Р., Боковня А.Ю. Проблемы систематизации мер уголовно-правового характера // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – № 1. – С. 25–29.

² Агзамов И.М. Принципы условного неприменения наказания в уголовном праве России // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 211–216.

³ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 1976.

⁴ Прокументов Л.М., Суторин М.А., Терентьева В.А. Особенности уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних: история и перспективы развития // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4. – С. 40–45.

включена система уголовных наказаний¹. Так, предложена характеристика общества как сложной социальной системы, частью которой закономерно становится юридическая ответственность и наказание. Можно согласиться с тем, что гносеологический потенциал исследования уголовной ответственности в системе социальных мер воздействия на лиц с девиантным (отклоняющимся) поведением достаточно высок². Однако, как уже отмечалось выше, полное отождествление уголовной ответственности с наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, широко представленное на страницах юридической печати³, представляется не вполне корректным.

Уголовная ответственность, с одной стороны, представляется близкой по смыслу и пересекается с определенным сегментом уголовно-правового воздействия. Однако, с другой стороны, нельзя исключать, что уголовная ответственность охватывает, – с учетом положений ст. 86 УК РФ, норм Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»⁴ – и совокупность дополнительных ограничений, применяющихся к лицу в период, когда мера уголовно-правового воздействия уже реализована и основное правоотношение, связанное с принуждением лица к обязанности понести негативные последствия в связи с совершенным преступлением, уже завершилось.

Кроме того, необходимо учесть правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, в соответствии с которыми были разграничены формы реализации уголовной ответственности и, как мы отвечали выше, случаи отказа от ее реализации государством, а также то обстоятельство, что уголовную ответственность можно рассматривать и как более объемное правоотношение, имеющее не только материально-правовое, но и процессуальное наполнение.

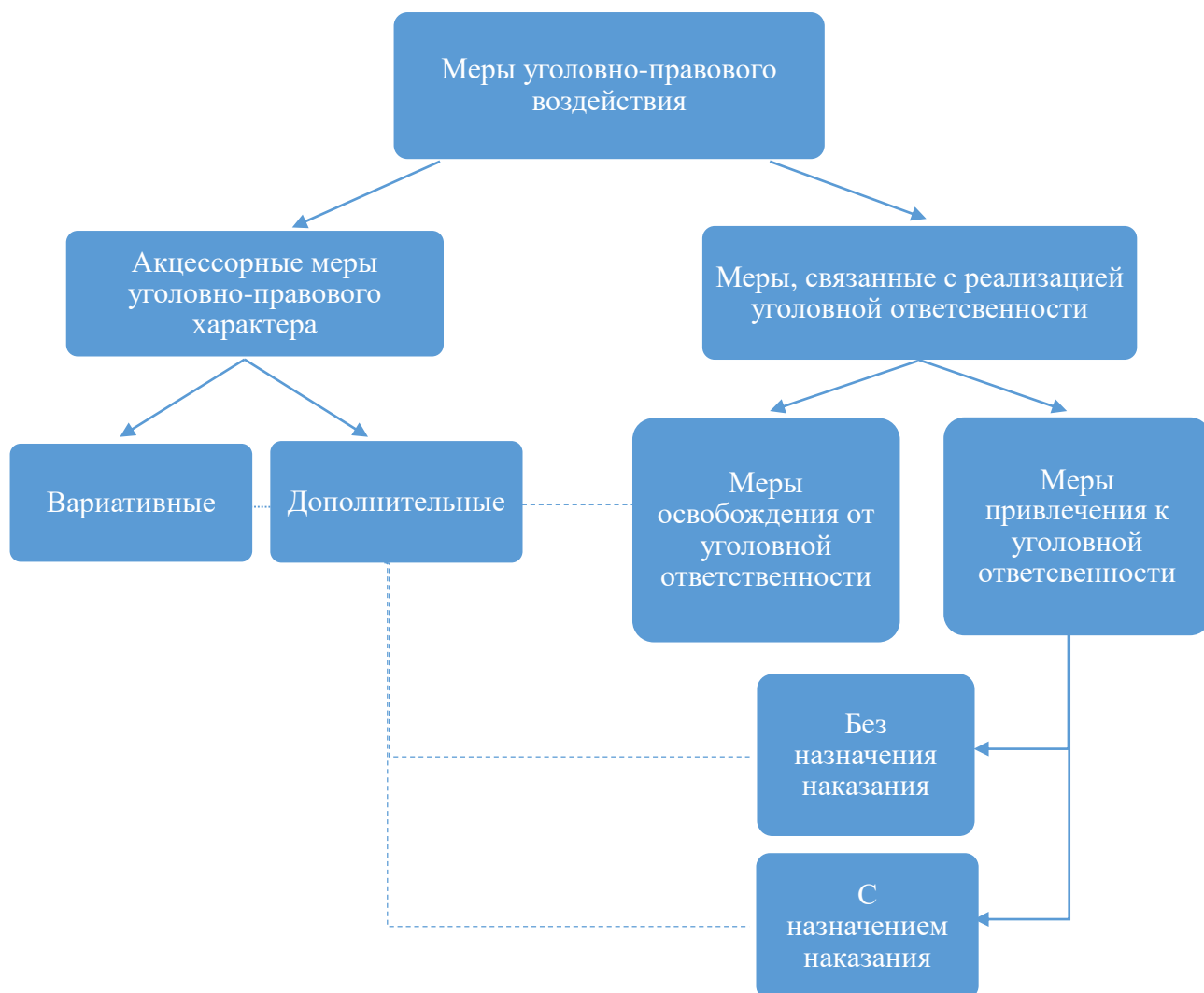
¹ Подройкина И.А., Улезько С.И. Система уголовных наказаний в иерархии мер юридической ответственности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 40–44.

² Гареев М.Ф. Законодательная регламентация мер уголовно-правового воздействия – уяснение сущности уголовной ответственности // Вестник ТИСБИ. – 2011. – № 3. – С. 309–317.

³ Магомедов Г.Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и от наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 65–77.

⁴ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. 08.04.2011. № 75 (5451).

Диаграмма 1: Дифференциация мер уголовно-правового воздействия в зависимости от соотношения с уголовной ответственностью.

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания уголовной ответственности в рамках настоящего исследования, мы ограничимся выводом, что часть выделенных нами мер уголовно-правового воздействия связана с реализацией уголовной ответственности (составляют ее содержание в рамках привлечения к уголовной ответственности либо их содержание целиком сводится к исключению уголовной ответственности «в чистом виде» без наложения на адресата применения каких-либо правоограничений. Другая группа мер имеет принципиально иное соотношение с обозначенной категорией, что наглядно проявляется в представленной выше диаграмме.

Так, в зависимости от соотношения с уголовной ответственностью меры уголовно-правового воздействия дифференцируются на два типа мер: связанные с реализацией уголовной ответственности и акцессорные меры уголовно-правового характера. Связанные с реализацией уголовной ответственности меры включают в себя меры освобождения от уголовной ответственности и меры привлечения к уголовной ответственности, которые, в свою очередь, делятся на меры привлечения к уголовной ответственности с назначением и без назначения наказания.

Акцессорные меры уголовно-правового характера дифференцируются на вариативные и дополнительные меры. Вариативные меры исключают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности. Дополнительные меры сопровождают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности, а также отдельных вариативных мер.

Как нами было установлено ранее и подтверждается мнением ученых, система иных мер уголовно-правового характера, в отличие от системы наказаний, в действующем законодательстве отсутствует¹, а точнее не приведена в эталонное состояние, при котором правовые средства, сущностно выступающие акцессорными мерами, были бы таковыми признаны на уровне закона и обособлены эксклюзивным принципом воздействия в рамках их реализации.

Так, возложение на осужденного обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, исходя из буквального толкования названия главы 11 УК РФ, представляет собой способ назначения отдельных видов основных наказаний. Судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ), как было отмечено выше, рассматривается в качестве одного из видов освобождения от уголовной ответственности. В то же время, судебный штраф включен в заключительный раздел Общей части УК РФ как иная мера уголовно-правового характера. Принудительные меры воспитательного воздействия на основании ст.

¹ Акутаев Р.М. Понятие и система иных мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 44–48.

90 УК РФ могут быть признаны основанием освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Наличие элемента принуждения в структуре конфискации имущества сближает ее с дополнительными наказаниями. Возможность применения принудительных мер медицинского характера совместно с наказанием (в отношении лиц, указанных в пп. «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ) позволяет разграничить их только по целям.

Также в структуре уголовно-правового воздействия в современный период в полном объеме не получило отражения единообразное закрепление обязательности принятия процессуальных решений о применении акцессорных мер уголовно-правового характера. Только для отдельных категорий лиц, совершивших общественно опасные деяния, законодатель предусмотрел обязательный отказ от применения мер уголовного наказания (так, в соответствии с ч. 2 ст. 21 УК РФ лица, признанные невменяемыми, не подлежат уголовной ответственности).

Вышеизложенное определенно затрудняет определение статуса рассматриваемых мер в системе мер уголовно-правового воздействия. Но при этом отмеченная выше принудительно-некарательная направленность акцессорных мер очевидно может служить обоснованием их особого места в структуре уголовно-правового воздействия, которое определяется:

- с учетом особого субъектного состава лиц, в отношении которых они могут применяться;
- с учетом особых юридических характеристик совершенного лицом противоправного посягательства.

На основании изложенного, в параграфе представляется необходимым сделать следующие выводы:

В уголовном законодательстве России получила развитие интеграция мер уголовно-правового воздействия, структурировавшихся вокруг нескольких сфер правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния. Совокупность характеристик обстоятельств содеянного и личности лица, совершившего общественно опасное

деяние, позволяет определить необходимость применения к нему мер уголовного наказания, акцессорных мер уголовно-правового характера, а также мер, связанных с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания.

Уголовно-правовое воздействие – это предусмотренная уголовным законодательством ответная реакция государства на совершение общественно опасного деяния, выраженная в применении мер уголовно-правового воздействия (наказание, акцессорные меры, освобождение от уголовной ответственности и наказания) и способная получать преобразование в зависимости от юридических фактов вторичного порядка, возникающих после ее реализации.

Мерой уголовно-правового воздействия является наиболее соответствующий объективным, относящимся к совершенному общественно опасному деянию, и субъективным, относящимся к личности лица его совершившего, обстоятельствам вид установленных в санкции нормы Особенной части УК РФ, по которой квалифицируется содеянное, или в диспозиции нормы Общей либо Особенной частей УК РФ, в которой предусмотрен способ привилегированного или исключительного правового реагирования, первичных юридических последствий, реализуемых государством в качестве реакции на совершение общественно опасного посягательства.

В объем уголовно-правового воздействия входят:

- непосредственно меры уголовно-правового воздействия, которые выступают базовыми средствами разрешения уголовно-правового конфликта и реализуются государством в качестве первичной ответной реакции на совершенное общественно опасное деяние (наказание, акцессорные меры, виды освобождения от уголовной ответственности и отдельные виды освобождения от наказания);

- корректирующие средства уголовно-правового воздействия, реализуемые в механизме примененных ранее уголовно-правовых мер и обусловленные возникновением вторичных юридических фактов в рамках уже урегулированных уголовным законом охранительных отношений (замена неотбытой части более мягким наказанием, замена назначенного наказания на более строгое, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания,

виды освобождения от наказания, реализуемые в рамках уголовно-исполнительных отношений, отмена условного осуждения и др.);

- сопутствующие средства уголовно-правового воздействия, позволяющие изменять правовой статус лица, совершившего преступление, помимо реализуемой уголовно-правовой меры (судимость, снятие и погашение судимости и др.).

В зависимости от соотношения с уголовной ответственностью меры уголовно-правового воздействия дифференцируются на два типа мер: связанные с реализацией уголовной ответственности и акцессорные меры уголовно-правового характера. Связанные с реализацией уголовной ответственности меры включают в себя меры освобождения от уголовной ответственности и меры привлечения к уголовной ответственности, которые, в свою очередь, делятся на меры привлечения к уголовной ответственности с назначением и без назначения наказания. Акцессорные меры уголовно-правового характера дифференцируются на вариативные и дополнительные меры. Вариативные меры исключают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности. Дополнительные меры сопровождают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности, а также отдельных вариативных мер.

Место акцессорных мер в иерархии уголовно-правового воздействия определяется их воспитательным, медицинским, имущественным механизмом воздействия, особым субъектным составом потенциальных адресатов применения и специальными юридическими характеристиками противоправных посягательств, в связи с совершением которых они могут применяться.

Принудительно-некарательная направленность акцессорных мер уголовно-правового характера обуславливает их самостоятельное место в структуре уголовно-правового воздействия, отличное от наказания и видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

§ 1.3. Социально-правовая обусловленность акцессорных мер уголовно-правового характера

Структура общественных отношений включает в себя совокупность гарантий поддержания правопорядка в обществе, в том числе, меры охраны и защиты от противоправных посягательств, способы реагирования на преступные действия, меры восстановления социальной справедливости. Принцип верховенства права, разработанный в концепции правового государства, требует урегулированности на уровне закона наиболее значимых общественных отношений¹. В этой связи ни публичные интересы, выражающие общественное благо, ни частные интересы отдельных граждан не могут игнорироваться или умаляться², а базисные правовые ценности должны находиться под надежной юридической защитой³.

Из этого следует, что перечень задач Уголовного кодекса РФ, включающих как предупреждение преступлений, так и выстраивание охранительных инструментов в целях противодействия посягательствам на важнейшие права и законные интересы граждан, общества и государства, должен содержать отсылку к конкретным способам их осуществления. Среди них ч. 2 ст. 2 УК РФ называет установление видов уголовного наказания и иных мер уголовного правового характера за совершение преступлений.

Говоря о социально-правовой обусловленности иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера, первоначально необходимо кратко раскрыть общую проблематику, относящуюся к охране социальных ценностей с помощью правовых установлений. Так, центральными свойствами права теоретики признают его общественную природу, то есть соответствие социальным потребностям, и нормативность, которая, наряду с формальной определенностью, создает границы правового регулирования⁴. Формирующийся в настоящее время

¹ Чиркин В.Е. Верховенство права в правовом государстве: терминологические вопросы конституционного права // Право и современные государства. – 2016. – № 5. – С. 9–20.

² Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 71–72.

³ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2002. С. 390.

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2017. С. 152–154; Перевалов В.Д. Теория государства и права. М., 2017. С. 37–39; Протасов В.Н. Теория государства и права. М., 2018. С. 184–188; Теория государства и

«человекоцентристский тип правопонимания» подразумевает, что право человека становится высшей ценностью в системе ценностно-нормативной регуляции¹. Исходя из этого, существование альтернатив уголовной репрессии выглядит оправданным, а сбалансированное применение правовых методов убеждения и принуждения подразумевает также и дозированную интенсивность воздействия.

Понятие «социальный контроль», введенное в научный оборот Г. Тардом, подразумевало установление способов правового реагирования на общественно опасное поведение людей², и в этом качестве стало инструментом для определения последствий проявления девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения³. Интенсивность контроля и его видовое разнообразие получили нормативное закрепление, в первую очередь, в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства⁴.

Невозможность обеспечения неограниченной свободы в рамках социума, к выводу о которой ученые пришли достаточно давно, обосновав его вероятным нарушением одним лицом свободы других⁵, требует регулятивного воздействия на акты противоправного поведения. При этом в Конституции РФ человек, его права и свободы признаны высшей ценностью государства (ст. 2). Принимая на себя меры по их соблюдению и защите, государство в лице правоохранительной и судебной системы обеспечивает выявление и пресечение преступлений, применение справедливого воздействия к лицам, признанным виновными в их совершении.

Независимость преступности от принимаемых государством мер противодействия ей обоснованно подвергается сомнению⁶. В равной степени представляется верным тезис о неэффективности пунитивного подхода в

права / под ред. В.К. Бабаева. М., 2014. С. 243–255; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 296–316.

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 327–328.

² Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2009. С. 34–41.

³ Deflem M. Deviance and Social Control // The Handbook of Deviance / ed. by E. Goode. Malden, MA: Wiley Blackwell, 2015. P. 30–44.

⁴ Сергеев Д.Н. Социальные и правовые аспекты постпенитенциарного контроля: монография. М., 2017. С. 7.

⁵ Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии. Популярныe юридические очерки. СПб., 1910. С. 18–50; Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2-х ч. Ч. 1. М., 1997. С. 222.

⁶ Гончаров Д.Ю. О соотношении «уголовно-правового» и «криминологического» в законодательстве о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 3. – С. 85–91.

законотворчестве и правоприменении¹. Довод о социогенном характере противодействия преступности² также выглядит вполне обоснованным. Руководствуясь названными суждениями, можно заключить, что на данном этапе развития цивилизации инструментарий противодействия преступности отражает социальный запрос на разнообразие и вариативность.

Уголовный закон (ч. 2 ст. 2 УК РФ), хотя и не разграничивает по степени интенсивности наказания и акцессорные меры уголовно-правового характера, как представляется, все же подразумевает такую дифференциацию. Иными словами, уже в терминологической связке «наказание и иные меры уголовно-правового характера», использующейся в ряде других статей УК РФ (например, ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 7), заложен принцип альтернативности, позволяющий – с учетом характера и степени общественной опасности деяния и личности виновного – применять к нему или наказание, или акцессорные меры уголовно-правового характера. Хотя не исключено и их совокупное назначение.

Исходя из этого, следует признать справедливым утверждение о том, что социальная обусловленность уголовно-правовой охраны определяется в настоящее время совокупностью конституционных и отраслевых правовых норм, посредством которых устанавливаются ее пределы³. Императивное требование отражения в уголовном законодательстве всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния, изложенное в ч.1, ст. 3 УК РФ предопределяет актуальность изложенной позиции.

При этом уголовно-правовой запрет устанавливает исчерпывающие границы и характерные черты преступного поведения⁴, а также перечень негативных юридических последствий, наступающих в случае совершения общественно опасных посягательств. Каждое преступление характеризуется не только как

¹ Хильгендорф Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 1. – С. 111–141.

² Новичков В.Е. Проблемы обеспечения разработок концепции борьбы с преступностью в ходе уголовно-политического прогнозирования // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 6. – С. 86–92.

³ Мартыненко Н.Э. Социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны потерпевших // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 6–9.

⁴ Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. С. 5.

правовое явление, но и как социально обусловленное, обладающее особенными закономерностями развития¹. Соответственно, поскольку видовое разнообразие актов преступного поведения весьма значительно (на примере уголовного законодательства России можно видеть, что их количество уже превышает 350), то и названные юридические последствия должны варьироваться.

Кроме того, на основе эволюционирующих в каждый исторический период представлений о социальной ценности благ и их уголовно-правовой охране получают развитие позиции о должной мере негативных последствий, которые наступают для лица, преступившего закон. Подобно тому, как исторически трансформировались представления о целях наказания, имело место формирование социальной потребности в применении иных (вспомогательных) мер уголовно-правового характера (прежде всего, к лицам, характеризующимся отсутствием деликтоспособности или ограниченной деликтоспособностью).

Впоследствии такая потребность оформилась в социальную необходимость и приобрела качественное наполнение в уголовно-правовых нормах, выделившихся, как справедливо полагают ученые², из положений о наказаниях, поскольку тем самым удовлетворялся общественный запрос на расширение некарательных мер воздействия на лиц, совершивших преступления. Поскольку институт иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера выступает производным от института наказания, появляется дополнительное основание говорить о его социально-правовой, а не только социальной обусловленности. Акцессорные меры сформировались внутри структуры правовых норм под влиянием изменившихся, эволюционировавших аксиологических представлений с учетом значительного расширения круга запрещенных уголовным законом посягательств.

Социальная необходимость и ее трансформация в уголовно-правовую норму имеет место, как полагают некоторые авторы, с учетом устоявшихся социальных

¹ Тоболкин П.А. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 7.

² Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2009. С. 35–41; Сундуrow Ф.Р., Боковня А.Ю. Проблемы систематизации мер уголовно-правового характера // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – № 2. – С. 251–254.

отношений и предпочтений¹. Это утверждение представляется верным, однако нуждается в некоторой корректировке.

Так, по данным социологических исследований, за последние годы существенно увеличилась доля респондентов, полагающих, требуется принятие дополнительных к уже существующим мерам защиты интересов несовершеннолетних (с 36 до 56%). В то же время, 70% респондентов не может четко ответить, какие именно меры нужны, а идея учреждения полноценного института ювенальной юстиции с реализацией в нем концепции восстановительного правосудия, подразумевающей приоритет мер воспитательного воздействия, а не наказания, значительным количеством участников опроса отвергается (38% полагает, что это снизит авторитет семьи в обществе, 30% возражает немотивированно)².

В отсутствие ярко выраженных и сформулированных предпочтений социальный запрос на установление особого отношения к несовершеннолетним правонарушителям трансформируется в различные инициативы совершенно противоположной направленности (например, в 2013 и 2017 гг. в Государственную Думу РФ вносился проект закона, подразумевавший снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет³; имели место предложения заменить «христианской моралью» механизмы оценки психологического и морального вреда⁴). Можно отметить и то, что некоторыми исследователями вообще ставится под сомнение социальная обусловленность особого отношения к несовершеннолетним

¹ Харьковский Е.Л., Середин А.А. Социальная обусловленность особого уголовно-правового статуса сотрудников правоохранительных органов // Вестник Института: Преступление. Наказание. Исправление. – 2017. – № 2. – С. 13–18.

² Забота о детях или удар по семье: инфографика ВЦИОМ // ВЦИОМ [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/family/article/juvenalnaja-justicija-za-i-protiv.html> (дата обращения: 26.06.2018).

³ Козлова Н. Не детский возраст: в Госдуме предлагают поменять закон и начать судить за серьезные преступления с 12 лет // Российская газета. 16.10.2017. № 234 (7400).

⁴ Тимошина Е.М. Ювенальные технологии как угроза этнической идентичности народа России // Русская народная линия [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/04/08/yuvenalnye_tehnologii_kak_ugroza_etnicheskoj_identichnosti_naroda_rossii/ (дата обращения: 26.06.2018).

правонарушителям, широкое применение к ним как условного осуждения, так и принудительных мер воспитательного воздействия¹.

В этой связи отметим, что по-прежнему остается верным утверждение о том, что в ряде случаев правообразующим фактором является не социальная, а государственная потребность (политическая целесообразность), которая доминирует над общественным сознанием и приводит к появлению уголовно-правовых норм². В частности, именно с этой точки зрения объяснимо принятие ряда законодательных решений, относящихся как к криминализации общественно опасных деяний (например, предусмотренных ст. ст. 212.1, 354.1 УК РФ, общественная опасность которых сочетается с возможной политической мотивированностью соответствующих законодательных решений³), так и к установлению иных мер уголовно-правового характера (например, судебного штрафа, который, помимо исправительно-воспитательного эффекта имеет и весомую экономическую составляющую, важную для федерального бюджета: только за 2017 г. в порядке, предусмотренном ст.ст. 76.2, 104.4 УК РФ, было выплачено 171,13 млн руб., а в 2018 г. эта сумма практически удвоилась, составив 344,7 млн руб., в 2019 г. достигла 485,57 млн руб., в 2020 г. 544,89 млн., а в 2021 г. 581,42 руб.⁴). Соответственно, вариативность выбора средств правового реагирования на совершение общественно опасных посягательств в отдельных случаях возможно связывать как с их социальной, так и экономической обусловленностью.

Таким образом, социально-правовая обусловленность установления правовой охраны общественных отношений и ее границ связана с диверсифицированным представлением о социальной потребности, с

¹ Сутурин М.А. К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С. 63–65.

² Кузнецова Н.Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Правовые исследования: сборник научных статей. Тбилиси, 1977. С. 36–45.

³ Питулько К.В. К вопросу об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма // Роль науки в развитии социума: теоретические и практические аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб., 2018. С. 337–339.

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017-2021 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 25.10.2022).

возникновением конкретных индикаторов, ее отражающих, а также с учетом критериев, благодаря которым может быть дана оценка эффективности вероятных изменений действующего законодательства. Исходя из этого, аналогичные особенности присущи и установлению способов уголовно-правовой охраны общественных отношений: наказаний и аксессуарных мер уголовно-правового характера.

Диверсифицированное представление о социальной потребности находит свое отражение в том, что законодатель структурирует охрану общественных отношений с учетом характера и степени общественной опасности возможных посягательств. Еще в 70-х годах XX в. в научной литературе высказывались доводы в пользу разграничения преступлений и уголовных проступков, то есть деяний с низкой степенью общественной опасности, которые не должны влечь за собой назначение наказания, если исправление осужденного возможно с помощью иных мер уголовно-правового характера¹. Отказ от реализации данной инициативы привел к тому, что в 1992-2001 гг. более 1,5 млн взрослого населения страны привлекалось к уголовной ответственности, а в 2002-2017 гг. – порядка 0,9 млн, что справедливо признается причиной значительной криминализации общества². В этой связи укажем, что гуманизация уголовной политики государства немислима без дифференциации круга преступлений, назначение наказания за совершение которых не является безусловным.

Иное означало бы отказ эволюционных преобразований в части индивидуального подхода в механизме привлечения лица к уголовной ответственности. С учетом того, что в правовой доктрине выделено свыше двадцати факторов, обуславливающих объем, способы и характер криминализации деяний³, надо полагать, что отдельные из них оказывают влияние и на формирование представлений о возможности и целесообразности применения

¹ Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского государственного университета. Серия «Право». – 1977. – № 2. – С. 7–8; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 167–170.

² Гаврилов Б.Я. Перспективы возвращения уголовного проступка в российское законодательство // Вестник Института: Преступление. Наказание. Исправление. – 2017. – № 2. – С. 9–13.

³ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: вопросы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 49–50.

аксессуарных мер уголовно-правового характера. Такие представления, в свою очередь, детерминируют социальную потребность в том, чтобы не каждое преступное посягательство влекло за собой уголовное наказание. Указанная потребность опирается на понимание справедливости, подразумевающее, в том числе, разумное сочетание более или менее строгих мер воздействия на правонарушителей.

С другой стороны, в ряде случаев, наоборот, потребность заключается в обеспечении безопасности общества от лиц, к которым не могут быть применены меры наказания (в связи с наличием психического состояния, исключающего вменяемость, недостижением полной деликтоспособности). И наконец, возможна ситуация, в которой оптимальным представляется сочетание наказания и аксессуарных мер уголовно-правового характера (так, в одном из опросов респонденты ВЦИОМ демонстрировали устойчивую убежденность в том, что в связи с распространенностью преступлений коррупционной направленности к лицам, их совершившим, необходимо применять наказание в виде штрафа и одновременно – конфискацию имущества, чтобы разрушить благосостояние коррупционеров и не допустить вывод активов за пределы российской юрисдикции¹).

Если соглашаться с авторами, утверждающими, что не все законодательные решения, относящиеся к уголовно-правовому регулированию общественных отношений, социально обусловлены², необходимо отметить, что в части установления аксессуарных мер уголовно-правового характера это проявляется, полагаем, в их избирательной адресации правоприменителю.

В уголовном законодательстве в целом прослеживается подход, исключающий обязательность применения аксессуарных (в первую очередь, вариативных) мер уголовно-правового характера. Положения о судебном штрафе, принудительных мерах воспитательного воздействия содержат конструкции

¹ Коррупция: преступление и наказание // ВЦИОМ [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116033> (дата обращения: 26.06.2018).

² Ключко А.Н., Кулиш А.Н., Резник О.М. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны банковской деятельности на Украине // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 790–800.

«может быть освобожден судом», «могут быть назначены судом» и т.п. Это приводит к тому, что даже те из них, которые не имеют заведомо установленных ограничений для применения (таковые имеют, например, принудительные меры медицинского характера или возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании, субъектный состав которых установлен императивно), с высокой степенью вероятности, не получают должного распространения.

Традиционно считается, что в основе криминализации деяний лежит общественная опасность, то есть их способность причинить вред охраняемым интересам личности, общества и государства. Как представляется, при установлении акцессорных мер уголовно-правового характера, данный признак также учитывается, и, исходя из более низкой или более высокой степени общественной опасности, рассматриваемые меры уголовно-правового характера могут становиться, в случаях, предусмотренных законом, альтернативой наказанию, установленному в санкции уголовно-правовой нормы.

Если социальная обусловленность уголовно-правового запрета определяется экономическими факторами, социальной ценностью общественных отношений, эффективностью правовой охраны¹, то в контексте акцессорных мер уголовно-правового характера имеют значение также гуманизация уголовной политики и справедливость дифференцированного отношения к правонарушителям. Иными словами, возможность их ресоциализации без применения мер наказания становится определяющей в структуре аксиологической обоснованности законодательного закрепления альтернативных уголовной ответственности мер. С другой стороны, справедливое, то есть соответствующее общественно опасному посягательству и личности его совершившему лицу уголовно-правовое воздействие в отдельных случаях невозможно обеспечить применением какой-либо одной меры. Необходима индивидуальная корректировка правового статуса лица комбинацией нескольких мер.

Соответственно, индикаторами социально-правовой обусловленности иных мер уголовно-правового характера являются представления о справедливости,

¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 171.

вследствие которой лицо, совершившее общественно опасное деяние, признается адресатом не только социального негодования, но и сострадания либо данное лицо нуждается в особом индивидуальном подходе, сочетающим различные, в первую очередь, карательные и некарательные типы воздействия.

Социально-правовая обусловленность иных мер уголовно-правового характера подразумевает формирование совокупности уголовно-правовых норм, определяющих объем и содержание каждой из них, ее систематизацию и последующую оптимизацию правоприменительной деятельности с учетом реальной потребности общества в наличии иных, нежели наказание, уголовно-правовых инструментов, позволяющих восстановить социальную справедливость, загладить причиненный преступлением вред, обеспечить ресоциализацию лица, совершившего общественно опасное деяние, и предупреждение совершения соответствующих деяний в будущем.

В правовой доктрине социальная обусловленность уголовно-правовых норм достаточно давно определяется с учетом следующих критериев: причинение деянием существенного вреда общественному отношению, антиобщественная ориентация лица, распространенность деяния и его повышенная угроза для общества, неэффективность других некриминальных мер, способность общественного сознания воспринять это деяние как преступление, введение уголовной ответственности отвечает развитию общества и принципам уголовного права¹. Соглашаясь с этим, укажем, что обусловленность установления вариативных или дополнительных уголовно-правовых последствий совершения общественно опасных деяний измеряется этими обстоятельствами несколько иначе.

Так, причинение вреда общественному отношению требует соизмерения с его важностью и характеристиками вреда как восполнимого или невосполнимого. Антиобщественная ориентация правонарушителя оценивается во взаимосвязи с интенсивностью и глубиной девиантных установок. Распространенность деяния и

¹ Кригер Г.А., Кузнецова Н.Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. М., 1977. С. 34.

степень угрозы для социума – в сочетании с тем, насколько воздействие назначаемых наказаний приводит к полному исправлению осужденного.

Далее, подлежат прогностической оценке способность общественного сознания принять необходимость применения не наказания, а иной меры уголовно-правового характера, а также уровень развития общества, в силу которого исключительное применение уголовной репрессии не одобряется. Неэффективность других криминальных мер, о которых говорится в контексте необходимости криминализации деяний, уступает в данном случае место оценке вероятной эффективности отказа от назначения наказания.

Исходя из этого, критериями, характеризующими социально-правовую обусловленность установления в уголовном законодательстве вариативных мер уголовно-правового характера, могут быть названы:

- в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законе всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния;

- отсутствие необходимости реализации уголовной ответственности ввиду специфики отдельных общественно опасных посягательств;

- необходимость отражения индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особыми характеристиками;

- способность вариативных форм реализации принудительного сегмента уголовно-правового воздействия, исключающих уголовную ответственность, обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами целей;

- социальный запрос на законодательное закрепление способов уголовно-правового воздействия, исключающих уголовную ответственность.

Критерии, характеризующие социально-правовую обусловленность установления в уголовном законодательстве дополнительных мер уголовно-правового характера, имеют некоторые отличия. Полагаем, что их содержание сводится к следующему:

- в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законодательстве всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния;

- недостаточность мер уголовной ответственности либо мер, направленных на освобождение от уголовной ответственности, для достижения целей уголовно-правового воздействия;

- необходимость отражения в законодательстве индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особенными характеристиками, а также лиц, совершивших общественно опасные посягательства определенной специфики;

- способность дополнительного уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами уголовно-правового характера целей;

- социальный запрос на законодательное закрепление дополнительных уголовно-правовых последствий общественно опасного деяния.

Учет совокупности этих критериев позволяет прогнозировать вероятный эффект от установленных иных мер уголовно-правового характера и определяет целесообразность их включения в уголовный закон. В конечном итоге показатели эффективности принятых нормотворческих решений могут группироваться вокруг сокращения количества лиц, осужденных к различным видам наказаний, числа осужденных, находящихся в местах лишения свободы, рецидивистов.

В России указанные показатели не вполне благоприятны: по состоянию на 1 июня 2018 г. в учреждениях ФСИН России содержалось 592,5 тыс. человек (при этом количество заключенных в расчете на 100 тыс. населения в РФ составляет 439, что в разы превышает аналогичный показатель по всем странам Европы, а уступает в основном тем государствам, в которых проживает значительно большее количество населения: например, США, Китаю¹). По состоянию на 1 сентября 2019 г. количество осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, составило 536,7 тыс. человек (а на 1 июня 2020 – 501,4 тыс.), то есть можно

¹ Российская газета. 09.03.2016. № 48 (6916).

констатировать процесс сокращения «тюремного населения». В начале 2022 года число данных лиц снизилось до 465,9 тыс., что на 3,5% меньше, чем в начале 2021 года. Однако к весне 2022 года соответствующий показатель вновь немного увеличился, составив 466,6 тыс. человек¹.

При этом выборочные данные показывают, что только с помощью уголовного наказания или частичной декриминализации общественно опасных деяний (такой опыт также имел место в 2003-2016 гг. и не получил единого одобрения ученых²) процесс противодействия преступности демонстрирует положительную динамику только в ее зарегистрированном, учтенном кластере и не затрагивает глубинные тенденции формирования преступного поведения.

Далее подобно тому, как некоторые авторы подразделяют предпосылки криминализации общественно опасных деяний на основные и факультативные³, представляется необходимым предпринять попытку установления аналогичных градаций в отношении института иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера.

К основным предпосылкам установления акцессорных мер уголовно-правового характера необходимо, во-первых, отнести изменение структуры общественных отношений, вследствие чего необходимость максимально строгой уголовно-правовой охраны может быть поставлена под сомнение. Например, ежегодно судами России прекращается около 28% уголовных дел (в том числе, до 40% дел о преступлениях несовершеннолетних, примерно по 25% дел о преступлениях небольшой и средней тяжести)⁴. Таким образом, практически каждому третьему подсудимому наказание не назначается, то есть судом констатируется, что эти лица не нуждаются в применении тех средств исправления,

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 27.09.2022).

² Артюшина О.В. Частичная декриминализация побоев как мера экономии уголовной репрессии // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 44–46; Гармаш А.М. О некоторых недостатках действующего российского уголовного законодательства в сфере охраны предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 305–309.

³ Юрков С.А. Социальные предпосылки криминализации нарушений авторских и смежных прав: теоретический аспект // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2014. – № 1. – С. 21–31.

⁴ Верховный Суд РФ подвел итоги 2017 года // РБК [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/02/21/5a8bc7c29a79470b82780b67> (дата обращения: 27.06.2018).

которые заложены именно в наказании. Одновременно это не означает возможность полного и безоговорочного избежания субъектом негативных последствий, возникающих в связи с совершением общественно опасного деяния.

Вторая основная предпосылка установления акцессорных мер уголовно-правового характера, на наш взгляд, связана с дроблением уголовно-правовых последствий совершения общественно опасного деяния, обусловленным невозможностью универсального реагирования на разные формы преступной деятельности. Такая необходимость появляется на определенном этапе развития цивилизации в связи с осознанием обществом невозможности универсального реагирования на преступное поведение, приобретающее многообразные формы. Соответственно, в дальнейшем вследствие дискреционных полномочий законодателя имеет место дифференциация уголовно-правовых последствий совершения преступления, и на этом фоне появляются акцессорные меры уголовно-правового характера.

В ряде случаев с помощью них уголовно-правовые последствия усугубляются (например, в новейшей истории российского уголовного законодательства такое имело место дважды: в 2006 г. при восстановлении конфискации имущества в статусе иной меры уголовно-правового характера, что обосновывалось потребностями противодействия коррупции¹, и в 2012 г. при установлении обязательного применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения в форме педофилии²).

В этом контексте важно упомянуть мнение авторов, по утверждению которых грань между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера фактически нивелируется, поскольку законодатель допускает их одновременное

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» (по сост. на 06.07.2016) // Российская газета. 29.07.2006. № 165 (4131).

² Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. 02.03.2012. № 46 (5719).

применение¹. Однако, принцип реализации акцессорных мер вне объема уголовной ответственности, о чем мы сделали выводы ранее, не позволяет нам согласиться с высказанной позицией. Связь дополнительных мер уголовно-правового характера с уголовной ответственностью обеспечивает индивидуализация уголовно-правового воздействия в рамках самостоятельных сфер применения разного типа мер.

К третьей основной предпосылке мы относим экономические условия жизни общества, которые придают отдельным законодательным решениям об установлении акцессорных мер уголовно-правового характера статус дополнительного источника бюджетных поступлений. Полагаем, что в части судебного штрафа выдвинутое нами предположение является наиболее состоятельным.

Факультативные или дополнительные предпосылки установления акцессорных мер уголовно-правового характера, в отличие от обязательных (основных), охватывают некоторые субъективные аспекты формирования уголовной политики государства в конкретный исторический период, отражают историческую изменчивость взглядов на противодействие преступности и на отношение к преступнику.

Во-первых, это переосмысление сингулярности (особенности) праворегулирующей функции уголовно-правового запрета. Так, сложившийся доктринальный подход предполагает, что данная функция реализуется только посредством наказания². Однако опыт развития цивилизации показывает, что снижение социальных издержек в ходе противодействия преступности предполагает обращение к иным, нежели наказание, мерам, применяемым в отношении правонарушителей. Главенствующее место наказания в механизме уголовно-правовой охраны, определенное А.Ф. Кистяковским³, сегодня не является бесспорным, поскольку уголовная политика государства формируется под

¹ Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149. – № 6. – С. 221–225.

² Сундуров Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 18.

³ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. М., 2014. С. 304.

влиянием идеи экономии репрессии. В целях «борьбы со случайным преступным людом» (образное определение, данное А.А. Пионтковским цели условного осуждения¹) потенциал акцессорных мер уголовно-правового характера представляется достаточно высоким.

Кроме того, необходимо обратить внимание на трансформацию идеи борьбы с преступностью в идею противодействия ей. Если «борьба» подразумевала, в том числе, достижение конечной цели искоренения преступных проявлений, а в настоящее время – использование различных стратегий профилактической направленности², то «противодействие» – установление контроля над ними. В современный период некоторые авторы обосновывают перспективы именно борьбы с преступностью с превращением ее в будущем в «относительно небольшое число эксцессов», влекущее за собой изоляцию от общества³. Однако это представляется утопичным, тогда как современные концепции противодействия преступности основываются на структурировании ее «управляемого» состояния, в том числе, с помощью новых антикриминогенных законодательных инициатив⁴.

Во-вторых, в качестве дополнительной предпосылки установления иных мер уголовно-правового характера можно отметить универсальный вектор гуманизации уголовной политики государства, предполагающий расширение некарательных средств воздействия на правонарушителей. В литературе справедливо отмечается, что общая государственная политика последних лет ориентирована на гуманизацию уголовного законодательства⁵, в том числе, путем ориентации на введение в уголовный кодекс категории «уголовный проступок».

В этой связи отказ от применения исключительно карательного воздействия к лицам, совершившим преступления, справедливо признается закономерным⁶. В

¹ Пионтковский А.А. Об условном осуждении или испытании. Уголовно-политическое исследование. Одесса, 1894. С. 107.

² Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2018. С. 14–35.

³ Мацкевич И.М. Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7. – С. 10–18.

⁴ Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России: монография. М., 2016. С. 5.

⁵ Лапшин В.Ф. Предупреждение незаконной банковской деятельности в контексте гуманизации современной уголовной политики // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 5. – С. 38–43.

⁶ Уразбаев Р.Ш. Условное осуждение: наказание или освобождение от наказания? // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 3. – С. 91–99.

обществе поэтапно формируется приемлемое отношение к некарательным, в том числе, аксессуарным, мерам уголовно-правового характера, формирование убежденности в их действительном эффекте при применении к правонарушителям.

В ходе подготовки настоящего исследования нами проводился социологический опрос правоприменителей разных групп, относящийся, в том числе, к определению соотношения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Большинство респондентов высказалось в поддержку того, что некарательные средства способны обеспечивать достижение целей уголовно-правового воздействия и, в целом, являются эффективными (53%). В то же время, 27%, то есть более четверти опрошенных, отметили, что наказание, в целом, является предпочтительным вследствие большей строгости, более высокой интенсивности принуждения и возможности изоляции осужденного от общества.

Учитывая, в том числе, полученные нами данные можно заключить, что толерантное отношение к применению некарательных средств разрешения уголовно-правового конфликта в российском обществе сформировалось не в полной мере. Но преобладание среди ответов позиции, характеризующей их эффективность, позволяет рассчитывать, что соответствующие меры, в том числе аксессуарные, будут поставлены на более высокий уровень востребованности.

Среди факультативных предпосылок установления иных мер уголовно-правового характера можно выделить и соответствующий уровень правосознания общества, связанный с наличием нравственно-психологических особенностей граждан, нарушающих уголовно-правовой запрет в качестве проявления правового нигилизма. В правовой доктрине обоснованно обращается внимание на то, что указанные обстоятельства усугубляют темпы криминализации общества¹.

С учетом высокой доли преступлений небольшой и средней тяжести в структуре зарегистрированной преступности (по данным за 2017 г., например, из 2 млн. зарегистрированных преступлений 1,6 млн. (80%), за 2018 – из 1,99 млн. зарегистрированных преступлений около 1,55 млн. (78%), за 2019 – из 2,02 млн.

¹ Королева М.В. К оценке уровня криминализации российского общества // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1. – С. 124–134.

преступлений около 1,53 млн. (75,5%), за 2020 – из 2,04 млн. преступлений около 1,48 млн. (72,4%), в 2021 году из 2 млн. около 1,4 млн. (70%)¹) можно констатировать тот факт, что вследствие недостаточной правовой культуры граждане длительное время сохраняют своеобразный инфантилизм, из-за чего совершают общественно опасные посягательства. Преодоление правового нигилизма и повышение уровня правовой культуры не значит, к сожалению, в структуре стратегических государственных задач. Однако очевидно, что с помощью одних только наказаний данная проблема решена быть не может.

Говоря о «кризисе наказания», ученые подчеркивают, что его последствием становится потребность в выработке тактики социального контроля над преступностью². Если в отношении лиц, уже отбывающих наказание, в современный период внедряются прогностические методики³, определяющие вероятность рецидивного совершения преступления в будущем, то в отношении более широкой группы риска, а именно всей совокупности потенциальных правонарушителей, включая освобожденных от уголовной ответственности с применением аксессуарных мер, такая работа проводится явно на недостаточном уровне.

Принятый в 2016 г. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ»⁴, хотя и содержит развернутый перечень мер индивидуальной профилактики, распространяется на широкий круг лиц, склонных к антиобщественному поведению (п. 6 ст. 2), но не содержит нормы, касающиеся профилактического воздействия во взаимосвязи с применением иных (аксессуарных) мер уголовно-правового характера. Понятие правонарушения рассматривается только в контексте последствий в виде уголовной или административной ответственности, что не позволяет в полном объеме применять

¹ Сведения о зарегистрированной преступности // Портал правовой статистики [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.10.2022).

² Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российские реалии, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. – 2013. – № 7. – С. 42–58.

³ Новиков Е.Е. Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным мерам уголовного наказания // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8. – С. 153–159.

⁴ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 28.06.2016. № 139 (7007).

профилактические меры к лицам, освобожденным от нее с применением аксессуарных мер.

Новая государственная программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2026 годы)»¹ направлена только на улучшение условий содержания осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, и конечные показатели, характеризующие ее реализацию, направлены только на достижение соответствия этих условий требованиям законодательства.

Пленум Верховного Суда РФ, хотя и уделяет внимание иным мерам уголовно-правового характера, до настоящего времени не систематизировал свои правовые позиции, ограничившись только отдельными разъяснениями по вопросам применения принудительных мер воспитательного воздействия², принудительных мер медицинского характера³, судебного штрафа⁴, конфискации имущества⁵.

Приведенные примеры позволяют отметить, что высшими органами законодательной, исполнительной и судебной власти социальный запрос на расширение и улучшение качества практики применения аксессуарных мер уголовно-правового характера не рассматривается как приоритетный. Вследствие этого правоприменительная практика складывается вокруг ставших традиционными мер реагирования на факты совершения преступлений, и темпы развития рассматриваемого правового института замедляются.

На основании изложенного, в параграфе представляется необходимым сделать следующие основные выводы:

¹ Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2026 годы)»: утв. пост. Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 // Правительство России [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://government.ru/docs/32277/> (дата обращения: 27.06.2018).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (по сост. на 26.12.2017) // Российская газета. 11.02.2011. № 29 (5405).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (по сост. на 26.12.2017) // Российская газета. 20.04.2011. № 84 (5460).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 07.12.2016. № 277 (7145).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 22.06.2018. № 134 (7597).

Социально-правовая обусловленность акцессорных мер уголовно-правового характера основана на диверсифицированной оценке общественной опасности противоправного поведения и личности адресата применения, вследствие чего возникает потребность в отказе от исключительно репрессивной формы реагирования на факт совершения общественно опасного посягательства либо в реализации кумулятивного типа воздействия, сочетающего применение одновременно нескольких мер к лицу, совершившему общественно опасное деяние.

Индикаторами социально-правовой обусловленности акцессорных мер уголовно-правового характера выступают представления о справедливости, вследствие которой лицо, совершившее общественно опасное деяние, признается адресатом не только социального негодования, но и сострадания либо данное лицо нуждается в особом индивидуальном подходе, сочетающим различные, в первую очередь, карательные и некарательные, типы воздействия.

Критериями, характеризующими социально-правовую обусловленность вариативных уголовно-правовых мер, являются:

- в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законе всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния;
- отсутствие необходимости реализации уголовной ответственности ввиду специфики отдельных общественно опасных посягательств;
- необходимость отражения индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особенными характеристиками;
- способность вариативных форм уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами целей;
- социальный запрос на законодательное закрепление способов принудительного уголовно-правового воздействия, исключающих уголовную ответственность.

Критериями, характеризующие социально-правовую обусловленность установления в уголовном законодательстве дополнительных мер уголовно-правового характера, выступают:

- в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законодательстве всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния;

- недостаточность мер уголовной ответственности либо мер, направленных на освобождение от уголовной ответственности, для достижения целей уголовно-правового воздействия;

- необходимость отражения в законодательстве индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особенными характеристиками, а также лиц, совершивших общественно опасные посягательства определенной специфики;

- способность дополнительного уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами уголовно-правового характера целей;

- социальный запрос на законодательное закрепление дополнительных уголовно-правовых последствий общественно опасного деяния.

К основным предпосылкам установления акцессорных мер уголовно-правового характера относятся:

- изменение структуры общественных отношений, вследствие чего отпадает необходимость максимально строгой уголовно-правовой охраны;

- дробление уголовно-правовых последствий совершения общественно опасного деяния, обусловленное невозможностью универсального реагирования на разные формы преступной деятельности;

- экономические условия жизни общества, которые придают отдельным законодательным решениям об установлении акцессорных мер уголовно-правового характера статус дополнительного источника бюджетных поступлений.

Факультативными предпосылками установления акцессорных мер уголовно-правового характера являются:

- переосмысление сингулярности (особенности) праворегулирующей функции уголовно-правового запрета и трансформация идеи борьбы с преступностью в идею контроля над ней в управляемом состоянии;
- универсальный вектор гуманизации уголовной политики государства, предполагающий расширение некарательных средств воздействия на правонарушителей;
- соответствующий уровень правосознания общества, связанный с наличием нравственно-психологических особенностей граждан, нарушающих уголовно-правовой запрет в качестве проявления правового нигилизма.

§ 1.4. Становление акцессорных мер в российском уголовном законодательстве

Исследование проблематики, связанной с уголовно-правовым воздействием на лиц, совершивших общественно опасные деяния, требует обращения к историческому опыту. Как известно, ретроспективное познание позволяет оценить достоинства и недостатки правового регулирования с учетом той дистанции, которая отделяет различные исторические эпохи от современности. Безусловным достоинством историко-правового метода является познание правовых явлений в их динамике, то есть в процессе эволюционного развития¹. Кроме того, гуманистическая сущность акцессорных мер уголовно-правового характера выкристаллизовалась в процессе историко-правового развития общества, обособившись от уголовного наказания, и поэтому исследование особенностей эволюции нормативных представлений об этих мерах представляет дополнительный научный интерес (как средство «взращивания» концепций, идей, взглядов, изменяющих представление о сущности и пределах правового регулирования²).

¹ Чистяков О.И. Избранные труды. М., 2008. С. 80–81.

² Луковская Д.И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // История государства и права. – 2007. – № 3. – С. 197–211.

Исторический метод научного познания давно зарекомендовал себя как важное средство для выявления особенностей развития правового регулирования общественных отношений, совершенствования способов их правовой охраны, оценки эффективности правовых норм, действовавших в отдельные исторические периоды¹. На примере института иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера можно отметить и когерентность (согласованность) с институтом наказания и постепенное внедрение в правосознание идеи не столько кары или исправления преступника, сколько обеспечения общественного блага (защита общества от лиц, совершивших общественно опасные деяния, будучи невменяемыми, восстановление справедливости при изъятии имущества осужденного в доход государства) или же экономии репрессии (в структуре судебного штрафа, принудительных мер воспитательного характера).

Кроме того, историко-правовой анализ позволяет интерпретировать содержание правовых актов, действовавших в различные периоды развития национальной государственности, и создать условия для современного доктринального толкования их положений². Посредством этого становится возможным получение новых научных знаний, основанных на взаимопроникновении предшествовавшего и современного правового опыта.

Руководствуясь вышеизложенным, обратимся к особенностям эволюции отечественного законодательства в части регламентации акцессорных, то есть отличных от наказания (уголовной ответственности) мер, применяемых к лицу в связи с совершением общественно опасного посягательства.

В уголовно-правовых исследованиях традиционно принята периодизация развития законодательства, тождественная основным глобальным этапам развития Российского государства³. В этой связи выделяют досоветский (с середины IX в. до 1917 г.), советский (1917-1991 гг.) и постсоветский (с 1991 г. до настоящего

¹ Петров А.В., Зырянов А.В. История и методология юридической науки. Челябинск, 2015. С. 127–136.

² Егорова О.А. Функции исторических и логических методов в юридическом познании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 26–35.

³ Арямов А.А. История уголовного права России. М., 2018. С. 4–6; Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. Ч. 1. М., 2014. С. 5.

времени) периоды¹. Полагая излишней дополнительную привязку в рамках досоветского периода к правлению отдельных лиц² или же к формированию основных научных школ³, будем придерживаться исторически достоверной хронологии, отражающей принятие и действие актов уголовного законодательства.

Еще до становления государственности, в период общинной (родовой) организации социума сформировались изначальные представления о наказуемости противоправного поведения. «Особо тяжкое нарушение условий существования общины» влекло за собой изгнание, ставшее первой формой применения общественно-карательной власти⁴. С учетом особенностей общинного быта славянских племен можно отметить, что отсутствие выраженной социальной дифференциации позволило в течение длительного времени сохранять правовое регулирование посредством обычая, а также использовать механизмы вечевого правления, а не единой княжеской власти⁵.

В силу совокупности геополитических, социально-экономических и иных обстоятельств формирование древнерусской государственности заняло длительный временной отрезок и завершилось к середине IX в. Среди первых памятников русского права необходимо отметить серию договоров Руси с Византией (907, 911, 945, 971 гг.), которые стали, с одной стороны, своеобразным «формуляром» (стандартом) внешней торговли того периода, а с другой, – источниками международно-правового характера, в которых была выражена обоюдная воля государств к установлению партнерских отношений⁶. Большинство положений этих договоров не имеет прямого отношения к уголовно-правовой сфере, однако, как справедливо отмечают ученые, «их появление было ответом на определенные общественные требования»⁷.

¹ Эриашвили Н.Д. Периодизация истории развития уголовного законодательства России о присвоении и растрате чужого имущества // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 6. – С. 124–130.

² Галузо В.Н. Юридические проблемы периодизации истории Российской Империи // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 146–150.

³ Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть. М., 2014. С. 22–52.

⁴ Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 39.

⁵ Грачев Н.И. Происхождение верховной власти у восточных славян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5. – С. 22–42.

⁶ Договор Руси с Византией / сост. М.В. Федоров. М., 2012. С. 21–35.

⁷ Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII веков. М., 2003. С. 53.

Так, если изначально реакцией на противоправное поведение были изгнание из общины или кровная месть, в Договоре 911 г. предусматривалось возмещение ущерба (в тройном размере за кражу или уничтожение имущества, ст. 7) и выплата компенсации (в форме передачи части имущества убийцы родственникам убитого, ст. 4). Невозможно назвать данные инструменты прямыми прообразами иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера, однако можно предположить, что появление названных средств предопределило возможность реализации соответствующих подходов в будущем (в частности, при установлении норм о конфискации имущества и судебном штрафе). Наличие элемента прямой выплаты, то есть осуществляемой непосредственно в пользу жертвы преступления или ее семьи, отвечало основным принципам правосудия того времени. Как известно, уголовный процесс имел тогда исковую направленность, и в центре тяжбы оказывалась жалоба потерпевшего, а уголовное преследование носило частный, а не публичный характер.

Значимым этапом в развитии отечественного права является крещение Руси (988 год), за которым последовали определенные преобразования общественно-политической жизни, перенос на русскую землю Номоканона – византийского сборника церковных правил и императорских указов¹, который был взят за основу некоторых княжеских Уставов. Так, влияние Византийского и канонического права проявилось в содержании Устава князя Владимира Святославовича (Церковного устава Владимира)², который выступил в качестве первого правового акта, установившего особый статус и полномочия церковной власти в Киевской Руси. За церковью были закреплены некоторые судебные полномочия, полномочия по надзору за системой мер и весов, а также право на содержание в виде десятины от княжеских доходов.

К подлежащим церковному суду были, в частности, отнесены дела о преступлениях против веры и церкви (об осквернении храмов, о церковной татьбе

¹ Череминская В.В. Влияние Византийского права на древнерусское законодательство X-XVII вв. (опыт сравнительного анализа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 15–25.

² Бондаренко Ю.В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – №4. – С. 274–276.

(краже), ограблении мертвых и др.), дела об оскорблениях, прелюбодеянии и разврате. Впоследствии список соответствующих дел получил расширение, как и варианты воздействия на нарушителей. Примечательно, что в одной из редакций Устава имелось положение о двойном наказании лица: в рамках церковного суда и в рамках высшего суда перед богом. При этом покаяние виновного позволяло избежать божественного наказания. Полагаем, что данное правило с существенной долей условности можно рассматривать в качестве прообраза современных правовых предписаний, касающихся смягчения воздействия на преступника в случае созидательного посткриминального поведения (в частности, судебного штрафа).

При рассмотрении вопроса влияния церковного (канонического) права на отечественное законодательство считаем важным уделить внимание примеру Западной Европы, где продолжительный период понятия греха и преступления доктринально не получали должного разделения¹, и в то же время прослеживалась идея о наказании для тела и для духа человека². При этом в части смягчения церковного наказания обращает на себя внимание реализация теории сатисфакции, то есть принесения богу за совершенный грех удовлетворения в виде претерпевания виновным определенных временных ограничений, пропорциональных содеянному, а также посредством добрых дел. В пенитенциалах (покаянных книгах) содержались перечни грехов и соответствующих им епитимий, которые налагались священниками или епископами в форме постов из воды и хлеба, обязанности неустанного покаяния перед господом, окружающими и т.п.

Помимо обязанности доказывать свое исправление добрыми делами и претерпеванием различных ограничений в пенитенциалах содержалось указание и на необходимость возмещения виновным материального вреда, причиненного содеянным. К примеру, в пенитенциалах Феодора изложено, что лицо, тайно или

¹ Проци П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / пер. с ит. И. Кушнаревой, пер. с лат. А. Апполонова. М., 2017. 512 с.

² Канторович Э.Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегина. М., 2015. С. 173.

явно крадущее деньги из церкви, должно возместить их в четверном размере, а «если он делает тоже у мирянина, то пусть возместит в двойном размере»¹. Соответственно, в богоугодных случаях церковное наказание могло быть заменено определенным материальным подношением, что, очевидно, в определенной степени схоже с современным подходом в реализации отдельных акцессорных мер уголовно-правового воздействия.

Исследователи указывают, что возможность замены покаяния на денежное возмещение привело к образованию систем редемпции и индульгенций, отличающихся между собой природой покаяния и субъектами его провозглашавшими². Со временем размеры ставок вносимой платы за индульгенции были упорядочены. В частности, в период правления Папы Иоанна XXII, были установлены конкретные таксы за отпущение грехов и, более того, в механизме получения индульгенции были задействованы переводные векселя, «путем которых папа трассировал подлежащие удовлетворению на том свете грехи за счет наличности небесного банка»³.

Далее, возвращаясь к исследованию отечественного опыта дифференциации мер уголовного воздействия, необходимо остановиться на Русской правде – кодексе феодального права⁴. Краткая редакция Русской правды ограничила кровную месть кругом родственников, а также предусмотрела в большинстве случаев взыскание с преступника штрафа, уплата которого знаменовала собой окончание уголовно-правовых последствий преступления (например, 3 гривны за нанесение побоев, ст. 2, 12 гривен за оскорбление действием, ст. 8)⁵. Однако это не был штраф в современном понимании (денежное взыскание, уплачиваемое в доход государства), эти суммы представляли собой скорее компенсацию в пользу потерпевшего. При этом достаточно интересны положения ст. 19 Краткой редакции

¹ Medieval handbooks of penance: a translation of the principal «libri poenitentiales» and selections from related documents / by John T. McNeill and Helena M. Gamer. New York: Columbia University Press, c1990. p. 186–187.

² Михайлов Д.О. Судебный штраф в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 30.

³ Гидулянов П.В. Загробная жизнь как предмет спекуляции или индульгенции в римско-католической и греко-православной церкви (фактические материалы). М., 1930. С.95–96.

⁴ Юшков С.В. Русская правда как кодекс русского феодального права // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 3-4. – С. 72–89.

⁵ Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 15–24.

Русской правды, в соответствии с которыми, если убьют огнищанина (представителя княжеской власти, должностное лицо) в разбое, требуется «вирное платить». «Вирное» получило трактовку как судебная пошлина, однако комментаторы Русской правды признают, что она не является однозначной¹. В сопоставлении с положениями ст. 42 Краткой редакции Русской правды можно заключить, что вира представляла собой штраф, уплачиваемый в пользу князя (то есть государства), и являлась не столько наказанием, сколько отличной от него мерой уголовно-правового характера.

Во-первых, продолжительность полномочий вирника (сборщика штрафов) определялась временным промежутком «пока не соберут виры», то есть пока не будет в полном объеме осуществлено взыскание причитающихся платежей.

Во-вторых, в других положениях Русской правды прямо указывается на компенсационный характер выплат в пользу потерпевшего, а применительно к вине – не указывается.

В-третьих, в условиях, когда понятие наказания в законодательстве отсутствовало, и в большинстве случаев личная ответственность преступника подразумевала компенсационное взаимодействие с жертвой, вира (штраф) представляется такой мерой, которая применялась, если это взаимодействие было невозможно или нецелесообразно. Публично-правовой статус потерпевшего (огнищанина, тиуна и др.) получал дополнительную правовую охрану в условиях наложения виры.

Безусловно, современная интерпретация альтернативных наказанию уголовно-правовых средств как средств с меньшим принудительным потенциалом не в полной мере согласуется с возможностью рассмотрения виры в качестве прообраза акцессорной меры уголовно-правового характера. Однако упоминание о ней целесообразно в целях констатации потребности того периода в дифференцированном подходе к воздействию на правонарушителей в зависимости

¹ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953. С. 81; Юшков С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2013. С. 43–44.

от особенностей посягательства, что заложено в основе регламентации отдельных современных акцессорных мер.

В Пространной редакции Русской правды¹ произошла дальнейшая дифференциация уголовно-правового воздействия. Развитие форм денежного взыскания – виры и продажи – сочеталось с применением за особо опасные преступления жестоких наказаний (например, наказание в виде потока и разграбления, отдаленный аналог конфискации имущества, применялось не только к самому преступнику, но и к членам его семьи, ст. 5). Так, А.Н. Попов, издавший в середине XIX в. подробнейшее исследование о влиянии Русской правды на развитие российского уголовного права, писал: «Уничтожение мести и денежное вознаграждение, платимое не только истцу, но и князю, – вот основная мысль, которая развивается во всех постановлениях»². Штрафы и компенсации как составляющие денежного взыскания с преступника традиционно признаются преобладающими видами наказания в законодательстве Древней Руси³, но, как представляется, это понимание несколько ограничено и не учитывает принудительный характер наказания, который в современной конструкции штрафа в ст. 46 УК РФ, в том числе, дополняется последствиями судимости и злостного уклонения от его уплаты.

В отличие от наказания, акцессорные меры уголовно-правового характера (в частности, судебный штраф), хотя и содержат негативные последствия, возникающие в связи с неуплатой (ч. 2 ст. 104.4), но по своему содержанию четко предполагают освобождение от уголовной ответственности (ст. 76.2, ч. 1 ст. 104.4 УК РФ). Иными словами, в отличие от штрафа-наказания, судебный штраф – акцессорная мера уголовно-правового характера подразумевает отсутствие дополнительных уголовно-правовых последствий, если субъектом произведена выплата назначенной суммы в бюджет. Уровень развития уголовно-правовых отношений на раннем этапе существования Российского государства позволяет

¹ Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 83–129.

² Попов А.Н. Русская правда в отношении к уголовному праву. М., 1841. С. 123.

³ Курц А.В. Штраф как уголовное наказание в истории уголовного права досоветской России // Вестник ТИСБИ. – 2001. – № 1. – С. 64–70.

заклучить, что штраф, выплачиваемый в пользу потерпевшего, не имел выраженных в современной интерпретации карательных черт, неизбежно присущих в тот период уголовному наказанию, представления о котором базировались в значительной степени на соответствующих религиозных нормах («око за око, зуб за зуб»). Соответственно, штрафы и компенсации допустимо рассматривать в качестве отдаленных аналогов современных некарательных форм уголовно-правового воздействия.

В начале XX в. В.В. Есипов обоснованно отмечал, что внешняя сторона наказания состоит в «прямой и непосредственной зависимости от исторических и национальных особенностей каждой страны»¹. Поскольку Россия пережила длительный период феодальной раздробленности, осложненный частичным разрушением государственности в период татаро-монгольского ига, развитие уголовного законодательства получило определенные региональные тенденции. В ряде таких памятников права, как грамоты, содержались уголовно-правовые нормы, действовавшие на определенной территории. Так, в Новгородской судной грамоте, составленной в 1385 г. и дошедшей до современного читателя в списке 1471 г.², предусматривалось взыскание пошлин по уголовным делам, правовое регулирование которых отдаленно схоже с современным судебным штрафом; в Псковской судной грамоте (1397 г.) штраф имел выраженный компенсационный характер. Анализируя эти документы, М.Ф. Владимирский-Буданов обращал внимание на то, что их текст создан под влиянием как Русской правды, так и региональных правовых обычаев³.

Анализ вышеперечисленных памятников российского права позволяет сделать промежуточный вывод о том, что в отсутствие нормативного понятия наказания большинство из мер уголовно-правового воздействия, применявшихся к лицу, совершившему преступление, носили компенсационный характер и по

¹ Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве // Варшавские университетские известия. – 1903. – № 2. – С. 1–60.

² Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 325–328.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 122–124.

принципу применения имели общие черты с отдельными современными альтернативной уголовной ответственности мерами.

Достаточно важным является и то обстоятельство, что памятники древнерусского права и документы, относящиеся к периоду феодальной раздробленности, не сохранили нормы о вероятной особой правовой оценке общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними или лицами, страдающими психическими расстройствами. В равной степени в этот период не сложилось особых правил, позволяющих не применять наказание или же отсрочить его исполнение особым категориям лиц.

Процесс образования централизованного государства занял в России достаточно длительный период. И по его завершении имело место обновление законодательства, процесс которого затронул и уголовно-правовую отрасль. В Судебнике Ивана III (1497 г.)¹ уже присутствует развернутая система наказаний², а также в ряде его статей отмечаются признаки специального субъекта³. Однако ограниченная деликтоспособность в нормах Судебника 1497 г. не получила отражения. В системе наказаний предусматривались и конфискация имущества, и денежное взыскание, сохранявшее компенсационный характер (ст. ст. 8, 10-12, 39 и др.). В целом Судебник 1497 г. полностью соответствовал историческому периоду, в котором он составлялся, а также уровню развития правовой мысли и представлениям о сущности уголовно-правового противодействия преступности. Именно поэтому в нем имели приоритет положения о жестоких, в том числе, членовредительных, наказаниях, и не предполагалось проявления снисхождения к преступнику в связи с невысокой общественной опасностью содеянного (хотя противоположная тенденция, то есть усиление ответственности для рецидивистов или лиц, ведущих асоциальный образ жизни, развитие получила). Вызывает интерес и то обстоятельство, что Судебник 1497 г. допускал привлечение к

¹ Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления централизованного государства. М., 1985. С. 41–71.

² Звонов А.В., Расторопова О.В. Система уголовных наказаний по законодательству периода централизации государства Российского // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 125–128.

³ Попрядухина И.В. Субъект правонарушения по Судебнику 1497 г. // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1. – С. 131–133.

ответственности малолетних (например, в силу ст. 49 такое лицо могло пользоваться помощью «наймита» (представителя), если назначался судебный поединок).

Аналогично Судебник 1550 г., сохранив указанные подходы, предусмотрел в ряде случаев назначение штрафа как дополнительной меры наказания (например, за бесчестье, ст. 26)¹. Если основные наказания подразумевали умерщвление или нанесение увечий преступнику, либо его временную изоляцию до окончательного определения его судьбы², то штраф в данном случае играл двоякую роль: пополнял казну или позволял выплатить законное вознаграждение лицам, участвующим в отправлении правосудия, а также обеспечивал возмещение ущерба. При этом – с учетом особенностей средневекового правосознания – он, очевидно, играл второстепенную роль в системе уголовно-правового воздействия.

М.Ф. Владимирский-Буданов обращал внимание на то, что в указанный период «получение финансовых выгод» государством, то есть возложение на преступника дополнительной имущественной обязанности, не значилось среди целей наказания, и потому приоритетным было установление жестоких или бессрочных наказаний, устрашающих общество³. Логично предположить, что для формирования в обществе представлений о возможном дифференцированном отношении к преступникам требовалось создание представления о ценности таких благ, как жизнь, свобода, достоинство, что в сословном социуме было недоступно и не востребовано.

Соборное уложение⁴ 1649 г. впервые закрепило недопустимость привлечения к уголовной ответственности малолетних младше 7 лет и «бесных» (душевнобольных)⁵. В ряде случаев возраст субъекта преступления признавался смягчающим обстоятельством⁶. В системе наказаний были предусмотрены штрафы (в том числе, как эквивалент членовредительному наказанию, ст. 10 гл. XXIII) и

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления централизованного государства. М., 1985. С. 151–189.

² Ананьева Н.Г. Тюремное заключение по Судебнику 1550 г. // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 5. – С. 16–17.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 417.

⁴ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 134–301.

⁵ Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994. С. 23.

⁶ Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: монография. М., 2017. С. 86.

конфискация имущества. В нормах Соборного уложения некоторые исследователи обнаруживают элементы постпенитенциарного контроля¹, однако, как представляется, его установление еще не было обусловлено уровнем развития законодательства. Кроме того, в отношении лиц, не подлежащих уголовной ответственности, широко применялись инструменты религиозного надзора (в частности, душевнобольные содержались в монастырях²).

Интерес представляет норма Уложения (ст. 71), запретившая примирение с разбойником (ввиду необходимости обязательной выплаты в пользу государя), но позволившая потерпевшему отказаться от материальных претензий в рамках частного обвинения. Подобное отражение баланса частных и государственных интересов в правовом акте отдаленно напоминает современный подход в регулировании механизма судебного штрафа.

Резюмируя изложенное, можно сделать промежуточный вывод о том, что кодифицированные памятники российского права, отразившие юридическую идеологию периода образования и развития централизованного государства, не создали систему правовых средств, которая могла бы рассматриваться в качестве полноценного прообраза иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера, поскольку ориентировались на жесточайший уровень репрессии. Вместе с тем, в них сформировалось привилегированное отношение к ограниченно деликтоспособным категориям лиц. Одновременно в законодательстве получили развитие штраф и конфискация имущества, выступавшие видами уголовных наказаний. Тем самым, в системе уголовно-правового воздействия в этот период появляются концептуальные инструменты, последующее развитие которых приводит их в статус акцессорных мер уголовно-правового характера.

Дальнейшая эволюция уголовного законодательства имела место в период установления абсолютной монархии и сопутствовала масштабным социально-

¹ Сергеев Д.Н. Социальные и правовые аспекты постпенитенциарного контроля: монография. М., 2017. С. 49.

² Берш А.Я. Принудительные меры медицинского характера: понятие и виды: дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 2017. С. 17–18.

правовым преобразованиям, хотя и не уничтожившим сословную организацию общества, но определившим новые векторы его конвергенции.

Так, в первой четверти XVIII в. российское законодательство подверглось масштабным преобразованиям, поскольку имели место реформы государственного управления, появились новые виды общественных отношений, нуждающихся в правовой охране, расширилось правовое пространство. При этом в новых нормативных правовых актах сохранялся отпечаток характерной для того времени жестокости, низкой ценности личности и сословной организации социума. Артикул воинский (1715 г.) предусматривал широкий перечень деяний, наказуемых смертной казнью, но при этом делал некоторые исключения¹. Так, было прямо закреплено, что наказание может быть смягчено, если преступление совершено «младенцем» (возраст от 7 до 10 лет) или «в лишении ума». Несовершеннолетние в таком случае подлежали передаче родителям для «наказания лозой», тогда как душевнобольные направлялись в удаленные монастыри и содержались в условиях изоляции и ограниченной подвижности (в колодках). Из смысла указанной нормы можно заключить, что гуманное отношение к данным категориям лиц в этот период было не присуще, хотя необходимость особого подхода уже осознавалась.

Далее в ст. 7 главы 1 Артикула можно отметить положение, предполагающее вместо наказания лица, «упомянувшего всуе имя Господа», наложение обязанности по выплате определенной суммы денег в пользу госпиталя. Необходимость учета частных и публичных начал прослеживается в ст. 85 Артикула, в которой установлено, что солдат, «непочтительно обошедшийся с людьми, пустившими его на постой, или причинивший им какой вред», должен, во-первых, перед военным судом попросить прощения у обиженной стороны, возместить им убытки в двойном размере, а также по рассуждению судей быть подвергнутым какому-либо наказанию. В данном случае мы наблюдаем реализацию идеи необходимости заглаживания вреда как условия, предопределяющего выбор надлежащей меры воздействия.

¹ Артикул воинский // Законодательство Петра I / сост. В.А. Томсинов. М., 2014. С. 39–75.

В 1721-1722 гг. была предпринята попытка создания системы психиатрических стационаров, предназначенных, в том числе, для содержания лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости¹. Однако она не была завершена, и практика направления душевнобольных в отдаленные монастыри сохранялась еще длительное время.

Штраф и конфискация имущества получили в Артикуле воинском статус дополнительных наказаний (например, штраф назначался за отдельные виды мошенничества дополнительно к телесному наказанию (арт. 200)). Фрагментарное заимствование иностранных правовых институтов, на процесс которого обращают внимание как отечественные², так и зарубежные³ ученые, хотя и не всегда было обоснованным, позволило произвести корректировку законодательной базы в общем европейском направлении, что создало предпосылки для более глубокого взаимопроникновения эволюционных представлений о пределах уголовно-правового регулирования.

В период правления Елизаветы Петровны примечателен правовой акт: Права, по которым судится малороссийский народ⁴, в артикулах которого были предусмотрены альтернативные меры воздействия. К примеру, христианин, вынужденно, отступивший от веры, но покаявшийся, вместо наказания подлежал отсылке в духовное ведомство для наставления (п. 4, арт. 3), еретик, отказавшийся под присягой от ереси, также подлежал духовной ответственности вместо наказания (п. 6, арт. 3). Отдаленный прообраз норм о судебном штрафе можно встретить в положении, предусматривающем для случайного убийцы обязанность «доправить платеж по званию раненого или изувеченного» вместо наказания (п. 1-2, арт. 45).

¹ Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера. СПб., 2004. С. 9.

² Серов Д.О. Законотворческий процесс в России в первой четверти XVIII в.: традиции и новации // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 8. – С. 932–939.

³ Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2017. С. 21.

⁴ Права, по которым судится малороссийский народ, Высочайшим всепрестветлейшая, державная Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, Самодержицы Всероссийской, Её императорского священного Величества повелением, из трех книг, а именно: Статута Литовского, Зерцала Саксонского и приложенных при том двух прав, такожде из книги Порядка, по переводе из польского и латинского языков на российской диалект в единую книгу сведенные, в граде Глухове, лета от Рождества Христова 1743 года. / ред. проф. А.Ф. Кистяковский. Киев, 1879. 1063 с.

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась появлением новой концепции уголовно-правового воздействия. Если изначально наказание как его форма подразумевало истребление, устрашение или изоляцию преступника¹, то в указанный период получили научное обоснование идеи исправления осужденного, а также дифференцированного назначения наказания в зависимости от тяжести содеянного и личности виновного. В фундаментальном труде Ч. Беккариа, опубликованном в 1764 г., подвергалось критике применение смертной казни и других жестоких наказаний, выдвигался тезис о возможности исправления осужденных, вносились предложения о создании особых правовых инструментов, применяющихся в отношении несовершеннолетних правонарушителей². Итальянский мыслитель высказывался о неизбежности наказания, которая должна идти впереди идеи об устрашении от наказания, а также необходимости учета опыта государств, допускающих освобождение от наказаний при совершении маловажного преступления, если обиженная сторона простила виновному³.

Идеи Беккариа положительно оценила Екатерина II, одним из направлений деятельности которой была частичная модернизация отраслевого законодательства. Так, в 1767 г. ею лично был подготовлен Наказ, предназначавшийся членам Уложенной комиссии, задачей которой определялась подготовка нового свода законов, призванного заменить Соборное уложение 1649 г. В тексте Наказа провозглашался принцип соразмерности наказания, его основной целью признавалось исправление осужденного (одна из наиболее популярных цитат из текста Наказа гласит о том, что «когда положится то же наказание тому, кто убьет животину, и тому, кто человека убьет, или кто важное какое письмо подделает, то вскоре люди не станут делать никакого различия между сими преступлениями», п. 226)⁴. В отношении несовершеннолетних

¹ Зиновьев И.Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 3.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., Норма, 2004. С. 16–31.

³ Зарудный С.И., Зарудный С.И. Беккариа о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X Наказа Екатерины II и с современными русскими законами: Материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства. СПб., 1879. С. 93.

⁴ Наказ, данный Комиссии о составлении проекта нового Уложения от 30.07.1767 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1987. С. 141–153.

правонарушителей предписывалось «поступать со кротостию для того, что от наказания в сердце их вселяется ожесточение» (п. 92). Наказ справедливо именуют «концепцией просвещенного абсолютизма»¹, и, хотя его текст, бесспорно, свидетельствует о том, что передовая научная мысль оказала влияние на эволюцию уголовного законодательства, основные идеи, заложенные в нем, реализовывались достаточно медленно и не в полном объеме.

В Уставе благочиния (1782 г.) содержалась обязанность направлять в смиренный дом лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, а если они совершили преступление, наказывать их в общем порядке (ст. 226)². Учитывая, что начиная с 1775 г. указы общественного призрения занимались обустройством быта, в частности, душевнобольных, можно отметить, что в последней четверти XVIII в. оформилось представление о необходимости надзора за лицами, которые в силу психического расстройства могут причинить вред себе или окружающим. Впоследствии, указывал Л.С. Белогриц-Котляревский, такие лица, совершившие убийство или покушение на убийство, стали направляться на медицинское освидетельствование, а по его результатам – в дома для умалишенных³. Таким образом, в указанный период церковная (монастырская) опека, механизм которой сформировался в период действия Соборного уложения, стала заменяться медицинским надзором. В целом эта тенденция согласовывалась с общим цивилизационным вектором, поскольку в зарубежных странах в данный период времени началось формирование специальных психиатрических учреждений, обеспечивающих лечение душевнобольных или их изоляцию в случаях, когда ими были совершены общественно опасные действия.

Работа над созданием нового свода законов продолжалась несколько десятков лет. Еще в 1802 г. один из идеологов модернизации законодательства М.М. Сперанский выражал критическое отношение к существовавшей системе

¹ Садикова Д.Р. Отражение политических идей Ш.Л. Монтескье в «Наказе» Екатерины II (по материалам дореволюционной историографии) // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2014. – № 12. – С. 102–108.

² Устав благочиния, или полицейский // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1987. С. 377.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. СПб., 1904. С. 139.

наказаний, признавая ее несоответствие современным реалиям¹. При этом в основу изменения содержания уголовно-правового воздействия была положена дифференциация общественно опасных деяний на преступления и проступки. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных² 1845 г. она получила законодательное закрепление.

Так, отделение первое главы 3 Уложения четко предусмотрело, что наказание неприменимо к малолетним, находящимся в том возрасте, когда «подсудимый еще не мог иметь понятия о свойстве деяния», а также к лицам, страдающим «безумием, сумасшествием и припадками болезни, приводящим в умоисступление или совершенное беспамятство» (ст. 98). Если в первом случае современное законодательство презюмирует отсутствие деликтоспособности (в данном случае речь шла о малолетних младше 7 лет), то во втором, как видно, сохраняется полная преемственность в положениях ст. 22 УК РФ. В отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, ст. 100 Уложения провозгласило отказ от применения наказания и водворение их в психиатрические больницы (если таким лицом было совершено убийство, поджог или попытка самоубийства, а само оно являлось безумным от рождения), либо передачу на попечение родственникам или иным лицам с их согласия и с возложением обязанности надзирать за ними (если указанные действия совершены в «припадке умоисступления»). При этом ученые констатировали, что помещение в больницу не предполагало, как правило, лечения, а было направлено на «усмирение» пациентов³, то есть на поддержание их в вегетативном состоянии.

Ряд статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных закрепили особые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. В зависимости от возраста (от 7 до 10 лет, от 10 до 14 лет, от 14 лет до 21 года), а также от тяжести содеянного, эти субъекты могли помещаться в специализированные учреждения (работные или смирительные дома) или

¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства. М., 2015. С. 119–130.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1886. С. 54.

³ Константиновский И.В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами. М., 1887. С. 33.

подвергаться домашнему исправительному наказанию (ст. ст. 143-145). Из этого можно заключить, что принудительные меры воспитательного воздействия, включенные в ст. 90 УК РФ, имеют прямую историческую аналогию и являются осовремененным и усовершенствованным правовым инструментом, истоки которого берут свое начало в законодательстве XIX в. Кроме того, Уложение, в том числе, в своих последующих редакциях предусматривало возможность примирения сторон уголовно-правового спора по отдельным составам, что справедливо можно назвать одной из основ формирования акцессорных вариативных мер уголовно-правового воздействия.

В системе дополнительных наказаний Уложение называло конфискацию имущества (ст. 61), штраф (обязательное дополнительное наказание во всех случаях, когда преступлением причинен материальный ущерб, ст. 62), а также обязательную отдачу под надзор полиции. Таким образом, в рассматриваемый исторический период презюмировалась карательная сущность этих мер и потому они однозначно воспринимались как средства уголовной репрессии.

В процессе общей гуманизации уголовного законодательства России, сопровождавшей масштабную судебную реформу, был разработан проект закона об условном осуждении¹. Хотя он не был принят, сама идея отказа от репрессивных средств в пользу испытательных означала признание возможного неприменения наказания не только к лицам с ограниченной дееспособностью, но и к иным субъектам.

В пореформенный период были изменены правила передачи несовершеннолетних под надзор родителей (1897 г.) и помещения их в исправительно-воспитательные приюты (1866 г.). Этому сопутствовало научное обоснование особого отношения к молодым преступникам, концепция которого активно разрабатывалась в тот период в отечественных криминологических исследованиях².

¹ Артеменков М.Н. Становление условного осуждения в Российской империи // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2014. – № 4. – С. 50–67.

² Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений. Киев, 1878. С. 11–17.

В конце XIX в. научное обоснование получила идея о возможном неприменении наказания к субъектам, признанным виновными в совершении деяний, не относящихся к тяжким преступлениям, и не подвергавшимся ранее уголовному наказанию. Однако при подготовке Уголовного уложения 1903 г. соответствующие доводы не нашли поддержки, хотя к тому времени уже сложились отдельные правила об отсрочке исполнения приговора (родственное правовое регулирование, связанное с уменьшением объема карательной нагрузки). Недостатком этих правил современные авторы справедливо называют разрозненность¹ (они содержались в Уставе уголовного судопроизводства, Уставе о ссыльных, Уставе о содержащихся под стражей), но сам факт их нормативного закрепления позволяет заключить, что бесспорность и неизбежность незамедлительного применения к преступнику именно наказания уже была поставлена под сомнение.

При этом Н.С. Таганцев в отношении возможности неприменения наказания к субъектам, совершившим нетяжкие посягательства, отмечал, что соответствующий подход является допустимым, если лицо предоставит «надлежащее ручательство в своем хорошем поведении» на будущее, или же когда оно в течение срока, установленного законом, будет вести себя подобающим образом². А.А. Пионтковский считал условное осуждение или неприменение наказания одним из высших достижений зарубежной правовой мысли³.

Один из последних актов уголовного законодательства досоветского периода – Уголовное уложение⁴ 1903 г. – во многом вобрал предшествующий правовой опыт. Так, для несовершеннолетних, совершивших преступление в возрасте от 10 до 17 лет, сущность которого они не могли правильно оценить, предусматривалась передача под ответственный надзор родителей или иных благонадежных лиц (ст. 41). Несовершеннолетние в возрасте 14-17 лет, совершившие тяжкие преступления,

¹ Агзамов И.М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный уголовно-правовой институт: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 27–28.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. М., 1994. С. 330.

³ Пионтковский А.А. Об условном осуждении, или системе испытания. Уголовно-политическое исследование. Одесса, 1894. С. 97–108.

⁴ Уголовное уложение от 22 марта 1903 года. СПб., 1903. 260 с.

подлежали направлению в воспитательно-исправительные заведения, создаваемые, в том числе, при монастырях. Отдача под ответственный надзор или помещение во врачебное заведение предусматривались в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, если общественно опасное деяние было совершено при наличии признаков невменяемости (ст. 39). Назначение штрафа (денежной пени) или лишения прав состояния (аналоги судебного штрафа, конфискации имущества) по-прежнему рассматривались как дополнительные наказания (ст. ст. 24-25). Современники обращали внимание на отсутствие в тексте Уложения новых прогрессивных норм, получивших практическую апробацию в зарубежных странах, в том числе, порядка условного осуждения¹ и отсрочки отбывания наказания².

Важным правовым актом на этапе правления Николая II являлся Указ от 15.06.1912 года³, в соответствии с которым некоторые законодательные акты Империи претерпели изменения, в том числе, связанные с возможностью прекращения дела, если обвиняемый в преступном деянии, влекущим денежное наказание, произведет соответствующие выплаты до вынесения приговора и удовлетворит гражданский иск. Подобный отказ от реализации наказания под условием произведения выплат, очевидно, заслуживает упоминания в качестве аналога современных альтернативных мер уголовно-правового воздействия.

Таким образом, досоветский период эволюции мер уголовно-правового характера, которые допустимо рассматривать в качестве прообразов современных аксессуарных мер, не имел своим итогом становление соответствующего полноценного института. Несмотря на достаточно большой массив нормативных правовых актов, сформировались только отдельные элементы арсенала соответствующих средств, наличие которых позволило отказаться от применения уголовной репрессии в отношении не деликтоспособных категорий лиц (в первую очередь, малолетних и невменяемых).

¹ Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев, 1912. С. 74.

² Пионтковский А.А. Уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Казань, 1913. С. 50–51.

³ П.С.З.Р.И. Собрание III. Том. XXXII. № 37328. «О преобразовании местных судов».

Широкий перечень дополнительных средств уголовно-правового воздействия, заключавшихся в изъятии имущества, наложении денежного взыскания, лишения части неимущественных прав, рассматривался в качестве дополнительного наказания. Освобождение от правовых последствий наказания под условием совершения определенных действий свидетельствует о зарождении альтернативных форм уголовно-правового воздействия. В целом данный отрезок эволюции полностью отражает изменение представлений о сущности, содержании и целях наказания, которое заняло длительный промежуток времени.

Советский период ознаменовался полным сломом всех существовавших правовых институтов и созданием новой системы правового регулирования общественных отношений на основе идеологических установок. При этом в актах уголовного законодательства получили развитие нормы, регулирующие спектр отличных от наказания мер уголовно-правового характера, как в статусе дополнительных наказаний, так и в воспитательном, испытательном и лечебном сегменте.

Уже Руководящие начала по уголовному праву РСФСР¹ закрепили полный отказ от привлечения к уголовной ответственности малолетних (ст. 13), а также провозгласили приоритет применения к несовершеннолетним преступникам воспитательных мер. Применение лечебных мер предполагалось в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии душевной болезни, или, не отдавая отчета в своих действиях (ст. 14). В этот период законодатель отказался от понятия штрафа, но сохранил в системе наказаний конфискацию имущества (п. «к» ст. 25).

В Уголовном кодексе² 1922 г. вышеуказанные нормы подверглись большей детализации. Так, для применения мер медико-педагогического воздействия к несовершеннолетним требовалось заключение комиссии по делам о несовершеннолетних (ст. 18). При этом данные меры стали рассматриваться как однозначная альтернатива уголовному наказанию, то есть их статус как иной (отличной от наказания) меры уголовно-правового характера полностью

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

² Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

сформировался. Ст. 46 УК РСФСР стала оперировать понятием «меры социальной защиты», под которыми подразумевались такие правовые средства, которые заменяли собой наказание (в том числе, принудительное лечение, помещение в учреждение для умственно или морально дефективных). В частности, меры социальной защиты применялись к душевнобольным, совершившим общественно опасные посягательства, или к лицам, заболевшим душевной болезнью после совершения преступления (ст. 17).

Достаточно интересно, что в УК РСФСР 1922 г. штраф и конфискация имущества сохранили статус дополнительных наказаний, но при этом штраф мог назначаться и в качестве основного (например, за некоторые нарушения таможенных правил, ст. 97). Надо отметить, что подход к определению конфискации имущества, сформировавшийся в УК РСФСР 1922 г., сохранился вплоть до 2003 г., когда это наказание было исключено из системы мер уголовно-правового воздействия.

После образования СССР появилась тенденция к унификации законодательства субъектов этой федерации. При том, что каждая из союзных республик имела право принятия собственного уголовного закона, действовал общий рекомендательный акт, принимавшийся на союзном уровне. Первый из таких актов – Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик¹ – содержал новый подход к определению содержания уголовно-правового воздействия.

Так, ст. 5 Основных начал дифференцировала меры уголовно-правового воздействия (использовался общий термин «меры социальной защиты») на меры судебно-исправительного характера, меры медицинского характера и меры медико-педагогического характера. Среди первых преобладали наказания, вторые применялись к душевнобольным, совершившим общественно опасные посягательства, третьи – к малолетним или несовершеннолетним. Сам перечень

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 204.

мер не претерпел существенных изменений по сравнению с тем, который был предусмотрен в УК РСФСР 1922 г.

На базе Основных начал был разработан и утвержден Уголовный кодекс¹ РСФСР 1926 г., который с многочисленными изменениями действовал до начала 60-х гг. XX в. Меры социальной защиты признавались лишенными целей возмездия и кары (ст. 9). Меры социальной защиты судебно-исправительного характера, то есть наказания, не применялись к невменяемым, малолетним и несовершеннолетним (ст. ст. 11-12). В отношении несовершеннолетних сохранялась альтернатива применения мер судебно-исправительного или медико-педагогического характера. В силу ст. 26 УК РСФСР меры медицинского или медико-педагогического характера могли применяться как альтернативно наказанию, так и совместно с ним. Штраф в соответствии со ст. 42 УК РФ получил статус основного или дополнительного наказания, который сохранил до настоящего времени. Порядок конфискации имущества изменений не претерпел.

Анализ законодательства начала советского периода позволяет сделать промежуточный вывод о том, что общий подход к отличным от наказания мерам уголовно-правового характера был реализован применительно к несовершеннолетним и душевнобольным. В системе наказаний обособились штраф и конфискации имущества, статус которых в течение длительного времени сохранялся.

Следующие масштабные преобразования уголовного законодательства имели место в конце 50-х гг. XX в. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик² закрепили безусловную неделиктоспособность малолетних лиц, а в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, рекомендовали применять принудительные меры воспитательного характера (ст. 10). В силу ст. 11 Основ, к невменяемым могли применяться принудительные меры медицинского характера, назначаемые судом (ст. 11). Статус штрафа как смешанного наказания сохранился,

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

² Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

а в отношении конфискации имущества было четко установлено, что она является только дополнительным наказанием (ст. 21).

Все перечисленные нормы были включены в текст Уголовного кодекса РСФСР¹ 1960 г. – последнего кодифицированного акта уголовного законодательства советского периода. Заключительная глава общей части УК РСФСР 1960 г. носила название «О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера», содержала шесть статей, в которых впервые в структурированном виде были отражены отличные от наказания меры уголовно-правового характера, применяемые к особым категориям лиц. В этой связи именно УК РСФСР 1960 г. может быть назван отправной точкой для современного понимания сущности и содержания акцессорных мер уголовно-правового характера. Перечень мер воспитательного характера включал 7 позиций и подразумевал разную степень интенсивности воздействия на правонарушителя в зависимости от стойкости его асоциальных установок, а меры медицинского характера подразумевали госпитализацию в психиатрическую больницу с разными типами наблюдения (в зависимости от состояния здоровья субъекта и глубины поражения функций головного мозга).

Более того, в тексте УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена норма об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности лиц, совершивших преступления, не представляющих большой общественной опасности, что свидетельствует о развитии идеи дифференцированного подхода к решению вопроса о выборе правовых последствий преступных посягательств, в том, числе, с использованием альтернативных форм уголовно-правового воздействия.

По мнению отечественных ученых, расширение элементов некарательного воздействия способствовало активизации научной дискуссии применительно к оценке наказания в виде лишения свободы как универсального средства реагирования на совершение преступления². При этом проблемы гуманизации

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² Кравец Ю.П. Условное осуждение по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С.

наказания активно обсуждались в течение всего периода действия УК РСФСР и получили подробное научное осмысление¹. В частности, под воздействием различных теорий некарательного обращения с преступниками идея условности наказания претерпела определенную трансформацию, в результате чего нормы уголовного законодательства были нацелены на достижение утилитарных целей и, прежде всего, на исправление осужденного². Таким образом, советский период эволюции законодательства в исследуемой сфере был ознаменован разграничением испытательных, воспитательных и медицинских мер, альтернативных либо сопутствующих наказанию.

Масштабные преобразования конца 80-х – начала 90-х годов XX в., повлекшие распад Союза ССР и становление Российской Федерации как независимого государства, были связаны и с правовой реформой. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., хотя и не вступили в законную силу, закрепили перечень принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним (ст. 61), особенности принудительного лечения душевнобольных (ст. 56)³. В основе новой концепции уголовного законодательства лежала, в том числе, идея о сочетании карательных и некарательных мер уголовно-правового воздействия. При принятии УК РФ 1996 г. она не была полностью реализована, вследствие чего штраф и конфискация имущества остались только в статусе наказаний, а принудительные меры в отношении несовершеннолетних и лиц, признанных невменяемыми, либо страдающих наркоманией или алкоголизмом, были закреплены в самостоятельных разделах Общей части УК, что свидетельствует о невыстроенности должной иерархии иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера.

¹ Бородин С.В. Борьба с преступностью теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 230–231; Ной И.С. Вопросы теории уголовного наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 27–228; Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 190–192.

² Нечепуренко А.А. Испытание как уголовно-правовое явление // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 121–124.

³ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 02.07.1991 // Ведомости ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

В дальнейшем – в 2003 г. – законодатель отказался от наказания в виде конфискации имущества (в обоснование этого был положен довод о ее неэффективности), а также сократил сферу применения принудительных мер медицинского характера (за счет отказа от их назначения хроническим алкоголикам или наркоманам, совершившим преступления и подлежащим уголовной ответственности)¹. Эти решения получили последующую корректировку: так, конфискация имущества восстановлена с 1 января 2007 г. как иная мера уголовно-правового характера² (в связи с ратификацией Конвенции о предупреждении терроризма и модернизацией антитеррористического законодательства), для лиц, признанных больными наркоманией, в 2011 г. создан особый институт отсрочки отбывания наказания³, а параллельно установлен добровольно-принудительный порядок прохождения курса лечения в административно-правовом режиме. В 2016 г. законодатель разграничил штраф как уголовное наказание и судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера⁴.

Исходя из изложенного, можно заключить, что в нынешнем статусе институт аксессуарных мер уголовно-правового характера является одним из самых «молодых» институтов уголовного права, и его дальнейшее развитие еще не имеет заданного вектора. Между тем, этапы эволюции становления отличных от наказания (уголовной ответственности) мер уголовно-правового характера отражают появление и развитие концепции некарательного воздействия на лиц, не обладающих чертами деликтоспособности, либо совершивших деяния, не отличающиеся высокой степенью общественной опасности. Одновременно в

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 16.12.2003. № 252 (3366).

² Федеральный закон от 27.06.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Российская газета. 29.07.2006. № 165 (4131).

³ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по сост. на 03.07.2016) // Российская газета. 09.12.2011. № 278 (5654).

⁴ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об освобождении от уголовной ответственности» // Российская газета. 08.07.2016. № 149 (7017).

отношении субъектов, причастных к коррупционной, террористической и иной общественно опасной деятельности, максимально угрожающей личности, обществу и государству, была реализована идея сочетанного воздействия – в форме наказания и применения иных мер уголовно-правового характера.

Из этого следует, что дифференцированное отношение к интенсивности и особенностям уголовно-правового воздействия стало основным принципом уголовно-правовой политики государства. Но системность в его реализации не соблюдается в том объеме, который соответствует потребностям уголовно-правового регулирования. При том, что кара не может выступать сущностью уголовно-правового воздействия, а правоограничительный характер присущ как наказанию, так и иным мерам уголовно-правового характера¹, требуется дальнейшая структуризация рассматриваемого уголовно-правового института.

Изложенное в параграфе позволяет сделать следующие основные выводы:

Досоветский, советский и постсоветский периоды развития нормативных предписаний о правовых средствах, соотносимых с акцессорными мерами уголовно-правового характера, полностью вобрали в себя общемировые тенденции постепенной гуманизации уголовно-правового воздействия, но отразили особенности развития национальной правовой системы.

Досоветский период эволюции отличных от наказания правовых последствий совершения общественно опасного деяния связан с формированием отдельных прообразов акцессорных мер уголовно-правового характера, предполагающих отказ от применения уголовной репрессии в отношении не деликтоспособных либо ограниченно деликтоспособных категорий лиц, а также возможность смягчения наказательного воздействия в зависимости от посткриминального поведения лица. Широкий перечень уголовно-правовых средств, заключавшихся в изъятии имущества, наложении денежного взыскания, лишения части неимущественных прав, был закреплен в качестве дополнительных наказаний. Данный отрезок эволюции рассматриваемых предписаний полностью

¹ Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие: монография. М., 2013. С. 7–9.

отражает изменение представлений о сущности, содержании и целях наказания, которое заняло длительный промежуток времени и было связано с общим развитием цивилизации, идей гуманизма и всей системы общественных отношений.

Советский период ознаменовался полным сломом всех существовавших правовых институтов и созданием новой системы правового регулирования общественных отношений на основе идеологических установок. Общий подход к применению мер уголовно-правового характера, альтернативных наказанию, был реализован применительно к несовершеннолетним и душевнобольным. В системе наказаний были обособлены штраф и конфискация имущества, статус которых в течение длительного времени сохранялся. В обозначенный период получила развитие идея дифференцированного подхода к решению вопроса о выборе правовых последствий преступных посягательств, в том числе, с использованием альтернативных форм административно-правового воздействия. В законодательстве получили отражение испытательные, воспитательные и медицинские меры, альтернативные либо сопутствующие наказанию.

Итогом эволюции рассматриваемой сферы законодательства явилось закрепление норм об иных мерах уголовно-правового характера в самостоятельном разделе УК РФ. Институт иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера является одним из самых «молодых» институтов уголовного права и его дальнейшее развитие еще не имеет заданного вектора. Действующая регламентация соответствующих предписаний не в полном объеме отражает их сущность, содержание и пределы применения, вследствие чего имеется научно-практическая необходимость изменения подхода к их системно-структурному отображению в положениях уголовного закона.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА АКЦЕССОРНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

§ 2.1. Проблемы систематизации акцессорных мер уголовно-правового характера

Систематизация используется во всех научных направлениях и на всех этапах познания. По сути, системный подход служит универсальной философской базой, которая требуется для исследования явлений и присущих им связей и закономерностей развития. Не является исключением и уголовно-правовая доктрина, различные теории и учения которой созданы именно с учетом существующих знаний о системах и их особенностях.

Обратимся к общей терминологии, с помощью которой раскрывается системный метод научного познания, и исследуем основные принципы формирования систем в уголовно-правовой доктрине.

Сам термин «система» означает форму организации или совокупность связанных в единое целое элементов¹. Принципами создания системы выступают внутреннее единство, определенность и непротиворечивость². Системность признается обобщающим свойством объектов материального мира, проявляющимся в результате субъективного восприятия человеком существующих объективных связей между процессами и явлениями³. Иными словами, для любой системы характерно наличие особой структуры, логически связывающей ее отдельные элементы между собой. Соответственно, для ее создания необходимы критерии систематизации, особые связи и закономерности их установления. В зависимости от содержания и целевого назначения эти связи могут носить субординационный или координационный (взаимодействующий) характер⁴. При этом системный подход обеспечивает построение такой модели исследуемого

¹ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2007. С. 699–700.

² Айдинян Р.Н. Система понятий и принципов гносеологии: монография. Ленинград, 1991. С. 8–9.

³ Кудрявцев В.Н. Функциональные системы в области права // Вопросы кибернетики. Правовая кибернетика. – 1977. – № 40. – С. 12–24.

⁴ Берталанфи Л. Общая теория систем. М., 2007. С. 34–48.

явления или отношения, который позволяет рассмотреть динамическое взаимодействие ее отдельных элементов.

Академик П.К. Анохин, основываясь на результатах, полученных в разные исторические периоды, в том числе, Г. Лейбницем¹ и Л. фон Бергаланфи², – исходил из того, что система – это образование, состоящее из избирательно вовлеченных компонентов, взаимодействие которых выявляет у каждого из них новые интегративные качества³. Множество элементов внутри системы может быть конечным или открытым, пополняющимся в связи с динамическим развитием тех явлений, для познания которых она создается. Кроме того, если говорить о системе права, то ее непротиворечивость, согласованность и целостность выступают условиями эффективного нормативного регулирования общественных отношений⁴. Из этого можно заключить, что качественные характеристики отдельных элементов системы могут различаться, но при этом в совокупном взаимодействии они дополняют друг друга.

Благодаря использованию теории систем в научном познании, становится возможным соблюдение принципа рационализации, посредством которого социальные и иные явления, отношения получают как логическое обоснование, так и новое взаимодействие между собой⁵. Так, систематизируя в дальнейшем иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, можно будет показать их общую основу и частично пересекающиеся сферы применения. Достаточность и недостаточность системы совершенно справедливо относится к своеобразным индикаторам, отражающим необходимость совершенствования отношений внутри системы⁶. Кроме того, системный подход доказал свою полезность при исследовании социальных систем, в том числе, общественных отношений, их правового регулирования и его пределов⁷.

¹ Лейбниц Г.В. Труды по философии науки. М., 2010. С. 39–54.

² Бергаланфи Л. Общая теория систем. М., 2007. С. 34–48

³ Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. С. 15.

⁴ Сулейменов М.К. Право как система: монография. М., 2016. С. 6.

⁵ Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания. Одесса, 1999. С. 7.

⁶ Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). М., 2005. С. 11–12.

⁷ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 344.

Системный подход в современных научных исследованиях универсален и предполагает использование специфических средств, с помощью которых процесс познания приобретает новые глубины. Тем самым, обоснованно полагают ученые-философы, создается стратегическая база научного исследования¹ (или его фундаментальная стратегия²). В правовой доктрине, особенно в отраслевых научных дисциплинах, далеко не все правоотношения изучены с использованием системного подхода. Отчасти это связано с динамикой изменений законодательства. Однако, с учетом констатируемого учеными падения качества законов³, теоретическое осмысление как замкнутых, так и открытых систем, объединяющих отдельные правовые институты, может быть полезным.

Системный подход позволяет выявить пробелы в правовом регулировании и предложить пути их восполнения. В теории права появление пробелов обусловлено как развитием общественных отношений, так и недостатками законотворчества⁴. В уголовно-правовой науке такие исследования проводились, и была разработана общая методология преодоления правовой неопределенности в ряде направлений уголовно-правовой охраны⁵.

Качественный методологический инструментарий также наиболее эффективно приложим при использовании системного подхода. Соответственно, чтобы наиболее полно и подробно исследовать сущность и перспективы дальнейшего развития акцессорных мер уголовно-правового характера, попытка выстраивания их системы становится крайне необходимой.

Как известно, действующее право рассматривается в качестве системы отдельных элементов (отраслей) или системы правовых актов (источников) различного статуса⁶. В новейших исследованиях в систему источников включена

¹ Блауберг И.В. Философско-методологические проблемы системного исследования: дис. ... докт. филос. наук. М., 1983. С. 87.

² Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 77–86.

³ Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законотворчества. М., 2014. С. 216–294.

⁴ Лазарев В.В. Избранные труды. Т. 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010. С. 59–149.

⁵ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М., 2007. С. 51–54.

⁶ Система права: история, современность, перспективы: монография / под ред. Т.Н. Радько. М., 2017. С. 18.

также правоприменительная практика¹. Не проводя подробного анализа теоретических дискуссий, возникших по данной проблематике, укажем, что в каждой конкретной структуре системы права использована идентичная методология и выделены родственные внутренние и внешние связи. Применительно к уголовному закону необходимо обратить внимание на то, что в отечественной правовой доктрине сложилось дуалистическое понимание его источников, основанное на расширительном толковании ч. 1 ст. 1 УК РФ, дополняющем их перечень целым рядом позиций (конституционными и международно-правовыми положениями и др.)².

Признание права открытой динамической системой³ стало отправной точкой для появления целого ряда основанных на комплексном изучении правовых институтов теорий. Теоретические подходы разграничивают понятия «система права» и «система законодательства», отражая в первом понимании права как социального явления, а во втором – понимание законодательства как массива актов, регулирующих правоотношения в обществе⁴. Структурное построение системы права было предметом исследований ряда отечественных теоретиков⁵, и сформулированные ими научные выводы до настоящего времени не потеряли своей актуальности. Многомерность и структурированность системы права признаются ее важнейшими характеристиками⁶.

Кроме того, системой права признается совокупность норм, институтов и отраслей права в их взаимосвязи⁷. В правовых исследованиях проблемы

¹ Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, 2004. С. 54.

² Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 8.

³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 70.

⁴ Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М., 2014. С. 270–319; Савоськин А.В. Обращения граждан в Российской Федерации: понятие, виды и система законодательства. М., 2015. С. 78–84.

⁵ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 55–68; Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007. С. 171; Клепиков С.Н. Формирование и становление современной системы права: монография. Воронеж, 2014. С. 5–9; Лукьянова Е.Г. Правовая система России: современные тенденции развития // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 6. – С. 6–23; Малько А.В. Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 51–65.

⁶ Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб., 2010. С. 139–140.

⁷ Малюкова О.В., Демина Л.А., Семенов В.Е. Логика и право. М., 2018. С. 202.

совершенствования системности законодательства, его согласованности и непротиворечивости занимают особое место¹. Проецируя этот подход на отрасль уголовного права, становится возможным рассмотреть его в целом как отраслевую систему нижестоящего уровня, внутри которой находятся в динамическом и статическом взаимодействии отдельные подсистемы уголовно-правовой охраны. В современных исследованиях системный подход применим как к характеристике всей отрасли уголовного права², так и в отношении структуры уголовного законодательства³. Иными словами, на макроуровне (отраслевом) вопросы систематизации уже получили научно обоснованное решение.

На глубинные закономерности формирования и систематизации институтов уголовного права одним из первых обратил внимание Э.С. Тенчов. В том числе, на выстраивание внутренне непротиворечивых связей между ними, разделение уголовно-правовых предписаний и их группировку с учетом целей уголовно-правовой охраны⁴. Данный подход способствовал проведению целого ряда научных исследований, посвященных системе уголовного права как отрасли и отдельных уголовно-правовых институтов⁵.

Учитывая изложенное и руководствуясь существующими доктринальными воззрениями, в качестве закономерности формирования систем в науке уголовного права можно назвать появление и поддержание исследовательского интереса к процедуре систематизации. Помимо перспективной задачи – обеспечения правоприменительной деятельности, в данном случае решается задача сугубо методологическая – создание условий для всеобъемлющего научного познания

¹ Тялянин В.В. Качество закона как фактор повышения «социальной престижности» правовой законности // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. – 2000. – № 1. – С. 22–24.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций в трех томах. Т. 1. Общая часть. М., 2007. С. 22–23.

³ Уголовное право. Общая часть / отв. ред. Н.М. Кропачев, Б.В. Волженкин, В.В. Орехов. СПб., 2006. С. 230–231.

⁴ Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 60–66.

⁵ Денисова А.В. Системность российского уголовного права: монография. М., 2018. 510 с.; Жестеров П.В. Манифест уголовной репрессии эпохи дополненной реальности. М., 2017. 217 с.; Жук М.С. Институты уголовного права: понятие, система, перспективы развития: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2003. 380 с.; Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. М., 2000. 189 с.; Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.; Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М., 2002. 139 с.; Сабитов Т.Р. Система уголовно-правовых принципов. М., 2012. 240 с. и др.

отдельных общественных отношений, являющихся сегментами уголовно-правового регулирования. Правовой механизм как динамическая система наделен главной способностью – к регулированию общественных отношений¹. Исходя из этого, непосредственно юридический статус уголовно-правовой нормы приобретает системообразующее значение, отражающееся на уровне отрасли в целом или отдельных ее институтов.

Отсюда следует, что другая закономерность формирования систем в уголовно-правовой доктрине состоит, на наш взгляд, в том, что процесс систематизации приобретает уровневую структуру, затрагивая отрасль, ее институты, а также создавая условия для нового взгляда на отдельные юридические предписания. Особенно это приложимо к тем уголовно-правовым нормам, которые имеют дуалистическое предназначение (например, могут применяться к различным категориям субъектов: к обвиняемому или осужденному, имеют дискреционный характер или же выступают по отношению друг к другу либо альтернативой, либо взаимодополнением). В этой связи ученые обращают внимание на необходимость терминологической систематизации отрасли уголовного права². Соответственно, унификация понятийно-категориального аппарата повлечет за собой формирование универсального содержания конкретных элементов системы, их ограничение в целях оптимизации уголовно-правового регулирования.

И наконец, третьей общей закономерностью формирования систем в уголовно-правовой доктрине можно назвать признание экзогенного (внешнего) характера их самоорганизации, во взаимосвязи с которыми элементы системы приобретают особое взаимодействие, взаимодополнение и взаимопроникновение. Правовая доктрина в механизме воздействия уголовного права на процессы, происходящие в социуме, играет существенную роль, прежде всего в характеристиках энтропийности (отклонения) и девиантности как ее крайнего

¹ Нарыкова С.П. Системный подход к исследованию механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.

² Назаренко Г.В. К Вопросу о терминсистеме уголовного права // Государственно-правовое и социальное развитие современного общества: теоретические и практические аспекты. Грозный, 2018. С. 137–139.

общественно опасного проявления. Статус доктрины как источника права представляется достаточно спорным¹; но при этом ее заслуга в обосновании наличия/отсутствия признака общественной опасности отдельных деяний и в предложении наиболее адекватных мер правового реагирования на факты их совершения очевидна.

Закономерности формирования систем в уголовно-правовой доктрине, системный подход как востребованный компонент в методологии научных исследований, теоретическое моделирование наилучших способов уголовно-правовой охраны общественных отношений будет представлять научный интерес в долгосрочной перспективе. Сегодня, когда вопрос о дальнейшем преобразовании механизма уголовно-правового регулирования еще однозначно не решен, это представляется исключительно важным.

На основе выявленных закономерностей в ряде исследований сформулированы заслуживающие внимания выводы относительно особенностей построения системы уголовного законодательства в различные исторические периоды², предложены правила определения соотношения системы уголовного права и уголовного законодательства³, выделены специальные принципы уголовно-правового регулирования⁴. Наличие этих актуальных научных результатов подтверждает обоснованность выдвинутой нами гипотезы о влиянии указанных закономерностей на развитие научной мысли. Можно констатировать, что существуют и иные глубинные социальные связи и социальные взаимодействия, обуславливающие развитие научной мысли, однако признанная особенность системного подхода (самоограничение проблемного поля, задаваемое непосредственно исследователем, то есть включение в параметры системной

¹ Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 115–116.

² Сорокина А.В. Система построения Особенной части российских уголовных законов второй половины XIX – начала XX века // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2013. – № 4. – С. 36–46.

³ Чирков А.П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – С. 81–84.

⁴ Фисенко Д.Ю. Специальные принципы уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 13–33.

модели лично отобранных компонентов¹⁾ позволяет нам ограничить их количество вышеуказанными.

Ученые обращают внимание на то, что именно в системе правовые предписания способны осуществлять непосредственное регулирование общественных отношений²⁾. Выстраивая структуру уголовного права от единичной нормы (элементарной частицы), исследователи приходят к выводу о том, что иерархичность внутри системы придает группам отдельных предписаний статус замкнутой системы³⁾. Иерархический характер обоснован и в отношении отдельных институтов и подинститутов Общей и Особенной частей уголовного права⁴⁾.

Анализ высказанных точек зрения позволяет заключить, что высокий исследовательский интерес к систематизации на отраслевом и иных уровнях обусловлен, в том числе, и возможностью иерархического моделирования, позволяющего выявить новые пересекающиеся сферы применения уголовно-правовых норм и возможности их взаимодействия.

Разрабатывая подсистему Общей части уголовного права⁵⁾, теоретики исходят из того, что среди ее институтов имеются генеральные (интегрированные или основные), образующие замкнутый перечень⁶⁾. Этот подход представляется в целом верным, в отличие от других научных воззрений, в соответствии с которыми перечень является примерным⁷⁾. Суммируя высказанные суждения, укажем, что эволюция уголовно-правовых предписаний и соответствующей законотворческой деятельности своим результатом имеет появление новых норм, в том числе, в

¹⁾ Курлов А.Б. Методология социального познания: монография. М., 2015. С. 195.

²⁾ Мицкевич А.В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права. М., 2000. С. 20–45; Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 51.

³⁾ Денисова А.В. К вопросу о системе уголовного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2013. – № 1. – С. 90–102; Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. С. 154.

⁴⁾ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества независимых государств. СПб., 2003. С. 44–45.

⁵⁾ Подсистема Особенной части находится в целом за пределами нашего исследования, поэтому полагаем возможным ограничиться вышеуказанными рамками. *Прим. авт.*

⁶⁾ Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3-х томах. Т. 1. Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов, 2007. С. 430; Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 13.

⁷⁾ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995. С. 17–21; Галиакбаров Р.Р. Система и виды наказаний. Горький, 1986. С. 44.

рамках отдельных институтов Общей части уголовного права. На примере аксессуарных мер уголовно-правового характера это видно достаточно ярко, если обратиться к изменениям соответствующих положений УК РФ, внесенным в 2003-2016 гг.: внутри его Общей части было структурировано понятие «иные меры уголовно-правового характера», а также расширено их видовое разнообразие.

В уголовно-правовой доктрине вопросы внутриотраслевой систематизации получили достаточно подробное осмысление. При этом целый ряд научных исследований затронул вопросы функционирования системы наказаний. Поскольку и наказание, и аксессуарные меры уголовно-правового характера консолидированы в категории «уголовно-правовое воздействие», будет интересно обратиться к научным подходам, сформулированным по отношению к системе наказаний.

Так, еще И.Я. Фойницким было сконструировано теоретическое понятие лестницы наказаний, то есть совокупности карательных мер, применяющихся в конкретном социуме в определенную эпоху и варьирующемся в зависимости от строгости¹. Такой подход, так же, как и термин «система наказаний», употреблялся и другими исследователями того времени (Л.С. Белогриц-Котляревским, В.Д. Спасовичем, Н.С. Таганцевым).

В советской правовой доктрине на основе этой концепции сформировался «перечневый подход», охватывающий отдельные признаки системы: множественность элементов, их внутреннюю иерархию². Ряд авторов (Л.В. Багрий-Шахматов, Б.С. Утевский, М.Д. Шаргородский) использовали термин «система наказаний» применительно к перечню его видов. Однако этот подход подвергался критике как не охватывающий всего многообразия отношений, заключенных в конструкции правового института наказания³. И.С. Ной предложил несколько иное понимание системы наказаний, применив системный подход как к отдельным ее

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 69–78.

² Курс советского уголовного права. Т. 3. М., 1970. С. 56.

³ Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 2. М., 2015. С. 381.

элементам, так и к их содержанию¹. Это привнесло, в свою очередь, относительно новый взгляд на цели наказания и средства их достижения.

Поэтому доминирующим в отечественной науке уголовного права стало суждение о том, что система наказаний отражает отношения взаимосвязи, взаимозаменяемости, взаимозависимости отдельных из них, а также социальную обусловленность, востребованность и правовую основу каждого вида наказания². Понимание системы наказаний как целостного множества³, содержащего упорядоченное расположение отдельных элементов⁴, хотя и учитывало перечневую характеристику мер наказания, все же выходило за ее пределы. В новейших исследованиях установлена связь системы наказаний с системой преступлений и их взаимообусловленный характер⁵.

Критика использования системного подхода в уголовном праве основывается на том, что тем самым комплекс уголовно-правовых норм может быть искусственно разделен на отдельные юридические предписания⁶. Однако это представляется не вполне справедливым: в действительности система служит для объединения отдельных элементов и создания между ними логически согласованных и внутренне не противоречивых связей. При этом на примере института акцессорных мер уголовно-правового характера мы можем видеть, что дробление их различных видов и закрепление соответствующих норм в рамках нескольких уголовно-правовых институтов обуславливает наличие сомнений в части констатации соблюдения требований определенности права при изложении соответствующих предписаний.

Сопоставляя отобранные нами акцессорные меры с легальным перечнем иных мер уголовно-правового характера, закрепленных в разделе VI УК РФ, становился очевидным, что в действующей редакции норм Общей части УК РФ

¹ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. С. 27.

² Милоков С.Ф. Российская система наказаний. СПб., 1998. С. 7.

³ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 24

⁴ Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундурова. Казань, 2003. С. 396.

⁵ Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания. М., 2014. С. 67.

⁶ Безверхов А.Г. Системный подход в науке уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II российского конгресса уголовного права (Москва, 31 мая-1 июня 2007 г.). М., 2007. С. 50–52.

целостная система исследуемых правовых предписаний не создана: заключительный раздел Общей части кодекса носит соответствующее название и объединяет всего три вида акцессорных мер. Однако ряд других средств уголовно-правового воздействия, альтернативных уголовной ответственности и дополняющих ее содержание, в данном разделе закрепления не получил, что позволяет выдвинуть гипотезу о том, что систематизация иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера на уровне закона еще не завершена.

В этой связи вопрос о системном подходе внутри отрасли уголовного права существенно актуализируется. При этом, с нашей точки зрения, проблема заключается не только в формальном отсутствии закрепления полного перечня вариативных и дополнительных мер в рамках одного раздела УК РФ, а в неразрешенности вопроса о принципиальной возможности объединения рассматриваемых правовых инструментов в систему акцессорных мер уголовно-правового характера с точки зрения теоретических положений о системах. Для решения данной проблемы необходимо проанализировать, удовлетворяет ли отобранная нами совокупность мер, критериям системы.

Полагаем, что исследование акцессорных мер с общенаучных позиций, в том числе с учетом научно обоснованной концепции интегративного правопонимания¹, позволит обеспечить выработку релевантных признаков рассматриваемых мер с учетом их места в системе уголовно-правового воздействия. Как мы отмечали ранее, названная концепция основана на подходе, позволяющим интегрировать в единое целое онтологически однородные элементы, содержащиеся в развивающейся межотраслевой системе правовых последствий совершения общественно опасного деяния.

Достаточно гармонично системный подход отражен в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, защищенной И.А. Подройкиной, пришедшей к выводу, что обязательными критериями любой системы являются: 1) иерархичность; 2) целостность; 3) наличие критерия качества,

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 54-82.

определяющего существование объекта как системы; 4) наличие системного свойства (свойств), вытекающего из внутренних связей элементов; 5) границы, позволяющие определить систему по отношению к окружению; 6) обусловленность существования условиями конкретной внешней среды; 7) структурированность¹.

Среди критериев системы в литературе также выделяются следующие группы признаков: 1) характеризующие внутреннее строение системы (наличие множества неделимых элементов, наличие отношения и связи между неделимыми элементами, иерархическое строение); 2) характеризующие специфические свойства системы (наличие интегративных свойств системы как целого, упорядоченность, организация и структура); 3) относящиеся к поведению системы (наличие среды, окружения системы, наличие законов функционирования системы)².

Исходя из выводов, которые нами были сделаны в предыдущих параграфах, соответствие системы акцессорных мер критерию иерархичности обусловлено возможностью рассмотрения данной системы в качестве подсистемы мер уголовно-правового характера, которые, в свою очередь являются составной частью системы мер уголовно-правового воздействия.

Целостность системы акцессорных мер может быть поставлена под сомнение с точки зрения наличия множества неделимых элементов. Как установлено ранее, в рассматриваемую систему мы включаем меры, вариативные и дополняющие уголовную ответственность, то есть меры, которые, условно разделены на два самостоятельных блока. При этом можно предположить, что в каждом из представленных блоков энергия связей между элементами блока превышает энергию связей элементов блока с элементами искусственно создаваемой нами

¹ Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 39–40.

² Мелюханова Е.Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 20–21.

системы аксессуарных мер уголовно-правового характера. В таком случае, рассматриваемая система не будет отвечать критерию целостности¹.

Однако, целостность, с нашей точки зрения, нельзя отождествлять с невозможностью дифференциации элементов системы на виды. Целостность предполагает наличие основы, общих свойств и функций, позволяющих выделить систему из окружающей среды и представить в качестве объекта исследования². В данной ситуации основой существования системы является «вторая колея» правовых последствий совершения общественно опасного деяния, то есть вспомогательных мер уголовно-правового характера, не входящих в содержание уголовной ответственности и сопряженных с реальными или потенциальными правоограничениями. При этом система аксессуарных мер является самодостаточной (перечень исчерпывающий (включающий вариативные и дополнительные меры), применение каждой меры регламентировано законом), автономной (отличается от иных мер уголовно-правового воздействия особым назначением), адаптивной (способна адаптироваться к условиям социальной среды).

Более того, проводя условные параллели с системой наказаний, можно отметить, что наказания также подразделяются на основные и дополнительные, но при этом подобная дифференциация не дает оснований для категоричных выводов об отсутствии целостности системы наказаний. По этому поводу профессор Е.В. Благов справедливо отметил, что система наказаний потому и является единой, что включает в себя и основные, и дополнительные наказания³. Как представляется, сказанное в определенной степени относимо и к системе аксессуарных мер уголовно-правового характера.

Для вычленения качественного признака системы аксессуарных мер, тесно связанного с критерием целостности, отметим, что качество – существенная

¹ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex Russica. 2008. № 6. С. 1330–1346.

² Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 39–40.

³ Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 39–40.

определенность предмета, явления или процесса, в силу которой он является данным, а не иным предметом, явлением или процессом¹, это некая «идея»², объединяющая множество в систему. Представляется, что идеология системы акцессорных мер уголовно-правового основана на объединении мер уголовно-правового воздействия, сочетающихся, с одной стороны, принудительные начала и, с другой стороны, механизм некарательного воздействия вне объема уголовной ответственности. Подобный принцип воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния, является эксклюзивным для акцессорных мер уголовно-правового характера, рассматриваемых нами в качестве проявления первичной реакции на общественно опасное деяние.

Далее, наличие границ, позволяющих определить систему по отношению к окружению, является базовой характеристикой системы (обособленность системы). Для надлежащего функционирования системы требуется, чтобы границы были выраженными. Нечеткие границы, соответственно, приводят к неоднозначности дифференцирования системы.

С точки зрения критерия обособленности система акцессорных мер не безупречна. Профессора М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин справедливо отмечали, что «именно уголовное право стало первым ответом цивилизации на весьма специфический спектр общественных потребностей, связанных с обеспечением личной и коллективной безопасности, поддержанием порядка и охраной наиболее значимых социальных ценностей»³. Исходя из этого, в отраслевом правовом регулировании появился заключенный в содержании отдельных институтов родственный арсенал юридических инструментов, посредством которых может быть обеспечено надлежащее и адекватное совершению преступлению уголовно-правовое воздействие. Однако именно в их частично совпадающем содержании кроются отдельные препятствия, не позволяющие полноценно решить задачи внутриотраслевой систематизации.

¹ Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2003. С. 423.

² Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 680.

³ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Провокативная роль уголовного закона // *Общественные науки.* – 2013. – № 4. – С. 78–90.

В частности, наличие в УК РФ наказания в виде штрафа и судебного штрафа как вариативной меры уголовно-правового характера размывает границы между системой уголовных наказаний и рассматриваемой нами системы ввиду сопоставимых правоограничений в структуре данных мер. Аналогичные выводы можно сделать при анализе соотношения видов освобождения от уголовной ответственности и судебного штрафа, принудительных мер воспитательного воздействия, в структуре которых также заложен принцип отказа от реализации уголовной ответственности.

Система аксессуарных мер уголовно-правового характера является достаточно динамичной, поскольку развивается вслед за изменениями в общественно-политических процессах государства, о чем, в частности, мы указали при проведении исторического анализа развития уголовного законодательства в рассматриваемой сфере. Поэтому, можно сделать вывод, что система аксессуарных мер уголовно-правового характера, в целом, адаптирована к процессам, которые происходят в обществе и государстве. Однако в этой части также можно отметить ряд проблемных моментов, которые будут детально разобраны нами далее при рассмотрении отдельных мер. В частности, не оправдывает надежд в сфере противодействия коррупционной преступности такой инструмент как конфискация имущества. Вызывает сомнение обусловленность такой принудительной меры воспитательного воздействия как предупреждение.

Относительно такого критерия системы как структурированность – наличие подсистем, включающих отдельные элементы, отметим следующее. Представляется, что элементами – простейшими неделимыми составляющими¹ системы аксессуарных мер уголовно-правового характера выступают конкретные вариативные и дополнительные меры. При этом в качестве подсистем мы выделяем вариативные и дополнительные меры, круг которых предложен нами выше. Однако, представляется, что структурированность рассматриваемой системы не до конца выражена, поскольку, к примеру, в содержании принудительных мер

¹ Родионова А.С. Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 15.

медицинского характера мы наблюдаем как вариативные, так и дополнительные меры, что затрудняет восприятие структуры рассматриваемых мер с точки зрения распределения элементов рассматриваемой системы по подсистемам.

Завершающий критерий идентификации системы связан с ее внутренней согласованностью, наличием внутренних связей элементов. Между элементами системы акцессорных мер уголовно-правового характера (конкретными мерами) существуют различные виды связей, которые выражают их упорядоченность и обуславливают внутреннюю организацию, о чем подробно пойдет речь в следующем параграфе. В данной части исследования отметим, что мы согласны с учеными, которые указывают, что для признания некоторого множества элементов M в качестве системы S необходимо, чтобы для каждого элемента M было справедливо, по крайней мере, одно из двух: 1) он имеет отношение R по крайней мере с одним другим элементом из M или 2) по крайней мере один другой элемент из M имеет с ним отношение R (условие минимально необходимой плотности для образования системы – каждый элемент системы связан, по крайней мере, с одним другим элементом или с ним связан, по крайней мере, один другой элемент)¹. Представляется, что в рамках рассматриваемой совокупности мер, условие минимально необходимой плотности системы, выполнено.

Проводя параллели с системой наказаний можно проанализировать совокупность акцессорных мер на наличие в их структуре связей «смежности», «специфичности», «ранжирования видов», «иерархичности»². Так, о смежных связях в структуре выделенных нами вариативных и дополнительных мер свидетельствуют выделенные нами ранее признаки акцессорных мер уголовно-правового характера, которыми обладает каждая из рассматриваемых мер. Сочетание принудительно-некарательных начал, реализуемых вне рамок уголовной ответственности, приводит систему рассматриваемых мер в достаточно тесное единство.

¹ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 126.

² Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. Красноярск, 2013. С. 264.

При этом можно утверждать о наличии определенной специфики (неповторимости) в механизме воздействия каждой меры с точки зрения содержания и адресата применения. Однако, несмотря на наличие ранжирования аксессуарных мер на виды (вариативные и дополнительные, связанные с ограничением личных либо имущественных прав и др.), о какой-либо иерархичности (в одной из интерпретаций данного понятия) в структуре рассматриваемых мер говорить затруднительно. Во-первых, невозможно выстроить расположение вариативных и дополнительных мер в зависимости от строгости (конфискация и судебный штраф схожи с точки зрения воздействия на имущественный статус адресата применения и др.). Элементы в системе аксессуарных мер не получают своего места в системе в зависимости от интенсивности воздействия. Во-вторых, при надлежащем исполнении либо неисполнении вариативных и дополнительных мер отсутствует выраженный целостный механизм, позволяющий корректировать воздействие путем замены одной меры на другую. Более того, наличие в структуре аксессуарных мер уголовно-правового характера правовых инструментов, применяемых как к вменяемым, так и к лицам, не соответствующим требованиям субъекта преступления, безусловно, ослабляет энергию связей элементов в структуре аксессуарных мер и в этой части рассматриваемая система демонстрирует определенный уровень дезорганизации.

Таким образом, оценка смоделированной нами системы аксессуарных мер с точки зрения теории систем приводит к выводам, что рассматриваемая система имеет ряд отклонений от таких системных критериев как обособленность системы, внешняя обусловленность, структурированность, внутренняя согласованность.

Вместе с тем, положение о том, что любой объект исследования при наличии минимального набора критериев может исследоваться как система¹, позволяет изучать совокупность вариативных и дополнительных мер как систему аксессуарных мер, поскольку представленные нами элементы выступают целостным образованием, входящим в надсистему более высокого порядка –

¹ Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 26.

систему мер уголовно-правового характера. Отобранная совокупность элементов (акцессорных мер уголовно-правового характера) соответствует ряду критериев, позволяющих заключить, что она может существовать как система и, соответственно, как институт Общей части УК РФ.

Данная система не является статичной и получает развитие с принятием законодательных решений о регламентации в УК РФ новых акцессорных мер либо изменении действующих регуляторов ввиду тех общественных запросов, которые являются актуальными на определенном этапе существования нашего государства. Полагаем, что подобное развитие и управление системой осуществляется на основе принципа обратной связи, который означает коррекцию в ходе управления¹.

Исходя из изложенного, системой акцессорных мер является обусловленное развитием внешней среды на основе реализации принципа обратной связи в рамках индивидуального судебного регулирования отношений и выстроенное по функциональному принципу постоянное множество взаимосвязанных элементов (не входящих в содержание уголовной ответственности принудительных уголовно-правовых мер), разделенное на две подсистемы вариативных и дополнительных мер, нормативное отражение которых имеет место в положениях Общей части УК РФ, а социальное – в конкретных общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния и необходимостью применения к нему мер уголовно-правового воздействия, сочетающих принудительно-некарательные начала.

Развитие доктринальных представлений о системе акцессорных мер осложняется существенным отставанием законодателя в сфере систематизации норм общей части УК РФ, регламентирующих вариативные и дополнительные меры. Круг мер, закрепленных в разделе VI УК РФ, позволяет сделать однозначный вывод, что в настоящее время на уровне закона процесс систематизации еще не завершен. Совокупность отнесенных законодателем к «иным мерам» правовых инструментов не отвечает критериям полноты и целостности. Строгое,

¹ Жуков Н.И. Философские основы кибернетики. Минск, 1976. С. 49.

непротиворечивое множество норм, упорядочивающих общественные отношения в сфере их назначения и применения, не создано.

Как видно, отдельные субстраты системы акцессорных мер регламентируются различными нормами кодекса, структурированными в правовые институты на иной основе (принудительные меры воспитательного воздействия – как часть института уголовной ответственности несовершеннолетних, возложение обязанности пройти лечение от наркомании – как элемент института назначения наказания, судебный штраф – как часть института освобождения от уголовной ответственности). Кроме того, мы констатируем регламентацию фактически уголовно-правовых средств в нормах законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Такой подход обедняет формально закрепленное содержание института иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера и не соответствует современным потребностям уголовно-правового регулирования.

Соответственно, уголовно-правовые средства, имеющие признаки акцессорных мер, необходимо объединить в одном разделе УК РФ в целях исключения (устранения) коллизий, касающихся определения их правового статуса. Соответствующие законодательные решения обеспечат последовательность и непротиворечивость правовой регламентации мер уголовно-правового характера, при которой в разделе III Общей части УК РФ установлен исчерпывающий перечень наказаний, а в разделе VI будут консолидированы все акцессорные меры уголовно-правового характера.

Подводя итог, необходимо отметить, что, хотя в период действия УК РФ 1996 г. законодатель приложил немало усилий по созданию норм, регламентирующих иные (акцессорные) меры уголовно-правового характера, формирования из них самостоятельного уголовно-правового института еще не завершилось. Недостатки систематизации законодательства и их влияние на состояние правоприменительной деятельности уже исследовались на страницах юридической

печати¹. Соглашаясь с высказанными критическими суждениями, укажем, что при дальнейшем совершенствовании норм УК РФ вопрос о новых приемах их внутриотраслевой систематизации неминуемо возникнет.

В заключение параграфа представляется необходимым сделать следующие основные выводы:

В уголовно-правовой доктрине системный подход апробирован на различных уровнях: начиная от отраслевого и заканчивая институциональным. Это обусловлено структурой норм Общей и Особенной частей УК РФ и особенностями их систематизации. Посредством реализации системного подхода к исследованию акцессорных мер уголовно-правового характера выстроен особый каркас, объединяющий формально не названные иными мерами уголовно-правового характера инструменты уголовно-правового и воспитательного воздействия, альтернативные уголовной ответственности либо дополняющие ее содержание.

Системой акцессорных мер уголовно-правового характера является обусловленное развитием внешней среды на основе реализации принципа обратной связи в рамках индивидуального судебного регулирования отношений и выстроенное по функциональному принципу постоянное множество взаимосвязанных элементов (не входящих в содержание уголовной ответственности принудительных уголовно-правовых мер), разделенное на две подсистемы вариативных и дополнительных мер, нормативное отражение которых имеет место в положениях Общей части УК РФ, а социальное – в конкретных общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния и необходимостью применения к нему мер уголовно-правового воздействия, сочетающих принудительно-некарательные начала.

Система акцессорных мер демонстрирует определенную степень дезорганизации, поскольку имеет ряд отклонений от таких системных критериев как обособленность, внешняя обусловленность, структурированность, внутренняя

¹ Галузо В.Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации законодательства в Российской Федерации? // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 76–81.

согласованность. Вместе с тем, изучение вариативных и дополнительных мер в качестве системы допустимо, поскольку рассматриваемая совокупность мер выступает целостным образованием, входящим в надсистему более высокого порядка – систему мер уголовно-правового характера, и имеющим достаточную плотность связей между элементами.

Развитие доктринальных представлений о системе акцессорных мер уголовно-правового характера осложняется существенным отставанием законодателя в сфере систематизации норм общей части УК РФ, регламентирующих вариативные и дополнительные меры. Совокупность правовых инструментов, отнесенных законодателем к иным (акцессорным) мерам уголовно-правового характера, не отвечает критериям полноты и целостности, поскольку ряд правовых средств, сущностно являющихся акцессорными мерами уголовно-правового характера, законодателем таковыми не названы и определены на основе иной институциональной и отраслевой принадлежности.

Уголовно-правовые средства, имеющие признаки акцессорных мер, необходимо объединить в одном разделе УК РФ в целях исключения (устранения) коллизий, касающихся определения их правового статуса. Соответствующие законодательные решения обеспечат последовательность и непротиворечивость правовой регламентации мер уголовно-правового характера, при которой в разделе III Общей части УК РФ установлен исчерпывающий перечень наказаний, а в разделе VI будут консолидированы все акцессорные меры уголовно-правового характера.

§ 2.2. Системные связи в структуре акцессорных мер уголовно-правового характера

Исследование системных связей представляет гносеологический интерес, поскольку посредством этого становится возможным создание целостного видения самой системы и рассмотрение ее статичных и динамических параметров. В системном анализе общепринятым является выделение подсистем, вскрытие их

функций, выявление связей между ними, что позволяет установить взаимодействие между элементами¹. Системный анализ как методология решения комплексных проблем апробирован во всех областях научного знания.

Дав определение системы акцессорных мер уголовно-правового характера в предыдущем параграфе, проанализируем соответствующие типы внешних и внутренних системных связей.

При этом будем придерживаться методологии, в соответствии с которой выделяют:

- внешние и внутренние субординационные (иерархические) связи, обеспечивающие непротиворечивость уголовно-правового регулирования;
- реординационные (обратные) связи, подразумевающие существование «механизма обратной связи» или переподчинения одного элемента системы другому²;
- координационные связи, выражающиеся в согласовании уголовно-правовых предписаний³.

Наличие вышеперечисленных связей позволяет раскрыть систему акцессорных мер уголовно-правового характера в их спектральной многообразии и оценить их роль в механизме уголовно-правового воздействия. В системе российского законодательства наиболее значимыми признаются субординационные связи⁴, однако это не умаляет роль связей других видов.

К примеру, в теории организации выделяют регулирующие, упорядочивающие, интеграционные связи⁵, однако, как представляется, это не свойственно предмету правовых исследований, где системный подход основан на наличии элементов правового регулирования. В теории самоорганизации некоторое внимание уделяется субординационно-координационным связям⁶, но

¹ Мухсинова Л.Х. Исследование систем управления. Оренбург, 2013. С. 81.

² Коваженков М.А. Феномен управления в экономическом пространстве. М., 2013. С. 101.

³ Актуальные проблемы уголовного права / отв. ред. О.С. Капинус. М., 2015. С. 36–38.

⁴ Лебедев М.Е. Субординационные связи в российском законодательстве // Российский юридический журнал. – 2001. – № 3. – С. 29–31.

⁵ Веснин В.Р. Теория организации. М., 2014. С. 7–8.

⁶ Ковтунова Д.В., Музыка О.А. Координационно-субординационные связи понятий в рамках теории самоорганизации и нелинейности // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2012. – № 1. – С. 195–200.

это является следствием синергетического подхода, которому присуще новое видение категорий причинности, пространства и времени¹, и который, как представляется, не в полном объеме уместен при исследовании особенностей уголовно-правового регулирования.

Установить субординационные и координационные связи означает произвести анализ внутреннего строения подсистем, образующих структуру системы². Исследование системы акцессорных мер уголовно-правового характера необходимо начать с субординационных связей вовне и внутри нее.

Внешние субординационные связи возвращают нас к вопросу о том, в каком качестве акцессорные меры уголовно-правового характера находятся в структуре уголовно-правового воздействия. Рассмотрев соответствующий вопрос в первой главе исследования приходим к выводу, что они стали полноценным его компонентом – вспомогательным арсеналом средств, дополняющих сегмент уголовно-правового воздействия принудительно-порицательной направленности, но не входящим в его содержание исходя из особого принципа реализации рассматриваемых мер. Акцессорные меры выступают альтернативой формам реализации уголовной ответственности или дополняют соответствующие меры уголовно-правового воздействия как связанные, так и не связанные с привлечением к уголовной ответственности. При этом сами акцессорные меры в объем уголовной ответственности не входят.

Оценивая внешние связи, в первую очередь, считаем верным отметить, что система акцессорных мер взаимосвязана с системой наказаний в части общей сферы реализации в рамках принудительного сегмента уголовно-правового воздействия. Однако некарательная сущность и принцип реализации вне объема уголовной ответственности как релевантные составляющие определяют самостоятельный потенциал системы акцессорных мер.

При некотором сходстве видов наказания и вариативных акцессорных мер (например, штрафа и судебного штрафа) можно заключить, что использование

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетические принципы коэволюции сложных систем // Глобализация: синергетический подход. М., 2002. С. 34–72.

² Каган М.С. Проблемы методологии гуманитарного познания. М., 2018. С. 62.

данных инструментов в качестве альтернативных способствует соблюдению принципа индивидуализации уголовно-правового воздействия, в том числе, с учетом экономии репрессии. В отдельных ситуациях возможность применения к лицу исключительно акцессорных мер основана на особом статусе субъекта, совершившего общественно опасные действия (даже скорее, его особой уязвимости, например, если речь идет о лицах, признанных невменяемыми). Если же содеянное допускает реализацию уголовной ответственности и, одновременно, применение акцессорной меры (например, конфискации имущества, которая с 2003 г. исключена из перечня наказаний), то сочетанное воздействие на осужденного обеспечивает максимальный учет специфики посягательства и лица его совершившего.

Далее, сопоставляя систему акцессорных мер с внешней системой (системами) мер освобождения от уголовной ответственности и наказания, важно отметить полное концептуальное взаимодействие указанных систем в части некарательного сегмента уголовно-правового воздействия, а также частично пересекающиеся сферы реализации их элементов вне объема уголовной ответственности. При этом обеспеченность применения акцессорных мер силой государственного принуждения обуславливает наличие релевантной основы для закрепления рассматриваемых правовых средств в качестве самостоятельной подсистемы уголовно-правового воздействия.

Регламентация в уголовном законодательстве акцессорных мер и мер освобождения от уголовной ответственности и наказания в качестве потенциальных альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта способствует индивидуализации уголовно-правового воздействия. При этом в случаях, когда совершенное посягательство предполагает возможность реализации освобождения от уголовной ответственности и, одновременно, применение акцессорной меры (например, конфискации имущества), то сочетанное воздействие гарантирует сбалансированное применение к лицу некарательных средств как обеспеченных, так и не обеспеченных принудительным потенциалом.

Исходя из изложенного, система акцессорных мер в социально-правовом качестве выступает вспомогательной подсистемой уголовно-правового воздействия, дополняющей арсенал мер, обеспеченных государственным принуждением, но при этом не входящей в сегмент реализации уголовной ответственности, а в формально-юридическом – институтом Общей части уголовного права.

Нормы, регламентирующие основания, порядок и условия применения акцессорных мер, в целом, находятся в иерархическом единстве с другими положениями Общей части уголовного права, прежде всего, с положениями о наказаниях, мерах освобождения от уголовной ответственности и наказания. Но, кроме того, имеют отсылочное (бланкетное) взаимодействие с иными нормами, регулирующими вопросы уголовно-правовой деликтоспособности, признаки общественной опасности, характера общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране.

«Систематическая обработка уголовно-юридического материала»¹, по образному выражению Г.С. Фельдштейна, неизбежно подразумевает обращение к внутриотраслевой иерархии норм. Соответственно, внешние связи позволяют охарактеризовать категорию уголовно-правового воздействия как целостный механизм, а не только как совокупность уголовно-правовых норм, а акцессорные меры уголовно-правового характера – рассмотреть как часть этого механизма с учетом их вспомогательной роли и специфики реализации вне объема уголовной ответственности.

Далее, считаем верным вернуться к вопросу оценки целесообразности применения акцессорных мер, который в большинстве случаев намеренно оставлен законодателем на усмотрение правоприменителя. Например, принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним применяются, если дознаватель, следователь или судья признает возможным его исправление без применения мер уголовного наказания (ч. 1 ст. 90 УК РФ). Критерии возможности исправления законом не установлены. Из этого следует, что именно усмотрение

¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 3.

правоприменителя при оценке характера и степени общественной опасности содеянного и личности несовершеннолетнего правонарушителя выступает главным условием для положительного решения вопроса о применении к нему акцессорной меры.

Отсутствие императивных требований обязательности применения отдельных акцессорных мер ранее было оценено нами неоднозначно. Но нужно учесть и другие аспекты. Полагаем, что нормативное регулирование уголовно-правового воздействия, включающего подсистему акцессорных мер уголовно-правового характера, тяготеет в современный период к аналогии того, что в международном праве именуется *soft law* («мягкое право»), то есть система норм, не содержащих четкого перечня прав и обязанностей, но применяющихся, тем не менее, в качестве обязательных¹. Естественно, метод аналогии в уголовном праве не вполне корректен, поэтому используем ее с некоторой долей условности. Однако поскольку «мягкое право» – это инструмент гармонизации законодательства², в научных целях такая аналогия допустима. Соответственно, в отсутствие жестко предусмотренной обязанности применить акцессорную меру уголовно-правового характера правоприменитель может самостоятельно принять такое решение, если характер и степень общественной опасности деяния и личность субъекта отвечают тем требованиям, которые предусмотрены законом.

Кроме того, сочетание императивных норм и усмотрения правоприменителя иллюстрирует способность системы акцессорных мер уголовно-правового характера к саморазвитию и прогрессу, то есть характеризует ее внутреннее качество, сформировавшееся вследствие отсутствия обязывающих норм, не оставляющих правоприменителю свободы выбора.

Как справедливо отмечал В.Г. Афанасьев, «управленческие решения довлеют над объектом на всех стадиях цикла управления»³. Нельзя сказать, что акцессорные меры уголовно-правового характера полностью исключают такой

¹ Международное публичное право: учебник / под ред. К.А. Бекяшева. М., 2003. С. 384.

² Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования: монография. М., 2016. С. 16.

³ Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1973. С. 208.

способ регулирования, но в целом он является скорее исключением, нежели правилом. В силу того, что уголовно-правовое воздействие в виде наказания невозможно в отношении лиц, лишенных способности осознавать характер и значение своих действий или руководить ими, к ним возможно применение принудительных мер медицинского характера, а уголовная ответственность исключается. При этом указанные меры не используются в тех целях, которые установлены для уголовного наказания, они предназначены для излечения таких лиц (ст. 98 УК РФ). Можно говорить и о том, что с их помощью они изолируются от общества, но изоляция сама по себе в данном случае не презюмируется в качестве обязательной.

Полагаем, что при разрешении уголовного дела, связанного с совершением преступления лицом, отвечающим требованиям субъекта, выбор конкретного способа воздействия должен основываться исходя из оценки правоприменителем следующих возможных альтернатив разрешения уголовно-правового конфликта: 1) применение мер, направленных на освобождение лица от уголовной ответственности, 2) применение наказания, 3) применение отличной от наказания формы реализации уголовной ответственности, 4) применение акцессорной вариативной меры.

Соответствующий выбор должен быть сделан, в том числе, исходя из достаточности тех ограничений, которые подразумевает конкретная мера, для исправления (корректировки личностных установок) правонарушителя. При наличии у него особых качеств, связанных с возрастными особенностями, судом должна быть оценена фактическая возможность повлиять на эти качества. Кроме того, важно учитывать необходимость (в отдельных случаях) сочетанного применения выбранной меры воздействия с акцессорной дополнительной мерой уголовно-правового характера (к примеру, конфискацией имущества).

Соответственно, благодаря наличию связей разной направленности в структуре акцессорных мер уголовно-правового характера возникают условия для оценки целесообразности их применения в конкретном случае, и может быть

выработан алгоритм (последовательность действий правоприменителя), способствующий принятию решения об их применении.

Так, в правоприменительной деятельности перспектива реализации вариативных мер возникает в установленном законом количестве случаев. Соответственно, сфера их применения ограничена категорией совершенного преступления (как правило, преступлениями небольшой и средней тяжести), где они становятся альтернативой уголовной ответственности, и субъективными характеристиками личности адресата, который, в отдельных случаях, ранее не должен привлекаться к уголовной ответственности либо должен быть несовершеннолетним. Соответственно, приоритетно должна оцениваться общественная опасность деяния и отнесение его к одной из четырех категорий, предусмотренных ст. 15 УК РФ. Далее, поскольку мы задаем характерные критерии первичной криминализации лица (то есть совершение преступления впервые) при условии его полной деликтоспособности возникают альтернативы, основанные на критерии целесообразности.

К лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести впервые, применение акцессорных мер уголовно-правового характера должно быть приоритетным, а освобождение от уголовной ответственности - исключительным, то есть применяться только в тех случаях, когда отсутствует необходимость какого-либо правового реагирования, обеспеченного силой государственного принуждения. К субъектам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления, в преобладающем большинстве случаев, эффективным будет применение мер уголовной ответственности, в первую очередь, наказания.

Соответственно, в нормах Общей части уголовного права с развитием института акцессорных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших не тяжкие преступления, закладывается идея снижения объемов репрессивного уголовно-правового воздействия, то есть применения мер наказания и других форм реализации уголовной ответственности.

Полагаем, что в целях обеспечения реализации принципа экономии репрессии при решении вопроса о применении к лицу, совершившему

преступление, меры уголовно-правового воздействия, необходимо в положениях уголовного закона и разъяснениях высших судебных инстанций отразить следующий алгоритм правоприменительной деятельности: в отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности применению подлежит акцессорная вариативная мера при условии соответствия специфики деяния и лица, его совершившего, установленным требованиям; привлечение лица к уголовной ответственности допустимо только в случае признания невозможности достижения целей уголовно-правового воздействия путем применения акцессорных вариативных мер с приведением мотивов принятого решения.

Как представляется, подобный подход содействовал бы повышению распространенности реализации акцессорных мер уголовно-правового характера, поскольку в данный момент соответствующий алгоритм для правоприменителя должным образом не регламентирован, то есть нет методического обеспечения этой деятельности. Потенциал всей совокупности акцессорных мер уголовно-правового характера в настоящий момент не реализован в полном объеме, но при дальнейшей гуманизации уголовной политики их распространенность, очевидно, будет повышаться.

В этой связи можно заключить, что структура акцессорных мер имеет перспективы к дальнейшему динамическому развитию и обладает социальной направленностью. Отказ от применения исключительно репрессивного уголовно-правового воздействия, мер наказания, можно смело назвать цивилизационной задачей или цивилизационным вызовом, поскольку он знаменует собой принципиальное изменение подхода к анализу юридических последствий совершения общественно опасных деяний. Логично предположить, что эта тенденция не затронет наиболее опасные формы криминального поведения, а также лиц, не впервые преступивших закон, но ее более широкое распространение привнесет новый вектор в индивидуализацию уголовно-правового воздействия.

В данной части уместно обратиться к научным воззрениям Т. Парсонса, который пришел к выводу о том, что любая система имеет две оси ориентации: внутреннее/внешнее (то есть, соотношение внутренней структуры с окружающей

средой, в нашем случае акцессорных мер уголовно-правового характера с явлениями, порождающими необходимость их применения) и инструментальное/консуматорное (соотношение краткосрочных и долгосрочных потребностей и целей)¹.

Из этого следует, что структура системы акцессорных мер уголовно-правового характера может быть охарактеризована как связанная не только с внешними системами иных мер уголовно-правового воздействия, но и внешней социальной средой (конкретным общественно опасным посягательством, совершенным субъектом, к которому может применяться данная форма уголовно-правового воздействия) и с уголовно-правовой политикой государства, которая в долгосрочный период рассчитана на отказ от приоритета наказания в качестве разновидности уголовно-правового воздействия.

Далее, поскольку в структуре систем играют существенную роль такие свойства, как наблюдаемость, управляемость, устойчивость², исследование внутренних субординационных связей обеспечит возможность надлежащей оценки структуры системы акцессорных мер уголовно-правового характера. Так, поскольку элементы системы находятся в разных условиях и имеют различные возможности для развития, субординационные связи помогают закрепить дифференциацию элементов системы³.

Соответственно, внутренние субординационные связи отражают структуру системы акцессорных мер уголовно-правового характера и позволяют их сепарировать на вариативные и дополнительные меры. Именно так выделяются две условные подсистемы. Если обратиться к положениям науки теории организации, можно заключить, что в данном случае структура акцессорных мер уголовно-правового характера является линейной (обеспечивающей реализацию всей

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 57–74.

² Афанасьев В.Н. Теория оптимального управления непрерывными динамическими системами. Аналитическое конструирование. М., 2011. С. 6–7.

³ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 191.

совокупности функций¹). Это подразумевает, что каждая из подсистем в общей структуре позволяет решить задачи, установленные в ст. 2 УК РФ без применения мер уголовного наказания либо путем дополнения объема уголовно-правового воздействия при реализации соответствующих мер.

В системе акцессорных мер отсутствует внутренняя иерархия в той интерпретации, которая предполагает выстраивание перечня мер, в зависимости от строгости (интенсивности) воздействия. Соответственно, в данном случае мы не можем констатировать расположение разных подсистем акцессорных мер «от высшего к низшему». В рассматриваемой ситуации отсутствие строгой иерархии (наподобие лестницы наказаний) представляется логичным с учетом разнообразного перечня субъектов, к которым применяются эти меры, и дифференцированного по своему содержанию спектра воздействия в рамках каждой из них.

Сказанное характерно и для внешних субординационных связей, где акцессорные меры в соотношении с внешними системами наказаний и мер освобождения от уголовной ответственности и наказания, с одной стороны, могут получить определенное место в условной шкале строгости (интенсивности) воздействия на адресата, но, с другой стороны, напрямую соответствующими свойствами законодателем не наделены. Более того, достаточно затруднительно рассматривать иерархичность в том контексте, который предполагает выстраивание элементов системы (конкретных мер уголовно-правового воздействия) по принципу большей или меньшей юридической силы, приоритетности в разрешении уголовно-правового конфликта и т.п.

Соответственно, главная специфика субординационных связей заключается в том, что они взаимопроникают и взаимообуславливают выбор конкретной подсистемы (подсистем) уголовно-правового воздействия и, соответственно, конкретной меры (комплекса мер) для применения в качестве реакции государства на совершенное общественно опасное деяние. Поэтому рассмотренные нами

¹ Жигун Л.А. Теория организации и организационная деятельность: монография тезауруса: словарь. М., 2017. С. 82–83.

субординационные связи скорее приобретают координационную направленность, что получит свое отражение далее при постановке итоговых выводов.

В свою очередь, реординационные связи, которые в целом ряде социальных динамических систем подразумевают существование «механизма обратной связи» или переподчинения одного элемента системы другому¹, могут приобретать следующую специфику. Они демонстрируют соподчиненность системы аксессуарных мер уголовно-правового характера в качестве подсистемы другим более высокого уровня системам. Во-первых, системе мер уголовно-правового характера, которая в качестве подсистем предусматривает системы аксессуарных мер и наказания. Во-вторых, системе мер уголовно-правового воздействия, в структуру которой интегрированы аксессуарные меры, меры наказания и меры освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Кроме того, в отличие от внешних связей, выводящих нас на соотношение аксессуарных мер уголовно-правового характера и уголовно-правового воздействия в целом, реординационные связи дают возможность для более глубокого познания соотношения аксессуарных мер уголовно-правового характера с институтами наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, то есть институтов, в структуре которых имеются смежные (переподчиненные) элементы, а точнее схожие механизмы уголовно-правового воздействия в отношении адресата.

Они могут носить коллизионный характер: например, нормы о судебном штрафе включены в два тематических раздела Общей части УК РФ. Соответственно, сферой его применения выступает и освобождение от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), и иные (аксессуарные) меры уголовно-правового характера (гл. 15.2 УК РФ). При этом, как и большинство остальных оснований освобождения от уголовной ответственности, перечисленных в ст. ст. 75, 76, 76.1, 78 УК РФ, судебный штраф напрямую связан с возмещением ущерба, причиненного преступлением, или с иным заглаживанием вреда. Только

¹ Коваженков М.А. Феномен управления в экономическом пространстве. М., 2013. С. 101.

освобождение в связи с истечением срока давности не требует от субъекта социально полезных действий.

Кроме того, своего рода коллизия заключается в том, что судебный штраф может применяться только судом, а лица, осуществляющие досудебное производство по уголовному делу, на его применение не уполномочены. В ст. 25.1 УПК РФ установлен порядок, в соответствии с которым они могут только направить ходатайство в суд для рассмотрения его по существу. Между тем, применение иных оснований освобождения от уголовной ответственности допускается и судьей, и должностным лицом, осуществляющим производство предварительного расследования.

Далее, по общему правилу, реординационные связи соответствуют субординационным связям¹, и имеют с ними соподчинение. Однако будем исходить из того, что, в отличие от динамических систем, в которых генерируется законопослушная деятельность², сфера уголовно-правового воздействия имеет определенные особенности.

Так, применение уголовно-правового воздействия генерируется совершением общественно опасного деяния. При этом лицо может обладать уголовно-правовой деликтоспособностью в соответствии со ст. ст. 20-21 УК РФ, и тогда, по общему правилу, оно подлежит уголовной ответственности. Если речь идет о совершении общественно опасного деяния лицом, признанным невменяемым, уголовная ответственность не наступает, а единственно возможной реакцией на проявление общественно опасного поведения становится применение принудительных мер медицинского характера. При этом, как уже упоминалось выше, их целью является излечение или улучшение психического состояния, а не наказание виновного. Тем самым их можно рассматривать как часть уголовно-правового воздействия с определенной долей условности, поскольку лица, страдающие душевными заболеваниями, не подлежат ответственности и наказанию, что соответствует общепризнанным принципам и нормам

¹ Смоленский М.Б., Алексеева М.В. Конституционное право. Ростов, 2013. С. 526.

² Кажикин А.А. Субординационные и координационные связи в системе отечественных СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2013. – № 1. – С. 136–139.

международного права (в том числе, ст. 5 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах), а также принципам оказания психиатрической помощи.

Как известно, законодательство РФ допускает недобровольную госпитализацию в психиатрический стационар (ст. 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹), но требует принятия по данному вопросу судебного решения, что фактически подразумевает проверку судом обоснованности госпитализации (ст. 33). Международные медицинские рекомендации выстроены, в свою очередь, так, чтобы по возможности не допускать потенциально опасного или унижающего достоинство лечения, применение сильнодействующих медикаментов в качестве наказания, длительную изоляцию при отсутствии медицинских показаний².

Принудительные меры воспитательного воздействия, очевидно, направлены, в том числе, на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, однако не исчерпывают имеющиеся правовые инструменты регулирования отношений данной тематики. Соответствующие правовые регуляторы, в частности, заложены в положениях гражданского, административного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства³. При регулятивной недостаточности законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предусматривающего, в том числе, реализацию отдельных мер принуждения в отношении несовершеннолетних правонарушителей, задействуются исследуемые нами вариативные меры уголовно-правового характера (ст. 90 УК РФ).

В этой связи некоторые авторы справедливо отмечают, что «в структуре уголовно-правовых институтов трудно разместить определенное число уголовно-

¹ Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (по сост. на 19.07.2018) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 20.08.1992. № 33. Ст. 1913.

² Розенталь Э., Сандрем К. Роль международных прав человека в законодательстве по охране психического здоровья. Женева, 2004. С. 72–74.

³ Грибанов Е.В., Помогалова Ю.В., Богатырева Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». 2019. // [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовых по своей сущности норм»¹. Действительно, особенности некоторых общественных отношений таковы, что возникает необходимость их регулирования не только уголовно-правовыми нормами. Более того, уголовно-правовая составляющая появляется в исключительных случаях, тогда как по своей сути указанные отношения имеют административно-правовую или гражданско-правовую природу.

Собственно, в приведенных примерах мы можем видеть, что психиатрическая помощь включает в себя соответствующие медицинские услуги, а в необходимых случаях – принудительные меры медицинского характера. Мероприятия, направленные на профилактику преступности подростков, при определенных условиях приобретают характер принудительных мер воспитательного воздействия.

Исходя из изложенного, реординационные связи в системе аксессуарных мер уголовно-правового характера могут получать нормативное выражение в законодательных и иных правовых актах, регламентирующих порядок осуществления общественных отношений смежной тематики.

И наконец, роль внешних обратных связей заключается в обеспечении возможности коррекции аксессуарных мер в процессе индивидуального судебного регулирования соответствующих отношений. Существенное усиление подобного типа связей приводит, по общему правилу, к изменению качества управления системой². Но, в отличие от упомянутого ранее управления системой в контексте принятия законодательных решений (правового регулирования), в данном случае управление системой рассматривается в разрезе именно индивидуального регулирования правоотношений³, то есть правоприменения.

На примере системы аксессуарных мер уголовно-правового характера это выражается в том, что при их применении становится возможным выявить необходимость изменения или дополнения ранее возложенных на лицо

¹ Бабурин В.В., Хоменко А.Н. Система российского уголовного права: содержательный аспект // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4. – С. 106–111.

² Национальные банковские системы / под ред. В.И. Рыбина. М., 2009. С. 401.

³ См. более подробно: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 54–82.

ограничений. При применении отдельных мер, может быть дана оценка, на сколько поведение адресата применения меры соответствует процессу его исправления, формированию правопослушных установок.

В частности, неуплата в установленный срок судебного штрафа, либо систематическое неисполнение возложенных на несовершеннолетнего обязанностей может стать основанием для возобновления производства по уголовному делу. Из этого можно заключить, что внешние обратные связи носят в данном случае односторонний характер, поскольку приведенные правила лишены императивности, но являются, по сути, альтернативой, разрешаемой на усмотрение правоприменителя, то есть суда, вынесшего приговор.

Исходя из изложенного исследуемые системные связи в структуре акцессорных мер могут приобретать отраслевое и межотраслевое значение. В первом случае мы говорим о содержании и объеме необходимого (или допустимого) уголовно-правового воздействия, то есть о соподчиненности или согласованности различных норм Общей части УК РФ. Во втором – о выборе формы воздействия на адресата на основе квалификации его поведения как деяния, сущность которого предполагает обращение к регуляторам иной отраслевой принадлежности.

Исследование совокупности системных связей в структуре акцессорных мер позволяет заключить, что их наличие адаптирует абстрактный уголовно-правовой институт к условиям реальной действительности. Особенности юридической действительности положены теоретиками в основу отраслевого деления права¹, поэтому будем исходить из того, что подобный семантический подход способствует наиболее простому построению механизма правоприменения различных правовых институтов.

В единстве нормы права и правоотношения проявляются всеобщие связи и закономерности²; при этом и нормы права, и правоотношения как явления

¹ Разуваев Н.В. Критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 31–55.

² Пионтковский А.А. Юридическая наука, ее природа и метод // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 71–78.

социальной реальности обладают качественной определенностью¹. Соответственно, помимо юридической абстракции, структура системы акцессорных мер уголовно-правового характера должна обладать конкретными чертами, позволяющими объективизировать ее в правоотношения и социальную действительность.

Воплощение правовых норм в правоотношениях подразумевает реализацию субъективных прав и обязанностей², то есть превращает юридические предписания в элемент социального взаимодействия. Право становится «масштабом социальной свободы»³, и в этом качестве его охранительные нормы оказывают воздействие на структуру общественных отношений. Акцессорные меры как составляющая общественных отношений, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния, объективизируются в конкретных обязанностях, возлагаемых на правонарушителя.

Наличие в структуре системы акцессорных мер уголовно-правового характера субординационных, реординационных и координационных связей способствует формированию восприятия правовых норм не как абстрактных регуляторов общественных отношений, а как конкретных инструментов, адекватных характеру и степени общественной опасности деяния и личности его совершившего.

Рассматривая связи внутри структуры различных систем, ученые обычно выделяют три ситуации: 1) когда элементы являются по отношению друг к другу внешней средой, 2) когда элементы имеют общие части, частично пересекаются, 3) когда один элемент системы целиком входит в другой⁴. Проецируя этот подход на структуру системы акцессорных мер можно резюмировать, что ее элементы выступают внешней средой по отношению к элементам систем наказаний и мер освобождения от уголовной ответственности.

¹ Мокичев К.А., Айзенберг А.М., Розин Э.Л., Васильев А.М., Венгеров А.Б. Научное наследие кафедры теории государства и права ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА. М., 2017. С. 598.

² Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 34–35.

³ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М., 2015. С. 154.

⁴ Кажикин А.А. Субординационные и координационные связи в системе отечественных СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2013. – № 1. – С. 136–139.

При этом системы наказания и аксессуарных мер имеют сферу пересечения в части принудительного сегмента уголовно-правового воздействия. Некарательные характеристики аксессуарных мер и мер, направленных на освобождение от уголовной ответственности, служат основой для реализации соответствующих подсистем в некарательном блоке уголовно-правового воздействия. Одновременно, комплекс всех названных элементов интегрирован в систему мер уголовно-правового воздействия. Элементы системы аксессуарных мер взаимно нестрого соподчинены, в отдельных случаях взаимозаменяемы и альтернативны как более строгому уголовно-правовому воздействию, так и полному отказу от его применения.

Подводя итог, необходимо заключить, что системные связи в структуре аксессуарных мер отражают весь спектр внутреннего и внешнего взаимодействия ее элементов и ее характеристики как подсистемы уголовно-правового воздействия. Исследование субординационных, реординационных и координационных связей подводит нас к созданию научно обоснованной классификации рассматриваемых мер, дескриптором которой является механизм их реализации в качестве альтернативы уголовной ответственности либо дополнения соответствующих мер уголовно-правового воздействия.

В целях обеспечения реализации принципа экономии репрессии в рамках индивидуального судебного регулирования при выборе меры уголовно-правового воздействия необходимо в положениях уголовного закона и разъяснениях высших судебных инстанций отразить следующий алгоритм правоприменительной деятельности: в отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности применению подлежит аксессуарная вариативная мера при условии соответствия специфики деяния и лица, его совершившего, установленным требованиям; привлечение лица к уголовной ответственности допустимо только в случае признания невозможности достижения целей уголовно-правового воздействия путем применения аксессуарных вариативных мер с приведением мотивов принятого решения.

В системе акцессорных мер уголовно-правового характера выявлены следующие типы системных связей:

- внешние координационные связи между акцессорными мерами уголовно-правового характера и другими подсистемами уголовно-правового воздействия (наказанием, освобождением от уголовной ответственности или наказания), которые проявляются в нормах Общей части УК РФ, ориентирующих правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной формы реагирования на общественно опасное деяние;

- внешние обратные связи, отражающие согласованность правового регулирования и проявляющиеся в нормах Общей части УК РФ, позволяющих учитывать эффективность реализации отдельных акцессорных мер уголовно-правового характера при применении судом дискреционных полномочий, относящихся к сохранению (корректировке) данных мер или отказу от них в пользу иной формы уголовно-правового воздействия;

- внутренние координационные связи между подсистемами, образующими систему акцессорных мер уголовно-правового характера, взаимообуславливающие выбор соответствующей меры, которые проявляются в нормах Общей части УК РФ, ориентирующих правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной акцессорной меры уголовно-правового характера при наличии возможных альтернатив либо совокупности мер;

- реординационные связи между элементами системы акцессорных мер уголовно-правового характера и внешними системами медицинского права, законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые проявляются в нормах, обеспечивающих соответствующее межсистемное взаимодействие.

§ 2.3. Классификация акцессорных мер уголовно-правового характера

В правовой доктрине разработка классификаций, относящихся к структуре защищаемых общественных отношений, смежных уголовно-правовых норм и различных мер уголовно-правового воздействия имеет высокую актуальность. Структурно-функциональный анализ различных факторов, относящихся к установлению преступности и наказуемости общественно опасных деяний, практически неизбежно включает не только попытки их систематизации, но и создание научно обоснованных классификационных моделей.

Классификация применяется для упорядочения исследуемых явлений и распределения их по отдельным группам, объединенным общим основанием¹. Такой подход способствует более четкому структурированию полученных результатов и, как следствие, формированию более совершенных представлений о явлениях, включенных в классификацию. В отличие от систематизации, классификация не подразумевает выстраивание внешних связей между отдельными группами (при этом некоторые авторы необоснованно, на наш взгляд, заключают, что классификация включает систематизацию предметной области, то есть факторов, явлений или процессов, образующих предмет научного исследования²). Классификация, как и типология, подразумевает выделение в изучаемых явлениях таких совокупностей, которые отличаются друг от друга устойчивыми признаками, хотя и имеют существенное сходство между собой³. Соответственно, классификация может быть признана формой систематизированного знания.

Поскольку для систематизации правовых актов применяются различные способы – инкорпорация, кодификация, консолидация⁴, – постольку отдельные

¹ Сырых В.М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М., 2012. С. 280.

² Субботин А.Л. Классификация. М., 2001. С. 10.

³ Маркова-Мурашова С.А. Классификация, типология, систематизация правовых понятий как методологические предпосылки конкретизации законодательства // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 164–171.

⁴ Голубева Л.А. Эссенция систематизации законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. – С. 18–25.

правовые нормы внутри них нуждаются в объединении по группам (видам, классам). Это создает удобный инструментарий для правоприменителя, а кроме того, способствует ускорению обработки правовой информации. Последнее, в свою очередь, оптимизирует нормотворческую деятельность, так как «обнажает» пробелы в действующем законодательстве в части правового регулирования общественных отношений. Вследствие этого классификация актуализирует нормотворческую и правоприменительную деятельность.

Элементы системы всегда находятся во внутренне упорядоченном иерархическом взаимодействии. Исходя из этого, ученые, исследовавшие особенности системы наказаний, выделяют «идеальную» (закрепленную в уголовном законе) и «реальную» (используемую правоприменителем) системы наказаний¹. Данный подход подвергается справедливой критике²; разделяя критические суждения, укажем, что в данном случае, скорее, речь идет о классификации, в основу которой положен такой признак, как применение отдельных видов наказания судами при постановлении обвинительного приговора.

Научный подход, в соответствии с которым проводится грань между системой наказаний и иными мерами уголовно-правового характера (по признаку незначительности карательных элементов)³, как мы отмечали ранее, актуален, но в то же время, может быть признан попыткой своеобразной классификации мер уголовно-правового воздействия с определенной долей условности. Категория кары и производные от нее в действующем законодательстве не используются; кроме того, в структуре акцессорных мер подобные проявления (даже абстрактные, или же истолкованные как проявления кары различные ограничения правового статуса лица, совершившего общественно опасное деяние) неприменимы, о чем нами сделаны выводы ранее. Например, принудительные меры медицинского характера имеют своей целью излечение или улучшение психического состояния

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2015. С. 196.

² Мелюханова Е.Е. Понятие «система наказаний» // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2017. – Т. 27. – № 1. – С. 101–105.

³ Тюшнякова О.В. «Бессистемная» система уголовных наказаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4. – С. 80–85.

лиц, которым они назначены. Тем не менее, классификация мер уголовно-правового воздействия по признаку большего или меньшего набора правоограничений, безусловно, имеет право на существование.

Ни одна система не является аддитивной, то есть не может быть сведена к сумме составляющих ее элементов¹. Тогда как классификация, основанная на равнозначности классификационных разрядов, объединенных общим установочным признаком, позволяет провести их соотношение и определить их расположение относительно друг друга. При этом во взаимосвязи с мерами уголовно-правового воздействия (в том числе, и с наказаниями, и с акцессорными мерами уголовно-правового характера) посредством классификации могут быть созданы оптимальные условия для их применения в отношении конкретных субъектов².

Метод классификации как один из главных методов научного познания способствует осмыслению и описанию закономерностей окружающего мира³. В данном контексте утилитарный подход, в соответствии с которым способность классифицировать признается принадлежащей любому субъекту от рождения, а сама классификация – умением сгруппировывать «вещи, которые похожи друг на друга»⁴, вызывает возражения. Классификация отражает различные категории (группы, разряды), в соответствии с которыми распределяется совокупность родственных по своей природе явлений. Важнейшим свойством любой классификации можно назвать отказ от признания приоритетности, главенства одного из познаваемых явлений, от исследования его в качестве основополагающего. Соответственно, классификационные группы, объединенные на базе общего для всех них признака, являются равнозначными между собой, рядоположенными.

¹ Улезько С.И. Характеристика системы наказаний в российском уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 58–60.

² Биченова А.Р. Проблемы дифференциации отдельных категорий лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2016. – № 2. – С. 9–11.

³ Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности, в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 37. – С. 249–259.

⁴ Batley S. Classification in Theory and Practice. Oxford, 2014. P. 11.

Классификация должна соответствовать принципам полноты, достаточности, исключительности и единства (монизма)¹. Для построения классификации требуется отобрание оснований (основания) и избрание вида, в который она будет облечена. Естественно, необходимо учитывать проблемное поле исследования, поставленные в нем цели и задачи. Сбор и обработка данных, создание статистического их массива позволяет в конечном итоге синтезировать эмпирический материал, превратив его в логически упорядоченные научно обоснованные теоретические выводы. Тем самым раскрывается логико-понятийная область предмета исследования во всем многообразии ее содержания².

Руководствуясь вышеизложенными суждениями, построим классификацию аксессуарных мер уголовно-правового характера. При этом определим ее как стройную, логически непротиворечивую совокупность отдельных разрядов (групп), включающую распределение аксессуарных мер уголовно-правового характера, основанное на учете самостоятельных и соподчиненных классификационных оснований.

Универсальных классификационных оснований, применимых при изучении социальных явлений, не существует. В этой связи отметим, что учеными классификационные основания дифференцируются на функционально-прагматические и структурно-формальные³. В первом случае речь идет об анализе понятийно-категориального аппарата и интерпретации; во втором – о построении парадигмы, в структуре которой включенные в классификацию явления вступают в межвидовое взаимодействие.

Учеными уже обращалось внимание на «терминологическую вольницу» при определении иных мер уголовно-правового характера⁴. Учитывая данный факт, для

¹ Багдасаров В.Ю. Основания классификации правотворчества // Журнал российского права. – 2012. – № 11. – С. 49–58.

² Литовченко В.И. Классификация и систематизация терминов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. Педагогика, филология, право, экология. – 2006. – № 1. – С. 156–159.

³ Проблемы функциональной грамматики: признаки естественной классификации / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. М., 2013. С. 406–407.

⁴ Полный курс уголовного права. В 5 томах. Т. 1. Преступление и наказание / отв. ред. А.И. Коробеев. СПб., 2008. С. 701–702.

построения классификации акцессорных мер уголовно-правового характера будем исходить из следующих классификационных оснований.

Во-первых, акцессорные меры уголовно-правового характера могут классифицироваться по такому критерию (разряду), как альтернативность наказанию или сопряженность с его применением, о чем мы подробно указывали выше. На возможный альтернативный подход и выбор в отношении лица, совершившего преступление, или наказания, или иной (акцессорной) меры уголовно-правового характера уже обращали внимание ученые¹. Но в контексте классификации этот признак еще не получил подробного научного осмысления.

В современный период во многих международно-правовых актах государствам рекомендуется предпринимать меры по сокращению применения наказаний, чтобы люди, совершившие преступления под влиянием неблагоприятной социальной ситуации, не подвергались длительной изоляции от общества². В перечень этих мер входит не только расширение видов наказаний, не связанных с лишением свободы, но и применение поощрительных правовых инструментов (досрочного освобождения) или же акцессорных мер уголовно-правового характера. Логично предположить, что ожидаемые социально полезные результаты уголовно-правового воздействия в последнем случае могут быть более весомыми, поскольку его спектр расширится, а конкретный вид может индивидуализироваться.

При этом необходимость применения/неприменения наказания может определяться с учетом как объективных (характер и степень общественной опасности преступления, его отнесения к одной из категорий в соответствии со ст. 15 УК РФ), так и субъективных (возраст, состояние здоровья) критериев.

В соответствии с данным классификационным основанием можно выделить:

- акцессорные меры уголовно-правового характера, применимые совместно с уголовным наказанием, – конфискация имущества, принудительная мера

¹ Скрипченко Н.Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 12–13.

² Меры, связанные и не связанные с лишением свободы. Альтернативы тюремному заключению. Пособие по оценке систем уголовного правосудия. Вена, 2010. С. 7.

медицинского характера в виде амбулаторного лечения у психиатра, возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании;

- акцессорные меры уголовно-правового характера, применимые вместо уголовного наказания, – судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, сопряженные со стационарным лечением.

Во-вторых, акцессорные меры уголовно-правового характера могут быть дифференцированы исходя из целеполагания, то есть той конечной цели, модели преобразования личности субъекта, совершившего общественно опасное деяние, и возможного главного способа ее достижения.

Цели применения акцессорных мер уголовно-правового характера сформулированы в уголовном законе фрагментарно и не всегда согласуются с перечнем целей наказания, установленным в ст. 43 УК РФ. Исходя из этого, некоторые авторы полагают, что иные меры уголовно-правового характера применяются только в исправительных и предупредительных целях и берут свои истоки в общественной опасности лица, совершившего преступление¹. Этот подход представляется нуждающимся в некоторых уточнениях.

Так, целью принудительных мер медицинского характера является излечение лиц, к которым они применяются, улучшение их психического состояния и предупреждение совершения новых общественно опасных деяний (ст. 98 УК РФ).

Цели применения судебного штрафа и конфискации имущества законом не установлены, однако можно предположить, что законодатель видит их в материальном возмещении ущерба бюджетной системе от противоправной деятельности, специальной превенции.

Цели применения принудительных мер воспитательного воздействия также не названы в ст. 90 УК РФ, но, с учетом несовершеннолетнего возраста их «адресата», состоят в недобровольной коррекции его поведения и побуждении к

¹ Баумштейн А.Б. Иные меры уголовно-правового характера в современном уголовном праве: понятие и содержание // Закон и право. – 2018. – № 8. – С. 90–92.

формированию законопослушных признаков личности, отказу от делинквентного поведения.

Исходя из изложенного, цели применения акцессорных мер уголовно-правового характера могут варьироваться в зависимости от их содержания и основного субъекта воздействия. Очевидно, что большинству выделенных нами вариативных и дополнительных мер свойственны, одновременно несколько целей. При этом достаточно затруднительно вычленить какую-либо одну главную цель применительно к каждой рассматриваемой мере. Цели-результаты большинства акцессорных мер уголовно-правового характера находятся во взаимосвязи и согласуются с целями наказания. При этом специальная превенция, как представляется, охватывает целеполагание всех вариативных и дополнительных мер.

Соответственно, за основу классификации по данному разряду предлагаются цели-средства, наиболее отражающие эксклюзивность потенциала воздействия конкретных акцессорных мер. В соответствии с этим классификационным основанием акцессорные меры уголовно-правового характера дифференцируются на: 1) воспитательные (принудительные меры воспитательного воздействия), 2) лечебные (возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании, принудительные меры медицинского характера), 3) имущественные (конфискация имущества, судебный штраф).

Некоторые ученые полагают целью иных мер уголовно-правового характера и общее предупреждение преступлений¹. Кроме того, те меры, которые связаны с обращением взыскания на имущество или денежные средства, получили осмысление как средство противодействия коррупции². Оба подхода, с нашей точки зрения, следует оценить скептически. Предупреждение преступлений может быть признано целью применения акцессорных мер уголовно-правового характера, равно как оно является одной из целей наказания. Однако это едва ли главная цель,

¹ Мицкевич А.В. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия: монография. СПб., 2005. С. 122–123.

² Буркина О.А., Устинов А.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 119–124.

достижение которой возможно эксклюзивно с их помощью. Скорее, целью аксессуарных мер уголовно-правового характера выступает частная превенция, поскольку при их применении субъект в большинстве случаев осознает привилегированное отношение к себе в рамках закона, либо, напротив, претерпевает дополнительное обременение. Противодействие коррупции, невзирая на важную роль этого процесса, само по себе недостижимо с помощью аксессуарных мер уголовно-правового характера.

Завершая анализ данного классификационного основания считаем важным отметить, что дифференцированное целеполагание аксессуарных мер, наряду с другими предложенными нами ранее признаками, обуславливает их самостоятельное место в структуре уголовно-правового воздействия, отличное от наказания и видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В-третьих, по степени интенсивности аксессуарные меры могут классифицироваться на низкоинтенсивные, интенсивные, гиперинтенсивные. В целом подобный подход с градациями в виде «простые, интенсивные, особо интенсивные» уже апробирован в юридической науке применительно к дифференциации общественно опасных посягательств¹. Однако нами предлагается не его аналог, а принципиально иной способ построения классификации аксессуарных мер уголовно-правового характера, соподчиненной не с признаком общественной опасности, а с признаком наказуемости, также органически присущим преступлениям в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ.

К низкоинтенсивным мерам можно отнести такие, которые не связаны со строгими правоограничениями в отношении адресата и, как правило, не подразумевают незамедлительного наступления негативных последствий в виде судимости в случае противоправного поведения субъекта после применения соответствующей меры. Например, принудительные меры воспитательного воздействия (пп. «а»-«г» ч. 2 ст. 90 УК РФ) только при их именно систематическом неисполнении несовершеннолетним отменяются, и соответствующие материалы направляются специализированным государственным органом для привлечения

¹ Александров А.И. Философия зла и философия преступности. СПб., 2013. С. 285.

подростка к уголовной ответственности. Одновременно свобода несовершеннолетнего не ограничивается, он не изолируется от общества, на него распространяются все дополнительные гарантии, относящиеся к назначению наказания, предусмотренные ст. 88 УК РФ. При этом совершение несовершеннолетним нового преступления в период реализации принудительной воспитательной меры не является основанием для ее отмены и возобновления уголовного преследования.

Принудительные меры медицинского характера, связанные с амбулаторным лечением и наблюдением, возложение обязанности пройти лечение от наркомании также, с нашей точки зрения, также относимы к низкоинтенсивным мерам.

По мнению некоторых авторов, наказание, а не иные меры уголовно-правового характера, ограничивает специфические права и свободы¹. Однако исходя из положений УК РФ, можно заключить, что акцессорные меры уголовно-правового характера воздействуют на большинство аналогичных благ (свобода, имущество), вследствие чего классификационный интерес вызывает именно интенсивность воздействия.

К интенсивным мерам можно отнести такие, которые подразумевают возможность возобновления уголовного преследования в случае установления единичного факта неисполнения меры и (или) более существенный объем правоограничений, связанных с утратой имущественных прав. При этом интенсивные меры не связаны с ограничением личной свободы субъекта. К интенсивным мерам следует отнести судебный штраф и конфискацию имущества.

При соотношении судебного штрафа и принудительных мер воспитательного воздействия в части интенсивности воздействия необходимо отметить, что в случае неуплаты в срок судебного штрафа данная мера незамедлительно отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности. При этом для отмены назначенных принудительных мер воспитательного воздействия, как мы отметили

¹ Пудовочкин Ю.Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 5. – С. 168–175.

выше, требуется их систематическое неисполнение, что служит подтверждающим наши доводы аргументом.

К гиперинтенсивным можно отнести такие, которые связаны со строгим контролем поведения субъекта и максимальным объемом его правоограничений, предполагающим ограничение субъекта в праве на личную свободу (принудительные меры медицинского характера, связанные со стационарным лечением, помещение несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа).

Предложенная классификация ранее не использовалась в юридической науке, вследствие чего мы полагаем ее перспективной для дальнейшего осмысления. Кроме того, она согласуется, на наш взгляд, с новейшими законодательными инициативами.

Так, в 2017 г. Верховным Судом РФ подготовлен проект изменений в Уголовный кодекс РФ, в центре которых находится новое понятие «уголовный проступок». Таковым, по мнению разработчиков законопроекта, следует признавать впервые совершенное преступление небольшой тяжести, за совершение которого законом не предусмотрено лишение свободы. Кроме того, предполагается установить обязательное освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетних, совершивших уголовный проступок впервые¹. Данная инициатива не была реализована, однако 13 октября 2020 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 24, в соответствии с которым 15 февраля 2021 г. в Государственную Думу был внесен проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». Он не имеет принципиальных отличий от предыдущего законопроекта, что позволяет

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51335.html/> (дата обращения: 25.11.2018).

констатировать последовательное продвижение высшей судебной инстанцией, в том числе, расширения практики применения аксессуарных мер уголовно-правового характера. Очевидно, что реализация этой идеи приведет к тому, что произойдет законодательное закрепление обязательности применения аксессуарных мер.

В настоящее время парламентариями уже поддержан внесенный Президентом РФ в Государственную Думу проект закона о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, которым установлено обязательное прекращение уголовного преследования лиц, совершивших отдельные преступления небольшой или средней тяжести при условии возмещения ими причиненного ущерба¹. Ранее в 2018 г. Правительством РФ разработаны поправки в УК РФ, упрощающие порядок смягчения наказания женщинам, находящимся в состоянии беременности или имеющим малолетних детей в возрасте до трех лет². Реализация этих инициатив также расширит перечень случаев, когда аксессуарные меры уголовно-правового характера будут применяться обязательно, и это разнообразит уголовно-правовой инструментарий, применимый в отношении лиц, совершивших впервые деяния, характеризующиеся относительно не высокой общественной опасностью.

В-четвертых, аналогично тому, как дифференцируются наказания внутри системы³, аксессуарные меры уголовно-правового характера могут быть классифицированы на срочные и одномоментные.

Срочные меры подразумевают определение в судебном акте периода, в течение которого они будут применяться. Так, к примеру, принудительные меры медицинского характера применяются до момента врачебной констатации улучшения психического здоровья лица. Такие принудительные меры

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации» от 24.11.2018 № 593998-7 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.11.2018).

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части смягчения наказания за преступления небольшой тяжести беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=177804#033646350199577224> (дата обращения: 25.11.2018).

³ Дядькин Д.С. Система и виды наказаний применительно к их назначению // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 67–70.

воспитательного воздействия как передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, а также ограничение досуга могут быть отнесены к срочным мерам, поскольку в силу прямого указания закона (ч. 3 ст. 90 УК РФ) предусмотрен период их применения.

В свою очередь, одномоментные меры предполагают исполнение, не связанное с исчислением какого-либо периода. Конфискация имущества применяется на основании ст. 104.1 УК РФ к определенному кругу лиц, и ее исполнение не регламентируется каким-либо сроком. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении судебного штрафа. Отдельные принудительные меры воспитательного воздействия, перечисленные в ст. 90 УК РФ, по своему содержанию могут не лимитироваться временным периодом (например, предупреждение, возложение обязанности загладить причиненный вред).

Соответственно, срочный или одномоментный (бессрочный) признак присущ акцессорным мерам уголовно-правового характера в той мере, в какой их содержание подразумевает определенное длительное воздействие на лицо, совершившее общественно опасное деяние.

В-пятых, в зависимости от того, на какой сегмент правового статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, воздействуют акцессорные меры уголовно-правового характера, можно выделить те, которые связаны с ограничением личной свободы, и не связаны с ним. Наподобие того, как наказания подразделяются на связанные и не связанные с изоляцией от общества¹, акцессорные меры уголовно-правового характера также могут вторгаться в эту сферу. При этом данный классификационный признак применим и для построения дробной структуры внутри отдельных групп мер уголовно-правового характера. Например, принудительные меры медицинского характера подразделяются на меры амбулаторного и стационарного типа; при этом пребывание в стационаре подразумевает изоляцию от общества, а вид стационарного наблюдения может ослаблять или усиливать ее.

¹ Панасенко (Яловая) В.Н., Яловой Г.Н. Общие и специальные признаки исключительной меры наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 207–209.

Кроме того, рассматривая связь акцессорных мер уголовно-правового характера с изоляцией от общества, можно отметить ее реальность или вероятность (условность), либо отсутствие такой перспективы. Поскольку акцессорные меры уголовно-правового характера существуют «параллельно наказанию»¹, это становится неизбежным.

Так, применение принудительных мер медицинского характера, предусмотренных пп. «б», «в», «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ, означает реальную изоляцию от общества вплоть до момента установления улучшения состояния здоровья лица, наступления стойкой ремиссии и, как следствие, появления возможности для прекращения их применения. До этого момента изоляция его от общества остается реальной.

В системе акцессорных мер уголовно-правового характера есть и такие, в отношении которых можно рассмотреть лишь вероятность изоляции от общества. К примеру, при неисполнении обязанности по уплате судебного штрафа он отменяется, а производство по уголовному делу возобновляется, и лицо может быть осуждено к наказанию, связанному или не связанному с изоляцией от общества (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ). То есть, применительно к судебному штрафу вероятность изоляции также существует, хотя и в рамках отказа от применения акцессорной меры уголовно-правового характера.

Напротив, при исполнении конфискации имущества не могут возникнуть обстоятельства, во взаимосвязи с которыми осужденный может быть изолирован от общества. Из этого можно заключить, что конфискация имущества во всех случаях сама по себе не связана с изоляцией от общества, хотя наказание, совместно с которым она применяется, может состоять в лишении свободы.

Среди классификационных оснований могут быть учтены и такие, которые отражают специфику правил назначения акцессорных мер уголовно-правового характера, вовлеченность в процедуру их исполнения органов уголовно-

¹ Скрипченко Н.Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2011. – № 2. – С. 16–22.

исполнительной системы или иных специализированных органов, не являющихся ее частью, а также особенности личности субъекта, к которому они применяются.

С учетом специфики правил назначения аксессуарных мер уголовно-правового характера они могут быть дифференцированы на те, которые назначаются судом в результате рассмотрения уголовного дела по существу в общем или особом порядке, и на те, которые изначально подразумевают использование одного из особых производств, предусмотренных УПК РФ.

Как известно, окончательное решение о применении аксессуарных мер уголовно-правового характера во всех случаях принимается судом в результате рассмотрения дела по существу. Однако УПК РФ регламентирует ряд особых производств (по делам несовершеннолетних, по применению принудительных мер медицинского характера), а УК РФ – особую процедуру возбуждения перед судом ходатайства о применении некоторых из аксессуарных мер уголовно-правового характера (например, судебного штрафа).

В литературе уже обращалось внимание на смешанную природу уголовно-правового регулирования, проявляющуюся, в частности, в том, что правовая реакция на совершение общественно опасных деяний может включать заимствование мер и средств из иных сфер общественной жизни (медицины, педагогики и др.)¹. В зависимости от того, каким органом контролируется поведение субъекта, аксессуарные меры уголовно-правового характера можно подразделить на исполнительные (подразумевающие контроль со стороны органов, исполняющих наказания, то есть уголовно-исполнительных инспекций и подразделений ФССП России) и коррекционные (подразумевающие контроль и наблюдение со стороны органов здравоохранения, специализированных органов, противодействующих безнадзорности и правонарушениям несовершеннолетних).

С учетом особенностей личности субъекта, к которому они применяются, аксессуарные меры уголовно-правового характера могут быть подразделены на:

¹ Борисов В.И., Батыргареева В.С. Иные уголовно-правовые последствия совершения общественно опасного деяния // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 125–139.

- общие – применимые к любому лицу, совершившему преступление определенной категории или определенного вида, без учета его субъективных признаков (возраста, состояния здоровья);

- специальные – применимые только к таким лицам, которые не достигли совершеннолетия, либо страдают определенным заболеванием, ограничивающим или исключаящим вменяемость, либо характеризующим наличие зависимости или расстройства, требующего медицинской или медико-социальной коррекции.

Достаточно интересно, что специальные меры структурируются в зависимости от сущности воздействия или целевого назначения. Например, среди принудительных мер воспитательного воздействия ученые выделяют превентивно-воспитательные, исправительно-предупредительные, лечебно-профилактические и социально-восстановительные¹. В отношении принудительных мер медицинского характера некоторые авторы предлагают использовать термин «меры безопасности» как более четко отражающий их сущность и целевое назначение². Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что на уровне отдельных из аксессуарных мер уголовно-правового характера уже создана научно обоснованная структура, отражающая, в том числе, субъектный состав лиц, к которым они могут применяться.

Как видно, классификация аксессуарных мер уголовно-правового характера учитывает различные основания, использование которых позволяет создать условия для оценки целесообразности их применения и возможности корректирующего воздействия на лицо, совершившее общественно опасное деяние. В ситуации, когда система наказаний – основной подраздел уголовно-правового воздействия – оказалась востребованной правоприменителем лишь фрагментарно, предложенная автором классификация может быть положена в основу создания алгоритма, использование которого в практической деятельности способно повысить распространенность применения аксессуарных, в первую очередь, вариативных мер уголовно-правового характера.

¹ Оловенцова С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 9–11.

² Качество уголовного закона. Проблемы Общей части / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 243.

Как мы отмечали ранее, некоторыми авторами возможность объединения иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера в единую систему и создание их общей классификации подвергается сомнениям¹. Основным доводом при этом является неоднородность этих мер и их направленность на различные сферы жизни лица, совершившего общественно опасное посягательство. Вместе с тем, другие авторы констатируют, что иные меры уголовно-правового характера имеют общие цели и специфическое воздействие на субъекта, что создает условия для их научной классификации². Соглашаясь с ними, укажем, что федеральный законодатель рассматривает акцессорные меры уголовно-правового характера в качестве самостоятельного уголовно-правового института Общей части УК РФ, и, в том числе, на этом основании они подлежат и систематизации, и классификации.

С учетом того, что в структуре зарегистрированных преступлений доминируют посягательства, обладающие небольшой или средней тяжестью (в 2021 году из общего количества осужденных 565 523 человек 287 895 совершили преступления небольшой тяжести и 115 076 – средней тяжести), а количество лиц, их совершивших и не имеющих не снятые либо непогашенные судимости, остается значительным (в 2021 г. – 352 878 или 62,3% от общего количества осужденных)³, отказ от априорного восстановления справедливости только с помощью наказаний выглядит целесообразным.

Иными словами, количество потенциальных «адресатов» акцессорных мер уголовно-правового характера вполне сопоставимо с числом лиц, осуждаемых к различным уголовным наказаниям. При таких обстоятельствах акцессорные меры уголовно-правового характера могли бы стать весомой альтернативой воздействия на лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести впервые.

Чтобы эта идея оказалась реализована на практике, как мы отмечали ранее, правоприменителю нужен прогностический алгоритм, использование которого

¹ Батанов А.Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 151–154.

² Медведев Е.В. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение преступлений // Уголовное право. – 2009. – № 5. – С. 37–40.

³ Показатели преступности РФ // Портал правовой статистики [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 17.06.2022).

упростило бы последующее принятие итогового решения по уголовному делу. С учетом того обстоятельства, что упрощенные процедуры в российском судопроизводстве оказались чрезвычайно востребованными и заслужили одобрение ученых¹, можно предположить, что и алгоритм оценки перспективы применения вариативных мер уголовно-правового характера получил бы позитивную оценку.

В одном из предыдущих параграфов нами были внесены конкретные предложения, составляющие содержание соответствующего алгоритма действий правоприменителя, реализация которого, в том числе, обеспечила бы распространенность применения акцессорных мер. При совершении преступлений небольшой или средней тяжести при отсутствии оснований для освобождения от уголовной ответственности приоритетным должно быть применение акцессорной меры уголовно-правового характера. Наказание в таких случаях должно являться исключительной формой реагирования.

Предлагаемый алгоритм во многом опирается на медиативные технологии. Осознавая, что институт медиации в соответствии с законом не распространяется на уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения², укажем, что «обоюдovýгодный» исход уголовно-правового конфликта может соответствовать принципу справедливости, закреплённому в ст. 6 УК РФ, и свидетельствовать о том, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не нуждается в применении наказания для достижения цели исправления. Возврат к правопослушному поведению может быть произведен более мягкими способами, не предполагающими длительной исправительной коррекции, а также уголовно-правовых последствий, наступающих, по общему правилу, в связи с применением наказания (судимости, ограничений по замещению отдельных должностей или занятию определенными видами деятельности).

¹ Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. М., 2013. С. 7–8; Днепроvская М.А. Особый порядок судебного разбирательства уголовных дел. М., 2010. С. 36–47; Кирсанов А.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве: анализ, практика, выводы. М., 2019. С. 119–121.

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. 30.07.2020. № 168 (8222).

Независимо от того, какой способ гуманизации уголовной политики изберет законодатель для применения в долгосрочной перспективе, роль акцессорных мер уголовно-правового характера будет возрастать. Международные стандарты исходят из необходимости более широкого применения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также поощряют развитие в национальном законодательстве мер, не подразумевающих назначения наказания вообще (условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, передачи правонарушителя под надзор)¹.

С учетом этой тенденции можно прогнозировать, что и в России вариативные меры уголовно-правового характера в долгосрочной перспективе получают приоритет перед мерами наказания, хотя бы в отношении субъектов, совершивших преступления, не являющиеся тяжкими или особо тяжкими, и ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности.

Подводя итог, необходимо отметить, что классификационные основания, приведенные в параграфе, не являются исчерпывающими, и их перечень может быть увеличен с развитием форм уголовно-правового воздействия, альтернативных уголовному наказанию либо дополняющих его. Это потребует дальнейшего развития уголовно-правовой политики в направлении гуманизации, ее постепенного отказа от признания эффективности прежде всего репрессивных мер уголовно-правового воздействия.

Классификация вариативных мер уголовно-правового характера создает базовые условия для формирования алгоритма определения правоприменителем целесообразности их применения при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, предполагающего приоритет использования альтернативных наказанию мер при отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности.

¹ Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 114–121.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКЦЕССОРНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

§ 3.1. Принудительные меры воспитательного воздействия

Существование в российском уголовном праве привилегированных норм, относящихся к несовершеннолетним субъектам, является следствием того влияния, которое оказали на развитие национальной правовой системы основные цивилизационные достижения. О необходимости более мягкого отношения к несовершеннолетним преступникам говорили еще в дореволюционный период¹; более того, к моменту свержения монархии в российском праве уже сформировались особые правила, в соответствии с которыми практиковалось уголовное преследование и назначение наказания этим категориям лиц. В советский период эта традиция в целом получила дальнейшее развитие, и на сегодняшний день можно констатировать, что основные начала ювенальной юстиции имеют крепкую связь с эволюцией российского законодательства.

Ювенальная юстиция признается особым направлением социальной политики², при том, что подростки и молодежь обладают достаточно высокой криминальной активностью³, но в силу возраста и малого жизненного опыта нуждаются, прежде всего, в воспитательной коррекции поведения, требует дальнейшего обособления в общей системе осуществления правосудия. Коренным отличием ювенальной юстиции от уголовной признается базовая целевая установка: если в первом случае это – защита интересов ребенка, то во втором – неотвратимость наказания⁴.

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865. Т. 1. С. 348–356; Гернет М.Н. Дети-преступники. М., 2013. С. 7–20; Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. С. 32–39.

² Валуйсков Н.В., Бондаренко Л.В., Арутюнян А.Д. История развития ювенальной юстиции // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 331–333.

³ Гилянский Я.И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // КриминалистЪ. – 2010. – № 7. – С. 84–90.

⁴ Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция в России: прошлое, настоящее, будущее // Институт государства и права Российской академии наук // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://igpran.ru/articles/2979/> (дата обращения: 04.02.2019).

Хотя преступность несовершеннолетних составляет всего около 4% в структуре зарегистрированной преступности в России¹, формирование современной модели правосудия, сочетающей карательные (реализация уголовной ответственности с применением наказания) и восстановительные (применение принудительных мер воспитательного воздействия) начала, представляет повышенную актуальность.

Во-первых, действовавшая в 2012-2017 гг. Национальная стратегия действий в интересах детей² одной из задач имела приведение в соответствие с международными стандартами уголовно-правовых и уголовно-процессуальных особенностей применения уголовной ответственности к несовершеннолетним. И эта задача решена не была: до настоящего времени новых правил в этой сфере не разработано; более того, нормы раздела V УК РФ корректировались в этот период лишь однажды (Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ), а внесенные изменения носили во многом технический характер (например, в ст. 91 слова «образовательное учреждение» были заменены словами «образовательная организация»). Положения гл. 50 УПК РФ, устанавливающей порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, были незначительно изменены в 2013 и 2018 годах.

Во-вторых, Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³ подростки, привлекавшиеся к уголовной ответственности, относятся к категориям лиц, в отношении которых предусмотрена индивидуальная профилактика. В том числе, она должна вестись и в отношении лиц, к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, и в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и в отношении отбывших наказание в виде

¹ Состояние преступности в России // МВД России [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 04.10.2019).

² Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы: утв. указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

³ Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (по сост. на 27.06.2018) // Российская газета. 30.06.1999. № 121 (2230).

лишения свободы. Однако дифференцированный подход ко всем перечисленным группам подростков-правонарушителей в нормах закона отсутствует.

Из этого можно заключить, что нормативная база по-прежнему не в полном объеме соответствует международным стандартам осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. А с учетом того, что в правовой доктрине в современный период получили одобрение подходы, связанные с расширением элементов медиации по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними¹, принудительные меры воспитательного воздействия требуют дальнейшего изучения.

Анализируя особенности уголовно-правового воздействия, ученые справедливо обращают внимание на его некарательный компонент, объединяя ряд предусмотренных законом мер в категорию «испытание»². Придерживаясь отчасти этой точки зрения и относя принудительные меры воспитательного воздействия к воспитательно-испытательным средствам, альтернативным уголовной ответственности, укажем, что испытательная направленность в данном случае обеспечивается возложением на несовершеннолетнего предписаний, выполнение которых позволяет в дальнейшем убедиться в его ресоциализации и способности вести законопослушный образ жизни.

Как меры, которые обладают специфическим принудительным воздействием, отличающимся по содержанию от наказания, которое также законодателем отнесено к числу мер уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия обладают специфическим коррекционным некарательным механизмом воздействия, который может эффективно реализовываться в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Именно поэтому, как представляется, ученые включают их в

¹ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2001. С. 258–261; Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М., 2016. С. 168–185; Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития / отв. ред. Н.П. Мелешко. СПб., 2006. С. 17–21.

² Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 11; Трунцевский Ю.В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 29–32.

перечень иных мер уголовно-правового характера¹. В структуре принудительных мер воспитательного воздействия прослеживается экономия уголовной репрессии, что рядом авторов также рассматривается как конструктивный признак иных мер уголовно-правового характера².

По своей юридической природе, как мы указывали ранее, принудительные меры воспитательного воздействия относятся к иным (акцессорным) мерам уголовно-правового характера (в этой связи укажем, что мы полностью разделяем позицию И.Э. Звечаровского относительно того, что исключение их из числа иных мер уголовно-правового характера является ошибочным³).

Более того, в начале нашего исследования мы пришли к выводам, согласно которым меры, предусмотренные «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁴ и применяемые в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности либо достигших возраста, но обнаруживающих отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, фактически являются акцессорными вариативными мерами уголовно-правового характера.

Очевидно, подобные заключения не являются бесспорными, что находит свое отражение на страницах юридической печати. Так, профессор Т.Г. Понятовская скептически оценивает проявление уголовно-правовой природы в сущности рассматриваемых правовых средств, поскольку «уголовное право использует меры государственного неуголовного принуждения иной отраслевой принадлежности в качестве предупредительной гарантии в случае освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или наказания»⁵. Как видно,

¹ Скрипченко Н.Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Института. – 2013. – № 3. – С. 16–21.

² Колосовский В.В. Понятие и виды мер уголовно-правового характера // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 29. – С. 44–49.

³ Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. – 2004. – № 3. – С. 35–37.

⁴ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (по сост. на 27.06.2018) // Российская газета. 30.06.1999. № 121 (2230).

⁵ Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие: монография. М., 2013. С. 216.

автор распространяет свое суждение даже на те меры в отношении несовершеннолетних, которые предусмотрены уголовным законодательством.

Профессор Ю.Е. Пудовочкин в одной из своих работ указывает, что в случае реализации нормативных положений ст. 90 и ст. 92 УК РФ происходит замена уголовной ответственности ответственностью ювенальной¹. Д.В. Карелин в этом же ключе отмечает, что анализ юридической природы принудительных мер воспитательного воздействия не позволяет считать их мерами уголовно-правового характера. Нахождение соответствующих норм в УК РФ, по мнению автора, определяется, прежде всего, их органической связью с нормами, предусматривающими освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности².

Вместе с тем, в литературе представлен и другой подход. Ученые констатируют, что меры, предусмотренные в нормах законодательства в сфере профилактики нарушений несовершеннолетних не имеют очевидных отличий от мер, предусмотренных ст. 91 УК РФ. Комиссиями по делам несовершеннолетних могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия, содержание которых определено в уголовном законе. Как следствие, имеется гораздо больше оснований оценивать факт применения мер воспитательного воздействия к подросткам, не подлежащим уголовной ответственности, в качестве ситуации применения мер уголовно-правового характера за рамками уголовно-правовых отношений, нежели оценивать применение соответствующих мер к лицам, совершившим преступление, в качестве проявления замены уголовно-правовых мер мерами иной правовой принадлежности. В случае применения соответствующих мер к лицам, не подлежащим уголовной ответственности, данные меры сохраняют свою устойчивую связь со спецификой совершенного

¹ Пудовочкин Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: проблемы теории // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 150–162.

² Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, – 2001. – С. 9.

деяния¹, содержащего все объективные и часть субъективных признаков состава преступления.

Применительно к данному вопросу важно упомянуть и решение Конституционного Суда РФ, которым была дана оценка порядка помещения несовершеннолетних в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Суд констатировал отсутствие необходимости решать вопрос о помещении в центр в процедурах, регламентируемых непосредственно Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, что вовсе не отрицает важность обеспечения несовершеннолетнему, его представителям таких гарантий, которые в части установления события противоправного деяния и факта совершения им данного деяния максимально приближены к гарантиям, введенным для несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности и привлекаемых к ней². Полагаем, что формулировки, используемые судом при изложении судебного акта, не ставят под сомнение научные разработки о единой правовой природе мер воспитательного воздействия, а, напротив, подкрепляют соответствующие доводы.

Принудительные меры, применяемые к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности, выступают первичным базовым последствием совершения подростком общественно опасного деяния, посягающего на охраняемые уголовным законодательством отношения, не входят в объем уголовной ответственности и характеризуются воспитательно-некарательным принципом действия, что дает основания рассматривать их в качестве уголовно-правовых акцессорных вариативных мер.

Таким образом, как предусмотренные, так и не предусмотренные уголовным законодательством меры в отношении несовершеннолетних, совершивших

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 190.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.». // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339263/ (дата обращения: 03.04.2020).

общественно опасные деяния, имеют следующие общие признаки, обуславливающие их единую правовую природу:

- альтернативность уголовной ответственности – в силу прямого указания закона несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности; несовершеннолетний, не достигший соответствующего возраста к уголовной ответственности не привлекается;

- субъективно ограниченная сфера применения – применяются только в отношении несовершеннолетних;

- безусловный (неокончательный) характер – в силу прямого указания закона (ч. 4 ст. 90 УК РФ) если несовершеннолетний систематически не исполняет принудительные меры воспитательного воздействия, производство по уголовному делу может быть возобновлено; законодательство в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, не исключает возможность принятия более интенсивных мер воздействия в случае неисполнения подростками назначенных ранее мер;

- воздействие обеспечивается не карательными, а воспитательными методиками, вследствие чего принудительный характер приобретает меньшую интенсивность.

Наиболее интенсивной мерой воздействия в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, законодательство предусматривает их помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (ст. 26 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). При этом в этих же учреждениях пребывают, несовершеннолетние, подлежащие уголовной ответственности, к которым применена ст. 92 УК РФ. По данным исследователей доля несовершеннолетних, которые были освобождены от

наказания в общем числе воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа составляет около 10%¹.

Вопрос о возможности применения к несовершеннолетним рассматриваемой меры инициируется комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, которая с учетом мотивов, характера и тяжести совершенного подростком проступка, особенностей его возраста, социального положения и поведения направляет в суд соответствующее ходатайство в течение 10 суток со дня получения материалов об отказе в возбуждении либо прекращении уголовного дела.

В случае отсутствия основания для возбуждения перед судом ходатайства о помещении несовершеннолетнего в специальное учреждение закрытого типа комиссия вправе применить иные меры по отношению к подросткам, содержание которых основывается, в том числе, на базовых положениях федерального законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, нормах Постановления Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» и детально раскрываются в соответствующих региональных законах и муниципальных правовых актах. В частности, применяются следующие меры:

- объявление предупреждения;
- передача несовершеннолетнего под присмотр его родителей (лиц, их заменяющих), законных представителей несовершеннолетнего;
- обращение в суд с ходатайством об ограничении или лишении несовершеннолетнего права самостоятельно распоряжаться своим заработком или иным доходом;
- направление несовершеннолетнего с согласия его родителей (лиц, их заменяющих), законных представителей несовершеннолетнего, самого несовершеннолетнего (если он достиг возраста 14 лет) в специальное учебно-

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 208.

воспитательное учреждение открытого типа, специализированное учреждение для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации;

- предложение несовершеннолетнему пройти курс лечения, рекомендованный специалистами органов и учреждений здравоохранения;

- проведение разъяснительной работы о недопустимости совершения действий, ставших основанием для применения меры воздействия, и правовых последствиях их совершения¹ и др.

Соответственно, меры воздействия в отношении данной категории несовершеннолетних применяются либо судом (в случае помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа) либо комиссиями по делам несовершеннолетних (в иных случаях). В этой связи исследователи задаются вопросом о целесообразности передачи всех полномочий по реализации рассматриваемых мер исключительно суду, где гарантии прав ребенка значительно выше. С другой стороны, анализируя причины подобной дифференциации, ученые не исключают и разную правовую природу мер, назначаемых судом, и мер, применяемых соответствующими муниципальными комиссиями (что подтверждается существенным отличием в их содержании), но, в то же время, отмечают возможную реализацию в данном случае принципа процессуальной экономии².

Действительно, можно отметить существенные отличия с точки зрения интенсивности воздействия таких мер как, к примеру, помещение несовершеннолетнего в специализированное учреждение закрытого типа и проведение разъяснительной работы о недопустимости совершения противоправных действий. При этом возможность инициации иного производства (по аналогии с ч. 4 ст. 90 УК РФ) в случае неисполнения подростком назначенной комиссией меры законодательством не предусмотрена. Соответственно, признак

¹ Постановление администрации Одинцовского городского округа МО от 15.12.2020 № 3400 «Об утверждении Положения о Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Одинцовского городского округа» // СПС КонсультантПлюс. 2022. // [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 186.

реального либо потенциального принуждения, констатируемый нами применительно к вариативным мерам уголовно-правового характера, выдерживается не в полной мере для каждой из рассматриваемых мер.

Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие унифицированного подхода к перечню мер, применяемых к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим общественно опасные деяния. В разных регионах России и в разных муниципалитетах мы наблюдаем отличные комбинации регламентированных мер. Данное обстоятельство, как представляется, косвенно свидетельствует об обусловленности установления и принятия рассматриваемых мер в большей степени факторами, не находящимися во взаимосвязи с совершением общественно опасного деяния. С учетом региональных особенностей в разных муниципалитетах представлены меры, применяемые в большей степени, не в связи с совершением посягательства, а в связи с нахождением несовершеннолетнего в состоянии, требующим коррекции.

Данный вывод находит свое подтверждение при анализе таких мер как обращение в суд с ходатайством об ограничении или лишении несовершеннолетнего права самостоятельно распоряжаться своим заработком или иным доходом (в соответствии со ст. 282 ГПК РФ данная мера применяется в связи с явно неразумным распоряжением несовершеннолетним своим заработком, стипендией или иными доходами), направление в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа (в связи с потребностью обеспечения особых условий образовательного процесса несовершеннолетнего), предложение несовершеннолетнему пройти курс лечения (в связи с потребностью коррекции состояния здоровья несовершеннолетнего) и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что признаками вариативных мер, применяемых к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности и совершившим общественно опасные деяния, обладает лишь одна мера – помещение несовершеннолетнего в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Учитывая сделанные нами ранее выводы относительно необходимости обеспечения системности и

непротиворечивости правового регулирования, соответствующие положения должны быть регламентированы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Далее, рассматривая принудительные меры воспитательного воздействия как часть института акцессорных мер, необходимо обратить внимание на общие черты в порядке и продолжительности их применения. Как и судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия могут назначаться судом в рамках особой юридической процедуры (рассмотрение ходатайства органа предварительного расследования) или по результатам рассмотрения дела по существу. Разнонаправленность судебного штрафа и принудительных мер воспитательного воздействия обусловлена их различным влиянием на правовой статус и личность субъекта, к которому они применяются. Если судебный штраф позиционируется в ст. 104.4 УК РФ как денежное взыскание, то принудительные меры воспитательного воздействия основаны на педагогических методиках коррекции девиантного поведения. При этом и ч. 1 ст. 90 УК РФ, и ч. 1 ст. 104.4 УК РФ ориентируют правоприменителя на то, что в обоих случаях решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности.

Объем воздействия, оказываемого на несовершеннолетних правонарушителей, варьируется по усмотрению правоприменителей: ч. 3 ст. 90 УК РФ устанавливает, что одновременно могут быть назначены несколько принудительных мер воспитательного воздействия. При этом имеется некоторая рассогласованность указанной нормы с положениями ст. 432 УПК РФ, в которой определяется порядок назначения принудительной меры воспитательного воздействия (в единственном числе).

Содержание принудительных мер воспитательного воздействия может быть охарактеризовано следующим образом.

Предупреждение как разъяснение сущности вреда, причиненного в результате совершения преступлений, и последствия повторного нарушения уголовного закона следует признать в современных условиях недостаточно актуальным. Бесспорно, что по своей форме оно является индивидуальной

пропагандой законопослушного поведения¹, и отчасти именно в этом и состоит его воспитательный характер. Однако ч. 1 ст. 91 УК РФ не регламентирует конкретной формы предупреждения, а ст. 432 УПК РФ не дает ответа на вопрос о том, какие негативные последствия для несовершеннолетнего могут наступить, если надлежащих выводов из объявленного предупреждения он не сделал, но, к примеру, нового преступления еще не совершил (неоднократно после прекращения уголовного дела задерживался в состоянии наркотического опьянения, но наркотических средств, по объему достаточных для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ, при себе не имел). Может ли в данном случае возобновляться производство по уголовному делу, прекращенному в связи с применением (объявлением) предупреждения? Более того, может ли возобновляться производство по уголовному делу в случае совершения подростком нового преступления после прекращения уголовного дела в связи с применением предупреждения? Как представляется, ответ на данный вопрос может быть только отрицательным, что предопределяет выводы ученых, согласно которым, положения закона о последствиях неисполнения принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетнего в данном случае не распространяются².

Более того, можно отметить, что никаких дополнительных обязанностей мера в виде предупреждения не предусматривает, что ставит под сомнение ее воспитательный характер, который для данной группы мер справедливо признается доминирующим³. Одновременно, можно отметить и то, что наличие элементов принуждения в структуре рассматриваемой меры также весьма сомнительно.

В этой связи возникает вопрос, в каком конкретно случае предупреждение может быть эффективно на практике. В идеале, если общественно опасные последствия совершения противоправного деяния могут быть восполнены

¹ Трунцевский Ю.В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 554–562.

² Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 252.

³ Биктимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 84.

(компенсированы) вынесением предупреждения (по сути своей, устного взыскания), не будет ли более правильной постановка вопроса о признании деяния малозначительным? В связи с изложенным, и поскольку эффективность применения предупреждения является достаточно спорной, представляется необходимым исключить его из перечня принудительных мер воспитательного воздействия. Дополнительно в данном случае следует упомянуть и о том, что праворазъяснительная функция реализуется при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего следователем, дознавателем, прокурором и судом, а вопрос о компенсации вреда, причиненного преступлением, решен в содержании другой принудительной меры воспитательного воздействия.

Эта мера называется возложением обязанности загладить причиненный вред (ч. 3 ст. 91 УК РФ). Как и предупреждение, она не связывается с исчислением определенного срока. Закон предполагает, что при ее применении необходимо учитывать имущественное положение несовершеннолетнего и наличие у него трудовых навыков. Как представляется, в данном случае нормативный подход к определению содержания этой меры весьма архаичен.

В этой связи уместно провести внутреннюю аналогию и обратиться к положениям ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ. Регламентируя в них порядок применения судебного штрафа, для характеристики позитивного посткриминального поведения субъекта законодатель использовал формулировку «возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред». Пленум Верховного Суда РФ сформулировал критерии заглаживания вреда, отнеся к ним компенсацию морального вреда, оказание помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства¹.

Результаты изучения материалов судебной практики свидетельствуют, что данная мера применяется судами крайне редко. В рамках отдельных прецедентов

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 07.12.2016. № 277 (7145).

несовершеннолетние привлекаются к работам по восстановлению поврежденного имущества потерпевшего, обязываются принести извинения (отметим, что в большинстве дел, по которым несовершеннолетний подсудимый полностью или частично признавал вину в совершении преступления, извинения приносились добровольно в последнем слове подсудимого, что отражалось в протоколе судебного заседания), а также с них взыскивается стоимость нанесенного ущерба и компенсация морального вреда (надо отметить и то, что не возмещенный ущерб суды взыскивают и при назначении наказания, либо при применении условного осуждения). В последнем случае не имеет значения, будет ли производиться выплата потерпевшему из личных средств несовершеннолетнего, или же из средств его родителей.

В этой связи, полагаем, что эффективность возложения обязанности загладить причиненный вред весьма эфемерна. Лишь единичные примеры позволяют констатировать благоприятное воздействие рассматриваемой меры на формирование мировоззрения подростка и отказа от криминально ориентированного образа жизни¹. В тех случаях, когда речь идет о возмещении его стоимости из средств самого несовершеннолетнего, налицо принудительный элемент (субъект утрачивает материальные блага), но в тех, когда компенсация выплачивается его родителями, он достаточно условен (риск утраты блага, которое могло быть потенциально приобретено, сохраняется, но только вероятно, а не неизбежно). Если же исполнение обязанности заключается в личном оказании помощи потерпевшему (ремонт испорченного имущества и т.д.), возникает определенный «конфликт взаимосвязей», заключающийся в том, что, во-первых, не каждый подросток владеет необходимыми навыками, а во-вторых, не каждый потерпевший готов принять такое удовлетворение. Соответственно, перспективы повышения распространенности реализации на практике данной меры и получения от нее значительного эффекта представляется сомнительными.

¹ Бурлака С.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе мер предупреждения преступлений несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 27–31.

В значительной части случаев вред, причиненный в результате совершения преступления, возмещается несовершеннолетним либо его законными представителями еще до вынесения судом решения по делу, что ставит под вопрос перспективность наличия указанной меры воспитательного воздействия в структуре рассматриваемых мер. Более того, возникает вопрос о соотношении меры, связанной с освобождением от уголовной ответственности с обязыванием загладить причиненный вред, с некоторыми общими основаниями освобождения от ответственности (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ), которые достаточно активно применяются в отношении несовершеннолетних и предполагают обязательное причинение вреда в качестве обязательного условия их реализации.

Согласимся с авторами, утверждающими, что правила разрешения конкуренции норм, определяют роль рассматриваемой меры воспитательного воздействия в качестве «резервной меры» для тех случаев, когда возможности несовершеннолетнего по возмещению ущерба и заглаживанию вреда не были реализованы до момента принятия судом решения по уголовному делу и когда обстоятельства дела и личность несовершеннолетнего позволяют освободить его от уголовной ответственности¹.

Исходя из изложенного, считаем верным определить современный порядок исполнения этой меры во взаимосвязи с иной принудительной мерой воспитательного воздействия – установлением особых требований к поведению несовершеннолетнего. Полагаем уместным предложить практику возложения судом обязанности на несовершеннолетнего трудоустроиться и выплачивать часть самостоятельного заработка в пользу потерпевшего в течение определенного периода. Это конкретизировало бы принудительное содержание данной меры и стабилизировало бы представления о ее воспитательном воздействии на подростка.

В этом смысле принудительные меры в виде передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, и в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего изложены законодателем более

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 265.

конкретно. Они обеспечены сроком применения, дифференцированным в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного подростками преступления.

Справедливо полагая, что личность несовершеннолетнего преступника находится в стадии формирования, ученые считают, что его ресоциализация должна происходить в условиях, максимально близких к его привычной позитивной социальной среде¹. Именно поэтому принудительные меры воспитательного воздействия подразумевают установление надзора в отношении несовершеннолетних, осуществляемого родителями (лицами, их заменяющими) или администрацией специализированного государственного органа.

В то же время, отсутствие четко сформулированных в законе видов и пределов надзора и контроля не позволяет адекватно решать вопрос о применении этих мер к несовершеннолетним, выросшим в маргинализированных семьях. В целом на отсутствие алгоритма правоприменительной деятельности в этой сфере ученые уже обращали внимание², но законодательного решения данная проблема так и не получила.

Передача под надзор, в одном из вариантов толкования нормы, подразумевает возложение обязанности не на самого несовершеннолетнего, а на третьих лиц. При этом из смысла ст. 432 УПК РФ следует, что при неисполнении принудительной меры воспитательного воздействия именно несовершеннолетним для последнего могут наступить негативные последствия, сопряженные с возобновлением производства по уголовному делу, что не может не вызывать вопросов относительно наличия в данном случае своего рода коллизии³.

Неоднозначной с точки зрения потенциальной правовой оценки представляется ситуация, когда, например, родители подростка не исполняют

¹ Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 7.

² Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 13.

³ Более точным представляется толкование, в соответствии с которым данная мера имеет комплексный спектр воздействия, поскольку, предполагает возложение соответствующих обязанностей как на родителей несовершеннолетнего (других указанных в законе лиц), так и на самого подростка (обязанности находиться под надзором). *Прим. авт.*

обязанности по осуществлению за ним надзора, и он ведет антиобщественный образ жизни (убегает из дома, бродяжничает). Родители, очевидно, совершают ошибку воспитательного характера, ставят ребенка в социально опасное состояние. Но насколько эта ошибка будет компенсирована возобновлением производства по уголовному делу, назначением наказания, судимостью? И будет ли в таком случае достигнута цель ресоциализации несовершеннолетнего? Данные вопросы носят риторический характер, но сам факт их постановки заставляет усомниться в надежности существующего уголовно-правового инструментария в виде принудительных мер воспитательного воздействия.

Кроме того, специализированный государственный орган тоже может в недостаточной степени контролировать поведение несовершеннолетнего, поскольку передача под надзор не подразумевает водворения в условия строгой изоляции, а значит, препятствия к антиобщественному образу жизни не являются непреодолимыми для подростка. Замена принудительной меры воспитательного воздействия на другую в данном случае выглядит более логично, чем возобновление производства по уголовному делу, если несовершеннолетний не продолжает преступную деятельность.

Соглашаясь с позицией Н.Р. Косевича, который в одной из своих работ справедливо усомнился в адекватности правовых предписаний при определении последствий девиантного поведения несовершеннолетнего после применения к нему принудительной меры воспитательного воздействия¹, считаем верным принятие соответствующих законодательных решений, связанных с законодательной регламентации возможности замены одних принудительных мер воспитательного воздействия на другие в случае констатации факта неэффективности их воздействия на подростка.

Фактически, с нашей точки зрения, наиболее адекватной существующей криминальной ситуации является только одна из принудительных мер

¹ Косевич Н.Р. Предложения по совершенствованию Уголовного кодекса РФ, касающиеся предупреждения преступности несовершеннолетних. Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2009. // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51335.html/> (дата обращения: 26.04.2021).

воспитательного воздействия, а именно, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Она не только находит применение на практике в течение длительного времени (в отличие, например, от возложения обязанности загладить причиненный вред)¹, но и обладает следующими позитивными корректирующими чертами.

Во-первых, ее можно признать «технически исполнимой» (иными словами, с помощью современных средств дистанционного контроля становится реальным отследить местонахождение несовершеннолетнего в ночное время, выявить факт посещения им запрещенного места, факт самовольного выезда за пределы местности, где он проживает). Во-вторых, именно в данном случае в полном объеме проявляется принуждение (как воздействие, осуществляемое помимо воли субъекта) и элементы воспитания (при осознании субъектом связи воздействия с собственным поведением). В-третьих, изоляция несовершеннолетнего от форм бесконтрольного досуга имеет превентивный эффект, физически исключая возможность совершения конкретных противоправных действий (хулиганства, вандализма, приобретения наркотических средств и пр.).

Исходя из изложенного, именно данная мера имеет максимально высокий потенциал в перечне принудительных мер воспитательного воздействия. В этой связи укажем, что некоторые авторы негативно относятся к установлению ограничения досуга, полагая, что данная мера тождественна ограничению свободы или условному осуждению². На наш взгляд, юридическая коллизия здесь отсутствует: действительно, правила, подобные установленным ч. 4 ст. 91 УК РФ, присутствуют и в ст. 53 УК РФ (ограничение свободы), и в ст. 73 УК РФ (условное осуждение). Однако дискреционные полномочия законодателя позволяют использовать аналогичные средства в структуре различающихся по своей природе правовых регуляторов. При этом может варьироваться их объем, интенсивность, перечень субъектов, в отношении которых они применяются.

¹ Бахвалова Л.А. Актуальные проблемы эффективности системы мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2. – С. 24–253.

² Благов Е.В. Об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Юридическая наука. – 2017. – № 4. – С. 127–132.

Кроме того, различные варианты ограничения возможности самостоятельно распоряжаться своим свободным временем предусмотрены не только уголовным, но и, например, административным правом (в частности, уже более пяти лет действует ст. 3.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях, устанавливающая в качестве административного наказания административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения).

Соответственно, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, даже при использовании родственными другим мерам уголовно-правового или административно-правового воздействия рычагов, не утрачивает принудительный, воспитательный и превентивный потенциал воздействия на поведение и формирование личности подростка. Ее реализация вне объема уголовной ответственности и в отсутствии правовых последствий судимости предопределяет отличное от наказания место в механизме уголовно-правового воздействия в системе акцессорных мер.

Исключительное положение среди принудительных мер воспитательного воздействия занимает помещение несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, которое нами не рассматривается в качестве вариативной меры, но, очевидно, заслуживает упоминания. Хотя некоторые правила его применения подвергаются критике¹, оно обеспечивает максимальное принуждение и может применяться достаточно длительный срок.

Так, в соответствии со ст. 92 УК РФ оно является и видом освобождения от наказания, и принудительной мерой воспитательного воздействия. Оно устанавливается на определенный срок, который может быть сокращен или продлен в судебном порядке. В период пребывания в учреждении поведение несовершеннолетнего корректируется, и по собственной воле покинуть его он не

¹ Терентьева В.А., Черненко Т.Г. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания на основании ст. 92 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 118–120.

может. В возможности досрочно завершить пребывание в учреждении, мы видим испытательный и воспитательный характер данной меры.

В целом она включает нестрогую изоляцию от общества, поскольку в ст. 92 УК РФ оговорено, что несовершеннолетний помещается в учреждение закрытого типа. В то же время, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в такие учреждения могут помещаться и лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, и субъекты с признаками возрастной невменяемости. Иными словами, законодатель полагает, что профилактика правонарушений несовершеннолетних может осуществляться в условиях нестрогой изоляции от общества. Это представляется разумным с учетом результатов, полученных другими исследователями, свидетельствующих о том, что основанием применения положений ст. 92 УК РФ для более чем половины подростков явилось совершение тяжких корыстных или корыстно-насильственных преступлений¹.

В то же время, исключение несовершеннолетнего осужденного из обычных условий жизни влечет разрыв социальных связей и способствует формированию негативного отношения к социально одобряемым правилам поведения². Этот тезис представляется справедливым, равно как и выводы о необходимости насыщенного педагогического содержания воспитательного воздействия на несовершеннолетнего³. В этой связи помещение несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого считаем верным только в исключительных случаях, когда цели исправления не могут быть достигнуты иными принудительными мерами воспитательного воздействия.

¹ Корягина С.А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия (по материалам Иркутской области) // Криминологический журнал Байкальского национального университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 93–97.

² Середин А.А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 5.

³ Беляева Л.И. Международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция в России // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Института. – 2008. – № 4. – С. 38–44.

Наказание в виде лишения свободы назначается судами при аналогичных обстоятельствах достаточно редко. Так в 2022 году при наличии в структуре преступности несовершеннолетних тяжких (7 277 преступлений) и особо тяжких (1502 преступления) наказание в виде лишения свободы назначалось по всем категориям преступлений всего в 2 474 случаях¹. Полагаем, что частичный отказ от применения к несовершеннолетним, совершившим преступления, не являющиеся тяжкими и особо тяжкими, уголовного наказания, а также принудительных мер воспитательного воздействия в виде помещения в специализированное учреждение закрытого типа должен базироваться не только на правовой, но и на педагогической концепции, учитывающей приоритет наилучшего обеспечения интересов ребенка.

В конечном итоге это способствует ресоциализации несовершеннолетнего и препятствует продолжению им преступной деятельности. При тех обстоятельствах, что ресоциализация несовершеннолетнего, то есть приспособление его к правилам человеческого общежития и формирование его личности сквозь призму правопослушания, является приоритетной целью коррекции преступного поведения подростков, для ее достижения, очевидно, недостаточно только уголовного наказания. Напротив, лица, совершившие в подростковом возрасте тяжкие преступления, нуждаются в коррекции поведения, возможной в условиях специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, если суд не сочтет нужным подвергнуть их уголовному наказанию. В отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести, практика осуждения к лишению свободы представляется излишне суровой, как и помещение их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

По данным некоторых исследователей, применение принудительных мер воспитательного воздействия более чем в 80% случаев приводит к тому, что в течение года после их окончания несовершеннолетний не совершает нового преступления². По результатам внедрения экспериментальной модели ювенальной

¹ Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 15.04.2023).

² Середин А.А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

юстиции, включающей социальное сопровождение несовершеннолетних, в некоторых субъектах РФ было установлено, что только 11% подростков совершают новое преступление впоследствии¹. На фоне примерно 40% вероятности совершения несовершеннолетним нового преступления, констатируемой криминологами², это гораздо лучший показатель.

Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судам не назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если при рассмотрении уголовного дела суд придет к выводу о том, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия³. В то же время, закон (ч. 1 ст. 90 УК РФ) не рассматривает эту норму как императивную. С учетом того обстоятельства, что в современный период в большом количестве регионов России уже накоплен опыт формирования дружественного к ребенку правосудия, отвечающего международным стандартам⁴, назрела необходимость более четкого закрепления этого правила.

Аргументируя презумпцию неприменения уголовного наказания к несовершеннолетним, впервые привлекающимся к ответственности за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, укажем, что это согласуется с принципом гуманизма, международными стандартами защиты прав ребенка и основами восстановительного правосудия. При освобождении от наказания в порядке, предусмотренном ст. 92 УК РФ, суды могут безусловно назначать принудительные меры воспитательного воздействия, указанные в ст. 90 УК РФ, подросткам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести.

¹ Давыденко А.В. Перспектива введения в Российской Федерации института ювенальной юстиции // Законодательство и экономика. – 2015. – № 10. – С. 64–68.

² Шиян В.И. Основные направления предупреждения преступности несовершеннолетних // Вестник Московского Финансово-юридического университета. – 2013. – № 2. – С. 63–68.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 11.02.2011. № 29 (5405).

⁴ Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации. М., 2018. С. 351–352.

В этой связи представляется разумным в ч. 1 ст. 90 УК РФ заменить слова «может быть освобожден от уголовной ответственности» словами «подлежит освобождению от уголовной ответственности».

В силу того, что более 75% преступлений, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии, относится к категориям небольшой или средней тяжести¹, внесенное предложение представляется востребованным с точки зрения гуманизации уголовно-правовой политики. При том условии, что в современный период принудительные меры воспитательного воздействия применяются крайне ограниченно (например, в 2022 г. было осуждено 14 212 несовершеннолетних, и только 1220 подвергнуты принудительным мерам воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности, а 539 – при освобождении от наказания²), изменение этой практики должно происходить в сторону активного расширения. Очевидно, что дальнейшее развитие принудительных мер воспитательного воздействия в системе правовых инструментов, которые могут применяться к лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, уместно осуществлять на основе принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, включенного в ст. 3 Конвенции о правах ребенка, являющейся частью российской правовой системы.

В заключение параграфа представляется необходимым сделать следующие выводы:

Принудительные меры воспитательного воздействия являются аксессуарными вариативными мерами уголовно-правового характера, применяемыми исключительно к несовершеннолетним субъектам в рамках ограниченной сферы воздействия в целях коррекции общественно опасного поведения и формирования правопослушных нравственных установок.

Помещение несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших общественно опасные деяния в специальные

¹ Состояние преступности в России // МВД России // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 04.02.2019).

² Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 15.04.2023).

учебно-воспитательные учреждения закрытого типа верно относить к аксессуарным вариативным мерам уголовно-правового характера. В целях обеспечения системности и непротиворечивости правового регулирования, соответствующие положения должны быть регламентированы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Ввиду отсутствия элемента принуждения в структуре предупреждения, а также имеющихся конкурирующих положений уголовного законодательства о малозначительности деяния, необходимо исключить предупреждение из перечня принудительных мер воспитательного воздействия.

В целях повышения эффективности применения возложения на несовершеннолетнего обязанности возместить причиненный вред необходимо на законодательном уровне регламентировать возможность возложения судом обязанности на несовершеннолетнего трудоустроиться и выплачивать часть самостоятельного заработка в пользу потерпевшего в течение определенного периода.

Для надлежащего учета индивидуальных особенностей развития подростка в период реализации назначенных принудительных мер необходима дифференциация механизмов воздействия на несовершеннолетних в связи с неисполнением ими соответствующих мер, а именно обеспечение возможности замены принудительной меры воспитательного воздействия на другую в качестве альтернативы возобновлению производства по уголовному делу.

Принцип гуманизма, международные стандарты защиты прав ребенка и основы восстановительного правосудия обуславливают необходимость прямого законодательного закрепления презумпции неприменения уголовного наказания к несовершеннолетним, впервые привлекающимся к уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой или средней тяжести в случаях констатации возможности их исправления без назначения наказания.

§ 3.2. Судебный штраф

Судебный штраф, как правовое понятие появился в уголовном законодательстве России относительно недавно: в 2016 г. Федеральным законом № 323-ФЗ в УК РФ были включены три новые статьи, в соответствии с которыми он стал применяться как иная мера уголовно-правового характера и как основание освобождения от уголовной ответственности¹. УПК РФ был дополнен главой под названием «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». Применительно к остальным акцессорным мерам законодатель не сформулировал такой позиции, хотя и урегулировал в системе особых производств некоторые из них.

Исследуя причины введения в законодательство положений о судебном штрафе, ученые придерживаются различных позиций. Во-первых, связывают это со стремлением государства минимизировать число граждан, обремененных наличием судимости, создающей различного рода ограничения профессиональной и иной деятельности². По сути, сторонники этого подхода в определенной степени ставят знак тождества между декриминализацией, широким применением юрико-технического приема в виде административной преюдиции и судебным штрафом. Это представляется не вполне правильным: при декриминализации констатируется утрата деянием общественной опасности, административная преюдиция, напротив, отражает кумулятивный принцип, генерирующий общественную опасность в уголовно-правовом смысле, тогда как судебный штраф – это итог производства по уголовному делу, применение которого констатирует утрату общественной опасности лицом, совершившим преступление, общественная опасность которого изменений не претерпевает.

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 08.07.2016. № 149 (7017).

² Лобанова Л.В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 14–20.

Во-вторых, в научных исследованиях подчеркивается стимулирующий (поощрительный) характер судебного штрафа¹ и отсутствие у него карательной функции². Действительно, финансовое обременение в пределах 250 тыс. руб. (максимальный размер судебного штрафа в силу ч. 1 ст. 104.5 УК РФ) является приемлемым по сравнению с объемом уголовно-правового поощрения (прекращение уголовного преследования, отсутствие судимости). Принцип однократного применения судебного штрафа, хотя и может получать расширительное толкование, служит гарантией того, что позитивное посткриминальное поведение лица, ранее не совершавшего преступлений, будет продолжено после исполнения судебного штрафа.

В-третьих, достаточно интересным является вывод о том, что нормы о судебном штрафе открыли простор для принятия решений об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в составе которых отсутствует потерпевший³. Эта позиция также базируется на признании поощрительного (стимулирующего) характера судебного штрафа и представлениях об экономии уголовной репрессии, поэтому, отчасти представляет собой компромисс между двумя подходами, названными выше.

Исследователи также отмечают, что изначально проект главы 15.2 УК РФ содержал перечень видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы)⁴. Такая инициатива подвергалась критике на страницах юридической печати как путь к системному разбалансированию уголовного закона⁵. Критический подход в данном случае вполне уместен, поскольку правовая природа и целевые установки

¹ Боярская А.В. Судебный штраф: проблемы материально-правового базиса и правоприменения // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 154–163.

² Борисова О.В. Правовое регулирование исполнения судебного штрафа // Lex Russica. – 2017. – № 9. – С. 86–92.

³ Корякин А.Л. Теория и практика прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде штрафа // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 4. – № 1. – С. 65–69.

⁴ Соктоев З.Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 90–94.

⁵ Качество уголовного закона: проблемы Общей части / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 34–46.

четырёх названных видов наказания существенно отличаются от характеристик аксессуарных мер уголовно-правового характера.

Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что поощрительный характер судебного штрафа и его ограниченное правоприменение вытекают непосредственно из положений уголовного закона и потому сомнений в доктринальном толковании не вызывают. Однако при этом в правовой доктрине сложилась неоднозначная оценка социальной обусловленности судебного штрафа.

Так, одни авторы считают судебный штраф избыточной мерой, заключающейся в легальной возможности «откупиться» от уголовной ответственности¹, или даже «паранаказанием»². Но, с другой стороны, то же самое можно отметить и относительно положений об освобождении от уголовной ответственности за совершение преступления экономической направленности, предусмотренном ст. 76.1 УК РФ (в связи с возмещением ущерба), а отчасти и по иным основаниям (по сути, и деятельное раскаяние, и примирение с потерпевшим если не прямо, то косвенно подразумевают осуществление выплат в пользу жертвы преступления).

Сторонники другого подхода считают, что судебный штраф способствует реализации социального предназначения уголовного закона³. С этим можно согласиться, поскольку судебный штраф применяется к ограниченной категории лиц, совершивших преступления, не являющиеся тяжкими или особо тяжкими. Иными словами, общественная опасность таких субъектов невысока, и потому применение наказания к ним становится избыточно суровым. Приверженцы еще одной позиции полагают, что судебный штраф в целом стимулирует социально полезное посткриминальное поведение, а также обращают внимание на высокий предупредительный потенциал этой меры (лица, освобожденные от уголовной

¹ Степашин В.М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 122–128.

² Трофимова Г.А. Судебный штраф – альтернатива? // Российский судья. – 2017. – № 8. – С. 30–34.

³ Лобанова Л.В., Мкртчян С.М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 111–121.

ответственности, совершают новое преступление не более чем в 1,2% случаев, тогда как ранее осуждавшиеся за совершение преступления – в 33-34%)¹.

Обозначенные выше дискуссии предопределяют разность взглядов и на правовую природу судебного штрафа. Вполне вероятно, что данная мера имеет межотраслевую уголовно-правовую и уголовно-процессуальную природу. В частности, межотраслевая принадлежность данной меры обосновывается выводом о том, что судебный штраф исполняется за рамками уголовно-правовых отношений², а равно о том, что уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный законы регулируют несколько вариантов исполнения судебного штрафа³. В целом это не представляется существенным: как материально-правовые, нормы уголовного законодательства не обеспечены механизмом исполнения непосредственно в нем (если речь не идет об изменении вида наказания, категории преступления и пр.). Соответственно, в подобном контексте, большинство мер уголовно-правового воздействия могут рассматриваться в качестве межотраслевых регуляторов.

Другие авторы придерживаются однозначного вывода об уголовно-правовой природе рассматриваемой меры, мотивируя это включением соответствующей главы в Уголовный кодекс РФ⁴. В данном случае можно высказать возражения, поскольку одновременно с главой 15.2 в УК РФ законодатель включил и главу 51.1 в УПК РФ, что сохраняет актуальность доводов о межотраслевом правовом регулировании.

В свою очередь ученые-процессуалисты в отдельных случаях делают выводы, что судебный штраф является уголовно-процессуальным институтом, дополнительно отмечая, что сторона защиты при его назначении находится в

¹ Хлебницына Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 19–20.

² Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 98–101.

³ Булатов Б.Б., Николюк В.В., Шаламов В.Г. Исполнение судебных решений о применении меры уголовно-правового характера в виде штрафа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 9–23.

⁴ Молчанов Д.М., Куликов А.С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12. – С. 125–134.

ситуации «изоляции или ущербности»¹. Однако, представляется сомнительной возможность признания базового средства разрешения уголовно-правового конфликта исключительно процессуальным средством. Относительно уязвимо положения стороны защиты также имеются сомнения: по материалам значительного количества уголовных дел, изученных нами при подготовке настоящего исследования, вопрос о назначении судебного штрафа возник благодаря активной позиции защиты. В равной степени неверными представляются доводы об ущемлении прав потерпевшего при решении вопроса о назначении судебного штрафа²: в основе самой постановки этого вопроса находится возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного вреда.

Следует упомянуть и о том, что судебный штраф признается «мерой уголовно-правовой ответственности»³. Однако, это так же выглядит спорным: законодатель включил главу 15.2 УК РФ в раздел «Иные меры уголовно-правового характера», а ст. 76.2 УК РФ – в главу «Освобождение от уголовной ответственности». Иными словами, назначение судебного штрафа не может признаваться мерой ответственности, поскольку уголовное преследование прекращается, и при совершении нового преступления лицо не считается понесшим уголовную ответственность. Аналогично некорректным является отнесение судебного штрафа исключительно к институту освобождения от уголовной ответственности⁴, поскольку это неоправданно сужает правовое поле, в котором действуют соответствующие нормы Общей части УК РФ.

Чтобы определить правовую природу судебного штрафа, уместно обратиться к Минимальным стандартным правилам ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийским правилам), целью разработки которых была

¹ Панько Н.К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 120–127.

² Марфицын П.Г. Основания и порядок применения судебного штрафа в уголовном судопроизводстве России: правозащитные и правоохранительные аспекты // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 2. – С. 158–162.

³ Мамедов Р.Я. Судебный штраф как мера уголовно-правовой ответственности // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 80–83.

⁴ Кашаргин Р.С. О практике освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения // Правоведение. – 2018. – № 2. – С. 254–267.

дифференциация уголовно-правовых последствий совершения преступления в зависимости от его тяжести и от особенностей личности преступника. Хотя Токийские правила носят рекомендательный характер¹, их гуманитарное значение весьма велико, и Верховный Суд РФ, например, достаточно часто при реализации права законодательной инициативы придерживается международных стандартов.

В п. 2.3 Токийских правил зафиксировано, что система уголовного правосудия должна предусматривать широкий комплекс «досудебных или послесудебных» мер, не связанных с тюремным заключением. Иными словами, Токийские правила презюмируют не только индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, но и избирательный подход к применению наказания в сопоставлении с акцессорными мерами уголовно-правового характера. В разделе 8 Токийских правил рекомендовано применение двух мер, сходных по своей природе с судебным штрафом: постановление о компенсации и экономические санкции. Следует согласиться с тем, что по юридическому содержанию судебный штраф в полной мере соответствует Токийским правилам².

Из этого можно заключить, что в его гипотетической межотраслевой правовой природе явно доминирует уголовно-правовой компонент. Судебный штраф – альтернатива наказанию (уголовной ответственности), направленная на предупреждение преступлений и недопущение избыточного применения строгих мер наказания к лицам, впервые совершившим преступления, не являющиеся тяжкими.

Назначение судебного штрафа не связано исключительно с целью исправления осужденного. Но, в то же время, судебный штраф – это своеобразное напоминание лицу, совершившему преступление, о том, что при продолжении этой деятельности может последовать и наказание, в том числе, связанное с изоляцией от общества. Иными словами, как уже говорилось выше, судебный штраф обладает важной функцией, направленной на предупреждение преступлений.

¹ Филимонов О.В. Токийские правила и российская практика применения наказаний, не связанных с лишением свободы // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 48–49.

² Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 9.

Преимущество использования для этого именно экономических инструментов заслужило научное одобрение¹. В результате понесенных финансовых затрат лицо, уплатившее судебный штраф, претерпевает имущественные ограничения, пополняет федеральный бюджет и испытывает проблемы материального характера в течение краткосрочного периода. Напротив, подвергаясь уголовному наказанию, лицо признается судимым по правилам, предусмотренным в ст. 86 УК РФ, подвергается исправительному воздействию и ограничивается в реализации ряда законных интересов в будущем.

В этой связи представляется обоснованным суждение о том, что применение мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества, должно учитывать интересы осужденного, интересы общества и интересы государства². Тем самым должен быть найден баланс частных, частно-публичных и публичных интересов, посредством которого становится возможным определить необходимость применения наказания или акцессорных мер уголовно-правового характера, альтернативных ему или сочетающихся с ним.

Поскольку и наказание, и акцессорные меры уголовно-правового характера входят в структуру уголовно-правового воздействия, представляется логичным, что в ряде случаев они имеют общее содержание. Сравнивая штраф и судебный штраф, можно обратить внимание на характеристики, приведенные в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительные характеристики штрафа – уголовного наказания и судебного штрафа – акцессорной меры уголовно-правового характера

Параметры для сравнения	Штраф – вид наказания	Судебный штраф – акцессорная мера уголовно-правового характера

¹ Скобликов П.А. Конфискация имущества как наказание: доводы «за» и «против» // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 61–63.

² Хромых Е.В. Альтернативные лишению свободы уголовные наказания: теория и практика назначения и исполнения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2005. С. 8.

Общее понятие	Денежное взыскание, назначаемое осужденному по приговору суда	Денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности
Цели	Восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений	Предупреждение совершения новых преступлений; возмещение ущерба обществу, государству
Принципы назначения	С учетом тяжести преступления, имущественного положения осужденного и членов его семьи, возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода	С учетом тяжести преступления, имущественного положения лица и членов его семьи, возможности получения лицом заработной платы или иного дохода
Способ исчисления	В твердой денежной сумме (законодательно закреплён минимум и максимум); в размере заработной платы или иного дохода; кратно стоимости предмета преступления	В твердой денежной сумме, основанной на размере штрафа, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части УК РФ, с определением верхнего предела
Круг лиц, в отношении которых применяется	Круг лиц не ограничен в зависимости от первичного либо повторного факта совершения преступления,	Лица, впервые совершившие преступление небольшой или средней тяжести

	а также в зависимости от категории преступления	
Необходимость совершения позитивных посткриминальных действий	Отсутствует	Возмещение ущерба; Иное заглаживание причиненного вреда
Порядок исполнения	Ст. 46 УК РФ, ст. 31 УИК РФ	Ст. 103.1 Федерального закона "Об исполнительном производстве" от 02.10.2007 № 229-ФЗ

Из данных, приведенных в таблице, можно заключить, что штраф и судебный штраф имеют больше различий, чем сходства. Если при назначении штрафа вина осужденного устанавливается вступившим в законную силу приговором суда, независимо от его отношения к содеянному (признает, раскаивается, отрицает, сожалеет), то при назначении судебного штрафа, поскольку в ст. 76.2 УК РФ прямо указывается на заглаживание вреда, причиненного преступлением, подразумевается осознание преступником своих действий как виновно совершенных, общественно опасных и противоправных.

Из этого можно заключить, что судебный штраф, не являясь наказанием и будучи направленным на предупреждение совершения новых преступлений, имеет не столько экономическое, сколько предупредительное значение. «Привязка» его размеров к суммам штрафов, установленных в нормах Особенной части УК РФ за совершение конкретных преступлений, была вызвана, как представляется, желанием законодателя оптимизировать правоприменительную деятельность посредством установления простого порядка расчета штрафной суммы. Использование в названии этой меры слова «судебный», то есть назначаемый судом, призвано подчеркнуть публично-правовой характер отношений,

возникающих в связи с совершением лицом преступления. В то же время, поскольку именно в целях регулирования уголовно-правовых отношений, возникших в связи с совершением лицом преступления небольшой или средней тяжести, применяется судебный штраф, в его межотраслевой природе доминирует именно уголовно-правовое содержание.

Исходя из изложенного, судебный штраф является акцессорной мерой уголовно-правового характера, ограничивающей имущественные права лица, совершившего впервые преступление небольшой или средней тяжести и предпринявшего позитивные посткриминальные действия, выразившиеся в возмещении ущерба или ином заглаживании причиненного вреда. Судебный штраф имеет поощрительный характер, поскольку гарантирует неприменение уголовного наказания к лицу, впервые совершившему преступление, не являющееся тяжким или особо тяжким, и конкретными действиями продемонстрировавшему нецелесообразность его исправления с помощью меры уголовного наказания.

Признаками судебного штрафа, в том числе подчеркивающими его принадлежность к акцессорным мерам уголовно-правового характера, являются:

- альтернативность уголовному наказанию и уголовной ответственности – назначается судом, констатирующим нецелесообразность осуждения и применения наказания;
- направленность на предупреждение совершения лицом новых преступлений – имеет выраженное превентивное значение, применяется, когда по обстоятельствам дела невозможно освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим;
- ограниченная (объективно и субъективно) сфера применения – объективно категорией преступления, субъективно – отсутствием у лица непогашенных или неснятых судимостей за преступление небольшой или средней тяжести;
- безусловность освобождения – возможность возобновления производства по уголовному делу с перспективой вынесения приговора с назначением наказания.

Пленум Верховного Суда РФ, хотя и дал толкование норм о судебном штрафе в системе правовых позиций об освобождении от уголовной ответственности¹, был в данном случае, как представляется, связан позицией законодателя. В то же время, в постановлении, посвященном вопросам назначения наказания, Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что судебный штраф «не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера»². Это подводит итог дискуссии о принадлежности судебного штрафа к соответствующему институту Общей части уголовного права.

Таким образом, причины и социально-правовая обусловленность установления в российском законодательстве акцессорной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа получили научное осмысление с точки зрения необходимости дифференциации уголовно-правового воздействия. Совершенно справедливо, что не каждое лицо, совершившее преступление, нуждается в исправлении ресурсами уголовного наказания. Признавая право на существование и в уголовно-правовых отношениях элементов медиации, представляется логичным придать этому частноправовому способу разрешения конфликта и публично-правовой аспект.

В этой связи, поскольку положения ст. ст. 75-76 УК РФ действуют в стабильном виде достаточно длительный период (с 2003 г., когда законодатель внес серьезные корректировки в механизм освобождения от уголовной ответственности), можно предположить, что назначение судебного штрафа имеет место в тех случаях, когда вред, причиненный преступлением, заглажен, но по обстоятельствам дела не установлено, что виновный сделал полностью правильные выводы о недопустимости в будущем преступного поведения либо характер и степень общественной опасности содеянного носят «пограничный характер» с более тяжкими категориями преступлений.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (по состоянию на 29.11.2016) // Российская газета. 05.07.2013. № 145 (6121).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (по состоянию на 18.12.2018) // Российская газета. 29.12.2015. № 295 (6866).

Например, судебный штраф применен при следующих обстоятельствах. Между подсудимым и потерпевшим существовали долговые обязательства, наличие которых признавали обе стороны. Во время конфликта, возникшего на почве длительной неуплаты долга, подсудимый отобрал у потерпевшего паспорт, с которым пришел в офис банка и снял требуемую сумму со счета потерпевшего. Предварительным следствием это было квалифицировано по ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный в крупном размере), а впоследствии – по ч. 1 ст. 330 УК РФ (самоуправство). В судебном заседании возник вопрос о переквалификации на ч. 3 ст. 327 УК РФ, после чего защитник подсудимого заявил ходатайство о назначении судебного штрафа. Приведенный пример иллюстрирует те ситуации, когда формальное примирение с потерпевшим не вполне целесообразно (по сути, здесь именно потерпевший находился в основе конфликта, длительное время допуская просрочку долга). Но, в то же время, содеянное требует определенного воздействия на виновного (грубо нарушил порядок разрешения долговых споров, изъял основной документ, удостоверяющий личность гражданина, обманул сотрудников кредитной организации). При таких обстоятельствах судебный штраф имеет определенное предупредительное воздействие, выполняя и воспитательную функцию для разрешения уголовно-правового конфликта в ситуациях, когда реализация иных видов освобождения от уголовной ответственности затруднительна ввиду характеристик степени общественной опасности содеянного.

Соответственно, признавая определенную аргументированность научного подхода, обозначенного, в частности, в одной из своих работ С.Л. Бабаяном, о наличии конкуренции судебного штрафа с другими видами освобождения от уголовной ответственности¹, отметим, что, с нашей точки зрения, нормы о судебном штрафе предназначены для применения в иных более «сложных» ситуациях, когда освобождение от уголовной ответственности требует дополнительного воздействия на правонарушителя. В противном, случае, если

¹ Бабаян С.Л., Акимов В.С. Актуальные проблемы применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Российский следователь. 2017. № 13 // СПС «Консультант плюс» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51335.html/> (дата обращения: 21.04.2021).

признавать в данном случае наличие конкуренции, то, учитывая приоритет привилегированного воздействия на правонарушителя, потенциал судебного штрафа был бы сомнителен.

Однако, не в пользу указанного вывода свидетельствуют данные официальной статистики. Мы проанализировали показатели судимости и реализации мер уголовно-правового воздействия в предшествующие и последующие введению нормы о судебном штрафе годы.

Так, в 2015 году было всего осуждено 733 607 человек, что составляет 74% от числа лиц, в отношении которых был вынесен судебный акт по существу обвинения. В этом же году общее количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям составило 229 957 человек (23% от числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения), включая примирение с потерпевшим в отношении 159176 лиц (69% от общего количества лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям), и деятельное раскаяние – 12280 лиц (5,3%), соответственно. Аналогичные показатели наблюдались в 2016 году: всего осуждено 741 329 человек (75%), лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям - 213081 (21,7%), включая примирение с потерпевшим 157316 (73%), деятельное раскаяние 13628 (6,3%).

Напомним, что в пояснительной записке к законопроекту, направленному на введение норм о судебном штрафе, было указано, что в случае реализации положений законопроекта основная нагрузка в превенции правонарушений ляжет на иные меры уголовно-правового характера, а механизм уголовной ответственности будет включается только тогда, когда их применение не достигло своих целей, а лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести получают новое основание освобождения от уголовной ответственности, что позволит им избежать негативных последствий, связанных с судимостью.

Предполагалось, что от уголовной ответственности за нетяжкие преступления может быть дополнительно освобождено примерно 25 тыс. человек¹.

Соответственно, закономерно было ожидать, что, начиная с 2017 года соответствующие статистические показатели будут претерпевать изменения в сторону уменьшения доли осужденных в общем количестве лиц, по которым вынесен судебный акт по существу обвинения и, соответственно, увеличения доли лиц, освобождаемых от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Однако, этого, не случилось.

Так, в 2019 году доля осужденных в общем количестве лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения составила 75% (598214 чел.). Прекращено дел по нереабилитирующим основаниям - 184627 (23%), включая применение судебного штрафа в отношении 52461 лиц (28%), примирение с потерпевшим в отношении 106 091 лиц (57%), деятельном раскаянии в отношении 8889 лиц (4,8%). В 2020 году аналогичные показатели составили 530 998 (73%) осужденных, 180770 (25%) освобожденных от уголовной ответственности, включая судебный штраф 56980 (31%), примирение с потерпевшим 99115 (54%), деятельное раскаяние 7258 (4%). В 2021 году было осуждено 565317 (76%) лиц, прекращено дел по нереабилитирующим основаниям в отношении 162501 (22%) лиц, из которых судебный штраф был применен к 36684 (22%) лицам, примирение с потерпевшим к 99491 (61%) гражданам, деятельное раскаяние – к 7770 (4,7%) лицам. В 2022 году осуждены 578751 (78,3%) лиц, прекращено дел по нереабилитирующим основаниям в отношении 150075 (25%) лиц, из которых судебный штраф был применен к 20310 (13,5%) лицам, примирение с потерпевшим к 101410 (67,5%) гражданам, деятельное раскаяние – к 7595 (5%)².

Как видно из данных официальной статистики основополагающие показатели, характеризующие динамику судимости с принятием нормы о судебном

¹ Андрианов В.К., Лапшин В.Ф., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2022. С. 302.

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 15.04.2023).

штрафе, не изменились и составляют усредненно 75% от числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения. Практически неизменной осталась доля лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (в среднем, 23%).

Подобное положение дел можно было бы объяснить возможным расширением практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, что могло бы свидетельствовать, об изменении акцентов воздействия на сферу, в которой ранее уголовно-правовые конфликты разрешались освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В сегменте лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, со одной стороны, могло бы быть сокращение за счет увеличения количества осужденных, которым назначено не связанное с лишением свободы наказание, а с другой стороны, пополнение за счет доли лиц, подвергнутых судебному штрафу и выведенных из орбиты уголовной ответственности. Это могло бы объяснить неизменность указанных выше показателей.

Однако, изменений в данном сегменте уголовной статистики зафиксировано не было. Наказания, не связанные с лишением свободы в 2015 году назначались 258 731 лицам, что составляет 35% от общего числа осужденных. В 2016 - 332 542 лицам (44%), в 2016 - 258 736 лицам (43%), в 2020 - 226 983 лицам (42%), в 2021 - 238 115 лицам (42%), в 2022 – 233 527 лицам (40%)¹.

Относительно неизменной остается и структура преступности, которая, к примеру, в случае сокращения доли преступлений небольшой и средней тяжести, могла бы объяснить стабильную долю освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, когда применение норм о судебном штрафе сократило бы долю осужденных по данным категориям преступлений и, соответственно, увеличило бы в данном сегменте количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности. Однако, в этой части

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 31.08.2022).

статистические показатели также остаются стабильными что подтверждается данными, изложенными в следующей таблице.

Таблица 2. Отдельные показатели применения мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести¹

Показатели	2015	2016	2019	2020	2021
Общее количество лиц, в отношении которых был вынесен акт по существу обвинения в связи с совершением преступлений небольшой и средней тяжести	766830	775238	627156	575 156	569 643
Общее количество и доля осужденных в общем количестве лиц, в отношении которых был вынесен судебный акт по существу обвинения в связи с совершением преступлений небольшой и средней тяжести	518922 68%	539942 69%	436 835 69%	389383 68%	402 853 70%
Доля осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести в общем количестве лиц, осужденных за совершение преступлений всех категорий	70%	72%	73%	73%	71%
Количество лиц, осужденных к лишению свободы, и их доля в общем количестве осужденных за	89582 17%	89684 16%	88252 20%	77762 20%	79669 19%

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2018-2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 29.04.2022).

совершение преступлений небольшой и средней тяжести						

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии каких-либо изменений уголовно-правовой политики в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, которые могли бы объяснить причины, по которым с принятием норм о судебном штрафе остались неизменными показатели судимости и применения мер освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Соответственно, единственно верным представляется вывод, что нормы о судебном штрафе применяются строго в том сегменте, который до принятия соответствующих поправок в уголовное законодательство относился к сфере реализации норм об освобождении от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основаниям. Потенциал судебного штрафа реализован исключительно за счет сокращения реализации норм о примирении с потерпевшим, деятельном раскаянии и др.

Как мы отмечали выше, разрешение конкуренции норм об освобождении от уголовной ответственности в пользу наиболее репрессивной не согласуется с базовыми принципами квалификации, однако, де факто подобные случаи приобрели массовый характер, что, с нашей точки зрения, подлежит обязательному учету при корректировке векторов уголовной политики. Необходимо на законодательном уровне и (или) с позиции высших судебных инстанций разграничить компетенции норм о судебном штрафе и другими видами освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние и др.).

При этом, в целом, расширение спектра оснований освобождения от уголовной ответственности может быть оценено положительно. Тенденция сокращения избыточного применения уголовной репрессии является важным фактором гуманизации уголовной политики государства. Однако при включении в УК РФ положений о судебном штрафе, законодатель, как уже констатировалось

учеными¹, допустил ошибку, разместив их в двух самостоятельных разделах Общей части УК РФ. Это послужило основанием для выводов об излишней конкуренции оснований освобождения от уголовной ответственности² и критических прогнозов о том, что в перспективе возможно появление уголовно-правовой конструкции «освобождение от уголовной ответственности с назначением лишения свободы или любого другого наказания»³.

Повторимся, в уголовно-исполнительное законодательство нормы о судебном штрафе не были включены (в целом это правильно, поскольку оно регулирует порядок и условия отбывания наказания, ч. 2 ст. 1 УИК РФ). Однако они получили отражение в главе 51.1 УПК РФ и в ст. 103.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Это также представляется справедливым, поскольку этот закон определяет порядок деятельности по исполнению судебных актов, и его положения применимы в целях понуждения лица к уплате судебного штрафа.

Присоединяясь к критической оценке конструкции норм о судебном штрафе в двух разделах Общей части УК РФ, приведем следующие аргументы. Определив место судебного штрафа в системе иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера законодатель расширил некарательную сферу уголовно-правового воздействия. Для реализации указанной меры подразумевается необходимость совершения определенных действий следователем, прокурором, судьей в части установления преступного характера содеянного, степени возмещения ущерба и заглаживания вреда, причиненного преступлением. Это также включает вынесение судебного акта, который становится процессуальной формой применения уголовно-правового воздействия. В этой связи достоинством судебного штрафа признается сокращение расходов, возникающих в связи с производством по

¹ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 106–114.

² Хоменко А.Н. Вопросы применения и конкуренции норм об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 2. – С. 87–92.

³ Серебrenникова А.В. Нужен ли нам мораторий на внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: постановка вопроса // Российский следователь. – 2017. – № 5. – С. 34–37.

уголовному делу¹ (можно добавить, что в данном случае частично сокращается и нагрузка судей и сотрудников органов предварительного расследования).

В свою очередь, окончательное решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности по иным основаниям отдано в компетенцию не только суда, но и других лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Привнесение в перечень оснований освобождения от уголовной ответственности судебного штрафа, таким образом, в какой-то степени ограничило их компетенцию и процессуальную самостоятельность. Правоприменитель, действующий на стадии досудебного производства оказывается перед дилеммой: расследуя уголовное дело о преступлении небольшой или средней тяжести самостоятельно применить основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. ст. 75-76 УК РФ, либо инициировать применение судебного штрафа, которое требует дополнительной судебной процедуры. Вместе с тем, исключительная компетенция суда при принятии решения о назначении судебного штрафа подтверждает его принадлежность не к институту освобождения от уголовной ответственности, а к институту акцессорных мер уголовно-правового характера.

В данном случае можно провести некоторую аналогию с прекращением уголовного преследования несовершеннолетних в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. В соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ для решения этого вопроса следователь или дознаватель возбуждают ходатайство перед судом, который принимает итоговое решение. При этом ненадлежащее исполнение несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия может в дальнейшем послужить основанием для возобновления производства по уголовному делу.

Исходя из этого и с учетом принципа назначения судебного штрафа только судом, полагаем избыточным нормы ст. 76.2 УК РФ. Ее положения могут быть в полном объеме включены в ст. 104.4 УК РФ, в которой дано нормативное понятие судебного штрафа.

¹ Мамедов Р.Я. Судебный штраф как мера уголовно-правовой ответственности // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 80–83.

Анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения судебного штрафа позволяет отметить решение им трех важных вопросов, не получивших прямой законодательной регламентации.

Первым из них является определение понятия «лицо, впервые совершившее преступление» (п. 16.1, абзац второй п. 2 постановления от 27 июня 2013 г., включенные в 2016 г. при обобщении вопросов освобождения от уголовной ответственности¹). При этом можно обратить внимание на небольшую неточность: Пленум Верховного Суда РФ исчерпывающим образом определил лиц, к которым может быть применено освобождение в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ). Однако общий подход, предложенный Пленумом Верховного Суда РФ, не имеет препятствий для использования в ситуациях, описанных ст. 76.2 УК РФ.

Благодаря толкованию, данному Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего порядок и условия освобождения от уголовной ответственности», стало возможно фактически неограниченное применение этих норм. Лицами, впервые совершившими преступление, Пленум Верховного Суда РФ признает:

- субъектов, совершивших одно или несколько преступлений, ни за одно из которых они не были осуждены;
- субъектов, у которых предыдущий приговор не вступил в законную силу на момент совершения нового преступления;
- субъектов, у которых предыдущий приговор вступил в законную силу, но его уголовно-правовые последствия аннулированы (истек срок давности его исполнения, произошло погашение или снятие судимости);
- субъектов, у которых предыдущий приговор отменен вследствие декриминализации деяния;
- субъектов, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности;
- субъектов, у которых отсутствует неснятая или непогашенная судимость.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 07.12.2016. № 277 (7145).

При том, что учеными вносится предложение ограничить применение судебного штрафа, не назначая его лицам, к которым он уже применялся¹, признание впервые совершившими преступление лиц, у которых отсутствует непогашенная или неснятая судимость, является своеобразным противовесом.

Второй вопрос, исчерпывающе решенный Пленумом Верховного Суда РФ, относится к признанию возможности назначения судебного штрафа в отношении несовершеннолетних. В ст. ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ никаких ограничений в этом смысле не предусмотрено, поэтому можно заключить, что Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение правоприменителям, расширяющее правовое поле данной меры уголовно-правового характера.

Еще один вопрос, получивший осмысление в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ, затрагивает допустимость уплаты судебного штрафа третьим лицом (родственником обвиняемого, организацией, в которой он работает). Как и в предыдущем случае, Пленум Верховного Суда РФ не усмотрел здесь серьезных препятствий. В целом с таким подходом можно согласиться, поскольку источник происхождения денежных средств, подлежащих уплате, установить проблематично, а кроме того, в нормах уголовного закона уже существуют правила, связанные с несением финансовых и имущественных расходов не лицом, совершившим преступление, а третьими лицами. Так, при исполнении уголовного наказания в виде штрафа таковыми могут быть родители или иные законные представители несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 88 УК РФ); при исполнении конфискации имущества – лица, которым было передано имущество. И если в первом случае требуется согласие «плательщика», то во втором изъятие имущества осуществляется в бесспорном порядке, если лицо знало о преступном характере происхождения имущества.

Вместе с тем, Пленум Верховного Суда РФ обошел в толковании положений о судебном штрафе вопрос об изменении категории преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Осветив в тематическом постановлении особенности улучшения

¹ Хлебницына Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10.

правового положения лица, привлеченного к уголовной ответственности¹, Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание на возможность применения ст. ст. 75-76 УК РФ, а относительно ст. ст. 76.1-76.2 УК РФ никаких выводов не сформулировал. С одной стороны, это можно объяснить прямым указанием закона: ч. 6 ст. 15 УК РФ четко предусматривает, что за совершение преступления осужденному назначено наказание. С другой стороны, возникает вопрос о том, почему же в таком случае в перечень обстоятельств, улучшающих положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, включены некоторые основания освобождения от нее. В целом это иллюстрирует вывод о том, что система мер, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение, на сегодняшний день лишена строгой логической структуры².

Соответственно, и законодатель, и высшая судебная инстанция до настоящего времени не устранили возникающие пробелы, коллизии и противоречия, к числу которых также можно отнести отсутствие предусмотренных законом сроков на уплату судебного штрафа³. Полагаем, что данный срок, по аналогии с порядком уплаты штрафа как наказания, не должен превышать 60 дней со дня вступления соответствующего постановления суда в законную силу. При этом, с учетом материального положения лица, к которому применена данная мера, у суда должно быть закреплено право предоставить отсрочку на срок, не превышающий 1 год (учитывая сроки давности уголовного преследования по соответствующим категориям дел).

При принятии соответствующих законодательных решений необходимым окажется внесение изменений в положения п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, где просрочка уплаты судебного штрафа

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 19.05.2018. №106с (7569).

² Боярская А.В. Судебный штраф: проблема фактического состава // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3. – С. 164–167.

³ Бабаян С.Л., Акимов В.С. Актуальные проблемы применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 16.

связывается с истечением указанной в постановлении суда конкретной даты¹. Представляется, что наиболее оптимальным является определение срока уплаты судебного штрафа временным периодом, а не установлением конкретной даты, особенно учитывая вероятный характер обжалования соответствующих постановлений.

В заключение параграфа сделаем следующие выводы:

Судебный штраф является акцессорной вариативной мерой уголовно-правового характера, ограничивающей имущественные права лица, совершившего впервые преступление небольшой или средней тяжести и предпринявшего позитивные посткриминальные действия, выразившиеся в возмещении ущерба или ином заглаживании причиненного вреда.

Признаками судебного штрафа в системе акцессорных мер уголовно-правового характера являются: 1) альтернативность уголовному наказанию и уголовной ответственности, 2) ограниченная (объективно и субъективно) сфера применения, 3) безусловность освобождения от уголовной ответственности, возможность возобновления производства по уголовному делу с перспективой вынесения приговора с назначением наказания.

Признание норм о судебном штрафе конкурирующими с положениями об освобождении от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основанием предопределяет возникновение непреодолимых препятствий в реализации данной меры, учитывая приоритет разрешения конкуренции норм в пользу привилегированного воздействия на правонарушителя. Соответственно, нормы о судебном штрафе не являются конкурирующими с нормами об освобождении от уголовной ответственности и предназначены для применения в ситуациях, когда освобождение от уголовной ответственности требует дополнительного принудительного воздействия на правонарушителя.

На практике нормы о судебном штрафе применяются в том сегменте, который до принятия соответствующих поправок в уголовное законодательство

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 05.07.2013. № 145 (6121).

относился к сфере реализации норм об освобождении от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основаниям. Потенциал судебного штрафа фактически в большей части реализован за счет сокращения применения норм о примирении с потерпевшим и деятельном раскаянии. Данное обстоятельство свидетельствует о недостижении целей законодателя в части сокращения количества осужденных и наличии существенных рисков распространенности судебных ошибок, обусловленных не верным разрешением конкуренции норм в пользу норм большей репрессивности.

В целях устранения коллизий, допущенных законодателем, необходимо в уголовном законе и (или) с позиции высших судебных инстанций разграничить компетенции норм о судебном штрафе и видами освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

В связи с тем, что в юридическом содержании судебного штрафа доминирующим является не перспектива освобождения от уголовной ответственности, а целесообразность неприменения уголовного наказания в сочетании с необходимостью понуждающего влияния на адресата, ст. 76.2 УК РФ необходимо исключить из текста уголовного закона с поглощением ее содержания в гл. 15.2 УК РФ.

Ввиду наличия законодательного пробела в вопросе установления срока на уплату судебного штрафа, необходимо определить данный срок в пределах 60 дней со дня вступления соответствующего постановления суда в законную силу. При этом, с учетом материального положения лица, к которому применена данная мера, у суда должно быть закреплено право предоставить отсрочку на срок, не превышающий 1 год.

Для исключения возможных противоречий в определении сроков уплаты судебного штрафа необходимо изменение положений, содержащихся в разъяснениях высших судебных инстанций, где просрочка уплаты судебного штрафа связывается с истечением указанной в постановлении суда конкретной даты. Срок уплаты судебного штрафа должен определяться временным периодом, а не установлением конкретной даты.

§ 3.3 Конфискация имущества

Высокий уровень корыстной преступности в России обуславливает необходимость существования мер уголовно-правового характера, сопряженных с ограничением имущественных прав лиц, совершивших преступления. Кроме того, имеется потребность обеспечения возмещения вреда, причиненного экономической системе государства, в том числе, посредством применения реституционных инструментов, связанных с обращением в его доход денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, либо легализованного в результате финансовых операций или иных сделок. Исходя из этого, существование в системе иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера такой меры как конфискация имущества представляется вполне оправданным.

Как известно, в современный период статус конфискации имущества изменился: до принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ она являлась одним из дополнительных наказаний, но затем ст. 52 была исключена из Уголовного кодекса РФ, а с 1 января 2007 г. вступили в действие положения главы 15.1 УК РФ, в соответствии с которыми она стала признаваться одной из иных мер уголовно-правового характера.

В научной литературе этот процесс получил осмысление как «исправление ошибки законодателя»¹, устранение противоречий национального законодательства и международно-правовых обязательств², создание юридических условий для предупреждения корыстно-насильственной преступности³. При этом обращается внимание на «отсутствие взвешенных законодательных формулировок», характеризующих конфискацию имущества⁴, а также на то, что

¹ Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 3.

² Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4.

³ Курлаева О.В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 5.

⁴ Хачак Р.А. Конфискация имущества: исторические, сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 6.

цель конфискации как иной меры уголовно-правового характера не определена¹, а ее исключение из системы наказаний ослабило противодействие преступности уголовно-правовыми мерами².

Правовая природа конфискации имущества определяется учеными следующим образом.

Во-первых, она признается мерой уголовно-правового характера, связанной с уголовной ответственностью³. Такая позиция отражает, как представляется, то обстоятельство, что конфискация имущества применяется совместно с уголовным наказанием и отчасти выступает производным компонентом уголовно-правового воздействия. Иными словами, в связи с совершением преступления лицу назначается определенный вид и размер наказания, а также производится конфискация его имущества, если это прямо предусмотрено уголовным законом. Соответственно, осужденный претерпевает ограничения, возложенные на него в связи с исполнением наказания, а также утрачивает имущество. Однако, аргументированные нами выше некарательные характеристики рассматриваемой меры с учетом возможности ее реализации и при освобождении лица от уголовной ответственности не позволяют признать верной данную точку зрения.

Во-вторых, некоторые авторы считают конфискацию имущества мерой безопасности, поскольку благодаря ей обеспечивается изъятие из оборота оружия, наркотических средств, иных опасных предметов, а также денежных средств, используемых для финансирования общественно опасной деятельности⁴. Данный подход, действительно, соответствует целеполаганию рассматриваемой меры, однако, как представляется, не может составлять правовую сущность как основу понимания рассматриваемого правового средства.

В-третьих, конфискация имущества получила научное осмысление как процессуальное средство, позволяющее возместить ущерб, причиненный

¹ Малышев А.Н. Конфискация имущества в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4.

² Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 3.

³ Иванов А.Л. Меры уголовно-правового характера: монография. М., 2017. С. 8.

⁴ Щедрин Н.В., Кылина О.М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // Всероссийский криминологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 40–49.

преступными действиями, либо обратить в доход государства блага, полученные преступным путем¹. Недостаток этой позиции, на наш взгляд, состоит в том, что при отождествлении конфискации имущества и мер уголовно-процессуального принуждения не учитывается то, что она осуществляется после вступления приговора в законную силу. Кроме того, положения о конфискации содержатся и в нормах гражданского права (так, ст. 243 ГК РФ устанавливает возможность ее применения в связи с совершением преступления или иного правонарушения, в том числе, в административном порядке).

В-четвертых, до настоящего времени сохранился подход, в соответствии с которым конфискация имущества признается уголовным наказанием². В данный момент он, очевидно, не соответствует законодательству по формальным критериям, поскольку нормы о конфискации имущества не находятся в системе положений общей части уголовного закона, в которых предусмотрены виды наказаний (ст. 44 УК РФ). Однако в современных исследованиях обосновывается необходимость восстановления конфискации имущества в статусе дополнительного наказания³. Исследователи при этом ссылаются на исторические традиции, социальную необходимость, международные обязательства государства в области противодействия коррупции и иным опасным преступлениям, наличие соответствующих санкций в административном законодательстве.

Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что единообразного мнения о правовой природе конфискации имущества в научной литературе не сформировалось. Тем не менее, действующая редакция главы 15.1 УК РФ однозначно определяет место конфискации имущества за пределами правового института наказания. При этом ранее возможная «полная» конфискация уступила место частичной⁴.

¹ Звечаровский И.Э. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 20–24.

² Буркина О.А., Устинов А.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 2. – С. 119–124.

³ Курлаева О.В., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: монография. М., 2016. С. 111.

⁴ Лопашенко Н.А. Конфискация имущества: монография. М., 2012. С. 56–60.

Признавая за конфискацией имущества государственно-принудительный характер, присущий и наказанию, законодатель делает акцент на ее восстановительную направленность, исключая возможность применения до того, как решен вопрос о возмещении ущерба, причиненного законному владельцу имущества. Из этого можно заключить, что конфискация имущества – не безусловное уголовно-правовое последствие преступления, тогда как наказание позиционируется, скорее, именно в таком качестве (только низкая общественная опасность лица или совершенного им деяния может служить условием для признания возможности его исправления без применения наказания).

Кроме того, конфискация имущества «вторгается» не только в сферу имущественных интересов осужденного, но и отчасти затрагивает интересы членов его семьи, к преступлению непричастных, то есть, в отличие от наказания, пересекает сферу личной ответственности, о чем указывалось еще советскими учеными¹. Можно отметить здесь также и то, что при назначении наказания суд обязан учесть его влияние на исправление осужденного и условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ), тогда как при применении конфискации имущества — это необязательно. И наконец, в силу ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, имущество может быть изъято у лица, которое получило его от осужденного, если данное лицо знало или должно было знать о преступном характере его происхождения.

Исходя из признаков, присущих уголовному наказанию и перечисленных в ч. 1 ст. 43 УК РФ, конфискация имущества характеризуется только двумя: возможность назначения лицу, признанному виновным в совершении преступления, по постановлению суда, то есть в соответствии с установленной законом процедурой. Уголовно-правовая сущность конфискации не тождественна сущности наказания: наказание заключается в лишении или ограничении лица принадлежащих ему прав и свобод. Тогда как конфискация имущества, как мы отмечали ранее, распространяется на такие его виды, которые приобретены незаконно, а значит, на них не распространяется юридический режим, присущий

¹ Иванов В.Н. Должна ли сохраниться конфискация имущества как вид уголовного наказания? // Советское государство и право. – 1958. – № 9. – С. 100–101.

праву собственности (пп. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), либо хотя и принадлежат лицу на законном основании, но используются им в противоправных целях (пп. «в», «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), а значит, защита права собственности становится невозможной на основании ст. 10 ГК РФ.

Логично предположить, что назначение конфискации имущества судом полностью соответствует принципам законности и справедливости: до момента признания лица виновным в совершении преступления изъятие имущества в доход государства представляется неправильным, а кроме того, отсутствует основание признать имущество подлежащим конфискации. То обстоятельство, что ч. 1 ст. 243 ГК РФ регламентирует конфискацию как санкцию за совершенное правонарушение или преступление, никак не противоречит исключительно судебному порядку ее назначения. Одновременно использование термина «санкция» не превращает конфискацию имущества в уголовное наказание: буквальный смысл этого слова может быть истолкован как «мера воздействия»¹.

Далее, соглашаясь с высказанной на страницах юридической печати точкой зрения о том, что «самый строгий вид наказания не может отягощаться дополнительным видом наказания, даже если оно является факультативным, поскольку это означает двойное ужесточение самого строгого наказания»², укажем, что, признав конфискацию имущества иной мерой уголовно-правового характера, применяемой совместно с наказанием, законодатель успешно решил данную коллизию. Назначенное наказание, состоящее в лишении или ограничении прав и свобод осужденного, исполняется самостоятельно, тогда как конфискация имущества может происходить без его личного участия и не оказывать негативного воздействия, дополнительно ущемляя его правовой статус. С учетом того, что, как отмечалось ранее, имущество, подлежащее конфискации, имеет незаконный источник происхождения, либо использовалось в противоправных целях, его изъятие юридически ухудшает имущественное положение осужденного с относительной степенью условности.

¹ Петренко Е.Г. Правовое регулирование и научные подходы к понятию «санкция» // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 111. – С. 37–42.

² Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 166.

Далее, применение конфискации имущества хоть и в определенной мере способствует достижению установленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей наказания, но не является эксклюзивным инструментом для их достижения. В сопоставлении с такой целью наказания как восстановление социальной справедливости конфискация в большей степени направлена на возмещение вреда не всему обществу, а бюджетной системе, потерпевшему (учитывая установленный приоритет возмещения ущерба). При этом исправление осужденного в данном случае не подлежит оценке.

Считаем возможным высказать сомнение к предложению закрепить в качестве цели конфискации общее предупреждение совершения новых преступлений¹. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ предупреждение, в целом, свойственно уголовному наказанию и может быть достигнуто как в период его исполнения, когда некоторые преступления, например, не могут быть совершены осужденным в принципе, так и после его отбывания, когда осужденный пребывает в условиях административного надзора или профилактического учета, либо в связи с судимостью утрачивает возможность совершения преступления определенного вида. В случае же с общей превенцией, когда речь идет о предупреждении совершения преступлений другими лицами, наказание, безусловно, обладает весомым потенциалом², тогда как конфискация имущества, скорее, нет (исполняется одномоментно, в период накопления имущества можно предпринять меры, затрудняющие его обнаружение или признание подлежащим конфискации, исключив тем самым ее последующее исполнение).

При этом применение конфискации в целях специальной превенции, как представляется, не должно подвергаться сомнению. В частности, факт изъятия, орудий, средств совершения преступления, денежных средств, предназначенных для финансирования терроризма, препятствует совершению лицом нового преступления.

¹ Мостовой В.В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: некоторые проблемы теории и законодательного закрепления // Право и политика. – 2011. – № 9. – С. 1470–1476.

² Марцев А.И. Диалектика и вопросы уголовного права. Красноярск, 1990. С. 56–57.

Таким образом, целевое назначение конфискации представляет реституция как возврат денег, ценностей или иного имущества, которое было получено преступным путем, либо доходов от него, и элиминация как исключение владения орудиями, оборудованием или средствами совершения преступления, либо имуществом, предназначенным для обеспечения различных видов организованной преступной деятельности. Обе данные цели подразумевают удовлетворение публичного, а не частного интереса, поскольку имущество обращается в доход государства. В конечном счете, названные цели могут быть охарактеризованы как цели-средства, которые приводят к цели-результату – возмещению ущерба, причиненного бюджетной системе и в определенной степени обществу, а также специальному предупреждению преступлений.

Кроме того, с учетом того обстоятельства, что в ст. 104.3 УК РФ закреплен приоритет возмещения ущерба потерпевшему перед конфискацией имущества, можно говорить о том, что одной из факультативных целей этой меры уголовно-правового характера выступает компенсация потерпевшему имущественного, физического или морального вреда, причиненного преступлением.

На основании изложенного выше предлагаем определить конфискацию имущества как акцессорную меру уголовно-правового характера, ограничивающую имущественные права лица, совершившего преступление, и обеспечивающую предупреждение данным лицом совершения новых преступлений, возмещение ущерба, а также позволяющую пресечь финансирование терроризма, экстремистской деятельности и деятельности преступных объединений различной степени организованности.

Признаками конфискации имущества как акцессорной меры уголовно-правового характера являются:

- назначение совместно с уголовным наказанием, а также в силу отсутствия законодательного запрета и специальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ¹ при освобождении от уголовной ответственности (в отдельных случаях);

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 22.06.2018. № 134 (7597).

- принудительный характер – выражается в изъятии имущества против воли осужденного;

- ограниченный перечень преступлений, по делам о совершении которых возможно применение конфискации имущества, – в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ содержится ссылка на все четыре известные российскому уголовному закону категории преступлений, что расширяет сферу применения конфискации имущества (например, по сравнению с судебным штрафом), а также сближает эту меру с другими мерами уголовно-правового характера (например, с принудительными мерами медицинского характера);

- ограниченный перечень видов имущества, подлежащих изъятию, – пять позиций, указанных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (включая конфискацию транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении одного из преступлений, предусмотренных статьями 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ), охватывают только часть имущества, которая может находиться у осужденного наряду с движимыми и недвижимыми объектами, источник происхождения которых не вызывает сомнений с точки зрения законности;

- установление публично-правового режима функционирования изъятого имущества – оно обращается в собственность государства (для сравнения, при назначении судебного штрафа денежные средства зачисляются в бюджет).

Выделенные признаки определяют место конфискации имущества среди акцессорных мер уголовно-правового характера. При этом важной особенностью регламентации рассматриваемой меры является установление высшей судебной инстанцией возможности ее реализации, в том числе, при освобождении лица от уголовной ответственности, что формально не в полной мере находится в соответствии с положениями ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора).

Одновременно, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, как представляется, соответствуют фактическим потребностям правового регулирования, когда, к примеру, требуется изъятие орудий совершения

преступления при освобождении лица от уголовной ответственности по одному из нереабилитирующих оснований. Полагаем, что данное правило должно найти отражение на законодательном уровне.

Кроме того, представляется важным также прямое законодательное закрепление потенциала реализации конфискации имущества в случаях невозможности привлечения лица к уголовной ответственности в связи с его невменяемостью. Очевидно, что совершение общественно опасного деяния в таком случае, как минимум, должно предполагать возможность изъятия соответствующих орудий и средств совершения общественно опасного деяния.

Среди признаков конфискации исследователи выделяют ее пресекающий характер¹ и исключение «экономического эффекта» от преступной деятельности². В целом такой подход представляется верным, однако здесь можно сделать оговорку. Так, поскольку имущество, подлежащее конфискации, может быть своевременно не выявлено, выведено за пределы российской юрисдикции или передано неустановленным лицам, наличие этих признаков безусловно. Кроме того, они, скорее, характеризуют конфискацию как процесс изъятия имущества в собственность государства, а не материально-правовое понятие, отражающее ее сущность как акцессорной меры уголовно-правового характера, применяемой совместно с наказанием.

Перечень имущества, подлежащего конфискации по приговору суда, может быть дифференцирован следующим образом.

Во-первых, по источнику происхождения в структуре имущества можно выделить законно полученное или незаконно нажитое. В первом случае лицо может использовать заработанные или полученные иным некриминальным образом денежные средства, ценности и иное имущество в противоправных целях: для совершения преступления или для финансирования организованной преступной деятельности (террористических или экстремистских организаций, незаконных

¹ Матвеева А.А. Конфискация имущества в современном законодательстве Российской Федерации // Вестник МГУ. Серия 5 «Право». – 2007. – № 4. – С. 14–31.

² Степанов А.А. Правовая природа конфискации имущества // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – № 2. – С. 72–76.

вооруженных формирований, преступных сообществ). Во втором – имущество изначально имеет криминальный источник происхождения, и лицо устанавливает над ним незаконное владение, не охраняемое институтом права собственности (при непосредственном получении имущества в результате совершения преступления определенного вида или при последующем получении дохода от его некриминального использования).

Во-вторых, по объему конфискуемого в соотношении с неизымаемым имуществом можно выделить полную и частичную конфискацию. Полной конфискацией (в одной из возможных интерпретаций данной категории) полагаем возможным признавать изъятие денег, ценностей, иного имущества, полученного в результате совершения преступления, и обращение его в собственность государства, а частичной – изъятие его части, оставшейся после того, как будет возмещен ущерб потерпевшему.

В-третьих, по механизму изъятия можно выделить первичную конфискацию, когда изымается непосредственно имущество, перечисленное в пп. «а», «в», «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и производную, когда изымаются деньги, ценности, доходы, в которые такое имущество было преобразовано, либо денежный эквивалент стоимости определенного предмета, подлежащего конфискации.

В структуре конфискуемого имущества ученые выделяют также условно и безусловно запрещенные к обращению предметы¹, вещественные доказательства², «имущество, вовлеченное в преступный оборот»³. В целом такой подход подчеркивает современный специальный характер конфискации имущества (в отличие от общего, присущего ей в статусе дополнительного наказания).

В отличие от большинства иных (аксессуарных) мер уголовно-правового характера, конфискация имущества применяется по делам о совершении ряда наиболее опасных преступлений, либо таких, которые связаны с причинением

¹ Кулиш М.М. Понятие и классификация конфискации имущества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 2. – С. 100–102.

² Алисултанов М.А. Проблемы законодательного определения процессуального статуса имущества, в отношении которого назначается конфискация, и его закрепление в нормах УК России // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 164–167.

³ Пашенко Е.А. Конфискация имущества: реалии и ожидания // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 81–88.

особо крупного ущерба (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). С учетом того, что законодатель избрал для характеристики этих деяний только перечневый подход (простое перечисление), представляется необходимым систематизировать их следующим образом.

Во-первых, конфискация имущества назначается за совершение наиболее тяжких преступлений против личности (убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека). При этом, например, законодатель допускает назначение конфискации по ч. 2 ст. 126 УК РФ (видимо, исходя из признака корыстных побуждений, который, собственно, может являться катализатором, получения виновным материальной выгоды, подлежащей конфискации), а по ч. 3 – более тяжкой, включающей совершение преступления организованной группой (в том числе при возможном наличии таких же корыстных побуждений), – не предусматривает. При этом, очевидно, что похищения людей ради наживы, совершенные организованными преступными группами, не являются исключительными.

Кроме того, назначение конфискации имущества, подразумевающей его обращение в собственность государства, по делам о совершении таких преступлений выглядит не безупречно. Приоритетным, как представляется, здесь должно быть возмещение вреда жертве преступления или лицам, признанным потерпевшими по уголовному делу. Такой приоритет, безусловно, усматривается из ч. 1 ст. 104.3 УК РФ, но недостаточно ясно. Между тем, выплата компенсации жертве преступления, в условиях, когда предложения об учреждении для таких целей специального внебюджетного фонда остались нереализованными¹, является необходимым условием, защищающим права потерпевших.

Во-вторых, конфискация имущества может быть назначена за совершение иных преступлений против личности, если в действиях виновного установлены корыстные побуждения (например, по ст. ст. 153-155 УК РФ), или они в целом носят корыстную направленность (например, по ст.ст. 127.1, 127.2 УК РФ). В

¹ Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 212–219.

данном случае такой подход можно объяснить стремлением изъять в собственность государства доход, полученный преступным путем, и его целесообразность сомнений не вызывает.

В-третьих, в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ предусмотрено назначение конфискации имущества по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (например, ст. ст. 171.1, 171.2, 171.3, 171.4 УК РФ). В данном случае создается дисбаланс следующего содержания. Как известно, ст. 76.1 УК РФ допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба на указанных в ней условиях. Перечень статей УК РФ, на которые это правило распространяется, согласован со ст. 104.1 УК РФ не полностью. Например, преступление, предусмотренное ст. 171.1 УК РФ, может влечь за собой назначение наказания и конфискацию имущества, а может – применение привилегированной нормы ст. 76.1 УК РФ. В первом случае осужденный лишается всего имущества, обращаемого в доход государства, отбывает наказание и претерпевает уголовно-правовые последствия судимости, а во втором – только выплачивает предусмотренную законом сумму в федеральный бюджет. В данной части, полагаем, что законодателю необходимо более взвешенно спрогнозировать потенциальную эффективность правовых предписаний.

Далее, можно отметить, что характер и степень общественной опасности некоторых деяний, влекущих конфискацию имущества, значительно уступает аналогичным параметрам преступлений, таких последствий не влекущих. Например, преступление небольшой тяжести – незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.4 УК РФ) – указано в перечне деяний, влекущих конфискацию имущества. Совершается это преступление, как правило, продавцами магазинов, не имеющих разрешение на реализацию такой продукции. Потребность конфискации имущества в этом случае весьма сомнительна, особенно с учетом того, что в материалах уголовных дел, как правило, фигурирует сумма продажи, исчисляемая несколькими сотнями рублей¹. Кроме того, при изучении материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 171.4

¹ Уголовное дело № 1-170/2018 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области.

УК РФ, диссертант не выявил ни одного случая назначения конфискации имущества, причем в приговорах судов по этим делам целесообразность (или возможность) ее назначения даже не обсуждалась.

В-четвертых, конфискация имущества может быть применена по делам о преступлениях коррупционной направленности (при осуждении по ст. ст. 201.1, 204, 285, 285.4, 290 УК РФ). Отметим, что из данного перечня «выпал» целый ряд коррупционных проявлений (в том числе, посредничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе), а сам он – гораздо уже, нежели приведенный в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». Обусловленность подобного законодательного решения не может не вызывать вопросов.

Признавая конфискацию имущества эффективным средством противодействия преступлениям корыстной и коррупционной направленности¹, ученые рассуждают в правильном направлении, поскольку именно в таких случаях эта мера уголовно-правового характера может приобрести предупредительную (профилактическую) функцию, которая, очевидно, заложена в ее потенциале, но не реализована на практике.

В-пятых, конфискация имущества предусмотрена в отношении денег и ценностей, полученных в результате совершения преступлений против общественной безопасности (в том числе, преступлений террористической направленности, преступлений против общественной нравственности и здоровья населения). Это закономерное решение, поскольку для посягательств данного вида характерна максимально высокая общественная опасность, и противодействию им государство придает приоритетное значение. Однако возникает вопрос о причинах отсутствия в перечне соответствующих преступлений ст. 234.1 УК РФ, тогда как незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ является сверхдоходным криминальным бизнесом, распространенным на всей территории России².

¹ Татарников В.Г. Конфискация имущества в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 11. – С. 399–402.

² Шалагин А.Е., Усманов И.М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 30–34.

В-шестых, конфискацию имущества влечет совершение преступлений против государственной власти. Однако некоторый дисбаланс может быть выявлен и здесь: например, вполне логично применять конфискацию по делам о государственной измене или шпионаже, но достаточно сомнительно – по делам о даче ложных показаний. Как представляется, применение этой меры уголовно-правового характера возможно будет оправдано при установлении корыстных побуждений, о чем законодатель сделал оговорку применительно к другим преступлениям.

И наконец, в-седьмых, конфискацию имущества возможно применять по делам о преступлениях против мира и безопасности человечества (ст. 355, ч. 3 ст. 359, ст. 361 УК РФ). Высокая общественная опасность этих преступлений представляется бесспорной, однако ограничение применения конфискации только этими нормами выглядит не вполне взвешенным.

Можно заключить, что, использовав перечневый подход при определении структуры деяний, влекущих за собой конфискацию имущества, законодатель допустил некоторые недочеты, из-за чего некоторые более характерные и опасные деяния в этот перечень не попали, а деяния с низкой общественной опасностью и сомнительным «конфискационным потенциалом» оказались в нем.

«Традиционные» посягательства корыстной направленности, составляющие около половины структуры зарегистрированной преступности (кража, грабеж, разбой), в такой перечень не попали, хотя и в советском законодательстве, и в соответствии с нормами о конфискации имущества, включенными в первую редакцию УК РФ, конфискация имущества за их совершение предусматривалась. В целом соглашаясь с тем, что это произошло в связи с отсутствием в большинстве случаев возможности реального обращения имущества в собственность государства¹, и с тем, что в подобных ситуациях приоритетным должно быть

¹ Векленко С.В., Карпов К.Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 28–32.

возмещение ущерба потерпевшему¹, отметим, что принцип целесообразности в структуре конфискации имущества выдержан не до конца.

Вследствие многоспектральности предметов, подлежащих конфискации, и деяний, совершение которых может ее повлечь, в литературе высказано суждение о нецелесообразности единой систематизации видов конфискации имущества². С этим можно частично согласиться, поскольку двойная регламентация конфискации имущества в уголовном и уголовно-процессуальном законе, а также нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности, затрудняет ее эффективное применение. Например, в 2022 г. она применена в отношении 4195 человек (0,72% осужденных), при этом только за совершение преступлений коррупционной направленности было осуждено 10 325 человек, т.е. количество, в два раза большее³.

В данном контексте вызывает интерес позиция Н.С. Таганцева, который указывал, что изъятие различных предметов имеет разную природу в зависимости от того, находятся ли они в свободном обороте, или же нет: «Конфискация первого рода должна иметь все свойства наказания, конфискация второго рода – характер полицейской меры»⁴. В современный период статус наказания за конфискацией имущества не признается, однако в той части, которая подразумевает ее применение в качестве акцессорной меры уголовно-правового характера, назначаемой судом совместно с наказанием, принцип, сформулированный Н.С. Таганцевым, заслуживает упоминания.

Далее положения п. «б» и п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ вызывают некоторые вопросы. При том, что признание необходимости конфискации денег, ценностей или иного имущества, в которые были преобразованы имущество, полученное в результате совершения преступлений или использовавшееся для финансирования

¹ Пудовочкин Ю.Е. Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм // Вестник Института: Преступление. Наказание. Исправление. – 2009. – № 1. – С. 10–15.

² Николаев К.Д. Виды конфискации имущества // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 10–14.

³ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 г.: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 05.05.2023)

⁴ Таганцев Н.С. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций: в 2-х томах. СПб., 1994. Т. 2. С. 83.

различных форм организованной преступной деятельности, вполне обоснованно, формулировки, используемые в названных пунктах, могут быть подвергнуты определенному сомнению.

Во-первых, с учетом того, что в ст. ст. 174, 174.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за легализацию имущества, полученного в результате совершения преступления (соответственно, действия по приданию правомерности владению, пользованию, распоряжению таким имуществом априори подразумевают его конфискацию, равно как и полученных доходов от его реализации). Во-вторых, поскольку в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ¹, Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ² и Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ³ имущество, использованное для финансирования и иного обеспечения террористической и экстремистской деятельности, может быть предметом обязательного контроля и изыматься в судебном порядке. В-третьих, допустимость конфискации доходов от использования имущества, либо денежной суммы взамен утраченного имущества (ст. 104.2 УК РФ) уже вызвала критику на страницах юридической печати с учетом отсутствия процедуры установления размера этих доходов и отделения конфискуемых доходов от неконфискуемых⁴.

В ряде публикаций можно встретить доводы в пользу применения расширенной конфискации⁵ (в одном из толкований означает такой вид конфискации, который обращается на имущество осужденного и членов его семьи) или возврата к полной конфискации⁶. Если в отношении первого предложения законодатель высказался скорее положительно, закрепив в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ

¹ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (по состоянию на 18.03.2019) // Российская газета. 09.08.2001. № 151 (2763).

² Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (по состоянию на 18.04.2018) // Российская газета. 10.03.2006. № 48 (4014).

³ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (по состоянию на 28.11.2018) // Российская газета. 30.07.2002. № 138-139 (3006-3007).

⁴ Мельников М.Г. Конфискация имущества как мера уголовно-правового обременения: правовая природа и законодательная регламентация // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 156–163.

⁵ Сундуков Ф.Р. Конфискация имущества: национальный и международно-правовой аспекты // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: сборник научных трудов. М., 2010. С. 200–202.

⁶ Шестаков Д.А. Реформа или стилизации (о проекте УК РК) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2. – С. 18–19.

правило, в соответствии с которым конфискация имущества возможна и из владения другого лица, либо организации, если приобретатель имущества знал или должен был знать о том, что оно получено в результате преступных действий, то реализация второго предложения едва ли возможна.

Так, конфискация всего имущества была бы достаточно затруднительной и могла бы побудить к его сокрытию (причем как самим лицом, подлежащим уголовной ответственности, так и членами его семьи). Кроме того, неограниченное применение конфискации нарушало бы принцип гуманизма. И наконец, изъятие всего имущества стало бы чрезмерно обременительным для органов, уполномоченных на исполнение конфискации имущества, поскольку возникли бы проблемы с временным хранением, транспортировкой, реализацией, утилизацией имущества, решение которых могло бы стать дорогостоящим и полностью сводящим к нулю пополнение бюджета.

В заключение параграфа представляется возможным сделать следующие основные выводы:

Конфискация имущества является акцессорной дополнительной мерой уголовно-правового характера, реализуемой в рамках коррекции имущественного статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, и направленной на предупреждение совершения данным лицом новых общественно опасных деяний, а также позволяющей пресечь финансирование терроризма, экстремистской деятельности и деятельности преступных объединений различной степени организованности.

Особенностью конфискации имущества как дополнительной меры уголовно-правового характера является возможность ее назначения как совместно с уголовным наказанием, так и с вариативными мерами уголовно-правового характера, а также в отдельных случаях при освобождении лица от уголовной ответственности, что требует прямого отражения в соответствующих положениях уголовного законодательства.

В целях устранения пробелов и обеспечения системности правового регулирования отношений, связанных с применением конфискации имущества,

важно прямое законодательное закрепление потенциала реализации конфискации имущества в случаях невозможности привлечения лица к уголовной ответственности в связи с его невменяемостью. Часть 1 ст. 104.4 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании постановления суда следующего имущества...».

Современная законодательная конструкция, определяющая перечень деяний, правовым последствием которых может выступать конфискация имущества, не соответствует текущим потребностям правового регулирования. В уголовном законодательстве необходимо закрепить сбалансированный перечень уголовно наказуемых деяний, совершение которых влечет применение конфискации имущества, исключив из него преступления, не имеющие своим фактическим последствием незаконное обогащение лица, либо реализовать универсальный подход, когда изъятию в пользу государства будут подлежать любые доходы от преступной деятельности с сохранением приоритета возмещения ущерба потерпевшему.

§ 3.4. Принудительные меры медицинского характера

Принудительные меры медицинского характера имеют достаточно сложную структуру, и их правовое регулирование осуществляется нормами нескольких отраслей законодательства. Их роль в системе иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера обусловлена целевым назначением, определенным в ст. 98 УК РФ: излечение или улучшение психического состояния лиц, признанных нуждающимися в принудительном лечении, а также предупреждение их последующего общественно опасного поведения. По мнению исследователей, приоритетное значение интересов достижения психического здоровья человека подчеркивает в целом гуманистическую направленность принудительных мер

медицинского характера¹. Наличие в положениях главы 15 УК РФ более двадцати предписаний относительно их назначения и исполнения обоснованно рассматривается как гарантия защиты от произвольного применения недобровольных мер психиатрического лечения².

Необходимо отметить, что при законодательном закреплении категории «иные меры уголовно-правового характера» в названии заключительного раздела Общей части УК РФ именно лечебно-реабилитационные способы коррекции личности граждан, страдающих психическими расстройствами, получили первоочередную регламентацию.

Как и в структуре уголовного наказания, в принудительных мерах медицинского характера можно усмотреть ряд ограничений правового статуса личности в период исполнения. Но, в отличие от наказания, принудительные меры медицинского характера предполагают эти ограничения производными от степени тяжести психического расстройства (диагноза), а не от характера и степени общественной опасности содеянного.

Иными словами, при исполнении наказания возможные ограничения прав и свобод продиктованы характером и степенью общественной опасности содеянного и необходимостью достижения целей наказания. Тогда как применение принудительных мер медицинского характера осуществляется с учетом требуемой интенсивности лечения душевного заболевания, и именно лечебный процесс обуславливает временное, до наступления стойкой ремиссии, непредоставление гражданину отдельных прав. Особенности лечебного процесса определяются не правовыми нормами, а положениями медицинской науки психиатрии, устанавливающей порядок проведения лечебно-реабилитационных мероприятий и медицинских вмешательств, направленных на улучшение психического состояния пациента³. В этой связи довод о том, что и наказание, и иные меры уголовно-

¹ Спасенников Б.А. К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера // Вестник Института. Преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 1. – С. 12–16.

² Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «Меры общественной безопасности» // Lex Russica. – 2017. – № 8. – С. 101–111.

³ Цыганков Б.Д., Овсянников С.А. Психиатрия: учебник для вузов. М., 2012. С. 14–19.

правового характера «возможны за совершение преступлений»¹, в данном контексте представляется неверным. Принудительные меры медицинского характера назначаются в тех случаях, когда имеющееся у лица психическое расстройство может стать условием причинения иного существенного вреда, либо создать опасность для самого больного и окружающих (ч. 2 ст. 97 УК РФ).

Другим отличием принудительных мер медицинского характера от наказания можно назвать отсутствие формального определения в первом случае. Как известно, в ст. 43 УК РФ законодатель дал терминологическое определение наказания, раскрыв данное понятие с учетом принуждения как основного метода воздействия на лиц, совершивших преступления, а также установил особые цели наказания. В отношении принудительных мер медицинского характера он ограничился определением целевых установок и субъектного перечня лиц, к которым может применяться амбулаторное или стационарное лечение. С учетом этого обстоятельства некоторые авторы предлагают нормативную дефиницию принудительных мер медицинского характера. Однако в большинстве случаев она является неудачной, не отражающей содержания этих мер и их места в системе аксессуарных мер уголовно-правового характера.

Так, предлагается определить их как меры обеспечения безопасности граждан и лиц, страдающих психическими расстройствами (вторые изолируются от контакта с первыми, вследствие чего защищенность повышается). Иными словами, включить в их содержание ту степень правовой охраны, которая касается изоляции от общества душевнобольных, способных причинить вред себе и окружающим². Действительно, защита от общественно опасного поведения невменяемых также может быть включена в перечень целевых установок отдельных принудительных мер медицинского характера. Однако в определении содержания таковых эта позиция представляется излишней: в частности, потому что, например, при применении наказаний, связанных с изоляцией от общества,

¹ Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 114–121.

² Герасина Ю.А. О необходимости совершенствования положений главы 15 Уголовного кодекса Российской Федерации // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 161–164.

защита граждан от общественно опасного поведения также имеет место, однако ее значение в системе уголовно-правовых последствий совершения преступления не определяющее, поскольку в условиях изоляции приоритетным становится исправление осужденного. Соответственно, как представляется, для принудительных мер медицинского характера обеспечение безопасности граждан и лиц, страдающих психическими расстройствами, не является определяющим особенно с учетом того, что в структуре принудительных медицинских мер имеются и те, которые не предполагают изоляцию адресата (амбулаторное наблюдение).

Схожий выше обозначенному подход предлагает целая группа ученых (в том числе, А.Н. Тарбагаев, А.В. Усс, Н.В. Щедрин), относя принудительные меры медицинского характера к мерам безопасности¹. В силу данного подхода мерами безопасности признаются самостоятельные виды регуляции жизнедеятельности личности и общества, которые отличаются от правового регулирования основаниями, целями, сроками применения и механизмами реализации². Данный подход представляется оригинальным, но излишне широким, объединяющим множественные позиции, характеризующие различные аспекты безопасности. Кроме того, в действующем законодательстве понятие «меры безопасности» сложилось как совокупность способов, применяемых уполномоченными органами для защиты жизни и здоровья особых категорий лиц (судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов³, участников уголовного судопроизводства⁴). Во избежание терминологической путаницы полагаем невозможным характеризовать принудительные меры медицинского характера как меры безопасности, хотя, бесспорно, ее обеспечение они в определенной степени подразумевают.

¹ Тарбагаев А.Н., Усс А.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера, применяемых к осужденным // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 115–117.

² Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск, 1999. С. 45–66.

³ Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (по сост. на 01.07.2017) // Российская газета. 26.04.1995. № 81 (1192).

⁴ Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (по сост. на 07.02.2017) // Российская газета. 25.08.2004. № 182 (3559).

Аналогично в советский период ученые определяли принудительные меры медицинского характера как меры социальной защиты¹, что подвергается сегодня справедливой критике за излишнюю «идеологизированность», нынешнему законодательству не свойственную². Соглашаясь с высказанными критическими замечаниями, укажем, что действующее уголовное законодательство не использует термин «меры социальной защиты». В иных отраслях законодательства под таковыми понимаются система гарантированных государством экономических, правовых мер и мер социальной поддержки, применимых в отношении социально уязвимых категорий населения с целью оказания им помощи в преодолении последствий объективно сложившихся трудных жизненных ситуаций и направленных на обеспечение им равных с другими гражданами возможностей для участия в жизни общества (ст. 2 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»³). Аналогично меры социальной защиты применяются в отношении граждан, наделенных особым статусом (судьи, военнослужащие, сотрудники полиции и др.), в силу которого такая потребность возникает субъективно, на почве ненормированного исполнения должностных обязанностей, риска для жизни и т.п. обстоятельств. Соответственно, термин «меры социальной защиты» сегодня утратил уголовно-правовое значение и для анализа содержания принудительных мер медицинского характера является неприменимым.

Далее, в научных исследованиях обращается внимание на некарательную направленность принудительных мер медицинского характера⁴, а также на то, что принудительными они становятся только тогда, когда применяются к лицам, страдающим расстройствами, не исключающими вменяемости, в противном случае субъекты подвергаются «насильственному лечению»⁵. Если в части сомнений

¹ Протченко Б.А. Принудительные меры медицинского характера. М., 1976. С. 5.

² Шпынова Е.В. Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4. – С. 65–72.

³ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (по сост. на 01.01.2019) // Российская газета. 21.11.1995. № 234 (1345).

⁴ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 537.

⁵ Журавлева Т.Н. Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2002. С. 9.

относительно «принудительности» медицинских мер имеются основания, то в части их «насильственности» позиция представляется уязвимой: действующее законодательство о психиатрической помощи использует термин «госпитализация в недобровольном порядке»¹, вследствие чего дефиниция «насильственное лечение» представляется некорректной.

Некарательный характер мер, установленных в гл. 15 УК РФ, вряд ли можно оспорить, однако и среди целевых установок уголовного наказания элементы кары не упоминаются. Государственный характер принуждения в положениях гл. 15 УК РФ прямо не установлен, хотя по аналогии со ст. 43 УК РФ законодатель вполне мог бы использовать такой прием. В то же время, они назначаются в соответствии с судебным актом, исполняются в медицинских организациях, входящих в государственную систему оказания психиатрической помощи.

В этой связи определение принудительных мер медицинского характера как «уголовно-правовых мер государственного принуждения»² нуждается в уточнении. В сопоставлении морфем «в недобровольном порядке» и «принудительные меры», очевидно, более «выигрышной» становится первая. Принудительный характер лечения, назначаемого по правилам, установленным в главе 15 УК РФ, может быть в полном объеме реализован только когда речь идет об амбулаторном лечении, применимом к лицам, осужденным к уголовному наказанию. В отношении субъектов, признанных невменяемыми, термин «принуждение» выглядит не вполне точным, поскольку порок сознания или воли, лежащий в основе психического расстройства, лишает их способности восприятия медицинских мер как принудительных. Иными словами, лечение психического расстройства происходит в недобровольном порядке, поскольку не требует волеизъявления субъекта. Оно не является полностью принудительным, поскольку применяется с учетом медицинских показаний, длится в пределах, необходимых для достижения стойкой ремиссии, а возможные ограничения личного статуса (в

¹ Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (по сост. на 19.07.2018) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

² Ситникова А.И. Принудительные меры медицинского характера: законодательная техника // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 4. – С. 135–147.

частности, свободы передвижения) приоритетно определены диагнозом, а не характером и степенью общественной опасности содеянного.

Хотелось бы отметить и то, что в действующем уголовном законодательстве слово «принудительный» употребляется для характеристики одного из видов наказаний, а именно принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ). Данный вид наказания получил научное осмысление как альтернатива лишению свободы, подразумевающая обязательное привлечение к труду¹. В данном случае само определение наказания как меры государственного принуждения не позволяет усомниться в качестве формулировки. Кроме того, использование понятия «принудительные меры медицинского характера» имеет определенную связь с категорией «принудительные меры воспитательного воздействия». Однако последние в большей степени снабжены элементами принуждения: ненадлежащее их исполнение может повлечь их отмену (ч. 4 ст. 90 УК РФ) и привлечение лица к уголовной ответственности, а по своему содержанию они включают обязывание несовершеннолетнего к совершению определенных действий (например, к заглаживанию причиненного вреда, ч. 3 ст. 91 УК РФ) или к воздержанию от их совершения (например, запрет посещения определенных мест при ограничении досуга, ч. 4 ст. 91 УК РФ).

Таким образом, термины «принудительные работы», «принудительные меры воспитательного воздействия» использованы в уголовном законе корректно. Тогда как принудительные меры медицинского характера вышеуказанным содержанием обладают не в полной мере, поскольку можно заключить, что речь идет скорее не о принуждении-обязании, а о принуждении, сопряженном с игнорированием волеизъявления, согласия лица, подлежащего лечению. Таковое имеет место, поскольку субъект страдает психическим расстройством, вследствие которого не может в полном объеме оценить необходимость лечения, и в то же время по своему состоянию представляет опасность, как для себя, так и для других людей. Иными

¹ Зиновьев И.Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 13.

словами, в таком случае речь идет о недобровольном лечении, проводимом без получения информированного добровольного согласия.

Данную мысль подтверждает и формулировка ч. 4 ст. 11 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в которой прямо предусмотрено лечение без согласия лица, страдающего психическим расстройством, или без согласия его законного представителя при применении принудительных мер медицинского характера. Как представляется, юридический смысл категорий «принудительно» и «без согласия» не являются взаимоисключающим, но имеет разный исходный посыл. Именно «недобровольность» применения, не исключая принудительный характер, с нашей точки зрения, имеет больше оснований для характеристики сущности рассматриваемых средств и, как следствие, для законодательного закрепления.

Исходя из изложенного, мы видим определенный терминологический дисбаланс в понятийном аппарате, используемом в главе 15 УК РФ и нормах Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В целях его устранения представляется логичным унифицировать терминологию и изменить в положениях УК РФ наименование «принудительные меры медицинского характера» на «недобровольные меры медицинского характера».

Далее, имеется научный подход, в соответствии с которым принудительные меры медицинского характера признаются уголовно-правовыми санкциями¹. Его изъясном, на наш взгляд, является отождествление принудительных мер медицинского характера и наказания. В правовой теории санкцией признается часть нормы права, описывающая неблагоприятные для правонарушителя юридические последствия². Стационарное или амбулаторное лечение душевных расстройств – это не наказание для лиц, совершивших в болезненном состоянии общественно опасные действия, а способ улучшения их психического состояния. В противном случае был бы, очевидно, нарушен принцип гуманизма, а также разбалансированы критерии уголовно-правовой деликтоспособности.

¹ Жарко Н.В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 87.

² Байтин М.И. Сущность права. Саратов, 2002. С. 187.

Санкция как мера юридической ответственности, очевидно, никак не может получить отражение в структуре принудительных мер медицинского характера, хотя в целом возможность установления санкций в положениях Общей части УК РФ вряд ли может быть оспорена¹. Соглашаясь с тем, что принудительные меры медицинского характера – это правовое последствие совершения общественно опасного деяния², укажем, что их содержание лишено санкционной (негативной) составляющей. Даже с учетом присущей санкции восстановительной функции³, на примере амбулаторного или стационарного лечения субъектов, страдающих психическими расстройствами, не приходится говорить о ее возможной реализации в процессе лечения.

Юридическая природа принудительных мер медицинского характера определяется и с учетом того, что они регулируются нормами нескольких отраслей права⁴. Однако поскольку они обусловлены совершением общественно опасного деяния и их материально-правовой фундамент закреплен в нормах уголовного законодательства, представляется наиболее правильным включить их в перечень аксессуарных мер уголовно-правового характера, направленных на коррекцию общественно опасного состояния личности граждан, страдающих психическими расстройствами, и реализуемых лечебными методами.

Исходя из изложенного, принудительные меры медицинского характера являются способом лечебной коррекции состояния здоровья лиц, совершивших общественно опасные деяния в условиях невменяемости, либо заболевших душевной болезнью после совершения преступления, либо имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости. Они могут применяться в целях улучшения их психического состояния и сочетаться с изоляцией от общества в условиях стационарного излечения.

¹ Липинский Д.А. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3. – С. 87–94.

² Павлова А.А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 181.

³ Липинский Д.А. Юридическая ответственность. Тольятти, 2002. С. 74.

⁴ Лоцинкин В.В. К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10. – С. 131–136.

Как часть акцессорных мер уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера обладают следующими признаками:

- их применение производно от установленного в порядке, регламентированном законом, факта совершения общественно опасного деяния;
- их применение осуществляется в отношении особого круга лиц, перечень которых указан в ст. 97 УК РФ;
- они назначаются на определенный срок, продолжительность которого может корректироваться в порядке, предусмотренном ст. 102 УК РФ.

При этом не выраженная на законодательном уровне дифференциация принудительных медицинских мер на дополнительные и вариативные, как мы отмечали ранее, дезорганизует систему акцессорных мер. Соответственно, в целях обеспечения эталонного состояния системы рассматриваемых мер в части соблюдения критерия структурированности системы, а также правовой определенности, ясности и недвусмысленности изложения исследуемых правовых предписаний, считаем верным на законодательном уровне провести обособление соответствующих вариативных и дополнительных медицинских мер.

Особая специфика принудительных мер медицинского характера вызывает вопросы при возможности их рассмотрения именно в качестве альтернативы уголовному наказанию. В данном случае определяющий водораздел проходит по целевым установкам, что добавляет аргументации к позиции авторов, указывающих, что даже в тех случаях, когда они применяются совместно с наказанием, они не включаются в объем уголовной ответственности¹.

Отнесение принудительных медицинских мер к акцессорным мерам уголовно-правового характера обусловлено, в том числе, отсутствием (полным или частичным) признаков уголовно-правовой деликтоспособности у лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные деяния. Невменяемости как уголовно-правовому понятию имманентно присуще отсутствие способности лица осознавать фактический характер и юридические последствия

¹ Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография / под ред. В.Ф. Лапшина. М., 2018. С. 20.

своих действий и руководить ими. Исходя из этого, применение наказания к таким лицам невозможно, они нуждаются в лечении, которое – с учетом глубины расстройства психики – требуется проводить в стационарных условиях. Лица, страдающие расстройствами, не исключающими вменяемости, также не могут подвергаться лечению в целях наказания. Им назначается наказание с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, а также принудительные меры медицинского характера – с учетом их психического состояния. Применение последних не преследует целей, присущих наказанию, и осуществляется только в связи с наличием медицинских показаний к лечению душевной болезни.

Принудительные меры медицинского характера не являются бессрочными. В зависимости от глубины поражения душевной деятельности их срок может варьироваться, но данный вопрос подлежит разрешению в судебном порядке, что гарантирует дополнительную защиту от произвольного содержания в психиатрическом стационаре. Для сравнения, по УК РСФСР 1926 г., например, срок принудительного лечения не устанавливался, а впоследствии сформировалась база ведомственных нормативных актов, не доступных широкому кругу лиц, содержащих медико-юридические предписания, позволяющие, по сути, госпитализировать таких граждан без ограничения срока лечения¹. Кроме того, изменение вида принудительной меры медицинского характера возможно только по медицинскими показаниям, а не в связи, например, с уклонением от их исполнения².

Как было упомянуто выше, главными отличиями принудительных мер медицинского характера, определяющими их место в системе аксессуарных мер уголовно-правового характера, выступают особые цели, субъектный состав лиц, которым они назначаются, и юридические основания, установленные главой 15 УК РФ.

¹ Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие: монография. М., 2013. С. 156.

² Сундурова О.Ф. Усиление и отягчение иных мер уголовно-правового характера // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 499–503.

Наличие особых целевых установок отличает принудительные меры медицинского характера от уголовного наказания. На это прямо указал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении, обобщающем практику применения принудительных мер медицинского характера¹. При этом уголовный закон допускает как автономное, так и сочетанное применение правовых средств лечения и наказания. Принцип, в соответствии с которым судом выбирается оптимальный и необходимый способ воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния, основан на оценке психического здоровья правонарушителя – установлении вменяемости (невменяемости). Иными словами, лицо, страдающее психическим расстройством, не исключающим вменяемости, подвергается осуждению и наказанию, а также принудительному лечению. Но лечение – это не дополнительный вид наказания, а способ коррекции личности осужденного, включающий устранение психиатрической патологии или минимизацию ее влияния на его поведение. Лицо, у которого диагностирована душевная болезнь, исключающая вменяемость, не подвергается наказанию. В его случае лечение – это способ улучшения состояния его здоровья. На этой основе некоторые авторы полагают, что в отношении первой категории лиц (ограниченно вменяемых) принудительные меры медицинского характера выступают иными мерами уголовно-правового характера, а в отношении второй категории (невменяемых) – нет².

С таким выводом можно поспорить, поскольку он отождествляет цели наказания и цели лечения. Между тем, подход к лечению как к мере наказания характерен, скорее, для той системы «карательной психиатрии», которая сформировалась в нашей стране в 70-80-е гг. прошлого века, и наличие которой не только способствовало преследованию инакомыслящих, но и послужило основанием для критики со стороны международных медицинских организаций (в том числе, Всемирной психиатрической ассоциации).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (по сост. на 18.12.2018) // Российская газета. 20.04.2011. № 84 (5460).

² Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 114–121.

Многочисленные случаи злоупотребления психиатрией, под которым понимается «умышленное причинение морального, физического или иного ущерба лицу путем применения к нему медицинских мер, не являющихся показанными или необходимыми»¹, были осуждены в 1983 г. Комиссией по правам человека ООН². В начале 90-х гг. беспрецедентное использование психиатрии в СССР в политических целях, которое совершалось для запугивания и подавления правозащитного движения, было признано на государственном уровне³. С принятием Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» презюмируется добровольность предоставления такого лечения. В ст. 13 данного закона продублированы основные положения о принудительных мерах медицинского характера, в том числе, субъектный состав, ограниченный лицами, страдающими психическими расстройствами, и приоритет направленности на их излечение.

Таким образом, цели применения принудительных мер медицинского характера не связаны с установлением испытания или с оказанием воспитательного воздействия на субъекта, а ограничены только его возможным или вероятным излечением. Предупреждение совершения новых общественно опасных деяний некоторыми авторами отрицается как самостоятельная цель принудительных мер медицинского характера⁴. Однако в силу того, что три из четырех таких мер (т.е. 75%) ориентированы на пребывание лица в стационаре, сам факт госпитализации и осуществления наблюдения различной степени интенсивности способствует предупреждению совершения новых общественно опасных деяний. Поэтому логично предположить, что и достижение такой цели осуществимо при применении принудительных мер медицинского характера. Кроме того, как указано в преамбуле Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», психическое расстройство способно «изменить отношение

¹ Психиатрия. Национальное руководство / под ред. Дмитриевой Т.Б., Краснова В.Н., Незнанова Н.Г., Семке В.Я., Тиганова А.С. М., 2011. С. 74.

² Карательная психиатрия / под общ. ред. А.Е. Тараса. М., 2005. С. 504.

³ История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. С. 3–7.

⁴ Проводина Е.В. Социальное предназначение иных мер уголовно-правового характера // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 6. – С. 56–60.

человека к себе, жизни и обществу», поэтому процесс его излечения закономерно может повлиять на становление обратных позитивных изменений. Соответственно, пациент, излечившийся от заболевания или достигший стойкой ремиссии, в результате лечения утрачивает и патологию, обусловившую ранее имевшее место общественно опасное поведение.

Субъектный состав лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера, является весьма ограниченным. В ч. 1 ст. 97 УК РФ перечислено четыре категории субъектов: безусловно не подлежащие уголовной ответственности (совершившие общественно опасные деяния в состоянии невменяемости), условно подлежащие уголовной ответственности в случае излечения (заболевшие душевной болезнью после совершения преступления¹) и подлежащие уголовной ответственности, но нуждающиеся в лечении психического расстройства (больные заболеванием, не исключающим вменяемости, либо страдающим расстройством сексуального предпочтения в форме педофилии).

Перечень указанных субъектов варьирован так, чтобы применение принудительных мер медицинского характера к ним было действительно необходимым. Так, ч. 2 ст. 97 УК РФ презюмирует их применение только к лицам, представляющим опасность, а ч. 4 ст. 97 УК РФ допускает для лиц, страдающих психическими расстройствами, направление в учреждение социального обслуживания или же в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь. Такое возможно, если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию, вследствие чего позиция авторов, предлагающих назначать принудительные меры медицинского характера любому лицу, у которого диагностировано психическое расстройство, без учета опасности содеянного им и его психического состояния², вызывает критику.

¹ «Условность» в данном случае мы связываем с двумя обстоятельствами: во-первых, с фактической возможностью излечения, каковая в психиатрии не рассматривается как стопроцентная, а во-вторых, с возможным истечением сроков давности, предусмотренных ст. ст. 78, 83 УК РФ. *Прим. авт.*

² Яковлев С.А., Медведкова Е.В. Вопросы определения процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 87–94.

Как представляется, в данном случае соблюдается принцип индивидуального учета состояния здоровья человека, необходимого для решения вопроса о медицинском вмешательстве. Поэтому «поголовное» лечение лиц, страдающих психическими расстройствами, неразумно (в том числе, и потому, что по результатам специальных исследований, среди совершивших преступления против личности число страдающих психическими аномалиями достигает 65-70%¹, а среди лиц, в отношении которых проводилась стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, – до 75%²).

Далее в современных подходах, сформировавшихся в научной доктрине постсоветских государств, можно выделить позицию, обосновывающую применение совместно с наказанием медицинских вмешательств, корректирующих не столько личность осужденного на психологическом уровне, сколько его физическое состояние (например, химическую кастрацию³). В российских исследованиях обоснована дефиниция «принудительные меры коррекционного воздействия», включающая, в том числе, химическую кастрацию, прохождение программы социальной реабилитации или коррекции, наблюдение у врача-психиатра, сексолога или нарколога⁴. Однако имеется и противоположный подход, полагающий педофилию не самой опасной из сексуальных патологий биосоциальной природы⁵.

Исходя из этого, медицинские вмешательства, воздействующие на физическое состояние осужденных, не соответствуют принципу гуманизма и не могут апробироваться на практике. При всей важности недопущения рецидива преступлений против половой неприкосновенности создание условий для этого не должно включать воздействие на организм, изменяющее состояние здоровья

¹ Антоян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 13.

² Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. М., 1998. С. 125.

³ Исагулова А.Т. Совершенствование уголовного законодательства Республики Казахстан, регламентирующего институт принудительных мер медицинского характера // Современное право. – 2013. – № 3. – С. 159–164.

⁴ Семенцова И.А. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим расстройствами сексуального предпочтения: дискуссионные вопросы // ЮристЪ-ПравоведЪ. – 2016. – № 6. – С. 97–102.

⁵ Антонова Е.Ю., Кириллов М.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц: анализ законодательных новелл // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 82–89.

человека в худшую сторону. Иное означало бы открытие широких возможностей для возврата средневековых технологий устрашающих, жестоких и членовредительных наказаний. В этой связи профилактика преступлений, совершаемых лицами, страдающими педофилией, должна основываться на раннем выявлении данной патологии.

Учеными уже констатирована низкая эффективность лечения психических (в частности, социопатических) расстройств в условиях, соединенных с исполнением наказания (в том числе, при отбывании лишения свободы)¹. Обоснован тезис и о том, что в таком случае можно добиться только частичного повышения социальной адаптации осужденного². В развитие этой мысли укажем, что, как известно, лица, осужденные за преступления против половой неприкосновенности, отбывают наказание в условиях психологического дискомфорта, подвергаются издевательствам со стороны других осужденных. Поэтому эффективность амбулаторного лечения у психиатра, а тем более, применения мер, воздействующих на физическое состояние, также была бы низкой и не исключала бы последующее проявление общей агрессии (не сексуального, а насильственного профиля). Поэтому реализация программ психиатрической помощи, в том числе, анонимной, профилактический учет, административный надзор за лицами, отбывшими наказания за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, – это предупредительные средства, обладающие, с нашей точки зрения, потенциально высокой эффективностью. Их применение, например, в пределах специальной программы, которая может быть разработана в рамках межведомственного взаимодействия МВД России, Следственного комитета РФ и Минздрава, могло бы стать разумной альтернативой сомнительным с правовой и этической точек зрения коррекционным мерам.

По данным за 2022 г. 1929 лицам было назначено амбулаторное лечение в порядке ч. 2 ст. 99 УК РФ и 7 835 человек были подвергнуты принудительным

¹ Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник Института. Преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 1. – С. 17–20.

² Крафт В.А. Цели применения принудительных мер медицинского характера: медико-юридический аспект // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2018. – № 3. – С. 31–33.

мерам медицинского характера, связанным со стационарным лечением¹. Эта величина является относительно небольшой; при этом, поскольку региональная судебная практика показывает, что до 80% таких лиц способны принимать участие в судебных заседаниях², можно констатировать, что лица, совершившие общественно опасные действия и признанные страдающими психическими расстройствами, в целом характеризуются интеллектуальной сохранностью. Из этого, в свою очередь, можно заключить, что существенных изменений в организации лечебного процесса не требуется. Вместе с тем, дальнейшее совершенствование системы оказания соответствующей медицинской помощи (учеными выражается сожаление относительно того, что в отечественной психиатрии не реализована часть сложившихся в зарубежной медицине прогрессивных лечебных стандартов³) в долгосрочной перспективе представляется актуальным.

Ранее в перечень лиц, которым могли назначаться принудительные меры медицинского характера, включались лица, признанные хроническими алкоголиками и наркоманами. Восстановление принудительного лечения от наркомании в виде, известном отечественному законодательству до декабря 2003 г, поддерживаемое некоторыми авторами⁴, полагаем не достаточно аргументированным, о чем мы более подробно укажем далее при анализе тенденций реализации рассматриваемых мер.

В данной части исследования по этому вопросу мы лишь отметим, что в современный период действуют правила об обязательном лечении больных наркоманией и алкоголизмом в рамках реализации правоотношений по исполнению наказания (ст. 18 УИК РФ), о предоставлении отсрочки отбывания наказания лицам, больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), а также установлена

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 30.04.2023).

² Практика применения судами принудительных мер медицинского характера // Пензенский областной суд // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/a/1448/> (дата обращения: 05.03.2019).

³ Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник Института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2. – С. 8–11.

⁴ Малыгина А.А. Назначение наказания и мер медицинского характера лицу, признанному больным наркоманией: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016. С. 10–11.

обязанность прохождения лечения некоторыми осужденными, страдающими зависимостью от употребления психоактивных веществ, реализуемая как при условном осуждении (в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ), так и при осуждении к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (в порядке, предусмотренном ст. 72.1 УК РФ). Неисполнение этой обязанности может признаваться злостным уклонением, влекущим как аннулирование предоставленной отсрочки, так и отмену условного осуждения.

Иными словами, принудительный «ресурс» в отношении лиц, больных наркоманией, в положениях общей части Уголовного кодекса РФ уже реализован и не требует усиления. Он в достаточной степени позволяет сформировать позитивное отношение к лечению у тех лиц, которые встали на путь исправления. Более лояльное отношение к осужденным, страдающим алкоголизмом, основано на профилактическом потенциале, реализуемом как посредством ужесточения контроля за оборотом спиртосодержащей продукции, так и с помощью антиалкогольной пропаганды¹.

Таким образом, действующий особый субъектный перечень лиц, которым могут назначаться принудительные меры медицинского характера, может оставаться стабильным и не нуждается в расширении.

Рассматривая основания применения принудительных мер медицинского характера как отличительный признак, обуславливающий их место в структуре иных мер уголовно-правового характера, обратим внимание на следующее.

Под основаниями применения принудительных мер медицинского характера в правовой доктрине понимается необходимость лечения лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные деяния и преступления². Данный подход в целом основан на положениях уголовного закона, однако можно отметить, что из ст. ст. 97, 99 УК РФ не следует, что лечение является

¹ Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: утв. расп. Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р // Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://www.fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia (дата обращения: 05.03.2019).

² Свечков В.В. Принудительные меры медицинского характера // Законность. – 2000. – № 7. – С. 148–150.

безусловным (в силу прямого указания закона суд может назначить лечение, а не обязан это сделать).

Другая позиция построена вокруг того, что основаниями применения принудительного характера являются возможность причинения лицом иного существенного вреда, либо сохраняющаяся опасность для себя или для окружающих¹. В данном случае можно отметить, что автор учитывает только субъективную основу, игнорируя ретроспективный аспект, связанный с уже состоявшимся актом общественно опасного поведения.

В свою очередь, еще один подход основан на том, что единственным основанием применения принудительных мер медицинского характера является «общественная опасность психически больного лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом»². В отличие от предыдущей позиции, в данном случае объективная характеристика – уже содеянное лицом, страдающим душевной болезнью, – учитывается, но при этом не рассматривается дифференциация медицинского воздействия во взаимосвязи с глубиной поражения душевной деятельности.

Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что в отсутствие четко сформулированного нормативного основания применения принудительных мер медицинского характера в правовой доктрине в целом сложился подход, в соответствии с которым в этих целях учитывается как состоявшийся акт общественно опасного поведения, так и субъективные признаки лица, отражающие наличие у него психического расстройства, исключаяющего или не исключаяющего вменяемость.

Далее в контексте исследования принудительных мер медицинского характера необходимо остановиться на содержании ст. 72.1 УК РФ, которая предусматривает право суда возложить обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Соответствующее право у суда

¹ Колмаков П.А. О некоторых проблемных ситуациях правового регулирования принудительных мер медицинского характера // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 103–108.

² Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «Меры общественной безопасности» // Lex Russica. – 2017. – № 8. – С. 101–111.

возникает в случаях осуждения лица к штрафу, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам или ограничению свободы.

Согласимся с учеными, усматривающих противоречие логике в том, что обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию не включена в главу 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера»¹. Действительно, направленность рассматриваемых мер на излечение адресата применения, схожий с принудительными медицинскими мерами характер правоограничений, аналогичный амбулаторному наблюдению механизм сочетанного с наказанием применения, дают все основания рассматривать возложение обязанности пройти курс лечения в качестве вариативной меры уголовно-правового характера.

На этом основании считаем справедливым тезис, что содержание ст. 72.1 УК РФ не соответствует своему названию «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией», поскольку в ней сформулированы правила назначения не только наказания, но и иных мер государственного принуждения². Полагаем, что ст. 72.1 УК РФ подлежит признанию утратившей силу.

Положения, касающиеся предоставления права суду возложить обязанность на осужденного пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию необходимо изложить в нормах Главы 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера».

Также считаем важным обратить внимание на позицию, имеющуюся в научной доктрине относительно неоправданно ограниченной сферы реализации возложения обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В частности, ученые предлагают расширить перечень

¹ Ветошкин С. А. Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. – 2017. – № 12. – С. 116.

² Коняхин В.П., Полтавец В.В. Институт назначения наказания: понятие и структурно-функциональный анализ // Российский следователь. – 2016. – № 14. – С. 16.

наказаний, указанных в диспозиции части 1 статьи 72¹ УК РФ, включив в него такой вид наказания, как «лишение свободы»¹.

Мы, в свою очередь, полагаем, что недооцененным законодателем является потенциал исследуемой меры в части возможности ее применения при освобождении лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Так, судебная статистика свидетельствует, что наибольшее количество лиц, которым назначено возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании, осуждены по статьям 158-168 и 228-245 УК РФ². При этом есть основания считать, что указанные преступления совершаются в значительном количестве случаев больными наркоманией с целью получения материальных средств для приобретения новой дозы наркотических средств. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, полученные отечественными учеными. Еще около двадцати лет назад Р.Б. Булатов в своем исследовании аргументировал, что абсолютное большинство, а именно 82,7%, краж, грабежей, разбоев были совершены с целью завладения наркотиками либо денежными средствами для их приобретения³.

При этом данные официальной статистики за 2021 год свидетельствуют, что из 300 164 лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по существу обвинения в преступлениях по Главе 21 "Преступления против собственности" УК РФ, 52 120 человек были освобождены от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, и 2 703 в связи с деятельным раскаянием. Сопоставимые показатели выявлены и по итогам 2022 г.⁴ То есть около 20% лиц, в отношении которых судом были рассмотрены дела по факту совершения преступлений против собственности и было принято решение об освобождении от

¹ Малыгина А.А. Назначение наказания и мер медицинского характера лицу, признанному больным наркоманией: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 7.

² Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2017-2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 29.10.2021).

³ Булатов Р. Б. Криминологическая и уголовно-правовая характеристики преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С.14.

⁴ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 31.05.2023).

уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, являются потенциально нуждающимися в реализации исследуемой нами меры.

Соответственно, аналогично сделанным нами ранее выводам применительно к конфискации имущества, полагаем, что потенциал реализации исследуемой меры подлежит расширению путем обеспечения возможности ее реализации в отношении лиц, освобожденных судом от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

В заключение параграфа представляется сделать следующие основные выводы:

Принудительные меры медицинского характера являются способом лечебной коррекции состояния здоровья лиц, совершивших общественно опасные деяния в условиях невменяемости, либо заболевших душевной болезнью после совершения преступления, либо имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости. Они могут применяться в целях улучшения их психического состояния и сочетаться с изоляцией от общества в условиях стационарного излечения.

В структуре норм о принудительных мерах медицинского характера одновременно предусмотрены вариативные меры, связанные со стационарным лечением и исключающие уголовную ответственность, а также дополнительные меры, связанные с амбулаторным наблюдением, реализация которых возможна одновременно с исполнением наказания (реализацией уголовной ответственности).

В целях обеспечения эталонного состояния системы аксессуарных мер уголовно-правового характера в части соблюдения критерия структурированности системы, а также правовой определенности, ясности и недвусмысленности изложения исследуемых правовых предписаний, необходимо на законодательном уровне провести обособление соответствующих вариативных и дополнительных медицинских мер.

С учетом верности интерпретации принудительного начала в содержании медицинских мер не чрез принуждение - обязательство, а через принуждение, сопряженное с игнорированием волеизъявления лица, подлежащего лечению, а

также ввиду разночтения в терминологии, использованной в тексте главы 15 Уголовного кодекса РФ и положениях Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», необходимо установить единую дефиницию «недобровольные меры медицинского характера».

Содержание ст. 72.1 УК РФ не в полной мере соответствует своему названию «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией», поскольку в ней фактически сформулированы правила назначения дополнительной меры уголовно-правового характера. Даная норма подлежит признанию утратившей силу. Положения, касающиеся предоставления права суду возложить обязанность на осужденного пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию необходимо изложить в нормах Главы 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера».

Возможность реализации возложения обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию должна быть распространена не только в отношении лиц, подвергнутых наказанию, но в отношении лиц, освобожденных судом от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

ГЛАВА 4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АКЦЕССОРНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

§ 4.1. Тенденции применения акцессорных мер уголовно-правового характера

Вектор гуманизации уголовно-правовой политики государства обуславливает расширение применения не только наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но и иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера, являющихся альтернативой либо дополнением различных форм реализации уголовной ответственности. Поскольку усиление карательных начал в противодействии преступности усугубляет криминогенную обстановку¹, возникает потребность в использовании – по крайней мере, в отношении лиц, совершивших впервые преступления, не являющиеся тяжкими, – других способов стимулирования правопослушного поведения.

Гуманизация уголовного законодательства подразумевает как отказ от применения смертной казни и наиболее строгих видов наказаний за преступления, не связанные с посягательством на жизнь, здоровье и личную свободу, так и расширение оснований освобождения от уголовной ответственности, и применения альтернатив уголовному наказанию.

Ученые отмечают «волнообразный» характер изменений, вносимых в УК РФ², «ситуационный» характер уголовной политики³, хаотичность и небрежность законодателя при конструировании новых уголовно-правовых запретов. В ряде источников упоминается о коррупционной составляющей, возникающей вследствие чрезмерной дискреции правоприменительных органов⁴. Широкое

¹ Зубкова В.И. К некоторым вопросам реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 294–298.

² Кибальник А.Г. Уголовный кодекс РФ: 12-й год деградации // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 40–41.

³ Лунеев В.В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы. М., 2009. С. 55.

⁴ Лобанова Л.В. Отвечает ли принципу гуманизма идея так называемой общей типовой санкции? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2011. – № 2. – С. 145–148.

применение административной преюдиции позволяет утверждать о том, что гуманизация утратила свое значение¹. Вследствие вышеизложенного высказывается справедливый тезис о необходимости соблюдения баланса между стабильностью законодательства и его динамикой².

Чтобы обеспечить такой баланс, но при этом избежать стагнирования уголовно-правовой политики, требуется научное обоснование будущих изменений законодательства. «Научное сопровождение» как принцип подготовки нормотворческих решений позволяет избежать ошибок, которые могут иметь фатальный характер для защиты общественных отношений³. Руководствуясь этим, исследуем основные тенденции применения акцессорных мер уголовно-правового характера и для начала приведем данные официальной статистики за последние годы:

Таблица 3. Сведения о применении иных мер уголовно-правового характера и назначении наказаний судами России в 2018-2021 годах⁴

Показатель	2018 г. количество дел /лиц/руб.	2019 г. количество дел /лиц/руб.	2020 г. количество дел /лиц/руб.	2021 г. количество дел /лиц /руб.
Рассмотрено дел по существу	820 236	763 533	713 675	733 660
Число лиц по оконченным делам	899 466	838 157	779 052	800 471
Всего осуждено лиц	681 789	620 054	562 963	565 317

¹ Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: монография. М., 2018. С. 75.

² Густова Э.В. О проблемах гуманизации уголовного законодательства // Вестник Омской Юридической академии. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 55–59.

³ Костылева О.В. Научность и научная обоснованность – сомнительные принципы уголовной политики // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Серия 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 7–25.

⁴ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2018-2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 29.04.2022).

Назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок лицам	197 244	181 833	161 509	158 853
Назначено наказание, не связанное с лишением свободы лицам	291 406	255 983	227 955	237 728
Прекращено дел	176 563	175 633	175 503	162 501
Освобождено лиц от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям	191 251	189 851	187 826	170 498
Лица, в отношении которых принято решение обязать пройти курс лечения от наркомании (ст. 72.1 УК РФ)	1665	1568	1534	1786
Освобождено от наказания лиц с применением принудительных мер	732	778	820	576

воспитательного воздействия				
Освобождено от уголовной ответственности лиц с применением принудительных мер воспитательного воздействия	2 295	2320	1821	1526
Лица (признанные невменяемыми), к которым применены принудительные меры медицинского характера	8 607	8 326	7 657	7 642
Лица, к которым применены принудительные меры медицинского характера (ч. 2 ст. 99 УК РФ).	1944	1901	1623	1779
Лица, к которым применена конфискация	2 755	3 001	2 933	3 443
Освобождено лиц от уголовной	17 200	34 583	56 980	36 679

ответственности с применением судебного штрафа				
Сумма назначенного судебного штрафа (руб.)	529 990 656	783 917 423	860118157	581282669

За 2022 год соответствующие показатели не претерпели существенных изменений¹. В качестве первой тенденции применения рассматриваемых правовых средств выступает положительная динамика, отражающая рост применения части из них. Это касается, прежде всего, судебного штрафа, который – невзирая на смешанное правовое регулирование, позволяющее отождествить его и с основаниями освобождения от уголовной ответственности, – стал вполне адекватной альтернативой применению наказания по уголовным делам о совершении преступлений небольшой и средней тяжести. При том, что по аналогичным критериям и категориям дел суды достаточно часто прекращают уголовное преследование (например, в связи с примирением с потерпевшим), судебный штраф, пройдя практическую апробацию, в целом, демонстрирует положительную динамику.

Так, в 2017-2022 гг. судами прекращалось примерно каждое пятое уголовное дело (2017 г. – 20,9%, 2018 г. – 21,2%, 2019 г. – 22,6%, в 2020 г. – 24,6%, в 2021 – 23,2%, в 2022 – 20,3%), а судебный штраф назначался примерно по 4% от общего количества рассмотренных дел, при этом по сравнению с первым годом реализации данной меры число таких дел увеличилось почти вдвое².

Количество уголовных дел, по которым судебный штраф был применен по ходатайству органов предварительного расследования, в 2018 г. стало заметно

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 г.: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 05.05.2023)

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.05.2023).

больше (на 45%), нежели дел, по которым он назначался по инициативе суда¹, а в 2019 г. до 87% дел, по которым применялся судебный штраф, не потребовали рассмотрения в суде по существу, поскольку соответствующее ходатайство поступило в стадии досудебного производства. При том, что в 2017 г. (в первый год применения судебного штрафа) соотношение этих показателей было почти идентичным. Самостоятельность должностных лиц органов предварительного расследования в этой части показывает, что правоприменители уяснили сущность данной меры и ее профилактический потенциал.

Можно заключить, что в тех случаях, когда характер и степень общественной опасности содеянного и личность виновного не позволяют прекратить уголовное преследование по нереабилитирующему основанию, суды находят способ все же не подвергать его уголовному наказанию. И такая тенденция отражает как индивидуализацию уголовного преследования, так и увеличение спектра юридических последствий совершения впервые неопасных преступлений. В этой связи едва ли можно согласиться с тем, что судебный штраф «девальвирует» институт уголовного наказания², равно как и с тем, что он является «промежуточной стадией» привлечения к уголовной ответственности³.

При этом важным представляется вывод Верховного Суда РФ, отметившего в Обзоре, что суды правильно исходят из того, что вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям⁴.

По всем изученным нами уголовным делам, когда вред от совершенного преступления выражался в реальном причинении имущественного ущерба,

¹ Динамика рассмотрения уголовных дел с назначением судебного штрафа // Российское агентство правовой и судебной информации // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://rapsinews.ru/multimedia/20190213/294984085.html> (дата обращения: 12.06.2020).

² Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 95–105.

³ Голенко Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 78–82.

⁴ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствующими компенсационными способами, как правило, выступали возмещение причиненного имущественного вреда с принесением извинений потерпевшему. В отдельных ситуациях компенсировался и моральный вред.

Интересным представляется опыт прекращения уголовных дел в случаях, когда реальный ущерб фактически не причинялся, а также при совершении преступлений с формальными составами либо без потерпевшего (в частности, ст. ст. 222, 228, 234 УК РФ). В отдельных случаях для прекращения уголовного преследования и констатации факта заглаживания причиненного преступлением вреда суды полагали достаточным наличие факторов полного признания вины, раскаяния виновного в содеянном и активного способствования расследованию преступлений, что, с нашей точки зрения, необходимо оценить критически.

Нередко институт судебного штрафа применяется в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, в том числе в совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 115 и 116 УК РФ. При рассмотрении данного вида дел способами заглаживания вреда признаются, в том числе, принесение извинений потерпевшему.

Так, мировым судьей судебного участка №1 Стрежевского судебного района Томской области было прекращено уголовное дело в отношении обвиняемой по факту совершения оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ). Способами заглаживания вреда в данном случае выступили признание вины, раскаяние в содеянном, а также принесение извинений потерпевшему, а кроме этого всему личному составу МО МВД России «Стрежевской», в том числе, путем размещения соответствующей публикации в газете¹.

В другом случае уголовное дело, касающееся нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ч. 2 ст. 247 УК РФ), было прекращено судом с назначением судебного штрафа в связи с заглаживанием виновным вреда путем проведения за свой счет работ по рекультивации и восстановлению почвы².

¹ Архив мирового судьи судебного участка №1 Стрежевского судебного района Томской области. 2019.

² Архив Стрежевского городского суда Томской области. Дело № 1-17/2018.

Далее обвиняемый в причинении смерти по неосторожности по ч.1 ст.109 УК РФ с позиции суда загладил причиненный вред путем организации похорон потерпевшего, оказания материальной и моральной поддержки семье потерпевшего, принесения извинений¹.

Гражданин, которому инкриминировалось преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 327 УК РФ, с целью заглаживания причиненного вреда перечислил на банковский счет Департамента семьи и детей Томской области определенную сумму денежных средств и был освобожден судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа².

Гражданин, совершивший преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228 УК РФ, с целью заглаживания вреда и последующего освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа оплатил определенную денежную сумму в различные благотворительные фонды, занимающийся социальной поддержкой и реабилитацией инвалидов, а также предоставил вещи и продукты в социальные учреждения³.

Полагаем, что при совершении преступлений с невосполнимыми потерями либо в случаях объективного отсутствия вреда от преступной деятельности судебная практика, признающая действиями, направленными на заглаживание вреда, совершение социально-одобряемых, полезных поступков, участие в благотворительной или добровольческой деятельности, является вполне оправданной и отвечающей современным потребностям правового регулирования в рассматриваемой сфере.

При этом ошибочными следует признать случаи, когда способы заглаживания вреда не находят своего отражения в судебных решениях о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа либо, когда суды

¹ Архив Каргасокского районного суда Томской области. Дело № 1-59/2018.

² Архив Кедровского городского суда Томской области. Дело № 10-1/2020.

³ Архив Кедровского городского суда Томской области. Дело № 1-3/2019.

такowymi признают факты примирения с потерпевшим либо одно лишь признание вины и раскаяние виновного в содеянном¹.

Действительно, в ряде случаев полностью восстановить нарушенный объект уголовно – правовой охраны не представляется возможным. Однако важной, с нашей точки зрения, представляется активная поведенческая реакция лица, совершившего общественно опасное деяние, демонстрирующая утрату общественной опасности и проявляющаяся в социально-одобряемом поведении субъекта. Образно выражаясь, субъекту необходимо принести пользу и созидание в развитие тех общественных отношений, которые являются родственными либо смежными с теми, которые были нарушены в результате совершения преступления.

При этом недостаточными для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, как представляются, являются действия виновного, которые связаны лишь с тем, что он возвращается в правопослушное состояние. Так, по уголовному делу (ч. 3 ст. 327 УК РФ), с позиции суда, подсудимый загладил причиненный преступлением вред путем принесения публичных извинений в зале суда, а также путем получения в законном порядке водительского удостоверения².

Мы не можем разделить подобные выводы, поскольку, с нашей точки зрения, подобное посткриминальное поведение субъекта не обладает должным компенсационным потенциалом даже для частичного восстановления нарушенных преступлением общественных отношений. Для прекращения уголовного дела либо уголовного преследования необходимо установить, что преступник проявил своего рода «сознательную жертвенность», направленную на устранение негативных последствий совершенного общественно опасного деяния.

В этой связи само по себе выполнение обязанностей, установленных законом, сложно признать действием по заглаживанию вреда, причиненного преступлением. В частности, неоднозначным представляется вывод суда,

¹ Архив Мирового судьи судебного участка № 3 Колпашевского судебного района Томской области. Дело № 1-24/2019; Дело № 1-35/2018; Колпашевского городского суда Томской области. Дело № 1-73/2018; Архив Мирового судьи судебного участка Кривошеинского судебного района Томской области. Дело № 1-33/2018; Дело № 1-53/2018; Архив мирового судьи судебного участка № 2 Северского судебного района Томской области. Дело № 1-68/2018(2); Архив Северского городского суда Томской области. Дело № 1-75/2019.

² Архив мирового судьи судебного участка № 2 Северского судебного района Томской области. Дело № 1-07/2019(2).

прекратившего производство по уголовному делу по ст. 171.4 УК РФ, согласно которому «состав преступления, в совершении которого подозревается лицо, относится к формальным, то есть имущественный, материальный или моральный вред никому не причинен. Вместе с тем, подозреваемая предпринимает меры по устранению причин совершения преступления в виде получения лицензии на продажу алкогольной продукции»¹.

Учитывая изложенное, полагаем, что условия реализации нормы о судебном штрафе в части необходимости заглаживания причиненного преступлением вреда должны предполагать совершение виновным активных посткриминальных действий, направленных на полное либо частичное восстановление нарушенных актом преступного поведения общественных отношений, либо родственных им общественных отношений, и выраженных в совершении социально-одобряемых, полезных поступков, участии в благотворительной или добровольческой деятельности.

В этой связи полностью разделяем позицию ученых, предлагающих в целях унификации правоприменительной практики, а также формирования единообразного подхода к применению института судебного штрафа на уровне Постановления Пленум Верховного Суда РФ привести примеры правомерного социально полезного поведения, направленного на минимизацию вреда, причинённого в результате впервые совершённого преступления небольшой и средней тяжести².

Далее достаточно востребованным остается применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, доля которых составляет 6-8% от общего числа дел о преступлениях, совершенных подростками.

Так, в 2018 году из 35 336 несовершеннолетних, в отношении которых был вынесен судебный акт по существу обвинения, 2295 подростков (6,49%) были освобождены от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, а 732 человека (3,88%) были освобождены от

¹ Архив Каргасокского районного суда Томской области. Дело №1-82/2018.

² Носкова Е.С., Демидов Д.В. Применение судами законодательства об освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Томск, 2021. С. 28–30.

наказания с применением рассматриваемых мер. В 2019 году аналогичные показатели составили 31 336 несовершеннолетних, из которых 2320 человек (7,35%) были освобождены от уголовной ответственности и 778 человек (4,67%) - от наказания. В 2020 году число несовершеннолетних по окончанным делам составило 26 601 человек, из которых 1821 (6,84%) были освобождены от уголовной ответственности и 820 (5,57%) - от наказания. В 2022 году число несовершеннолетних по окончанным делам составило 23 031 человек, из которых 1220 (5,29%) были освобождены от уголовной ответственности и 532 (2,3%) - от наказания¹.

Более того, можно отметить снижение репрессивной нагрузки на несовершеннолетних, совершивших преступления, за счет увеличения применения судебного штрафа к данной категории лиц. Так, в 2018 году судебный штраф был применен к 1 294 подросткам, что составило 3,66% от числа несовершеннолетних, в отношении которых был вынесен судебный акт по существу обвинения, в 2019 году – к 1969 несовершеннолетним (6,24%). В 2020 году соответствующие показатели составили 1894 несовершеннолетних, что соответствует доле в размере 7,12%. Только в 2022 году соответствующие показатели изменились в сторону уменьшения и составили 541 несовершеннолетний, что соответствует доле в размере 2,34%².

При общей тенденции снижения количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, которая наблюдается в современный период, это следует оценить положительно, поскольку соответствует международным стандартам (в частности, Конвенции о правах ребенка) и позволяет более внимательно учитывать как общественную опасность содеянного, так и негативные факторы, способствовавшие приобщению несовершеннолетнего к девиантному поведению, и направления их возможной коррекции. Исследователи рекомендуют шире использовать практику установления особых требований к поведению

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2022).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2022).

несовершеннолетних, поскольку именно они выступают квинтэссенцией воспитательного воздействия¹.

Соглашаясь с этим, можно добавить, что с учетом широкого перечня профилактических мер, предусматриваемых Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», совершение подростками впервые преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким, не должно в перспективе влечь применение наказания при условии констатации возможности исправления несовершеннолетнего без реализации наиболее репрессивной меры. В этой связи крайне актуальными являются предложения, сделанные нами ранее, относительно законодательного закрепления соответствующей презумпции в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Относительно стабильным остается количество лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера в качестве альтернативы наказанию (примерно 1% от общего числа лиц по оконченным делам)².

Криминальная активность душевнобольных (при общей тенденции увеличения количества лиц, страдающих патологиями, играющими существенную роль в механизме преступного поведения³) не всегда получает правовую оценку в виде применения принудительных мер медицинского характера. Во-первых, как альтернатива уголовному наказанию принудительные медицинские меры применяются только к лицам, признанным невменяемыми. Во-вторых, в обязательном порядке учитывается потенциальная опасность оставления лица в условиях, когда его излечение может быть обеспечено и на добровольной основе⁴. В-третьих, наиболее пристальное внимание в современный период уделяется выявлению лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения

¹ Александрова Н.С., Шмачкова Ю.С. Принудительные меры воспитательного воздействия // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2016. – № 2. – С. 109–115.

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2022).

³ Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник Института: Преступление. Наказание. Исправление. – 2012. – № 1. – С. 8–11.

⁴ Колмаков П.А. О некоторых проблемных ситуациях правового регулирования принудительных мер медицинского характера // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 103–108.

(педофилией), а их лечение, как правило, соединяется с исполнением наказания, поскольку невменяемыми они в большинстве случаев не признаются.

Относительно лиц, указанных в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, можно отметить, что в 2018 году только 357 осужденным за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности были назначены принудительные меры медицинского характера, а в 2019 – 245 (примерно 4,8%), в 2020 – 335 (примерно 5,1%), в 2022 г. – 321 (примерно 4,2%)¹. Эти данные свидетельствуют о, в целом, небольшом количестве лиц, совершающих такие преступления при наличии юридически значимого диагноза – расстройства сексуального предпочтения или иных психических расстройств, не исключающих вменяемости.

Соответствующие ежегодные показатели применения принудительных медицинских мер, назначаемых согласно ч. 2 ст. 99 УК РФ, лицам, отвечающим всем требованиям субъекта преступления, составляют примерно 0,3% от общего числа осужденных лиц². В подобных случаях реализуется дополнение исправительного воздействия наказания такими из аксессуарных мер уголовно-правового характера, которые могут назначаться параллельно с ним (дополнительные меры уголовно-правового характера).

Согласимся, что именно наказание, по образному выражению А.Ф. Кистяковского, это «душа, идея уголовного права»³, но при этом потребности охраны общественных отношений могут вызывать необходимость применения и иных уголовно-правовых средств. В ряде случаев такое сочетанное применение наказания и аксессуарных мер уголовно-правового характера способствует не только восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предупреждению преступлений, но и улучшению состояния его здоровья, ресоциализации и социальной адаптации.

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2023).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2022).

³ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник уголовного права. М., 2014. С. 316.

Как было отмечено ранее, дополнительными к наказанию медицинскими мерами выступают две акцессорные меры: принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (ст. 100 УК РФ), и возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании (ст. 72.1 УК РФ). В отношении дополнительных медицинских мер в литературе встречается предложение расширить круг лиц, подлежащих обязательному амбулаторному лечению¹, поскольку, в частности, цели их применения сочетают интересы общества и интересы лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости². Высказываются предложения восстановить практику принудительного лечения лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью.

Однако, полагаем, что значительное количество лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного, наркотического и иного опьянения (в 2020 году – 166 573 человека, в 2022 году – 149 983 человека)³, как представляется, не свидетельствует о наличии во всех случаях болезненного состояния, требующего принудительного лечения.

Бесспорно, лица, злоупотребляющие спиртными напитками и психоактивными веществами, подвержены большей криминализации, однако состояние их здоровья формально может не требовать медицинской коррекции. Для случаев установленных диагнозов, как мы отмечали ранее, в современный период действуют правила об обязательном лечении больных наркоманией и алкоголизмом в рамках реализации правоотношений по исполнению наказания (ст. 18 УИК РФ), о предоставлении отсрочки отбывания наказания лицам, больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), а также установлена обязанность прохождения лечения некоторыми осужденными, страдающими зависимостью от употребления психоактивных веществ, реализуемая как при условном осуждении (в порядке,

¹ Дизер О.А., Водяная М.Ю. Перспективы применения принудительного лечения от алкоголизма // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 158–165.

² Шанина А.А. Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера в связи с расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 189–194.

³ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2023).

предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ), так и при осуждении к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (в порядке, предусмотренном ст. 72.1 УК РФ), совокупность которых, как представляется, отвечает критерию достаточности.

Так, в 2019 году в порядке ст. 73 УК РФ на 2308 осужденных судом были возложены обязанности пройти лечение от алкоголизма и наркомании. В 2020, 2021, 2022 годах эти показатели составили 1975, 3 441 и 3060 человек, соответственно¹. Как видно, имеется тенденция увеличения распространенности использования правоприменителями рассматриваемых мер.

Данное обстоятельство имеет значение в контексте массовой практики применения условного осуждения, в рамках которого на осужденных чаще всего и налагаются соответствующие обязанности (в 2018 г. – 27,9% от общего числа осужденных лиц, 2019 г. – 28%, в 2020 г. – 29,4%, в 2022 – 28,5%). В структуре мер уголовно-правового воздействия условное осуждение продолжает занимать лидирующие позиции, поскольку остается наиболее сложившимся и понятным правоприменителю инструментом.

Невзирая на то, что в абсолютных цифрах количество прецедентов реализации нормы об отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) выглядит ничтожным (в 2018 г., например, было предоставлено 56 больным наркоманией, в 2019 – 32, в 2020 – 32, в 2021 – 26, в 2022 – 4)², можно заключить, что в структуре уголовно-правового воздействия они заняли определенную позицию, отражающую отсутствие необходимости немедленного исполнения приговора.

Таким образом, в действующем уголовном законодательстве принудительный потенциал в отношении лиц, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, реализован в достаточной мере и не требует расширения. В противном случае может создаваться дополнительная нагрузка на отдельные органы правоохранительной (например, ФССП России) и

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2023).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.10.2021).

неправоохранительной (например, учреждения Минздрава России) направленности, требующая как материального (финансового), так и ресурсного (кадрового) обеспечения. При отсутствии целевого финансирования нормы закона надлежащим образом исполняться не будут.

Более того, полагаем, что высказанные еще несколько лет назад опасения ученых относительно низкой эффективности рассматриваемого принудительного лечения, ущемления конституционных прав и свобод граждан, а также существенных рисков произвола и злоупотреблений в рассматриваемой сфере¹ актуальны и сегодня.

Применительно к ст. 72.1 УК РФ в литературе отмечается ее не в полной мере раскрытый потенциал на практике, поскольку при проведении судебно-психиатрических экспертиз, назначенных органами расследования на основании п. 3.2 ст. 196 УПК, как правило, устанавливается факт употребления подозреваемыми и обвиняемыми наркотиков, однако имеющий правовое значение диагноз «наркомания» не подтверждается².

Другая проблема, как представляется, вытекает из ограниченной законодателем сферы реализации данной нормы. Как мы отмечали ранее, судебная статистика свидетельствует, что наибольшее количество лиц, которым назначается возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании, осуждаются по статьям 228-245 УК РФ³.

Так, в 2019 году из 1568 человек (общее число адресатов применения ст. 72.1 УК РФ) 1046 граждан (66,7%) были осуждены за преступления, входящие в Главу 25 УК РФ, в 2020 году из 1534 человек соответствующий показатель составлял 67,6% (1038 граждан), в 2021 - из 1786 – 68% (1219 граждан). В 2022 году

¹ Пивень Б.Н., Ершов Ю.Л. Чем грозит принятие нового закона о принудительном лечении от алкоголизма и наркомании // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.advpalata.vrn.ru/cgi-bin/mag.pl/2009/03/4> (дата обращения 29.10.2021).

² Чукреев В.А., Шаров М.И. Актуальные вопросы в связи с изменениями, внесенными в ст. 196 УПК, ст. 72.1 УК, ст. 6.9.1 КоАП // Законность. – 2015. – № 7. – С. 18.

³ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2017-2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 29.10.2021).

наблюдались сопоставимые показатели: из 1929 адресатов применения меры 1280 (66,3%) были осуждены за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков¹.

Одновременно, можно констатировать, что применительно к рассматриваемой категории лиц весьма распространенным является применение судебного штрафа как вариативной меры уголовно-правового характера. В 2019 году из 34 583 лиц, в отношении которых было принято решение об освобождении от уголовной ответственности с применением судебного штрафа, 1708 человек (4,9%) совершили преступления, ответственность за которые предусмотрена в рамках Главы 25 УК РФ. В 2020 соответствующие показатели составили 56 980 человек и 2388 лиц (4,1%), соответственно, в 2021 году - 36 679 человек и 1625 лиц (4,4%), соответственно. В 2022 году ситуация претерпела изменения как в части сокращения применения судебного штрафа, так и доли лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, среди тех, кто был освобожден от уголовной ответственности с применением рассматриваемой меры².

Вместе с тем, очевидно, что в статистике применения судебного штрафа преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, занимают весомые позиции. Сопоставляя приведенные выше данные, можно заключить, существенная доля сегмента лиц, освобожденного от уголовной ответственности с применением судебного штрафа, является надлежащим потенциальным адресатом применения нормы ст. 72.1 УК РФ. Соответственно, аналогично сделанным нами ранее выводам применительно конфискации имущества, полагаем, что потенциал реализации исследуемой меры подлежит расширению путем обеспечения возможности ее реализации в отношении лиц, к которым была применена вариативная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Далее, применительно к такой дополнительной мере уголовно-правового характера как конфискация имущества, во-первых, можно отметить ряд инициатив,

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2023).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.05.2023).

связанных с возвращением ей статуса дополнительного наказания¹ (соответствующий проект Федерального закона получил концептуальное одобрение Верховного Суда РФ², но не был поддержан Правительством РФ³), и, во-вторых, достаточно стабильные показатели ее применения.

Процентное соотношение ее применения по отношению к количеству осужденных лиц остается стабильным и незначительным. Так, в 2018 году конфискация имущества применена к 2 755 лицам из 681 933 осужденных (0,4%), в 2019 г. – к 3 001 из 620 058 (0,48%), в 2020 г. – к 2 933 из 562 963 (0,52), в первом полугодии 2021 г. – к 1 608 из 293 597 (0,55%), в 2022 – к 4 195 из 578 751 (0,72%)⁴. Безусловно, слабую востребованность рассматриваемых норм можно объяснить фактическим отсутствием на практике надлежащих случаев для их реализации.

Соответственно, проанализируем, на сколько показатели применения рассматриваемой меры отвечают реальной потребности правового регулирования в рассматриваемой сфере. Для наглядности возьмем наиболее выраженные уголовно-правовые прецеденты, представляющие наибольший и явный потенциал для применения конфискации имущества, а именно преступления коррупционной направленности, а точнее – получение взятки (ст. 290 УК РФ). Применительно к данным преступлениям, статистические данные выглядят следующим образом. В 2018 г. конфискация имущества применена к 99 лицам из 1068 осужденных по данной статье (9,27%), в 2019 г. – к 109 из 1247 (8,74%), в 2020 г. – к 96 из 981 (9,79%), в первом полугодии 2021 г. – к 54 из 520 (10,38%), в 2022 г. – к 164 из 1359 (12%)⁵.

¹ Кулешова Н.Н. Дополнительные виды наказаний: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 11.

² Официальный отзыв Заместителя Председателя Верховного Суда РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.01.2015 № 2-ВС-285/15 // Российская газета. 21.09.2015. № 211 (6782).

³ Официальный отзыв Правительства РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы С.Ю. Теном, от 09.07.2015 № 4456п-П4 // Российская газета. 21.09.2015. № 211 (6782).

⁴ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.04.2023).

Полученные данные свидетельствуют, что в 90% случаев судами не применяется конфискация по отношению к имуществу, полученному в результате совершения такого преступления как взятка. По оценкам ученых, лицам, осужденным за преступления коррупционной направленности, конфискация имущества назначается не более чем в 5% случаев¹.

Возникают закономерные вопросы, почему предмет взятки (либо его эквивалент) не конфискуется у осужденного? Неужели по итогам рассмотрения дела материальные блага, переданные в качестве предмета взятки, остаются у взяткополучателя? Либо же уголовно-правовой институт конфискации имущества подменяется уголовно-процессуальным, и предмет взятки конфискуется в порядке ст. 81 УПК РФ как вещественное доказательство без отражения в статистических отчетах? Для ответов на данные вопросы необходимо проанализировать не только поверхностные статистические данные, но и реальные приговоры по делам о получении взятки.

Судебная практика имеет следующие тенденции. Первая, и наиболее распространенная, – суды не разрешают вопрос об определении судьбы предмета взятки, когда в материалах дела отсутствует предмет взятки в качестве вещественного доказательства. Так, приговором Верховного Суда Республики Калмыкия от 21 августа 2020 по делу № 2-2/2020² установлено, что осужденный получил взятку в виде услуги имущественного характера (проживание в жилом помещении). Суд разрешил вопрос о вещественных доказательствах, ссылаясь на ст. 81 УПК РФ, не применив при этом соответствующую уголовно-правовую норму о конфискации денежного эквивалента предмета взятки (ст. 104.2 УК РФ).

Мытищинский городской суд в приговоре от 5 октября 2020 по делу № 1-185/2020³ установил, что виновный лично получил взятку в виде денег. При этом вопрос о вещественных доказательствах суд разрешил в соответствии с правилами,

¹ Клейменов М.П., Клейменов И.М., Пустовит Р.В. Практика назначения наказания за коррупционные преступления // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 64–69.

² Дело № 2-2/2020 // Архив Верховного Суда Республики Калмыкия.

³ Дело № 1-185/2020 // Архив Мытищинского городского суда.

предусмотренными ст.ст. 81, 82 УПК РФ. Однако, судьба полученных в качестве взятки денежных средств, не была определена.

Приговором Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 30 июля 2020 г. по делу № 1-17/2020¹ установлено, что виновный получил взятку путем неоднократных переводов денежных средств на банковскую карту. Вопрос о вещественных доказательствах разрешен судом в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Однако конфискация предмета взятки также не была применена.

В других случаях суды, наряду с решением вопроса о вещественных доказательствах, определяют и судьбу предмета взятки путем применения уголовно-правовой конфискации имущества, обеспечивая ее реализацию применением положений ст. 81 УПК РФ. Так, Медведевский районный суд Республики Марий Эл приговором 16 декабря 2019 г. по делу № 1-200/2019² признал подсудимого виновным в получении взятки, вопрос о вещественных доказательствах разрешил в соответствии со ст. 81 УПК РФ, а денежные средства, полученные в результате совершения преступления, признал подлежащими конфискации на основании п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Приговором Кировского районного суда г. Хабаровска от 19 декабря 2017 г. по делу № 1-141/2017³ установлено, что подсудимый получил лично взятку в виде денег. Аналогично предыдущему приговору, судьба вещественных доказательств определена в соответствии со ст. 81 УПК РФ, а на денежные средства, полученные взяткополучателем, обращено взыскание в доход государства в соответствии с положениями ст. 81 УПК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Из указанных приговоров следует, что при наличии предмета взятки, приобщенного к материалам дела в качестве вещественного доказательства, у судов не возникает сложностей в реализации конфискации имущества. Статья 81 УПК РФ, в рамках своей компетенции, надлежащим образом обеспечивает реализацию ст. 104.1 УК РФ в случаях наличия вещественных доказательств. То

¹ Дело № 1-17/2020 // Архив Ломоносовского районного суда г. Архангельска.

² Дело № 1-200/2019 // Архив Медведевского районного суда Республики Марий Эл.

³ Дело № 1-141/2017 // Архив Кировского районного суда г. Хабаровска.

есть ст. 81 УПК РФ процессуально позволяет адекватно применять ст. 104.1 УК РФ.

Однако, процессуальные нормы о порядке обращения взыскания на эквивалент предмета взятки отсутствуют вовсе. В таком случае суды вынуждены применять ст. 104.2 УК РФ без процессуального обоснования ее применения. Так, Полярный районный суд Мурманской области в приговоре 13 октября 2020 г. по делу № 1-36/2020¹ установил, что подсудимая неоднократно получала денежные средства в качестве взятки путем их перечисления на ее счет. Судом обращено взыскание на денежный эквивалент предмета взятки в соответствии со ст. 104.2 УК РФ, а вопрос о вещественных доказательствах разрешен отдельно согласно ст. 81 УПК РФ.

Таким образом, применительно к изъятию в доход государства активов, полученных от преступной деятельности, правоприменительная практика находится в явном дисбалансе. В результате возникает, с нашей точки зрения, совсем парадоксальная ситуация. В целях лишения осужденного незаконного нажитого предмета взятки прокуратура вынуждена уже после рассмотрения уголовного дела инициировать гражданско-правовые иски о конфискации предмета взятки.

Так, решением Читинского районного суда от 18 марта 2021 г. по делу № 2-592/2021² получение взятки признано ничтожной сделкой, применены последствия недействительности ничтожной сделки, с ранее осужденного за получение взятки Батуева С.Б. взысканы денежные средства, полученные им в качестве предмета взятки, в доход федерального бюджета Российской Федерации. Аналогичная ситуация отражена в решении Кушвинского городского суда Свердловской области от 29 сентября 2016 г. по делу № 2-768/2016³, которым установлено, что ответчик приговором, вступившим в законную силу, признана виновной в получении взятки, сделка по получению дохода преступным путем в результате

¹ Дело № 1-36/2020 // Архив Полярного районного суда Мурманской области.

² Дело № 2-592/2021 // Архив Читинского районного суда.

³ Дело № 2-768/2016 // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области.

взятки признана ничтожной, с ответчика в доход государства взысканы денежные средства в сумме, равной сумме полученной взятки.

То есть при наличии однозначно сформулированной уголовно-правовой нормы, позволяющей конфисковывать денежный эквивалент предмета взятки в рамках уголовного дела ст. 104.2 УК РФ, правоохранители расходуют существенные организационные и финансовые ресурсы на реализацию гражданско-правовых механизмов изъятия преступных активов. Полагаем, что подобное положение дел не находится в соответствии с современными потребностями правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Считаем верным принятие законодательных решений, связанных с закреплением в уголовно-процессуальном законодательстве норм, детально обеспечивающих возможность реализации конфискации имущества взамен предмета, подлежащего конфискации (ст. 104.2 УК РФ). Данные нормы позволили бы создать процессуальную «подложку» для применения уголовно-правовой конфискации эквивалента предмета взятки в тех случаях, когда материальные блага отсутствуют в натуре и не подлежат распределению в соответствии с указаниями ст. 81 УПК РФ. Возможно, соответствующие нормы было бы уместно внести в ст. 309 УПК РФ, которая указывает, какие вопросы должны быть решены в резолютивной части приговора.

Также считаем верным законодательно закрепить обязательность применения конфискации имущества, оставив в силе базовое правило, сформулированное в ст. 104.3 УК РФ относительно приоритета решения вопроса о возмещении вреда, причиненного законному владельцу. Установление конфискации имущества в качестве обязательной меры позволит, в том числе, нейтрализовать те пробелы в правоприменительной деятельности, которые связаны с отсутствием в большинстве случаев решений о конфискации предмета взятки по делам коррупционной направленности.

Несмотря на тот факт, что некоторые авторы обращают внимание на усиление репрессивных средств и избыточное нормотворчество в части создания

новых уголовно-правовых запретов¹, можно отметить, что, скорее, это относится к криминализации новых способов общественно опасного поведения, а в отношении деяний, ответственность за совершение которых уже известна действующему законодательству, в целом, соблюдается обратный принцип. Согласимся, что в современный период именно смягчение наказания и декриминализация ряда противоправных действий стало одной из форм реализации уголовно-правовой политики государства².

При этом при реализации вариативных мер уголовно-правового характера речь не идет о признании деяния утрачивающим общественную опасность: скорее, возникает вопрос о том, что данное деяние совершено лицом, которое по своим личностным характеристикам не нуждается в исправлении с применением наказания и реализации уголовной ответственности. То есть, приоритетное значение получают обстоятельства, относящиеся к личности виновного. Именно они создают условия для менее строгого к нему отношения.

Как известно, существует инициатива, относящаяся к введению понятия «уголовный проступок» (поддерживается Верховным Судом РФ). Концептуально признание проступками, а не преступлениями большей части составов преступлений небольшой или средней тяжести способно привести к серьезному расширению применения акцессорных уголовно-правовых мер.

По мнению Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, уголовный проступок – это инструмент, который позволит избежать негативных последствий судимости тем лицам, которые впервые нарушили закон, а судам придаст «вдумчивое отношение к вопросу наказания»³. Проводя аналогию с последствиями широкого применения в нормотворческой деятельности административной преюдиции (при конструировании новых уголовно-правовых запретов), можно отметить, что это позволило подвергнуть более мягкому наказанию почти 340 тыс.

¹ Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. – 2015. – № 8. – С. 90–107.

² Авдейко А.Г., Земцова А.В. Тенденции и перспективы современной уголовной политики в сфере предпринимательства // Вестник Всероссийского института повышения квалификации МВД России. – 2016. – № 1. – С. 37–42.

³ О введении института уголовного проступка // Адвокатская газета. 13.02.2019. № 3 (356).

человек¹. Иными словами, такой подход позволит более быстро, но менее строго корректировать последствия совершения деяний, не обладающих высокой степенью общественной опасности.

Судимость выступает одним из «водоразделов» между наказанием и вариативными мерами уголовно-правового характера². В ст. 86 УК РФ определены сроки ее погашения во взаимосвязи с категорией преступления и видом назначенного наказания.

Применение вариативных мер не влечет состояния судимости (принудительные медицинские меры, принудительные меры воспитательного воздействия, судебный штраф). Из этого можно сделать вывод, что расширение применения акцессорных мер уголовно-правового характера приведет к сокращению числа лиц, имеющих судимость. Поскольку наличие судимости (даже погашенной) создает определенное количество препятствий для трудоустройства, приобретения некоторых прав, занятия отдельными видами деятельности, их сокращение можно оценить достаточно положительно (при этом наиболее социально значимые области деятельности будут оставаться для таких лиц недоступными: например, занятие должностей на государственной службе, выборных должностей, что позволит надлежащим образом защитить их авторитет).

В поисках новых путей уменьшения количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, государство и общество должны выработать разумный компромисс. Естественно, лица, совершающие противоправные действия в условиях рецидива, либо преступления повышенной общественной опасности, не должны рассчитывать на существенное снисхождение. Однако в структуре зарегистрированной преступности доминируют преступления небольшой и средней тяжести, поэтому отношение к лицам, их совершившим, должно быть максимально дифференцированным. Применение уголовного наказания, особенно самого строгого, должно носить взвешенный и исключительный характер.

¹ Верховный Суд прогнозирует декриминализацию и расширение подсудности присяжным // Коммерсантъ. 13.02.2019. № 26.

² Шаутаева Г.Х. Судимость и ее уголовно-правовое значение. Ижевск, 2009. С. 23.

По данным Управления Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2022 году показатели осужденных лиц, имевших судимости, остаются на очень высоком уровне – 37,6%¹.

В этой связи важно отметить, что рецидивная преступность несовершеннолетних, подвергнутых принудительным мерам воспитательного воздействия, остается достаточно низкой (при том условии, что среди 16,9% подростков, осуждавшихся к лишению свободы, рецидив, по данным специальных исследований, достигает 76%)². Несовершеннолетние, освобожденные от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, совершают новое преступление не более чем в 12% случаев³.

Лица, к которым применен судебный штраф, не более чем в 10% случаев нарушают срок его уплаты⁴, и, по выборочным данным, не свыше 10% совершают новое преступление.

Действенность некарательных методик применительно к предупреждению рецидивной преступности косвенно подтверждается и соответствующей статистикой применительно к условному осуждению и отсрочке отбывания наказания.

Исследователи отмечают, что совершение новых преступлений лицами, подвергнутыми условному осуждению, не является чрезмерно распространенным⁵ и имеет тенденцию к сокращению (так, в середине 2000-х годов 32% условно осужденных совершали преступления в период испытательного срока, а 26% – по

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.04.2023).

² Сипягина М.Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2020. С. 65.

³ Терентьева В.А. Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принципы реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 29–33.

⁴ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 18.06.2020).

⁵ Агзамов И.М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный правовой институт : дис... докт. юрид. наук. – М., 2013. – С. 323.

его окончания¹, к 2015 г. эти параметры сократились до 3,9% и до 5,8% соответственно²).

В целом, по выборочным данным, среди условно осужденных совершает новое преступление примерно каждый десятый, что существенно ниже по сравнению с количеством лиц, совершивших повторное преступление после отбытия такого наказания как лишение свободы³.

Рецидив среди лиц, отбывание наказания которым отсрочено, отмечается в единичных случаях⁴. Полагаем, что перспектива незамедлительного обращения к исполнению отсроченного наказания в случае совершения нового преступления предопределяет выводы ученых о том, что лица, исполнение наказания которым отсрочено, не склонны к совершению новых преступлений⁵.

Из этого следует, что применение вариативных мер обладает «антирецидивным потенциалом», в силу которого большинство лиц, впервые совершившие преступления небольшой или средней тяжести, не возвращаются к преступному поведению. Аналогичная тенденция фиксируется при применении наказаний, не связанных с лишением свободы (рецидив приблизительно 15%), однако не в той мере, которая установлена относительно эффекта вариативных мер уголовно-правового характера.

Безусловно, учитывая тот факт, что правоприменитель при осуждении лиц к наказаниям не находит оснований для применения некарательных вариативных мер, можно объяснить соответствующие показатели рецидива изначально повышенными девиантными установками конкретных осужденных. Однако, практика показывает, что фактические обстоятельства уголовных дел, на основании которых применяются наказания, не связанные с лишением свободы, и отдельные вариативные меры, зачастую существенным образом не отличаются.

¹ Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3.

² Кобец П.Н. Особенности рецидивной преступности среди лиц, условно осужденных // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – № 10. – С. 171–172.

³ Там же. С. 171–172.

⁴ Ткачева С.В. Назначение и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, за ненасильственные корыстные преступления против собственности: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2021. С. 98–101.

⁵ Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск, 2009. С. 87–100.

Более того, в части уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних нам сложно объяснить случаи, когда суды назначают наказание ниже низшего предела вместо принудительных мер воспитательного воздействия. В этой связи можно заключить, что потенциальная повторная криминальная активность лиц, в отношении которых реализуются два разных типа мер уголовно-правового характера, не имеет ярко выраженных отличий. Соответственно, дальнейшее расширение применения вариативных мер будет способствовать сокращению зарегистрированной преступности. Как средство, предупреждающее повторную криминализацию личности, вариативные меры нуждаются в дальнейшей практической апробации.

В заключение параграфа представляется возможным сделать следующие выводы:

Тенденции применения акцессорных мер уголовно-правового характера в целом отвечают последовательно провозглашаемому принципу отказа от избыточной репрессии, но при этом реализация отдельных мер осложняется законодательными недочетами как на уровне конструирования конкретных норм, так и на уровне регламентации в целом института акцессорных мер уголовно-правового характера.

Показатели применения большинства вариативных мер уголовно-правового характера имеют тенденцию к росту как в абсолютных, так и в относительных значениях. Показатели применения дополнительных мер уголовно-правового характера в последние годы демонстрируют стабильность, однако, в определенном сегменте не в полной мере соответствуют фактическим потребностям регулирования соответствующих отношений.

Учитывая отсутствие в судебной практике единообразного подхода к установлению факта заглаживания вреда, причиненного преступлением, при применении судебного штрафа по делам, связанным с совершением преступлений с формальными составами либо преступлений без потерпевшего, необходимо на уровне высших судебных инстанций обеспечить наличие должных разъяснений. Условия реализации нормы о судебном штрафе должны предполагать, в том числе,

совершение виновным активных посткриминальных действий, направленных на полное либо частичное восстановление нарушенных актом преступного поведения общественных отношений, либо родственных им общественных отношений, и выраженных в совершении социально-одобряемых, полезных поступков, участии в благотворительной или добровольческой деятельности.

Вариативные меры уголовно-правового характера обладают высоким антирецидивным потенциалом. Снижение показателей рецидивной преступности возможно за счет расширения практики применения судебного штрафа и принудительных мер воспитательного воздействия.

Расширение сферы применения принудительных медицинских мер в части возврата к обязательному принудительному лечению лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, не соответствует текущим потребностям правового регулирования в данной области, поскольку в действующем уголовном законодательстве принудительный потенциал в отношении данной категории лиц реализован в достаточной мере.

В целях обеспечения большей эффективности предупреждения совершения новых преступлений лицами, страдающими наркоманией, нормы о возложении обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию подлежат корректировке путем обеспечения возможности реализации данной меры в отношении лиц, к которым была применена вариативная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В целях устранения пробелов в правоприменительной деятельности, связанных с отсутствием в большинстве случаев решений о конфискации предмета взятки по делам коррупционной направленности, необходимо установление конфискации имущества в качестве обязательной меры, а также законодательное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве норм, обеспечивающих возможность реализации конфискации имущества взамен предмета, подлежащего конфискации (ст. 104.2 УК РФ).

§ 4.2. Критерии оценки эффективности аксессуарных мер уголовно-правового характера

Правовое регулирование общественных отношений не может осуществляться в отрыве от правоприменительной деятельности. Во-первых, она служит способом индикации пробелов в законодательстве; во-вторых, показывает необходимость совершенствования законодательства; в-третьих, отражает позитивное или негативное преобразование общественных отношений под влиянием регулирующих их правовых норм. Роль права как универсального регулятора представляется бесспорной¹. Однако практика применения правовых норм служит бесценным источником информации об удовлетворении общественного запроса на наличие работоспособного механизма защиты прав, свобод и законных интересов.

Ценностная ориентация определяет не только правовую идентичность личности и ее включенность в социум², она предполагает выстраивание иерархии благ, подлежащих наиболее строгой, то есть уголовно-правовой охране. Однако эффективность такой охраны едва ли поддается оценке только лишь на основании констатации наличия соответствующих уголовно-правовых инструментов, с помощью которых государство реагирует на совершение общественно опасных посягательств.

В этой связи оценка эффективности применения правовых норм является важным инструментом для познания их значения в правовом регулировании и фактической востребованности в конкретных общественных отношениях. С ее помощью могут быть выявлены так называемые «мертвые нормы» (не обеспеченные правоприменительной практикой) и потребность в их исключении

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 204; Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей / отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. М., 2015. С. 142; Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерение: коллективная монография / отв. ред. И.Л. Честнов. СПб., 2018. С. 129.

² Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 126–143.

из системы действующего правового регулирования¹. При отсутствии такой потребности могут быть разработаны корректировки, позволяющие применять эти положения на практике (например, с учетом относительно небольшого количества приговоров, по которым к осужденным применена иная (акцессорная) мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества, в правовой доктрине высказаны предложения о расширении оснований ее применения² и об обязательном назначении³).

Необходимо отметить, что исследования эффективности норм права и правоприменительной деятельности в современный период приобрели повышенную актуальность. Как представляется, это связано с тем, что масштабная судебно-правовая реформа, начавшаяся с момента становления Российской Федерации как демократического правового государства, не только выявила потребности в проведении коренных преобразований, но также – с течением времени – и установлении новых модернизационных векторов развития национальной правовой системы. Единственный и широко применяемый законодателем в этих целях способ – внесение изменений и дополнений в федеральные законы, в том числе, кодифицированные, – не всегда можно признать успешным. В сфере уголовно-правового регулирования, например, ученые подвергают справедливой критике недостаточный учет и темпов криминализации общественных отношений⁴, и видоизменения структуры общественно опасных посягательств⁵, и неполное соответствие содержания принимаемых дополнений заявленной цели, а именно, дальнейшей гуманизации уголовной политики⁶.

¹ Очевидно, такая потребность присутствует не всегда: далеко не каждая правовая норма, не применяющаяся на практике, является бесполезной. Например, в заключительном разделе Особенной части УК РФ большинство статей никогда не применялись на практике, однако это не означает, что мир и безопасность человечества должны быть выведены из сферы уголовно-правовой охраны. *Прим. авт.*

² Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М., 2011. С. 176–181.

³ Курлаева О.В., Павлухин А.В., Эриашвили Н.Д. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: монография. М., 2018. С. 111–114.

⁴ Королева М.В. К оценке уровня криминализации российского общества // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7. – С. 124–134.

⁵ Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 504–513.

⁶ Крылова Н.Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 26–34.

Исходя из этого, возникает потребность в научном осмыслении эффективности правовых инструментов, предназначенных для защиты прав, свобод и законных интересов граждан. При этом научный интерес вызывает как эффективность правовых норм¹, так и эффективность их применения². Применительно к объему эффективности, то есть к совокупности составляющих ее параметров (критериев), используется сочетанный подход, подразумевающий оценку потенциальной работоспособности правовых норм и итогов их применения в практической деятельности³. Однако в большинстве своем исследования эффективности нормотворчества и правоприменительной деятельности носят теоретико-правовой характер, а отраслевой комплексный анализ эффективности востребован недостаточно (например, эффективность уголовно-правовых норм и особенностей их применения стала предметом крайне небольшого количества монографических исследований⁴).

В связи с этим для исследования эффективности применения акцессорных мер уголовно-правового характера и выявления основных параметров (критериев) ее оценки необходимо кратко проанализировать общие подходы к определению дефиниции «эффективность» во взаимосвязи с нормотворческой и правоприменительной деятельностью в общетеоретическом и отраслевом аспектах.

Определение эффективности норм права обычно дается в соотношении цели законодателя и реально достигнутого им результата. При этом результативность полагается абстрактной характеристикой, позволяющей выявить позитивное

¹ Жинкин А.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 298–320.

² Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2004. С. 98–111.

³ Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 115–139.

⁴ Бытко С.Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2018. 471 с.; Денисова А.В. Системность уголовного права: закон, теория, практика: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 633 с.; Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018. 280 с.; Нартымов Д.М. Проблемы повышения эффективности наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. 250 с.; Сизова В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 263 с.

влияние принятых законов на развитие общественных отношений¹. В абстрактном измерении это представляется возможным путем сопоставления текста нормативного правового акта и статистических данных относительно применения его положений. Так, в преамбуле или в отдельной статье закона при описании предмета правового регулирования может быть задано определенное целеполагание. Либо в пояснительной записке, составляемой при внесении проекта закона в Государственную Думу РФ, могут быть отражены причины его принятия и цели, которые могут быть достигнуты после его вступления в силу. В отчетах о деятельности правоохранительных органов и судов впоследствии получает отражение динамика развития общественных отношений с учетом принятия нового закона (например, о количестве осужденных, прекращенных уголовных дел, мерах наказания). На основании сопоставления вышеперечисленных параметров может быть сделан общий вывод об эффективности правового регулирования.

На этом основании ученые делают выводы о качестве закона, рассматривая этот параметр как один из показателей эффективности правового регулирования². Критерий полноты достижения целей правового регулирования исследован в теории права³, но в отраслевом аспекте он представляется сомнительным: целью уголовно-правового регулирования на уровне всей отрасли, полагаем, является установление контроля над преступностью, а поскольку управление в государстве осуществляется конституционно сформированными органами, действует законный механизм выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, существует работоспособная судебная система, эта цель представляется достигнутой. В силу высокой степени абстракции такой подход не предполагает постановки частных целей и оценки эффективности отдельных уголовно-правовых институтов.

В силу научного подхода, сформировавшегося еще в советский период, эффективность правовых норм понимается как соотношение между социальной

¹ Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград, 1973. С. 58.

² Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998. С. 31; Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993. С. 91.

³ Сырых В.М. Социология права. М., 2001. С. 354.

целью, ради достижения которой они принимались, и фактически достигнутым результатом¹. В развитие этого тезиса в отраслевом аспекте имеет место отождествление эффективности и результативности уголовно-правовых норм и предлагается сопоставление правоприменительной деятельности с изменениями, корреспондирующимися с криминогенной ситуацией². Однако можно заметить, что в России снижение зарегистрированной преступности имеет место, начиная с 2005 г. (исключением являлся только 2015 г., когда был зафиксирован рост количества зарегистрированных преступлений³). Между тем, за период с 2005 по 2022 гг. в УК РФ было внесено несколько сотен изменений, и их влияние на состояние зарегистрированной преступности неоднозначно (например, в 2011 г. законодатель увеличил размер ущерба или дохода, с причинением или извлечением которого связывалось наступление уголовной ответственности за большинство преступлений в сфере экономической деятельности; естественно, что в 2012 г. и в последующий период их количество упало в разы). Иными словами, корректировка степени общественной опасности в целом не влияет на снижение фактической распространенности деяний, просто сами они перестают квалифицироваться как преступные.

В силу еще одного подхода, также сформировавшегося в советский период, эффективность отождествляется с социально полезными последствиями, которые наступили после принятия закона и апробации его положений⁴. Анализ последствий естественно необходим при принятии закона, однако их связь именно с его практическим применением выглядит достаточно условной. Например, снижение количества зарегистрированных преступлений можно сопоставить как с темпами криминализации новых общественно опасных деяний и декриминализации, так и с внедрением современных технологий выявления

¹ Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 70–71.

² Сипок Р.П. Общая характеристика эффективности уголовно-правовых норм // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 9. – С. 73–80.

³ Состояние преступности в Российской Федерации : архивные данные // МВД России // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 03.07.2019).

⁴ Михайловская И.Б. Вопросы социологии в уголовном процессе // Советская юстиция. – 1970. – № 19. – С. 11.

преступлений (либо с манипулированием учетно-регистрационной деятельностью¹). Если практическая апробация принятого закона представляется неизбежной, то глобальные социальные последствия в виде существенного изменения криминогенной ситуации едва ли могут усматриваться по результатам правоприменительной деятельности.

С учетом закрепления в российской правовой системе принципов правового государства сформировался новый подход к оценке эффективности правовых норм, заключающийся в установлении наличия максимальных гарантий прав и свобод при условии их минимального ограничения². В целом он заслужил научное одобрение³; и надо отметить, что в уголовно-правовых отношениях он может стать достаточно востребованным. Так, оценивая эффективность применения аксессуарных мер уголовно-правового характера, представляется возможным рассмотреть характер и степень правоограничений в соотношении с наказанием.

При оценке эффективности уголовно-правовых норм и практики их применения учеными выявлены определенные параметры отраслевого и институционального назначения. Например, главным критерием эффективности наказания полагается его неотвратимость⁴; эффективность освобождения от наказания оценивается в зависимости от совершенства правового регулирования, правильного применения закона и надлежащей организации исполнения принятых решений⁵; эффективность уголовно-правовых институтов в целом – в зависимости от стабильности законодательства и единообразного применения правовых норм⁶. Своевременная криминализация и пенализация⁷, правильность и полнота

¹ Азаров В.А., Константинов В.В. Понятие укрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 4. – С. 15–20.

² Варламова Н.В. Обеспечение прав человека как критерий эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Денисенко. Воронеж, 2016. С. 45–47.

³ Баранов А.В. К вопросу об эффективности системоопределяющих норм права // Правовые проблемы российской государственности: сборник статей. Томск, 2018. С. 39–42.

⁴ Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 11.

⁵ Усманов И.М. Условия эффективности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Право и безопасность. – 2009. – № 33. – С. 97–98.

⁶ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 211–214.

⁷ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018. С. 14.

отражения в структуре уголовно-правового запрета признаков общественно опасного поведения¹, комплексное использование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных инструментов в целях противодействия преступности² также получили научное осмысление как индикаторы эффективности уголовно-правовых норм и практики их применения.

Определяя формальную и социальную эффективность реализации правовых норм, ученые исходят из перспективы возникновения возможных рисков принятия незаконных и необоснованных решений, создающих условия для негативной (отрицательной) динамики правоприменительной деятельности³. На примере уголовно-правовых отношений можно предположить, что, к примеру, необоснованное расширение применения освобождения от уголовной ответственности создаст условия для утраты контроля над преступностью и увеличения количества преступлений. Однако в последние годы прекращение уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести широко практикуется судами (так, в 2017 г. судами были прекращены уголовные дела в отношении 193 тыс. человек, в 2018 г. – в отношении 191 тыс., в 2019 – в отношении 190 тыс., в 2020 – в отношении 187 тыс., в 2021 – в отношении 179 тыс.⁴, доля таких дел в среднем составляет около 22%, включая показатели 2022 г.), а количество зарегистрированных преступлений в целом снижается (2017 г. – 2,058 млн, 2018 г. – 1,995 млн, в 2019 – 2,024 млн, в 2020 – 2,044 млн, в 2021 – 1,971 млн., в 2022 – 1 966 795)⁵.

Качественно-количественная характеристика, отражающая соотношение целей и результатов, предложенная А.Э. Жалинским для оценки эффективности предупреждения преступлений⁶, представляется удачной, но в большей степени

¹ Сизова В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 9.

² Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 13–19.

³ Осипов М.Ю. О методике определения эффективности правовых процессов // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 28–34.

⁴ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 31.08.2022).

⁵ Состояние преступности в Российской Федерации: архивные данные // МВД России // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 31.05.2023).

⁶ Теоретические основы предупреждения преступности / отв. ред. В.К. Звирбуль. М., 1977. С. 241.

пригодной при анализе долгосрочной перспективы правоприменительной деятельности в условиях статичного правового регулирования. Поскольку развитие института акцессорных мер уголовно-правового характера в их современном виде охватывает относительно небольшой промежуток времени, отмеченный достаточно интенсивным законодательным «вмешательством» в определение их содержания, автономная качественно-количественная характеристика в данном случае затруднительна.

Далее, оценка эффективности применения правовых норм позволяет оценить современное состояние правового регулирования общественных отношений, степень их защищенности и основные направления развития. В сфере уголовно-правовой охраны это особенно важно, поскольку уголовная политика РФ в настоящее время пребывает в турбулентном состоянии¹, а универсальная концепция ее развития находится в стадии разработки.

Еще в 2011 г. по инициативе Общественной палаты РФ была разработана Концепция уголовно-правовой политики², в которой устанавливались приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства. Иными словами, отраженная в ней система взглядов опирается на признание преимущества уголовно-правового регулирования в механизме правовой охраны общественных отношений. В Дорожной карте уголовной политики одной из основных идей является установление минимально необходимого перечня наказуемых деяний и широкого спектра мер уголовно-правового воздействия³, исполнение которых включает использование новых технологий в качестве средства контроля за преступностью.

¹ Рарог А.И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 470–479.

² Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Общественная палата РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 03.07.2019).

³ Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025). М., 2017. С. 50.

Для оценки эффективности уголовно-правовой политики в Концепции, подготовленной по инициативе Общественной палаты РФ, предлагались следующие критерии:

- соотношение объема преступности, установленного по результатам виктимологических опросов, с данными, отраженными в структуре зарегистрированных преступлений;

- результативность судебной практики, рассчитываемая, в том числе, на основании соотношения данных о применении наказания и иных мер уголовно-правового характера;

- общественная оценка уровня криминологической безопасности, в частности, достаточности мер уголовно-правового реагирования, устанавливаемая на основании социологических опросов;

- своевременное, обоснованное и результативное реагирование органов законодательной и исполнительной власти на угрозы криминологической безопасности, определяющееся на основе социологических опросов и экспертных оценок;

- соотношение масштабов ущерба, причиненного преступлениями, с сопоставимыми данными о его возмещении лицам, потерпевшим от преступлений.

Полагаем, что предложенные критерии могут быть востребованы на макро-уровне, то есть при определении основных направлений уголовной политики государства. Расширение информационной базы относительно действительной динамики общественно опасных посягательств за счет социологических исследований представляется пригодным в целях криминологического прогнозирования для того, чтобы определять направления совершенствования законодательства. Уголовно-правовое значение в рамках данного исследования, по сути, из предложенных параметров, имеет только один, а именно, установление соотношения данных о применении наказания и иных мер уголовно-правового характера и их последующее сопоставление с динамикой рецидивной преступности и зарегистрированной преступности.

Как известно, обыденное правосознание единственным способом реагирования на факт совершения преступления видит только применение наказания (причем наиболее строгого наказания, а именно, лишения свободы). Изменение правосознания рассматривается теоретиками как часть результативности правового воздействия¹, вследствие чего может сыграть важную роль в процессе оптимизации правоприменительной деятельности.

Мы согласны с учеными, которые при анализе эффективности правовых норм выделяют два уровня эффективности – эффективность законодательства и эффективность действия принятого нормативного положения². Соответственно, обобщив различные точки зрения относительно эффективности правовых норм и правоприменительной деятельности, представляется необходимым определить эффективность акцессорных мер уголовно-правового характера и критерии ее оценки следующим образом.

Эффективность норм рассматриваемого института определяется совокупностью критериев, отражающих качество регламентации соответствующих положений законодательства об акцессорных мерах уголовно-правового характера.

Одним из критериев качества исследуемых правовых предписаний, с нашей точки зрения, выступает доступность нормы для правоприменителя. При этом полагаем, что при оценке доступности нормы для правоприменителя необходимо проанализировать практическую востребованность акцессорных мер, в том числе, (применительно к вариативным мерам), во взаимосвязи с соотношением их применения с наказаниями, а также мерами освобождения от уголовной ответственности и наказания. Как представляется, именно так может быть адаптирована теоретическая рекомендация относительно оценки адресного воздействия правовых норм³.

¹ Потапов И.В., Кондрашова У.А. Исследование влияния психологических факторов на эффективность норм права // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 29. – С. 94–96.

² Петрыкина Н.И., Адигамов А.И. К вопросу об эффективности применения мер административной ответственности за нарушения законодательства о выборах // Административное право и процесс. – 2021. – № 5. – С. 62.

³ Правоприменение: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008. С. 92.

Количественная распространенность доли наказания, аксессуарных мер, освобождения от уголовной ответственности в структуре уголовно-правового воздействия является показателем эффективности этих институтов, поскольку, в том числе, отражает фактическую возможность применения этих положений закона на практике.

Подробные показатели применения различных мер уголовно-правового воздействия представлены следующих таблицах.

Таблица 4. Сведения о соотношении применения различных мер уголовно-правового воздействия по результатам рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции в 2018 году

Вид уголовно-правового воздействия	% от общего числа лиц по оконченным делам (899 466 человек)		
Наказание	В виде лишения свободы на определенный срок	Не связанные с лишением свободы	
	21,9%	32,3%	
Иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ)	ПММХ	Конфискация имущества	Судебный штраф
	0,9%	0,3%	3,7%
Отсрочка отбывания наказания	В порядке ст. 82 УК РФ	Лицам, больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ)	
	0,17%	0,01%	
Возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании	0,18%		
Условное осуждение	20,6 %		
Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от наказания	0,08%		

Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности	0,25%
Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям	21,2%

В 2019 г. эти данные выглядели следующим образом:

Таблица 5. Сведения о соотношении применения различных мер уголовно-правового воздействия по результатам рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции в 2019 году

Вид уголовно-правового воздействия	% от общего числа лиц по оконченным делам (838 157 человек)		
Наказание	В виде лишения свободы на определенный срок	Не связанные с лишением свободы	
	21,7%	30,5 %	
Иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ)	ПММХ	Конфискация имущества	Судебный штраф
	1%	0,35%	4,1%
Отсрочка отбывания наказания	В порядке ст. 82 УК РФ	Лицам, больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ)	
	0,16%	0,01%	
Возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании	0,18%		
Условное осуждение	20,7 %		

Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от наказания	0,09%
Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности	0,27%
Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям	22,6%

В 2020 г. эти данные выглядели следующим образом:

Таблица 6. Сведения о соотношении применения различных мер уголовно-правового воздействия по результатам рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции в 2020 году¹

Вид уголовно-правового воздействия	% от общего числа лиц по оконченным делам (779 052 человека)		
Наказание	В виде лишения свободы на определенный срок	Не связанные с лишением свободы	
	20,7%	29,3 %	
Иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ)	ПММХ	Конфискация имущества	Судебный штраф
	1%	0,38%	4,2%
Отсрочка отбывания наказания	В порядке ст. 82 УК РФ	Лицам, больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ)	

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2020 года: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 31.10.2021).

	0,18%	0,004%
Возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании	0,15%	
Условное осуждение	21,2 %	
Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от наказания	0,1%	
Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности	0,23%	
Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям	24,3%	

В 2021 г. эти данные выглядели следующим образом:

Таблица 7. Сведения о соотношении применения различных мер уголовно-правового воздействия по результатам рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции в 2021 году¹

Вид уголовно-правового воздействия	% от общего числа лиц по оконченным делам (769 948 человек)	
	В виде лишения свободы на определенный срок	Не связанные с лишением свободы
Наказание	22,6%	28,3 %

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 года: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 10.10.2022).

Иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ)	ПММХ	Конфискация имущества	Судебный штраф
	1%	0,49%	4,76%
Отсрочка отбывания наказания	В порядке ст. 82 УК РФ	Лицам, больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ)	
		0,19%	0,001%
Возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании	0,2%		
Условное осуждение	20,8 %		
Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от наказания	0,09%		
Принудительные меры воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности	0,19%		
Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям	21,1%		

В 2022 году наблюдались сопоставимые показатели¹.

Как видно, акцессорные меры уголовно-правового характера заняли определенную нишу в структуре уголовно-правового воздействия и в целом доступны для правоприменителя. Отдельно, как мы отмечали ранее, заслуживает внимания положительная динамика применения судебного штрафа, который

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 года: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 10.05.2023).

позволил обеспечить дифференцированный подход к лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести. Приведенные данные свидетельствуют о том, что, хотя при включении положений о судебном штрафе в уголовный закон не было обеспечено транспарантного, не вызывающего сомнения статуса этой меры, на практике она оказалась достаточно востребованной.

Практически сопоставимые доли занимают условное осуждение, наказания, не связанные с изоляцией от общества и освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. С учетом того, что количество тяжких и особо тяжких преступлений в структуре зарегистрированной преступности не превышает в среднем 27%, а в структуре судимости – 25%¹, такой подход представляется оправданным.

Доля наказаний, не связанных с изоляцией от общества, занимает доминирующее положение в структуре уголовно-правового воздействия. Этот блок наказаний составляет серьезную «конкуренцию» вариативным мерам уголовно-правового характера. С учетом перспективы реализации концептуальной идеи о разграничении преступлений и уголовных проступков с признанием необходимости придания части наказаний статуса иных мер уголовно-правового характера², можно заключить, что почва для этого готова. Лишение свободы фактически коррелируется с долей тяжких и особо тяжких преступлений, поэтому развитие системы уголовно-правового воздействия по вектору, придающему этому наказанию исключительный характер и подразумевающему наличие широкого спектра иных мер воздействия на лицо, совершившее преступление, представляется неизбежным.

Далее, согласно статистическим данным за 2021 год количество несовершеннолетних, в отношении которых был принят судебный акт по существу обвинения, составило 24 737 человек. При этом осуждены были 14 855 подростков (60%, для взрослых аналогичный показатель составил 76%). Из числа осужденных

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М., 2020. С. 6.

² О введении института уголовного проступка // Адвокатская газета. 13.02.2019. № 3.

60,5% подростков совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, что отличается от аналогичного показателя в отношении взрослых (29,7%). Из общего числа осужденных несовершеннолетних лишь 16,2% были осуждены к лишению свободы. При этом для взрослых статистика раскрывает данный показатель иначе - 28%. С учетом повышенной концентрации в структуре судимости подростков тяжких и особо тяжких преступлений можно констатировать наличие вектора уголовно-правовой политики осуждения несовершеннолетних и применения к ним наказания в виде лишения свободы лишь в крайних случаях.

В рассматриваемый период в отношении 9743 несовершеннолетних (около 40%) уголовные дела были прекращены судом по различным основаниям. Для взрослых аналогичный показатель составил 163 373 человек и примерно 22%, соответственно. Доля применения принудительных мер воспитательного воздействия в структуре прекращенных дел составляет около 16%¹, что, в целом свидетельствует приоритете наиболее щадящих форм воздействия и правильном понимании правоприменителями заложенного в нормах уголовного закона некарательного принципа воздействия в отношении лиц данной категории.

В этом же временном сегменте 36 679 лиц были освобождены от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Из 737 769 лиц, в отношении которых был вынесен судебный акт по существу обвинения, 569 643 человека (77,2%) совершили преступления небольшой или средней тяжести. Из числа лиц данной категории 402 853 человека (около 70%) были осуждены. Для сравнения доля осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления составила 96,7%. Доля судебного штрафа в структуре прекращенных дел в отношении данной категории лиц (всего 170 829 человек) составила 21%, что свидетельствует о надлежащем восприятии правоприменителем тенденции снижения репрессивности воздействия в отношении лиц, совершивших не тяжкие преступления, за счет использования некарательных уголовно-правовых средств, либо средств, сочетающих принудительно-некарательные начала.

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 года: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 28.04.2022).

Кроме того, в рассматриваемый период из 565 317 осужденных 195 884 человека (около 34%) совершили преступление в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, иного). 7 019 гражданам (3,6%) суд определил обязательное лечение, в том числе от алкоголизма, наркомании, токсикомании (ст.ст. 72.1, 73 УК РФ). При этом доля возложения обязанности пройти курс лечения от наркомании в структуре принудительных медицинских мер составила 25,44%¹. Соответственно, указанная норма является понятной для правоприменителя, поскольку в структуре смежных мер занимает лидирующие позиции. Вместе с тем, эффективность нормы ст. 72.1 УК РФ, не может не вызывать вопросов по критерию доступности ввиду ничтожно малого количества случаев применения как рассматриваемой нормы, так и смежных мер в соотношении с общими показателями «пьяной преступности». Как мы отмечали ранее, вероятным препятствием для реализации рассматриваемых мер является необходимость установления соответствующих юридически-значимых диагнозов, что на практике не всегда обеспечивается.

Нормы о конфискации имущества применялись судами в отношении 3 443 лиц, что составляет 0,6% от числа осужденных. При этом из 480 лиц, осужденных за получение взятки по ст. 290 УК РФ, конфискации применена лишь к лицам, составляющим не более 10%. Как мы отмечали, ранее подобный дисбаланс может быть обусловлен, в том числе, слабой доступностью нормы для правоприменителя в части обязательности реализации указанной дополнительной меры.

По всем анализируемым показателям в 2022 году были зафиксированы сопоставимые данные².

Таким образом, доступность нормы для правоприменителя проявляется в практической востребованности акцессорных мер, в том числе (применительно к вариативным мерам), во взаимосвязи с соотношением их применения с

¹ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2021 года: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 28.04.2022).

² Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2022 года: Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 28.04.2023).

наказаниями, а также мерами освобождения от уголовной ответственности и наказания. Данный критерий верно раскрывать не столько в количественной распространенности применения конкретных мер, сколько в балансе количественных показателей реализации норм об акцессорных мерах уголовно-правового характера, наказаниях, мер освобождения от уголовной ответственности и показателей структуры преступности в части распространенности соответствующих категорий и видов преступлений, а также общественно опасных деяний, совершенных отдельными категориями лиц.

Соответственно, доступность для правоприменителя как критерий качества применительно к конкретным нормам может устанавливаться исключительно в рамках комплексной оценки эффективности в целом института акцессорных мер.

Вторым критерием качества рассматриваемых норм считаем верным определить надлежащий характер заложенных в норме правоограничений, который устанавливается путем констатации соответствия интенсивности предусмотренной соответствующей мерой воздействия, определяемого, в том числе, наличием (отсутствием) карательного элемента в структуре меры, особыми характеристиками потенциального адресата применения и предполагаемого общественно опасного деяния.

Так, нормы о принудительных мерах воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и судебном штрафе применимы исключительно к лицам, совершившим впервые не тяжкие преступления. При этом принудительные меры воспитательного воздействия акцентированы исключительно несовершеннолетних, в отношении которых презюмируется особое гуманное отношение. Нормы о принудительных медицинских мерах предполагают реализацию государственного принуждения исключительно в лечебных целях и только в период нахождения лица в опасном состоянии. Нормы о конфискации имущества обладают ограниченным фискальным механизмом воздействия в рамках узкой сферы применения.

При этом спектр ограничений, связанных с назначением наказания, чрезвычайно широк и охватывает практически все права и свободы человека. При

исполнении наказания могут быть ограничены личная свобода, другие неимущественные права, сфера профессиональной и иной деятельности¹. Акцессорные меры, в целом, ограничивают их в меньшей степени. Как было установлено нами ранее, в отличие от наказания, они имеют некарательную сущность, не входят в объем уголовной ответственности, не влекут последствий судимости, но при этом выступают средствами разрешения уголовно-правового конфликта с помощью государственного принуждения.

Исходя из вышеприведенных данных о применении судами наказания и акцессорных мер, а также доли тяжких и особо тяжких преступлений в структуре зарегистрированной преступности, можно заключить, что те ограничения, которые возлагаются на лицо, совершившее общественно опасное деяние, в целом соответствуют характеру и степени общественной опасности деяния и деятеля.

Далее считаем верным выделить обеспеченность нормы механизмом исполнения соответствующей меры в качестве третьего факультативного критерия, отражающего качество рассматриваемых норм.

Обеспеченность нормы механизмом исполнения меры определяется наличием в структуре нормы соответствующих положений, предполагающих возможность фактического осуществления контроля за лицом, подвергнутым акцессорным мерам уголовно-правового характера, и корректировки реализуемого воздействия.

В большинстве рассматриваемых норм такая возможность не вызывает сомнения. Вместе с тем, стоит упомянуть, что в уголовном законе не получили однозначное и полное отражение последствия неисполнения несовершеннолетними принудительных мер воспитательного воздействия. В частности, в тех случаях, когда родители, которым несовершеннолетний передан под надзор, фактически не могут обеспечить контроль за соблюдением им условий этой меры, поскольку сами ведут антиобщественный или маргинализированный образ жизни. Иными словами, несовершеннолетний может и не совершать новых

¹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Преступление и наказание: криминологический характер. М., 2019. 304 с.; Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: монография. М., 2016. 270 с.; Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения: монография. М., 2013. 530 с.

противоправных действий, но его родители или лица, их заменяющие, не осуществляют контроль за его образом жизни. Поскольку в таких случаях единственной доступной альтернативой является постановка вопроса о возобновлении производства по уголовному делу, актуальными представляются наши предложения относительно возможности замены одной меры на другую без возобновления производства по уголовному делу.

Полагаем, что обеспеченность нормы механизмом исполнения меры как критерий качества не является универсальным, поскольку специфика воздействия отдельных мер не связана с подобными рода потребностями обеспечения их реализации (в частности, при применении конфискации имущества).

Таким образом, эффективность норм об акцессорных мерах уголовно-правового характера определяется совокупностью следующих критериев, отражающих качество регламентации соответствующих положений законодательства:

- доступность нормы для правоприменителя;
- соответствие заложенных в структуре вариативных и дополнительных мер правоограничений особенным характеристикам потенциальных адресатов применения и (или) общественно опасных деяний, в связи с совершением которых они могут применяться;
- обеспеченность нормы корректирующим механизмом исполнения меры, предполагающим возможность фактического осуществления контроля за лицом и регулирование соответствующего воздействия в период реализации меры (применительно к акцессорным вариативным мерам).

Эффективность применения акцессорных мер уголовно-правового характера, в свою очередь, считаем верным определить, как качественно-количественное множество, характеризующее особенности индивидуального воздействия на лицо, совершившее общественно опасное деяние.

При этом, учитывая разную специфику механизмов воздействия, эффективность применения акцессорных мер необходимо оценивать дифференцированно к нормам о вариативных и дополнительных мерах.

Выше мы обосновали достаточно высокий антирецидивный потенциал аксессуарных вариативных мер. Полагаем, что соответствующий критерий может быть положен в основу определения эффективности применения данного типа мер. При этом достижение максимального результата – сокращение рецидивной преступности для констатации эффективного применения вариативных мер должно обеспечиваться минимальными издержками, которыми, с нашей точки зрения, выступают правоограничения, налагаемые на адресата.

Соответственно, эффективность применения аксессуарных вариативных мер определяется максимальным снижением вероятности совершения повторного общественно опасного деяния после применения меры с минимальными правоограничениями, налагаемыми на адресата.

Применительно к дополнительным мерам перспективу снижения риска совершения повторного общественного деяния после реализации меры также можно рассматривать в качестве критерия эффективности, однако, как представляется, их «сопровождающий» по отношению к другим мерам характер воздействия, в значительной степени, нейтрализует эксклюзивность результата их непосредственного воздействия. Как было констатировано ранее, дополнительные меры могут применяться одновременно с мерами уголовной ответственности (наказанием и иными формы реализации уголовной ответственности), аксессуарными вариативными мерами и мерами освобождения от уголовной ответственности. При этом их роль, как представляется, сводится к максимальному достижению целей уголовно-правового воздействия, которые правоприменитель ставит при реализации «основной» меры, направленной на разрешение уголовно-правового конфликта. Полагаем, что потенциал реализации дополнительных мер в рамках лечебной направленности и имущественной коррекции является тем необходимым компонентом, который генерирует кумулятивный эффект, интенсифицирующий результативность рассматриваемых правовых средств.

Соответственно, эффективность применения дополнительных мер уголовно-правового характера определяется максимальным достижением целей мер уголовно-правового воздействия, реализацию которых они сопровождают, путем

разрешения автономных задач лечебной направленности либо имущественной коррекции правового статуса адресата.

Подводя итог, укажем, что в современном научном дискурсе оценка эффективности применения иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера не получила единообразного отношения. В то же время, потенциальной эффективностью мотивируется необходимость расширения их количества (например, установление принудительных мер в отношении юридических лиц¹). Полученные на основе судебной статистики и собственных эмпирических исследований данные о реальной эффективности применения большинства акцессорных мер позволяют заключить, что они нашли определенную нишу в структуре уголовно-правового воздействия и обладают стабильной востребованностью, усиливающейся при появлении новых элементов данного правового института.

В заключение параграфа необходимо сделать следующие выводы:

Эффективность акцессорных мер уголовно-правового характера оценивается дифференцированно применительно к нормам рассматриваемого института и практике их применения.

Эффективность норм об акцессорных мерах определяется совокупностью следующих критериев, отражающих качество регламентации соответствующих положений законодательства:

- доступность нормы для правоприменителя;
- соответствие заложенных в структуре вариативных и дополнительных мер правоограничений особенным характеристикам потенциальных адресатов применения и (или) общественно опасных деяний, в связи с совершением которых они могут применяться;
- обеспеченность нормы корректирующим механизмом исполнения меры, предполагающим возможность фактического осуществления контроля за лицом и

¹ Калинина Т.М. Иные меры уголовно-правового характера: проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения. М., 2014. С. 203.

регулирование соответствующего воздействия в период реализации меры (применительно к акцессорным вариативным мерам).

Эффективность применения акцессорных уголовно-правовых мер основывается на показателях индивидуального судебного регулирования соответствующих отношений. Критерии эффективности применительно к вариативным и дополнительным мерам необходимо оценивать дифференцированно.

Эффективность применения вариативных мер уголовно-правового характера определяется максимальным снижением вероятности совершения повторного общественно опасного деяния после применения меры с минимальными правоограничениями, налагаемыми на адресата.

Эффективность применения дополнительных мер уголовно-правового характера определяется максимальным достижением целей мер уголовно-правового воздействия, реализацию которых они сопровождают, путем разрешения автономных задач лечебной направленности либо имущественной коррекции правового статуса адресата.

§ 4.3. Аналоги акцессорных мер уголовно-правового характера в зарубежном законодательстве

Проблема назначения справедливой меры уголовно-правового воздействия каждому лицу, признанному виновным в совершении преступления, имеет трансграничный, надгосударственный характер. Поэтому зарубежный опыт правового регулирования, относящийся к мерам уголовно-правового характера, выступающим альтернативой или дополнением различных форм реализации уголовной ответственности, заслуживает пристального внимания, а его рецепция может быть в ряде случаев не просто возможной, а жизненно необходимой¹. Несмотря на общую тенденцию снижения зарегистрированной преступности,

¹ Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право Российской Федерации. М., 2017. С. 48.

фиксируемую не только в России (2012–2018 гг. – на 10,6%, в 2019–2020 гг. имел место незначительный рост)¹, но и в ряде зарубежных стран², и получившую обиходное название «great crime drop» (*англ.* «великое снижение преступности»)³, способы реакции государства на общественно опасное поведение должны совершенствоваться и соответствовать динамично меняющимся вызовам нового времени.

Предпосылками для исследования тенденций развития аналогов аксессуарных вариативных и дополнительных мер в зарубежном законодательстве можно также назвать два обстоятельства.

Во-первых, сравнительно-правовой метод справедливо признается обладающим исключительным научным потенциалом и позволяющим выявить положительный опыт правового регулирования, достойный адаптации и отражения в национальном законодательстве⁴. Ученые отмечают, что с 90-х гг. XX в. заимствование и адаптация правового опыта зарубежных стран (в особенности европейского и американского) приобрело актуальность для всего постсоветского пространства⁵. В современный период имеется тенденция конвергенции национальных правовых систем⁶, в силу которой взаимопроникновение опыта правового регулирования из одной страны в другую представляется естественным и отчасти необходимым способом совершенствования законодательства.

Во-вторых, современные преобразования уголовного законодательства России, к большому сожалению, привели к тому, что «УК РФ стал напоминать «лоскутное одеяло», а не цельный и систематизированный нормативный правовой

¹ Евсеев А.В., Радимушкина О.В. Криминологическая характеристика и тенденции криминальной виктимизации в Российской Федерации // Виктимология. – 2018. – № 1. – С. 13–24; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // МВД России // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 03.07.2021).

² Квашиш В.Е., Генрих Н.В. Преступность в России и зарубежных странах: методологические аспекты сравнительного анализа // Пролог. – 2013. – № 4. – С. 23–31.

³ Клейменов М.П. Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 1. – С. 157–162.

⁴ Егоров А.В. Теория сравнительного правоведения: монография. М., 2018. С. 7–11.

⁵ Немытина М.В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 4. – С. 166–173.

⁶ Безбородов Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции: монография. М., 2018. С. 13–14.

акт»¹, а система наказаний, с точки зрения исследователей, превратилась в их «разрозненный перечень», не являющийся «целостным единым образованием»². Подобные недостатки проявились и в системе иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера (например, в современный период они рассредоточены в разных разделах Общей части УК РФ), поэтому для их устранения могут быть использованы зарубежные правовые «лекала», уже получившие практическую апробацию.

Задачей данного параграфа мы видим вычленение положительного зарубежного опыта, потенциально полезного при совершенствовании российского законодательства. В его рамках будет предпринята попытка проанализировать некоторые аналоги акцессорных мер, предусмотренные в законодательстве зарубежных стран в том контексте, в котором иностранные правовые системы имеют сходство с правовой системой РФ.

Соответствующие правовые последствия совершенного общественно опасного деяния получили отражение в уголовных кодексах большинства стран мира. Используя традиционную в теории права дифференциацию англосаксонской и романо-германской правовых семей³, включим в страноведческую выборку, во-первых, США и Великобританию, а во-вторых, Францию и ФРГ, поскольку в этих странах за последние годы накоплен достаточно интересный опыт правового регулирования аналогов акцессорных мер, ранее лишь частично исследовавшийся в юридической науке. Кроме того, обратимся к нормам уголовного законодательства постсоветских государств, имеющих определенное сходство с соответствующими положениями УК РФ.

Прежде всего, необходимо отметить, что в законодательстве зарубежных стран, на которое ориентировались постсоветские государства при изменении уголовной политики, уже несколько десятилетий реализуются стратегии

¹ Бавсун М.В. Дублирование норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации как негативная тенденция его развития // Закон и законодатель: проблемы законотворческого процесса: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Б.В. Яценко. М., 2015. С. 36–40.

² Каданева Е.А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 131–135.

³ Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 18–30.

предупреждения преступности, рассчитанные на широкое применение принудительных мер как связанных, так и не связанных с уголовными наказаниями. Разработанная и использованная в США и Великобритании стратегия подвергалась критике в отечественной литературе¹, однако с точки зрения дифференциации мер уголовно-правового воздействия она заслуживает внимания.

Вместе с тем, такая дифференциация не всегда может быть проведена зеркально системе уголовно-правовых средств, сложившихся в российской правовой системе. Как известно, в законодательстве стран англосаксонской правовой семьи отсутствует понятие наказания и целей наказания²; соответствующие дефиниции предлагаются теоретиками³, но не используются в правоприменительной деятельности. Кроме того, в большинстве зарубежных стран аналоги уголовно-правовых средств, рассматриваемых нами в качестве аксессуарных мер, предусмотрены в правовых актах, непосредственно уголовным законодательством не являющихся.

Если рассматривать по законодательству США аналоги испытательных мер, к которым с определенной долей условности можно отнести некоторые вариативные аксессуарные меры, то можно отметить достаточно распространенную практику применения пробации.

В разных штатах возможность назначения пробации может зависеть от таких факторов как наличие у правонарушителя судимости, возмещение всех судебных издержек, совершение деяния, предполагающего определенную верхнюю границу санкции, и др. Лицо, к которому применяется пробация, находится на испытательном сроке и несет определенные обязанности. Однако длительные сроки надзора (в некоторых штатах пробация может быть назначена пожизненно⁴), существенные ограничения и постоянный контроль подвергаются в юридической литературе критике как избыточные (например, в США 1 из 53 взрослых граждан

¹ Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб., 2018. 399 с.

² Шели Дж. Криминология. СПб., 2003. С. 448–451.

³ Hall J. General Principles of Criminal Law. Indianapolis, 1960. P. 310; Lafave W., Scott. A. Criminal Law. St. Paul, 1986. P. 23–34.

⁴ Филиппова Е.О. Институт условного осуждения в уголовном законодательстве зарубежных государств // Российская юстиция. – 2020. – № 10. – С. 16–18.

состоит под пробационным надзором, а продолжительность испытательного срока, назначаемого при освобождении от наказания или при его отсрочке, в пять раз превышает аналогичные сроки по законодательству европейских государств)¹, вследствие чего тенденция развития социального контроля, возобладавшая в современный период в американской уголовной политике, может быть воспринята в России с разумной осторожностью. Считаем верным использование опыта иностранных государств в той части, которая позволяет развивать некарательную составляющую в структуре аксессуарных вариативных и дополнительных мер.

Одним из таких направлений является развитие составляющей ресоциализации в структуре вариативных мер, в том числе, путем задействования в их реализации негосударственных общественных институтов. На примере США можно отметить, что деятельности служб пробации способствуют различные благотворительные фонды, религиозные организации, консультативные бюро и др. Еще в середине прошлого столетия в американское законодательство были внедрены такие методики воздействия на осужденных к пробации как «манипулятивная техника» (изменение профессии, работы, условий проживания, нейтрализация семейных конфликтов, исключение антисоциальных контактов и др.), «техника руководства» (наставление осужденного на основе педагогических и психологических методик), «техника консультирования» (воздействие на основе знаний психоанализа, психиатрии и психотерапии) и др. Широкое распространение получили специальные методики в отношении лиц, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, образовательные программы, в том числе для работы с несовершеннолетними, а также направленные на упреждение домашнего насилия и совершения половых преступлений.

Таким образом, считаем положительной практику США в той части, которая предполагает реализацию в отношении правонарушителей как мер контроля, так и мер, направленных на их ресоциализацию, оказание им помощи.

¹ Johns A. Correctional Control 2018: Incarceration and Supervision by State // Prison Policy Initiative // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.prisonpolicy.org/reports/correctionalcontrol2018.html> (дата обращения: 22.08.2019).

В то же время в отношении несовершеннолетних по оценкам ученых в США реализуется в большей степени карательная модель правосудия, характеризующаяся обвинительной направленностью и отсутствием возможности применения альтернативных мер¹. Несмотря на наличие у данной категории правонарушителей определенных гарантий, предусмотренных в Федеральном кодексе правонарушений несовершеннолетних (Federal Juvenile Delinquency Code), Законе о правосудии в отношении несовершеннолетних и предупреждении преступности 2002 г. (Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act), Законе «Ни одного отстающего ребенка» 2001 г. (No Child Left Behind Act), в целом в отношении несовершеннолетних в США реализуется подход «организационного принуждения» — изоляции от общества, жесткого контроля, дисциплинарных санкций, и домашнего ареста с применением электронного мониторинга².

Усиление уголовной ответственности несовершеннолетних, приведшее к увеличению количества осужденных к лишению свободы в США объясняется беспрецедентным вниманием средств массовой информации к отдельным преступлениям, а также влиянием на общественное мнение специальной американской литературы, представившей подрастающее поколение в качестве «суперхищников»³. Однако, нам видится более эффективной и соответствующей общественным запросам концепция восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, предполагающая использование более гибких альтернативных наказанию мер, учитывающих возрастную специфику правонарушителей⁴.

В главе 46 раздела 18 Свода Законов США предусмотрена уголовная конфискация (criminal forfeiture), под которой понимается дополнительный вид наказания, предполагающий изъятие движимого или недвижимого имущества,

¹ Марковичева Е.В. Модели ювенального уголовного судопроизводства: проблемы типологизации // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 97–103.

² Дородонова Н. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 601–608.

³ Мауба Ye. Justice Reform: Who's Got the Power // Themis: Research Journal of Justice Studies and Forensic Science. – 2015. – Vol. 3. – № 1. – P. 55–57.

⁴ Нагорная И.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних средствами уголовного закона // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 86.

вовлеченного в преступление либо полученного в его результате, а также орудий и средств совершения преступления¹. Данная мера может применяться в дополнение к таким наказаниям как штраф, probation, тюремное заключение. Для реализации уголовной конфискации сторона обвинения должна доказать, что соответствующие активы приобретены виновным именно в результате незаконной деятельности либо взаимосвязь имущества с такой деятельностью. При этом конфискация имущества предусмотрена в качестве одного из видов наказаний, применяемых к юридическим лицам.

В США, как и в Великобритании уже многие годы реализуется уголовное преследование преступных корпораций на основе принципа субститутивной ответственности. Данный принцип означает, что организации привлекаются к уголовной ответственности в случаях, когда должностные лица данных организаций могли быть сами подвергнуты уголовному преследованию. Наличие у сотрудника юридического лица виновной воли может быть распространено в отношении корпорации.

Возможность реализации мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц в России во многом справедливо ставится некоторыми авторами под сомнение, поскольку юридическое лицо как некая правовая фикция не может совершить преступление и, соответственно, подвергаться уголовной ответственности². Формула уголовной ответственности именно физического лица согласуется с базовыми принципами карательной деятельности, рожденными классической школой уголовного права³. Кроме того, при рассмотрении вопроса о возможном использовании зарубежного опыта уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц важно учитывать позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 25.01.2001 № 1-П, где обозначено, что наличие вины является общим принципом юридической ответственности во всех

¹ См.: Свод Законов США. Раздел 18. Глава 46. § 982.

² Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. – 2006. – №4. – С. 57.

³ Бытко Ю.И. Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 102.

отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно¹.

Соответственно, одним из возможных направлений регламентации уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц в нормах отечественного законодательства является установление виновной уголовной ответственности организаций. При этом учеными уже предлагались различные варианты решения данного вопроса в рамках сложившейся психологической концепции вины (субъективного подхода). Так, виной юридического лица предлагалось считать психическое отношение всего коллектива² либо руководства³ организации к содеянному, а также определять ее через виновное поведение любого работника при исполнении им своих трудовых (служебных) обязанностей⁴.

С обозначенными предложениями сложно согласиться, поскольку, во-первых, психическое отношение отдельных сотрудников организации к содеянному может быть неодинаковым и сложноустанавливаемым, что приближает к нулю вероятность констатации единой коллективной воли, и, во-вторых, сомнительны попытки обосновать ответственность одного субъекта (юридического лица), за чужую вину другого субъекта (физического лица), что, по сути, схоже с ответственностью без вины. Соответственно, считаем верной позицию авторов, указывающих на бесперспективность исследования проблем вины юридического лица в рамках субъективного направления⁵.

Интересным видится объективное направление концепции вины корпорации, в соответствии с которым организация признается виновной в совершении правонарушения, если будет установлено, что у нее имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но ей не были приняты все зависящие меры по их соблюдению (Постановление КС

¹ Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 7-П // [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Комоско А.А. Уголовная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13.

³ Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 6.

⁴ Гражданское право / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. Ч. 1. С. 49.

⁵ Бытко Ю.И. Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 101.

РФ от 25.04.2011 № 6-П)¹. Подобное понимание вины юридического лица раскрыто в нормах административного права (ст. 2.1 КоАП РФ), где организация изначально выступает в качестве одного из субъектов состава административного правонарушения.

Однако данный подход применительно к уголовному праву не согласуется с позицией Конституционного суда РФ, выраженной в Постановлении от 27.04.2001 № 7-П, где установлено, что необходимым основанием для всех видов юридической ответственности является наличие состава правонарушения², включая субъекта. Учитывая тот факт, что единственно возможным субъектом состава преступления выступает физическое лицо, без пересмотра данной концептуальной идеи рецепция опыта зарубежных государств в части уголовной ответственности юридических лиц является невозможной.

Вместе с тем, полный отказ от учета в уголовной политике государства современных реалий вредоносной деятельности преступных корпораций, с нашей точки зрения, противоречит назревшему общественному запросу. Учеными справедливо отмечается, что преступная деятельность юридических лиц затрудняет создание здоровых основ отечественной социальной, политической и экономической жизни³. Соответственно, необходимо продолжение поиска компромиссных вариантов регламентации уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, при которых негативные последствия в отношении организации реализовывались бы вне рамок уголовной ответственности и юридическое лицо не рассматривалось бы в качестве субъекта преступления, способного виновно совершить общественно опасное деяние.

Помимо уголовной американское законодательство также предусматривает гражданско-правовую конфискацию, в том числе, применяемую в отношении вещи (*in rem*). Спецификой гражданско-правовой конфискации является перераспределение бремени доказывания законности владения имуществом от

¹ Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П // Российская газета. 2016. № 51 (6919).

² Постановление КС РФ от 27.04.2001 № 7-П // [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 10.12.2010. № 280 (5359).

государства к лицу, в отношении которого есть подозрения в совершении противоправного деяния. В ситуациях, когда лицо не предоставляет убедительных доказательств законного приобретения собственности – имущество конфискуется государством. Возможность использования гражданско-правовой конфискации предусмотрена при нарушениях законодательства об «отмывании» денег, в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, незаконной банковской деятельности и др. Считаем, что подобные подходы к распределению бремени доказывания законности происхождения активов могут быть использованы отечественным законодателем при совершенствовании норм УК РФ о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений коррупционного характера.

Аналогом судебного штрафа российские ученые называют штраф как наказание по уголовному законодательству США, которое предусматривает «балльную» систему судимости. Учитывая тот факт, что понятия освобождения от уголовной ответственности в штатах не предусмотрено, а судимость рассматривается лишь в контексте факта осуждения, то назначение штрафа как одного из наиболее мягких наказаний предлагается рассматривать в качестве альтернативного способа урегулирования конфликта¹. Однако, с нашей точки зрения, подобная аналогия сомнительна. Несмотря на отсутствие в уголовных законах США понятия судимости, факт осуждения преступника учитывается судом при квалификации повторной насильственной фелонии (тяжкого преступления), назначении продленных сроков тюремного заключения, вынесении приговора о смертной казни и др.

Кроме того, в законах иных отраслей права установлены дополнительные последствия осуждения лица (*collateral consequences of criminal conviction*), связанные, в том числе, с ограничениями права заниматься определенной деятельностью, права работы в определенных сферах, утратой избирательных прав, депортацией и пр. Соответственно, назначение лицу штрафа как наказания на

¹ Луценко Н.С. Судебный штраф в уголовном законодательстве РФ и штраф как наказание в США: сравнительно-правовой анализ // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – IX: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2018. С. 173.

основании обвинительного приговора от имени государства в сочетании с обозначенными выше последствиями, как нам представляется, не совсем корректно рассматривать в качестве аналога вариативной акцессорной меры.

Переходя к рассмотрению законодательства Великобритании, необходимо отметить, что по отношению к несовершеннолетним преступникам в данном государстве наиболее распространенной мерой выступает пробационный надзор. Срок реализации данной меры устанавливается до трех лет. Подростку вменяются определенные обязанности: проживание в определенном месте, явка к наблюдателю в обозначенное время, воздержание от определенной деятельности, нахождение дома в установленные часы, прохождение лечения и др.¹ Кроме того, к несовершеннолетнему могут быть применены такие меры как предупреждение полицией, передача под контроль родителей либо опекунов, возмещение ущерба и судебных издержек, уплата штрафа, общественные работы (с согласия подростка)².

Комплекс воспитательных мер, изложенных в Законах о детях и молодежи 1993 г. и об уголовной юстиции 1991 г., позволяет констатировать определенное сходство английского инструментария, применяемого в качестве альтернативы наказанию к несовершеннолетним, и соответствующих российских уголовно-правовых предписаний. Стоит положительно оценить опыт английского законодателя, демонстрирующего восстановительный подход к правосудию для несовершеннолетних с максимально возможным использованием комплекса мер, альтернативных тюремному заключению, направленных на устранение неблагоприятных условий, которые обусловили решимость подростка совершить преступление.

Нормы о конфискации имущества в Великобритании закреплены в различных правовых актах³ и предполагают реализацию данной меры, в том числе, в отношении следующего имущества:

¹ Савина Т.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в законодательстве некоторых стран Евросоюза // Вопросы ювенальной юстиции. – 2015. – № 2. – С. 18.

² Оловенцова С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 68.

³ Докучаев А.И., Волеводз А.Г. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 4(33). – С. 296.

- 1) доходы свыше 10 000 фунтов стерлингов, полученные в результате незаконной деятельности (Закон об уголовном правосудии 1988 г.);
- 2) активы, связанные с финансированием террористической деятельности (Закон о терроризме 2000 г.);
- 3) активы, связанные с торговлей и перевозкой запрещенных наркотических веществ (Закон о торговле наркотиками 1994 г.) и др.¹

Интересен и такой инструмент изъятия в пользу государства преступных доходов в Великобритании как конфискация *in rem*. Данный вид конфискации предполагает предъявление гражданско-правового иска не к лицу, совершившему преступление, а к имуществу. При этом, как и в упомянутых выше нормах законодательства США, спецификой реализации данной меры выступает перераспределение бремени доказывания законности происхождения актива на его титульного владельца. В случае отсутствия у последнего разумных аргументов, подтверждающих легитимность источников приобретения имущества, оно обращается в доход государства.

Согласимся с авторами, утверждающими, что подобный недооцененный отечественными юристами цивилистический инструмент является наиболее эффективным средством в противодействии корыстной, в том числе, коррупционной преступности². Профессор А.А. Арямов справедливо предлагает рассматривать конфискацию *in rem* в качестве одной из альтернативных форм решения уголовно-правового конфликта³. Высказанное предложение имеет повышенную актуальность с учетом сохраняющегося высокого уровня коррупции в нашем государстве⁴.

Учитывая приведенные нами ранее данные о неэффективности уголовно-правовой конфискации имущества применительно к лицам, совершившим преступления коррупционной направленности, считаем верным принятие

¹ Там же. С. 296.

² Арямов А.А., Руева Е.О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 52.

³ Арямов А.А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: новые направления развития // Российский следователь. – 2015. – № 23. – С. 26.

⁴ Казакова Е.В. Противодействие коррупции в судебной системе в условиях процессуального реформирования // Администратор суда. – 2020. – № 2. – С. 48.

следующих законодательных решений. С нашей точки зрения, необходимо признать утратившими силу положения о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений коррупционной направленности с мотивировкой о необходимости акцентуации усилий государственной политики на развитие более эффективных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов в рассматриваемой сфере, базирующихся на особых принципах.

Соответствующие принципы нашли свое отражение в британском законодательстве при регламентации норм о так называемой «расширенной» конфискации (Закон о преступных доходах 2002 г.), которая занимает промежуточное положение между гражданско-правовой конфискацией *in rem* и уголовно-правовой конфискацией. Данный инструмент предполагает возможность изъятия в пользу государства имущества, нажитого «в связи с преступным поведением общего характера или преступным образом жизни» (*criminal lifestyle*). При этом стандарт доказывания в механизме реализации данной меры не требует установления связи между получением выгоды и конкретным преступлением¹. Расширенная конфискация применяется судьей путем вынесения приказа, основанного на презумпции, что все доходы, полученные субъектом в период антисоциального образа жизни, являются криминальными и подлежащими конфискации². Лицо, в отношении которого реализуется данная мера, в целях уменьшения размера имущества, подлежащего конфискации, праве приводить доводы в пользу того, что вся либо какая-то часть активов, приобретенных в определенный период, имеет законный источник происхождения, что, с нашей точки зрения, справедливо.

Соответственно, полагаем, что опыт реализации института конфискации в США и Великобритании может быть использован российским законодателем в части изменения подходов к стандарту доказывания легитимности происхождения активов, в отношении которых есть разумные основания считать, что они

¹ Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. – 2015. – № 7. – С. 80.

² Арямов А.А., Руева Е.О. Конфискационный ресурс антикоррупционной политики: гибридные частно-публичные формы (опыт Великобритании) // Российский следователь. – 2020. – № 2. – С. 70.

приобретены незаконным путем. При этом в России перераспределение бремени доказывания в рамках норм наиболее репрессивной отрасли уголовного права, с нашей точки зрения, преждевременно, что возвращает нас к выводу о необходимости развития соответствующего инструментария на иной отраслевой основе.

В большинстве стран романо-германской правовой семьи тенденции развития положений законодательства, предусматривающего аналоги акцессорных мер, основаны на директивах Комитета министров Совета Европы. В частности, еще в 1992 г. были утверждены Европейские правила исполнения наказания и иных мер без изоляции правонарушителей от общества¹. Такие меры признаются минимизирующими отрицательные последствия, связанные с нахождением осужденных в тюрьмах, а также эффективным способом решения проблемы «перенаселенности» тюрем (по состоянию на начало 90-х гг. XX в. она имела высокую актуальность, поскольку количество приговоров, выносимых судами европейских государств с назначением наказания в виде лишения свободы, было значительным²). Европейские правила, хотя четко не разграничивают наказание и иные меры уголовно-правового характера, отражают, тем не менее, ряд тенденций, определивших особенности уголовной политики в современный период. В этой связи следует обратить внимание на наиболее важные из закреплённых в них установлений.

Во-первых, ни одна из мер уголовно-правового характера не должна назначаться на неопределенный срок (правило 5). Иными словами, отказ от применения уголовного наказания может и не быть окончательным (правила допускают замену иной меры уголовно-правового характера наказанием, если осужденный злостно уклоняется от ее исполнения), но срок применения иной меры уголовно-правового характера должен быть четко определен. На примере большинства из мер уголовно-правового характера, известных российскому

¹ Европейские правила исполнения наказания и иных мер без изоляции правонарушителей от общества: утв. 19.10.1992 рекомендацией Комитета министров Совета Европы № R (92) 16 // Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем. Страсбург: Совет Европы, 2015. С. 9–33.

² Ананиан Л.Л. Перенаселенность тюрем и права заключенных (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. – 1998. – № 4. – С. 195–227.

законодательству, можно видеть, что в нем использован аналогичный подход (почти все они имеют предельный срок, за исключением тех, которые могут исполняться одномоментно: судебный штраф, конфискация имущества).

Во-вторых, недопустима автоматическая замена назначенной меры уголовно-правового характера наказанием и заключение лица под стражу без соблюдения надлежащей судебной процедуры (правило 10). Соблюдение этого правила позволяет избежать необоснованное ухудшение положения лица, подвергнутого уголовно-правовому воздействию. К сожалению, российское законодательство имеет в данном случае определенные недостатки: так, не урегулирован вопрос о задержании лиц, которым назначены принудительные меры медицинского характера, уклоняющихся от их исполнения или совершивших побег из медицинской организации.

В-третьих, закрепляется презумпция приемлемости условий и обязанностей, вытекающих из сущности назначаемой меры уголовно-правового характера, для правонарушителя (правило 31). Иными словами, акцентируя внимание на повышении ответственности субъекта перед обществом, Комитет министров Совета Европы исходил из того, что эти меры будут эффективными, если элемент принуждения в них будет сбалансирован добровольным волеизъявлением правонарушителя, а также будет достигнуто согласие, отражающее понимание последним того, что назначаемая мера уголовно-правового характера адекватна совершенному преступлению. Анализ положений российского законодательства позволяет заключить, что в современный период этот подход получил определенное развитие. Например, ходатайство о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа может поступить в суд от лица, совершившего преступление, или его защитника (ст. 446.3 УПК РФ).

Далее в Уголовном уложении ФРГ (далее УУ ФРГ) предусмотрена система правовых последствий запрещенного уголовным законом деяния, которая состоит из: 1) наказаний, 2) мер исправления и безопасности, 3) дополнительных последствий. При этом конфискация имущества, приобретённого преступным

путём, законодателем не входит ни в одну их изложенных выше категорий и закреплена в отдельной главе.

К мерам исправления и безопасности в данном государстве отнесены сопряженные с изоляцией от общества помещение в психиатрический стационар, помещение в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, превентивное заключение, а также меры, связанные с установлением надзора за поведением, лишением водительских прав, запретом заниматься определённой профессиональной деятельностью. Исследователи отмечают превентивный характер данных мер и их нейтральность в социально-этическом смысле, поскольку они не содержат оценки деяния и преступника¹, а предназначены для того, чтобы лицо избежало «опасного состояния» и приобрело законопослушное отношение к обществу².

В § 64 УУ ФРГ предусмотрена возможность помещения в лечебное учреждение для алкоголиков и наркоманов лиц, которые имеют чрезмерную зависимость от наркотиков и осужденных за совершение преступлений в состоянии опьянения или вследствие склонности к наркомании. При реализации указанной меры в учет берутся потенциальные риски дальнейшего совершения лицом преступления в результате зависимости. Примечательным является тот факт, что данная мера может быть реализована до начала фактического исполнения наказания в целях обеспечения его наиболее эффективного «усвоения» виновным. Отечественным аналогом данной меры являлось принудительное лечение лиц, страдающих алкогольной зависимостью, которое ранее регламентировалось в рамках института иных мер уголовно-правового характера.

На сегодняшний день в отношении больных наркоманией российским уголовным законодательством предусмотрено, в том числе, возложение на осужденного обязанности пройти лечение от наркомании и реабилитацию при назначении наказания согласно ст. 72.1 УК РФ. В дополнение сделанным ранее

¹ Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2020. С. 60.

² Безбородов Д.А., Зарубин А.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки, виды. СПб., 2015. С. 27.

выводам, указанную меру верно рассматривать в качестве аксессуарной меры уголовно-правового характера. Соответствующие акценты в ее целеполагании, связанные с нейтрализацией наркотической зависимости как фактора повышенного риска совершения повторных преступлений, подтверждают данный вывод. Опыт немецкого законодателя, рассматривающего соответствующие меры в качестве мер безопасности, имеет положительные перспективы при совершенствовании российских правовых предписаний.

Нормы УУ ФРГ, регламентирующие принудительное лечение лиц, страдающих наркотической зависимостью, выглядят предпочтительными и в той части, в которой могут быть реализованы только при условии совершения преступления в состоянии опьянения либо при наличии связи совершенного общественного опасного деяния со склонностью к употреблению запрещенных веществ. В ст. 72.1 УК РФ заложен иной подход, когда обязанность пройти курс лечения от наркомании может быть фактически возложена на лицо, которое, страдает наркоманией, но совершило преступление, не находящееся в какой-либо причинно-следственной связи с наличием данного заболевания. К примеру, очевидным представляется ответ на вопрос о целесообразности реализации данной меры в отношении лица, совершившего клевету, ответственность за которую установлена ст. 128.1 УК РФ, по мотивам и обстоятельствам, не связанным с наркотической зависимостью. Представляются, что нормы ст. 72.1. УК РФ нуждаются в соответствующем в уточнении.

Особенностью немецкого законодательства является наличие возможности условного исполнения принудительной медицинской меры. Так, согласно § 67b УУ ФРГ если суд назначает помещение в психиатрический стационар или в лечебное учреждение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости, то одновременно с назначением этой принудительной меры суд постановляет считать её исполнение условным и назначает испытательный срок, если особые обстоятельства позволяют допустить, что цель этой меры может быть достигнута и таким способом.

В части возможной рецепции данного правила в уголовное законодательство России позволим высказать сомнения. Считаем верным, когда реализация принудительных медицинских мер поставлена в зависимость от установления факта наличия потенциальной опасности соответствующего лица для себя и окружающих. В то же время правовые конструкции, которые допускают двусмысленность и неопределенность с точки зрения оценки рисков опасности лица, с нашей точки зрения, неприемлемы.

В отношении таких мер исправления и безопасности как установление надзора, лишение водительских прав, запрет заниматься определённой профессиональной деятельностью отметим, что схожие уголовно-правовые инструменты предусмотрены в российском законодательстве, однако имеют отличную от аксессуарных мер уголовно-правового характера правовую природу.

В УУ ФРГ установлен открытый перечень преступлений для реализации такой меры как конфискация имущества. Так, если исполнитель или участник приобрёл что-либо посредством совершения противоправного деяния или за совершение этого деяния, то суд назначает конфискацию приобретённого (§ 73 УУ ФРГ). С учетом доводов, изложенных нами ранее, необходимо констатировать высокий потенциал рецепции подобного подхода в отечественное законодательство.

Следует положительно также оценить опыт реализации расширенной конфискации, когда данная мера назначается даже в том случае, когда денежные средства и предметы получены виновным в результате других противоправных деяний, не являющихся предметом публичного обвинения (§ 73а УУ ФРГ). Данный вид конфискации применяется при совершении тяжких деяний в составе организованных преступных групп. Безусловно, подобные правила в какой-то степени ставят под сомнение реализацию принципа «*in dubio pro reo*» (при наличии сомнений дело решается в пользу подсудимого), но, как мы отмечали ранее, являются оправданными инструментами противодействия организованной преступности, в том числе, коррупционного характера. Наличие судебного усмотрения в целом неизбежно при реализации уголовно-правовых норм, что, как

представляется, распространимо и в отношении оценки происхождения имущественных активов, подлежащих расширенной конфискации.

Предусмотренные немецким законодателем дополнительные последствия запрещенного уголовным законом деяния в виде утраты пригодности занимать определённые должности, права быть избранным и права голоса (§ 45 УУ ФРГ) с нашей точки зрения более сопоставимы с отечественными элементами системы дополнительных наказаний и судимости, чем с акцессорными мерами, круг которых был нами предложен ранее.

Применительно к несовершеннолетним большинство мер уголовно-правового воздействия консолидировано «дополнительном» уголовном законодательстве Германии, которое, по мнению ученых, образует самостоятельную отрасль¹. Ведущую роль в регулировании данных отношений играет Закон «О суде по делам молодежи», который был принят в 1953 г. и дополнил Закон «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» от 1923 г. Основной посыл немецкого законодателя заключается в приоритетности воспитательных мер над принудительными и наказательными, что обеспечивает большую эффективность в борьбе с подростковой преступностью².

Правовые последствия совершения общественно опасного деяния несовершеннолетними можно сгруппировать следующим образом: 1) меры исправления и безопасности, 2) воспитательные меры, 3) принудительные меры, 4) лишение свободы.

В целом, данные меры сопоставимы с системой принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных в УК РФ. При этом в Германии справедливо сделан большой акцент на назначении меры не столько в соответствии с совершенным преступлением, сколько в соответствии с необходимостью воспитания подростка с учетом принципа адекватности назначаемой меры возрасту, уровню развития, образу жизни подростка и его возможностям.

¹ В п. 2 § 153а УПК ФРГ предусмотрено право суда с согласия прокуратуры и обвиняемого применить данную меру в случаях, когда публичное обвинение уже предъявлено.

² Савина Т.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в законодательстве некоторых стран Евросоюза // Вопросы ювенальной юстиции. – 2015. – № 2. – С. 18.

Положительно стоит оценить наличие в немецком законодательстве возможности возложения на несовершеннолетнего обязанности по посещению курсов обучения навыкам социальной адаптации, тренингов. Как нами отмечалось ранее, развитие составляющей ресоциализации в структуре акцессорных мер, в том числе, мер воспитательного воздействия, считаем перспективным направлением совершенствования отечественного законодательства.

Схожую с нормами о судебном штрафе правовую конструкцию медиационной процедуры (с элементами трансакции) можно отметить в § 153a УПК ФРГ. Так, с согласия суда и обвиняемого прокуратура может временно отказаться от предъявления публичного обвинения и возложить на обвиняемого определенные обязанности, в том числе, обязанность по выплате денежной суммы в государственный бюджет. В тех случаях, когда лицо не выполняет возложенную обязанность прокурор имеет полномочия возбудить публичное обвинение¹. В применении данной меры можно отметить ведущую роль прокурора и лишь согласующую функцию суда, что имеет существенные отличия от заложенного в российском законодательстве принципа назначения меры уголовно-правового характера только судом².

Интересным представляется опыт немецкого законодателя, предусмотревшего уголовно-правовые санкции в отношении юридических лиц, которые, как и в России, формально не относятся к субъектам уголовной ответственности. Соответствующие правовые последствия регламентированы Законом о нарушениях общественного порядка от 24 мая 1968 г., который устанавливает, что, если кто-либо, являясь полномочным представительным органом юридического лица либо лицом, которое совершает действия, связанные с руководством предприятием, совершает преступное деяние или нарушение порядка, нарушая обязанности, которые были предоставлены ему юридическим лицом, либо в результате чего юридическое лицо обогатилось или должно было

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии // Потсдамский портал публикации // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://opus.kobv.de/ubp/volltexte/2012/6177/pdf/sdrs02.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).

² Терентьева В.А. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания по законодательству Германии // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 171–174.

обогащаться, то юридическому лицу может быть назначен штраф. Другим правовым последствием совершенного с помощью либо в интересах юридического лица выступает специальная конфискация (§73 УУ Германии).

Сопоставляя указанные меры с отечественными предписаниями об аксессуарных мерах можно отметить определенное сходство применительно к возможности реализации конфискации в отношении юридического лица, получившего соответствующее имущество от осужденного (ч. 3, ст. 104.1 УК РФ). Учитывая сделанные нами ранее выводы, полагаем перспективным использование зарубежного опыта в части расширения сферы уголовно-правового воздействия в отношении корпораций, в том числе, путем применения последствий в виде штрафа.

Во Франции специальные меры, объединившие инструменты испытательного характера, воспитательного воздействия, медицинской и ресоциализационной направленности, регламентированы как в уголовном законодательстве, так и в иных специальных законах.

Большая часть положений, касающихся применения к несовершеннолетним отличных от наказания уголовно-правовых мер предусмотрена в отдельном законе (Ордонанс № 45-174 от 2 февраля 1945 г. о несовершеннолетних правонарушителях¹). К совершившим противоправное деяние подросткам могут применяться такие меры как передача под надзор родителей (лиц, достойных доверия), помещение в учреждение по воспитанию или профессиональному обучению, направление в медицинское или медико-педагогическое учреждение, помещение в государственное воспитательное учреждение и др. Кроме того, в жизни несовершеннолетнего могут быть установлены ограничения в части посещения определенных мест, общения с соответствующим кругом лиц, и предусмотрены такие обязанности как прохождение «испытания гражданства», оказание помощи потерпевшему и др.

¹ Ordonnance n° 45-174 du 2 février 1945 relative a l'enfance delinquante (Ordonnance) // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000517521&dateTexte=20171103> (дата обращения: 10.12.2020 г.).

В целом французская система мер уголовно-воспитательного воздействия на несовершеннолетних имеет сходство с российской, но при этом, как представляется, делает больший акцент на реализацию презумпции уголовной ответственности лиц, которые не достигли 18-летнего возраста¹. Во Франции, как и во многих европейских странах, альтернативные меры имеют приоритет перед мерами наказания в отношении несовершеннолетних². Сформулированные нами ранее предложения по совершенствованию отечественных норм о принудительных мерах воспитательного воздействия позволят учесть подобный положительный опыт.

В соответствии со ст. 131-36-1 УК Франции установлен порядок осуществления социально-судебного наблюдения, суть которого заключается в возложении на осужденного обязанности подчиняться мерам надзора и содействия, предназначенным для предупреждения рецидива. Данная мера применима как в качестве основного наказания по делам о проступках, так и после отбытия виновным наказания в виде лишения свободы, что сближает данную меру с российскими предписаниями об административном надзоре.

В рамках социально-судебного наблюдения ст. 131-36-4 УК Франции предусматривает возможность назначения судом предписаний определенного ухода. Данные обязанности, при условии реализации данной меры в качестве основного наказания, с нашей точки зрения можно рассматривать в качестве самостоятельной меры уголовно-правового характера в той части, которая связана с прохождением курса лечения, в том числе, от наркомании. Данная мера носит лечебно-профилактический характер, направлена на предупреждение совершения лицом новых преступлений и при этом обеспечена потенциальным государственным принуждением. Так, в соответствии с обозначенной выше нормой, суд разъясняет осужденному, что никакое лечение не может быть

¹ Оловенцева С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 3.

² Прихожая Л.Е. Зарубежный опыт применения мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним как источник совершенствования российского законодательства // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского института ФСИН России. – 2016. – № 4. – С. 213–214.

предпринято без его согласия, но, если он откажется от мер ухода, которые ему предлагаются, могут наступить санкции, включая тюремное заключение.

Аналогичные обязанности подвергнуться мерам медицинского наблюдения, лечения и ухода, в том числе, связанные с лечением наркомании, могут быть возложены на осужденного при предоставлении отсрочки с режимом испытания (ст. 132-45 УК Франции). Расположение подобных уголовно-правовых средств в структуре мер, относимых нами к вариативным мерам уголовно-правового характера, считаем верным, поскольку их можно отнести к первичным базовым последствиям совершенного общественно опасного деяния, которые обеспечены силой государственного принуждения. В этой части опыт французского законодателя подтверждает сделанные нами ранее выводы о верности рассмотрения возложения на осужденного обязанности пройти лечение от наркомании и реабилитации при назначении наказания (72.1 УК РФ) в качестве аксессуарной меры.

Далее во Франции, как и во многих других европейских странах, предусмотрены схожие с судебным штрафом правовые последствия в рамках такой альтернативной уголовному преследованию процедуры как транзакция (добровольное соглашение или публичный договор, сторонами которого являются государство в виде уполномоченного органа и лицо, подлежащее уголовной ответственности)¹. При этом в соответствии со ст. 41-2 УПК Франции условия штрафа выдвигаются прокурором, принимаются лицом, совершившим противоправное деяние, и только после этого штраф утверждается судом, что несколько отличает реализацию данной меры от российского порядка применения судебного штрафа.

Другим схожим с судебным штрафом правовым средством можно назвать отсрочку назначения наказания с финансовым предписанием, закрепленную в ст. 132-66 УК Франции. Спецификой реализации данной меры является необходимость осуществления виновным денежных выплат еще до решения вопроса о его возможном освобождении от наказания. При этом своевременное

¹ Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 134.

исполнение денежных требований не гарантирует виновному освобождение от наказания, а является одним из факторов, который учитывается судом при принятии решения на повторном судебном заседании.

Конфискация имущества в УК Франции предусмотрена в качестве наказания. При этом данная уголовно-правовая мера имеет два варианта реализации: 1) общая конфискация (полная либо частичная), применяемая в отношении имущества преступника, не связанного с совершением конкретного преступления, при совершении преступлений против человечества и ряда преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; 2) специальная конфискация, которая связана с изъятием имущества, служившим совершению общественно опасного деяния, либо полученного в результате преступного деяния. В перечень имущества, подлежащего конфискации, включены, в том числе, животные, в отношении либо с помощью которых было совершено посягательство (ст. 131-39 УК Франции).

С нашей точки зрения, стоит положительно оценить положения ст. 131.21 УК Франции, не ограничивающие возможность реализации конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, отдельными составами, как это предусмотрено в действующем УК РФ. Международный опыт подтверждает изложенные нами предложения о перспективности установления открытого перечня преступлений, последствиями совершения которых будет являться, в том числе, изъятие в доход государства незаконно полученных благ.

В УК Франции, как и во всех исследованных выше законодательствах, предусмотрена возможность применения конфискации в отношении юридических лиц, которые признаются субъектами уголовной ответственности. К преступным организациям применяются также такие меры как ликвидация, штраф, судебный надзор, запрет на осуществление определенной деятельности, закрытие одного или нескольких подразделений, лишение права продолжать договорные отношения в рамках государственных контрактов, конфискация и др. Самой строгой санкцией в отношении юридического лица выступает ликвидация, которая назначается, когда предприятие изначально создавалось в целях совершения преступлений либо уже

после создания отклонилось от заявленных целей деятельности в пользу совершения уголовных правонарушений (ст. 131-39 УК Франции).

Продолжая начатый ранее анализ возможности использования зарубежного опыта уголовного противодействия преступным корпорациям, отметим, что на сегодняшний день в соответствии с российским законодательством участие физического лица в совершении общественно опасного деяния рассматривается как преступление, а юридического лица – лишь как административный проступок. Сложившаяся конструкция административно-правового воздействия на корпорации за причастность к преступлениям входит в определенное противоречие со ст. 1 УК РФ, которая определяет, что единственным источником уголовного права является Уголовный кодекс РФ. Вызывает вопрос и достаточность административных санкций в отношении причастных к преступлению организаций с точки зрения их соответствия степени общественной опасности, которая возникает при вовлечении в преступный процесс корпораций. Специфика производства по делам об административных правонарушениях, предполагающих установление причастности юридического лица к совершению преступления, имеет ряд серьезных ограничений, включая сроки производства по делу, отсутствие возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий и др. Не до конца проработан механизм возмещения убытков, причиненных преступлением, когда обязанность возместить вред ложится на виновное физическое лицо даже в случае совершения преступления с использованием и (или) в интересах какой-либо организации.

Предложенная профессором Б.В. Волженкиным концепция, разделяющая категории субъект преступления (физическое лицо) и субъект уголовной ответственности (в том числе, юридическое лицо)¹, безусловно, явилась шагом вперед в направлении научного поиска оптимального варианта регламентации правовых последствий совершения преступления с участием юридического лица, однако не в полной мере учитывает положения ст. 8 УК РФ, в соответствии с которой единственным основанием уголовной ответственности является

¹ Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 26.

совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, в том числе, субъекта.

Исследователи, на наш взгляд, проводят верную дифференциацию санкций в отношении юридических лиц. Соответствующие правовые последствия подразделяются на санкции-наказания и санкции – иные меры уголовно-правового характера¹, которые находят свое закрепление как в национальных уголовных кодексах, так и в специальных уголовных законах. В целом соглашаясь с предложенной классификацией, все же отметим, что ключевой водораздел между санкциями-наказаниями и санкциями – иными мерами уголовно-правового характера должен проходить не по строгости правовых последствий, а в зависимости от признания национальным законодательством корпораций субъектами уголовной ответственности.

Полагаем, что для правовой системы России, наиболее подходящей представляется модель, когда неблагоприятные правовые последствия для организаций будут относиться не к институту наказания, а к иным (акцессорным) мерам уголовно-правового характера. Представляется, что основанием для применения акцессорных мер в отношении организаций может выступать причастность юридического лица к совершенному преступлению, то есть совершение контролирующим организацию лицом преступления с использованием и (или) в интересах юридического лица при условии установления факта бездействия контролирующих организацию лиц, не предпринявших достаточных мер для исключения причастности юридического лица к преступлению, имея на то возможность.

В предложенной конструкции оснований уголовно-правового воздействия предусмотрены исключительно объективные признаки причастности предприятия к совершенному преступлению, не предполагающие установление виновно совершившего деяние субъекта. Данный подход является не бесспорным, но наиболее безболезненным для действующей системы уголовного

¹ Федоров А.В. Уголовные санкции-наказания для юридических лиц в странах континентального права (романо-германской правовой семьи) Западной Европы // Российский следователь. – 2020. – № 8. – С. 74.

законодательства. Более того, он уже в определенной степени реализован российским законодателем при установлении норм о конфискации имущества у юридического лица (ч. 3, ст. 104.1 УК РФ). В этом же контексте можно упомянуть возможность реализации акцессорных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, не отвечающих требованиям субъекта преступления в силу невменяемости (ч. 1, ст. 97 УК РФ), а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, предусматривающее, что в случае совершения некоторых налоговых преступлений физическими лицами, допускается возмещение ущерба и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу.

Согласимся, что из предусмотренных в российском уголовном праве акцессорных мер одной их наиболее перспективных для реализации в отношении юридических лиц является судебный штраф¹. Отличительной чертой зарубежных аналогов судебного штрафа, реализуемых в отношении юридических лиц выступает их принудительный характер, предполагающий отсутствие необходимости получения согласия на его применения со стороны организации. Размеры корпоративного штрафа устанавливаются судами с учетом тяжести совершенного общественно опасного деяния, как правило, в пределах установленной верхней границы. В частности, во Франции размер штрафа в отношении организаций равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренного для физических лиц.

Как было отмечено выше, зарубежная практика показывает, что признание юридических лиц в качестве субъектов преступления не является обязательным для распространения действия норм о судебном штрафе в отношении юридических лиц. Однако, при принятии соответствующих законодательных решений, с нашей точки зрения, потребуются установление специальных правил о принудительном характере судебного штрафа (возможности применения без согласия организации) и приоритетном порядке возмещения ущерба, причиненного преступлением.

¹ Антонова Е. Ю., Луценко Н. С. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера в отношении корпоративных (коллективных) образований // Вестник Дальневосточного юридического института МВД РФ. – 2019. – № 1(46). – С. 10.

Полагаем, что использование опыта зарубежных государств при установлении акцессорных мер в отношении юридических лиц будет способствовать достижению таких целей как лишение корпораций имущественной выгоды, полученной в результате преступления, возмещение причиненного вреда и восстановление прав, нарушенных при совершении общественно опасного деяния, а также предупреждение совершения новых преступлений.

Обращаясь к тенденциям развития аналогов норм института акцессорных мер в постсоветских государствах, можно согласиться, что у них выработана единая «педагогическая сущность»: при родственной уголовным наказаниям природе они отличаются большей степенью гуманности¹. Наиболее актуальными из них можно назвать, во-первых, внедрение новых мер уголовно-правового воздействия, не имеющих карательной сущности, а также модернизацию созданных еще в советский период форм ресоциализации правонарушителей, носящих воспитательный или испытательный характер.

В частности, интересной представляется практика Казахстана, в уголовном законодательстве которого установлены нормы как о судебном штрафе (назначается при освобождении от уголовной ответственности с соблюдением определенных условий), так и принудительном платеже. Последняя мера представляет собой взыскание фиксированной денежной суммы по решению суда с виновного лица в Фонд компенсации потерпевшим. Особенностью принудительного платежа является возможность его применения как при освобождении лица от уголовной ответственности, так и в сочетании с наказанием. Кроме того, принудительный платеж, в отличие от судебного штрафа, взыскивается независимо от волеизъявления лица, совершившего преступление.

Далее вызывает интерес положение УК Республики Беларусь об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, схожее с российским судебным штрафом и предусматривающее, в том числе, обязанность по выплате штрафа в качестве меры административного

¹ Ветошкин С.А. Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 12А. – С. 111–125.

взыскания. При этом данная выплата предшествует решению суда об освобождении лица от уголовной ответственности. Но в случае отклонения судом соответствующего ходатайства денежные средства, внесенные на депозитный счет, возвращаются лицу, которое их внесло.

Относительно опыта постсоветских государств в части уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц можно отметить УК Украины, где в разделе 14-1 «Меры уголовно-правового характера для юридических лиц» предусмотрены такие меры как ликвидация предприятия, конфискация имущества, штраф. При этом юридическое лицо в данном государстве не признается субъектом уголовно-правовых отношений. Аналогичная концепция реализована в УК Республики Киргизия, где юридическое лицо также не является субъектом преступления, однако к нему могут быть применены принудительные меры уголовно-правового воздействия.

Достаточно интересен опыт некоторых постсоветских государств в части установления расширенной конфискации имущества.

Так, ст. 106.1 УК Молдовы устанавливает, что расширенная конфискация применяется в случае осуждения лица за совершение таких преступлений, как отмывание денег, извлечение выгоды из влияния, незаконное обогащение, получение взятки, дачу взятки и др. При этом одним из условий реализации данной меры является наличие в деянии корыстных побуждений.

В ст. 83.2 УК Эстонии сформулировано важное правило, согласно которому правовое значение для реализации расширенной конфискации имеет юридическая природа совершенного преступления, разница между легальным доходом виновного и его финансовым благосостоянием или иные факты, которые могут привести к разумному предположению о приобретении активов в результате совершения преступления, являющегося, вероятно, частью длительной криминальной активности.

Как отмечалось выше, практика расширенной конфискации соответствует тенденциям законодательств англо-саксонской семьи права и современной европейской правовой традиции. Так, особое внимание расширенной конфискации

в уголовном порядке уделено в Директиве 2014/42/EU Европейского Парламента и Совета от 3 апреля 2014 года об аресте и конфискации орудий, средств совершения и доходов от преступлений в Европейском Союзе¹.

Использование расширенной конфискации отражает тенденцию интенсивного противодействия возникшим в новейший период угрозам национальной, экономической и общественной безопасности, связанным с деструктивным влиянием коррупции, проявлений организованной преступности, активизацией транснациональной преступной деятельности. Расширенная конфискация является перспективной мерой уголовно-правового характера, позволяющей обеспечить обращение в доход государства имущества, полученного в результате дящейся противоправной деятельности. Однако, сделанные нами ранее выводы относительно преждевременности законодательных решений в части пересмотра бремени доказывания по уголовным делам позволяют нам лишь констатировать перспективность использования подобного рода механизмов при изъятии незаконных активов в гражданско-правовом порядке.

Подводя итог, необходимо заключить, что тенденции развития норм, регламентирующих аналоги акцессорных мер в законодательстве зарубежных стран, находятся под воздействием конвергенции правовых систем, вследствие чего имеют определенное сходство. Тем не менее, действующее в России правовое регулирование акцессорных мер уголовно-правового характера нуждается в рецепции следующего зарубежного опыта:

- регламентация мер уголовно-правового характера в отношении корпораций, причастных к совершению преступлений (причастность юридических лиц к совершенному преступлению должна определяться исключительно на основе объективных признаков без установления вины и лица, отвечающего признакам субъекта преступления, а правовые последствия, соответственно, не должны относиться к формам реализации уголовной ответственности);

¹ Конфискация орудий, средств совершения и доходов от коррупционных преступлений в Восточной Европе и Центральной Азии. Стамбул: ОЭСР, 2018. С. 75–76.

- развитие составляющей ресоциализации в структуре отдельных акцессорных вариативных мер, в том числе, путем задействования в их исполнении негосударственных общественных институтов (реализация норм о принудительных мерах воспитательного воздействия подлежит дополнению возложением на несовершеннолетнего обязанности по участию в специальных социально-реабилитационных программах, направленных на устранение неблагоприятных условий, находящихся в причинно-следственной связи с совершенным преступлением);

- отказ от регламентации в российском уголовном законодательстве норм об изъятии в доход государства активов, полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности, с мотивировкой о необходимости акцентуации усилий государственной политики на развитии более эффективных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов в рассматриваемой сфере, в том числе, путем реализации конфискации *in rem*.

- определение институциональной принадлежности возложения обязанности пройти лечение от наркомании и реабилитацию при назначении наказания (ст. 72.1 УК РФ) в качестве акцессорной дополнительной меры, а также ограничение сферы реализации указанной нормы случаями совершения преступления в состоянии опьянения либо при наличии связи совершенного общественного опасного деяния со склонностью к употреблению запрещенных веществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный комплексный анализ акцессорных уголовно-правовых мер позволил выработать научную концепцию правового и индивидуального регулирования общественных отношений в сфере регламентации и применения не входящих в объем уголовной ответственности, но обеспеченных силой государственного принуждения средств разрешения уголовно-правового конфликта.

К наиболее важным выводам, сделанным по результатам исследования, диссертант относит следующие:

1. Установление в уголовном законе иных мер уголовно-правового характера обеспечивает разграничение принудительного сегмента уголовно-правового воздействия. Концептуально иные меры уголовно-правового характера имеют акцессорный характер по отношению к мерам, применяемым в рамках уголовной ответственности. Конкретизация дефиниции «иные меры уголовно-правового характера» в «акцессорные меры уголовно-правового характера» внесет определенность в отражение их правовой сущности.

Акцессорными являются вспомогательные связанному с реализацией уголовной ответственности ресурсу уголовно-правового воздействия некарательные меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

Правовая акцессорных мер отражается в следующих сущностных признаках, проявляющихся в том, что рассматриваемые меры: 1) являются базовыми средствами разрешения уголовно-правового конфликта (применяются в качестве первичных правовых последствий совершения общественно опасного деяния), 2) не входят в содержание уголовной ответственности в силу вариативного или дополняющего характера, 3) обладают принудительным потенциалом, 4) имеют некарательный характер.

2. Акцессорные меры уголовно-правового характера выступают вариативной формой реализации принудительного сегмента уголовно-правового воздействия

либо дополняют объем уголовно-правового воздействия в случаях привлечения лица к уголовной ответственности или освобождения от нее.

Дифференциация акцессорных уголовно-правовых мер на вариативные и дополнительные меры обеспечит соблюдение требований определенности права и однозначности регулирования правоотношений, связанных с регламентацией отличных от уголовной ответственности правовых последствий, реализуемых в связи с совершением общественно опасного деяния.

3. Вариативными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию уголовной ответственности, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

К вариативным мерам уголовно-правового характера относятся: принудительные меры медицинского характера (пункты «б» – «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ), судебный штраф (ст. 104.4. УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), помещение несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (законодательство в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних).

Дополнительными являются меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с мерами уголовной ответственности либо мерами, исключающими уголовную ответственность, в связи с совершением общественно опасного деяния.

К дополнительным мерам уголовно-правового характера относятся: конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ), возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ).

4. Некарательное свойство является имманентным признаком акцессорных мер уголовно-правового характера.

Некарательное свойство вариативных мер проявляется в том, что данные меры по степени правоограничений уступают той форме реализации уголовной

ответственности, по отношению к которой они являются вариативной формой разрешения уголовно-правового конфликта в конкретном случае.

Некарательное свойство дополнительных мер уголовно-правового характера проявляется в том, что данные меры предполагают возложение на адресата применения ограничений в правах, реализация которых либо не подлежит защите в силу закона, либо затрагивает сферу жизнедеятельности, где лицу необходима помощь.

5. Уголовно-правовое воздействие – это предусмотренная уголовным законодательством ответная реакция государства на совершение общественно опасного деяния, выраженная в применении мер уголовно-правового воздействия (наказание, акцессорные меры, освобождение от уголовной ответственности и наказания), а также корректирующих либо сопутствующих их реализации средств.

Мерой уголовно-правового воздействия является наиболее соответствующий объективным, относящимся к совершенному общественно опасному деянию, и субъективным, относящимся к личности лица его совершившего, обстоятельствам вид первичных юридических последствий совершения общественно опасного деяния, установленных в санкции нормы Особенной части УК РФ, по которой квалифицируется содеянное, или в диспозиции нормы Общей либо Особенной частей УК РФ, в которой предусмотрен способ привилегированного или исключительного правового реагирования.

6. В объем уголовно-правового воздействия входят: 1) непосредственно меры уголовно-правового воздействия, которые реализуются государством в качестве основного средства разрешения уголовно-правового конфликта, то есть первичной ответной реакции на совершение общественно опасного деяния (наказание, акцессорные меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, отдельные виды освобождения от наказания, применяемые вне рамок уголовно-исполнительных отношений); 2) корректирующие средства уголовно-правового воздействия, реализуемые в механизме примененных ранее мер и обусловленные возникновением вторичных юридических фактов в рамках уже урегулированных уголовным законом охранительных отношений (замена

неотбытой части более мягким наказанием, замена назначенного наказания на более строгое, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отмена условного осуждения, виды освобождения от наказания, реализуемые в рамках уголовно-исполнительных отношений и др.); 3) сопутствующие средства уголовно-правового воздействия, позволяющие корректировать правовой статус лица, совершившего преступление, помимо реализуемой меры уголовно-правового воздействия (правовые последствия судимости и др.).

7. В зависимости от соотношения с уголовной ответственностью меры уголовно-правового воздействия дифференцируются на два типа мер: связанные с реализацией уголовной ответственности и акцессорные меры уголовно-правового характера. Связанные с реализацией уголовной ответственности меры включают в себя меры освобождения от уголовной ответственности и меры привлечения к уголовной ответственности, которые, в свою очередь, делятся на меры привлечения к уголовной ответственности с назначением и без назначения наказания. Акцессорные меры уголовно-правового характера дифференцируются на вариативные и дополнительные меры. Вариативные меры исключают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности. Дополнительные меры сопровождают применение мер, связанных с реализацией уголовной ответственности, а также отдельных вариативных мер.

8. Место акцессорных мер в иерархии уголовно-правового воздействия определяется их воспитательным, медицинским, имущественным механизмом воздействия, особым субъектным составом потенциальных адресатов применения и специальными юридическими характеристиками противоправных посягательств, в связи с совершением которых они могут применяться.

Разнонаправленная специфика реализации акцессорных мер уголовно-правового характера в рамках лечебной, воспитательной, имущественной коррекции обуславливает отсутствие комплекса универсальных целей норм соответствующего института.

Принудительно-некарательное свойство, а также дифференцированное целеполагание акцессорных мер определяет их самостоятельное место в структуре

уголовно-правового воздействия. Сочетание названных признаков является уникальным и ограничивает сферу реализации акцессорных мер от наказания и видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

9. Социально-правовая обусловленность акцессорных мер уголовно-правового характера основана на диверсифицированной оценке общественной опасности противоправного поведения и личности адресата применения, вследствие чего возникает потребность в отказе от исключительно репрессивной формы реагирования на факт совершения общественно опасного посягательства либо в реализации кумулятивного типа воздействия, сочетающего применение одновременно нескольких мер.

Критериями, характеризующими социально-правовую обусловленность установления в уголовном законодательстве вариативных мер уголовно-правового характера, являются: 1) в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законе всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния, 2) отсутствие необходимости реализации уголовной ответственности ввиду специфики отдельных общественно опасных посягательств, 3) необходимость отражения индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особенными характеристиками, 4) способность вариативных форм уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами целей, 5) социальный запрос на законодательное закрепление способов уголовно-правового воздействия, исключающих уголовную ответственность.

Критериями, характеризующими социально-правовую обусловленность установления в уголовном законодательстве дополнительных мер уголовно-правового характера, являются: 1) в силу действия принципа законности - императивное требование отражения в уголовном законодательстве всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния, 2) недостаточность мер уголовной ответственности либо мер, направленных на освобождение от уголовной ответственности, для достижения целей уголовно-правового воздействия, 3) необходимость отражения в законодательстве

индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особенными характеристиками, а также лиц, совершивших общественно опасные посягательства определенной специфики, 4) способность дополнительного уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед соответствующими мерами уголовно-правового характера целей, 5) социальный запрос на законодательное закрепление дополнительных уголовно-правовых последствий общественно опасного деяния.

К основным предпосылкам установления акцессорных мер уголовно-правового характера относятся: 1) изменение структуры общественных отношений, вследствие чего отпадает необходимость максимально строгой уголовно-правовой охраны, 2) дробление уголовно-правовых последствий совершения общественно опасного деяния, обусловленное невозможностью универсального реагирования на разные формы преступной деятельности, 3) экономические условия жизни общества, которые придают отдельным законодательным решениям об установлении акцессорных мер уголовно-правового характера статус дополнительного источника бюджетных поступлений.

Факультативными предпосылками, то есть охватывающими некоторые субъективные аспекты формирования уголовной политики государства в конкретный исторический период, являются: 1) переосмысление сингулярности (особенности) праворегулирующей функции уголовно-правового запрета и трансформация идеи борьбы с преступностью в идею контроля над ней в управляемом состоянии, 2) универсальный вектор гуманизации уголовной политики государства, предполагающий расширение некарательных средств воздействия на правонарушителей, 3) соответствующий уровень правосознания общества, связанный с наличием нравственно-психологических особенностей граждан, нарушающих уголовно-правовой запрет в качестве проявления правового нигилизма.

10. Совокупность акцессорных мер является открытой системой, элементы которой объединены на основе следующих системообразующих признаков: каждый элемент системы является утилитарной мерой уголовно-правового

характера социально-компенсирующей направленности, не входящей в содержание уголовной ответственности.

Системой акцессорных мер уголовно-правового характера является обусловленное развитием внешней среды и выстроенное по функциональному принципу постоянное множество взаимосвязанных элементов (не входящих в содержание уголовной ответственности мер уголовно-правового характера), разделенное на две подсистемы вариативных и дополнительных мер, нормативное отражение которых имеет место в положениях Общей части УК РФ, а социальное – в конкретных общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния и необходимостью применения к нему мер уголовно-правового воздействия, сочетающих принудительно-некарательные начала.

Система акцессорных мер уголовно-правового характера демонстрирует определенную степень дезорганизации, поскольку имеет ряд отклонений от таких системных критериев как обособленность, внешняя обусловленность, структурированность, внутренняя согласованность. Вместе с тем, изучение акцессорных мер в качестве системы допустимо, поскольку рассматриваемая совокупность мер выступает целостным образованием, входящим в надсистему более высокого порядка – систему мер уголовно-правового характера, и имеющим достаточную плотность связей между элементами.

11. Развитие доктринальных представлений о системе акцессорных мер уголовно-правового характера осложняется существенным отставанием законодателя в сфере систематизации норм общей части УК РФ, регламентирующих вариативные и дополнительные меры. Совокупность правовых инструментов, отнесенных законодателем к акцессорным мерам уголовно-правового характера, не отвечает критериям полноты и целостности, поскольку ряд правовых средств, сущностно являющихся иными мерами уголовно-правового характера, законодателем таковыми не названы и определены на основе иной институциональной и отраслевой принадлежности.

Правовые последствия совершения общественно опасного деяния, имеющие признаки акцессорных (вариативных и дополнительных) мер уголовно-правового характера, необходимо закрепить в одном разделе УК РФ, что обеспечит единообразное понимание их правовой природы, а также последовательность и непротиворечивость правовой регламентации мер уголовно-правового характера, при которой в разделе III Общей части УК РФ установлен исчерпывающий перечень наказаний, а в разделе VI будут консолидированы все акцессорные меры уголовно-правового характера.

12. В системе акцессорных мер уголовно-правового характера выявлены следующие типы системных связей:

- внешние координационные связи между акцессорными мерами уголовно-правового характера и другими подсистемами уголовно-правового воздействия (наказанием, освобождением от уголовной ответственности или наказания), которые проявляются в нормах Общей части УК РФ, ориентирующих правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной формы реагирования на общественно опасное деяние;

- внешние обратные связи, обеспечивающие возможность коррекции акцессорных мер в процессе индивидуального судебного регулирования соответствующих отношений;

- внутренние координационные связи между подсистемами, образующими систему акцессорных мер уголовно-правового характера, взаимообуславливающие выбор соответствующей меры, которые проявляются в нормах Общей части УК РФ, ориентирующих правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной акцессорной меры уголовно-правового характера при наличии возможных альтернатив либо совокупности мер;

- реординационные связи между элементами системы акцессорных мер уголовно-правового характера и внешними системами медицинского права, закона о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые проявляются в нормах, обеспечивающих соответствующее межсистемное взаимодействие.

13. Эффективность акцессорных мер уголовно-правового характера оценивается дифференцированно применительно к нормам рассматриваемого института и практике их применения.

Эффективность норм об акцессорных мерах определяется совокупностью следующих критериев, отражающих качество регламентации соответствующих положений законодательства: 1) доступность нормы для правоприменителя, 2) соответствие заложенных в структуре вариативных и дополнительных мер правоограничений особенным характеристикам потенциальных адресатов применения и (или) общественно опасных деяний, в связи с совершением которых они могут применяться, 3) обеспеченность нормы корректирующим механизмом исполнения меры, предполагающим возможность фактического осуществления контроля за лицом и регулирование соответствующего воздействия в период реализации меры (применительно к акцессорным вариативным мерам).

Эффективность применения акцессорных мер уголовно-правового характера определяется как качественно-количественное множество, характеризующее особенности индивидуального воздействия на лицо, совершившее общественно опасное деяние. Эффективность применения акцессорных мер оценивается дифференцированно к нормам о вариативных и дополнительных мерах.

Эффективность применения акцессорных вариативных мер определяется максимальным снижением вероятности совершения повторного общественно опасного деяния после применения меры с минимальными правоограничениями, налагаемыми на адресата.

Эффективность применения акцессорных дополнительных мер определяется максимальным достижением целей мер уголовно-правового воздействия, реализацию которых они сопровождают, путем разрешения автономных задач лечебной направленности либо имущественной коррекции правового статуса адресата.

14. Тенденции применения акцессорных мер уголовно-правового характера в целом отвечают последовательно провозглашаемому принципу отказа от избыточной репрессии. Показатели применения большинства вариативных мер

уголовно-правового характера имеют тенденцию к росту как в абсолютных, так и в относительных значениях. Показатели применения дополнительных мер уголовно-правового характера в последние годы демонстрируют стабильность. Применение акцессорных мер в значительном сегменте не в полной мере соответствуют фактическим потребностям регулирования соответствующих правоотношений, что обусловлено законодательными недочетами как на уровне регламентации отдельных норм, так и на институциональном уровне.

15. Акцессорные вариативные меры имеют повышенный антирецидивный потенциал. Снижение показателей рецидивной преступности возможно за счет расширения практики применения судебного штрафа и принудительных мер воспитательного воздействия.

16. В целях обеспечения реализации принципа экономии репрессии при выборе меры уголовно-правового воздействия в рамках индивидуального судебного регулирования необходимо в положениях уголовного закона и разъяснениях высших судебных инстанций отразить следующий алгоритм правоприменительной деятельности: в отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности применению подлежит акцессорная вариативная мера при условии соответствия специфики деяния и лица, его совершившего, установленным требованиям; привлечение лица к уголовной ответственности допустимо только в случае признания невозможности достижения целей уголовно-правового воздействия путем применения акцессорных вариативных мер с приведением мотивов принятого решения.

17. Тенденции развития норм, регламентирующих аналоги акцессорных мер в законодательстве зарубежных стран, находятся под воздействием конвергенции правовых систем, вследствие чего имеют определенное сходство. Тем не менее, действующее в России правовое регулирование акцессорных мер уголовно-правового характера нуждается в рецепции следующего зарубежного опыта:

- регламентация мер уголовно-правового характера в отношении корпораций, причастных к совершению преступлений (причастность юридических лиц к совершенному преступлению должна определяться исключительно на основе

объективных признаков без установления вины и лица, отвечающего признакам субъекта преступления, а правовые последствия, соответственно, не должны относиться к формам реализации уголовной ответственности);

- развитие составляющей ресоциализации в структуре отдельных акцессорных вариативных мер, в том числе, путем задействования в их исполнении негосударственных общественных институтов (реализация норм о принудительных мерах воспитательного воздействия подлежит дополнению возложением на несовершеннолетнего обязанности по участию в специальных социально-реабилитационных программах, направленных на устранение неблагоприятных условий, находящихся в причинно-следственной связи с совершенным преступлением);

- отказ от регламентации в российском уголовном законодательстве норм об изъятии в доход государства активов, полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности, с мотивировкой о необходимости акцентуации усилий государственной политики на развитии более эффективных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов в рассматриваемой сфере, в том числе, путем реализации конфискации *in rem*.

- определение институциональной принадлежности возложения обязанности пройти лечение от наркомании и реабилитацию при назначении наказания (ст. 72.1 УК РФ) в качестве акцессорной дополнительной меры, а также ограничение сферы реализации указанной нормы случаями совершения преступления в состоянии опьянения либо при наличии связи совершенного общественного опасного деяния со склонностью к употреблению запрещенных веществ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**I. Международно-правовые акты**

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета – 1995. – № 235 (2095). – С. 4.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Европейские правила исполнения наказания и иных мер без изоляции правонарушителей от общества : утв. 19.10.1992 рекомендацией Комитета министров Совета Европы № R (92) 16 // Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем. – Страсбург : Совет Европы, 2015. – С. 9–33.
4. Европейские правила в отношении альтернативных наказаний и мер // Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем. – Нью-Йорк, 2015. – С. 5–32.
5. Европейские правила в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера // Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Сборник документов Совета Европы. – М. : PRI, 2011. – С. 67–113.
6. Кадомская декларация об общественно полезных работах // Сборник стандартов и норм Организации Объединённых Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 2007. – С. 128–131.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 1. – С. 3–6.
8. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних // Сборник

стандартов и норм Организации Объединённых Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 2007. – С. 49–74.

9. Стандартные минимальные правила Организации Объединённых Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением // Сборник стандартов и норм Организации Объединённых Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 2007. – С. 117–127.

II. Нормативные правовые акты РСФСР и Российской Федерации

10. Конституция РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

12. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

13. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // Российская газета. – 1995. – № 81 (1192).

14. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета. – 1995. – № 234 (1345).

15. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. – 1999. – № 121 (2230).

16. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. – 2001. – № 151 (2763).

17. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – № 138-139 (3006-3007).

18.Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 252 (3366).

19.Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Российская газета. – 2004. – № 182 (3559).

20.Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – № 48 (4014).

21.Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – № 165 (4131).

22.Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета. – 2007. – № 223 (4486).

23.Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. – 2010. – № 168 (5247).

24.Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. – 2011. – № 75 (5451).

25.Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – № 263 (5639).

26.Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – № 278 (5654).

27.Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Российская газета. – 2012. – № 280 (5953).

28.Федеральный закон от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – № 267 (6243).

29.Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. – 2012. – № 46 (5719).

30.Федеральный закон от 14.10.2014 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета. – 2014. – № 238 (6510).

31.Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 24 (6595).

32.Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – № 139 (7007).

33.Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2016. – № 149 (7017).

34.Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (по сост. на 23.02.2018) // Российская газета. – 2010. – № 128 (5207).

35.Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

36.Государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» : утв. пост. Правительства РФ от 15.04.2014 № 299 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18. – Ст. 2148.

37.Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018-2026 годы)» : утв. пост. Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 // Правительство России // [Электронный ресурс] – Режим доступа : URL : <http://government.ru/docs/32277/>.

38.Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года : утв. расп. Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р // Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.fsrar.ru/policy_of_sobriety/konceptcia.

39.План мероприятий по созданию государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотиков и совершенствованию системы наркологической медицинской помощи и реабилитации больных наркоманией (на 2012-2020 годы) : утв. расп. Правительства РФ от 14.02.2012 № 202-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 8. – Ст. 1084.

40.Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации : утв. пост. ВС РФ 22.07.1993 № 5494-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1265.

41.Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // СУ РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 590.

42. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

43. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 // СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 204.

44. Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

45. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

46. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

47. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 02.07.1991 // Ведомости ВС СССР. – 1991. – № 30. – Ст. 862.

III. Материалы судебной статистики и судебной практики

48. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

49. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

50. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

51. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ

// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

52. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

53. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.

54. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2017 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.

55. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

56. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

57. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

58. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ
// [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

59.Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2017 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>.

60.Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

61.Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2019 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.

62.Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.

63.Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>.

64.Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за 12 месяцев 2017 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>.

65.Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих

наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за 12 месяцев 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

66.Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за 12 месяцев 2019 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.

67.Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за 12 месяцев 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.

68.Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за 12 месяцев 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>.

69.Постановление Конституционного Суда от 25.02.2016 № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь // Российская газета. – 2016. – № 51 (6919).

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма» // СПС «Консультант плюс» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51335.html/>

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 5-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Российская газета. – 2016. – № 73 (6941).

72. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1690-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кажяевой Светланы Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью восьмой статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Конституционный Суд РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision245421.pdf>

73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 8 «О ходе выполнения судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.1988 № 1 «О практике назначения судами Российской Федерации наказания в виде лишения свободы» (утратило силу) // Российская газета. – 1996. – № 212 (1572).

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (утратило силу) // Российская газета. – 1999. – № 129.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (утратило силу) // Российская газета. – 2007. – № 13 (4276).

76.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (по сост. на 26.12.2017) // Российская газета. – 2011. – № 29 (5405).

77.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (по сост. на 26.12.2017) // Российская газета. – 2011. – № 84 (5460).

78.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2013. – № 145 (6121).

79. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2018. – № 134 (7597).

80.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2015. – № 295 (6866).

81.Постановление Пленума Верховного Суда от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2016. – № 277 (7145).

82.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Верховный Суд РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://supcourt.ru/documents/own/24308/>

83.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – № 106с (7569).

84.Постановление № 1-29/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-29/2019 Клинского городского суда Московской области // Архив Клинского городского суда.

85.Постановление № 1-62/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-62/2019 Чернышевского районного суда Забайкальского края // Архив Чернышевского районного суда.

86.Постановление № 1-11/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-11/2019 Новосибирского гарнизонного суда военного суда Новосибирской области // архив Новосибирского гарнизонного военного суда.

87.Постановление № 1-28/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-28/2019 Надымского городского суда ЯНАО // Архив Надымского городского суда.

88.Постановление № 1-10/2019 от 6 марта 2019 г. по делу № 1-10/2019 Буденновского гарнизонного военного суда Ставропольского края // Архив Буденновского гарнизонного военного суда.

89.Постановление № 1-49/2019 от 7 марта 2019 г. по делу № 1-49/2019 Чебоксарского районного суда Чувашской Республики // Архив Чебоксарского районного суда.

90.Постановление № 1-26/2019 от 12 марта 2019 г. по делу № 1-26/2019 Оричевского районного суда Кировской области // Архив Оричевского районного суда.

91.Постановление № 1-93/2019 от 15 марта 2019 г. по делу № 1-93/2019 Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области // Архив Комсомольского районного суда г. Тольятти.

92.Постановление № 1-60/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 1-60/2019 Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края // Архив Верхнебуреинского районного суда.

93.Постановление № 1-95/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 1-95/2019 Аншинского городского суда Челябинской области // Архив Аншинского городского суда.

94.Постановление № 1-237/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 1-237/2019 Ленинского районного суда г. Кирова Кировской области // Архив Ленинского районного суда г. Кирова.

95.Постановление № 1-128/2019 от 22 марта 2019 г. по делу № 1-128/2019 Хабаровского районного суда Хабаровского края // Архив Хабаровского районного суда.

96.Постановление № 1-37/2019 от 22 марта 2019 г. по делу № 1-37/2019 Белоярского районного суда Свердловской области // Архив Белоярского районного суда.

97.Постановление № 1-321/2019 от 25 марта 2019 г. по делу № 1-321/2019 Абаканского городского суда Республики Хакасия // Архив Абаканского городского суда.

98.Постановление № 1-30/2019 от 27 марта 2019 г. по делу № 1-30/2019 Владивостокского гарнизонного военного суда Приморского края // Архив Владивостокского гарнизонного военного суда.

99.Постановление № 1-27/2019 от 29 марта 2019 г. по делу № 1-27/2019 Даниловского районного суда Ярославской области // Архив Даниловского районного суда.

100. Постановление № 1-429/2018 1-55/2019 от 29 марта 2019 г. по делу № 1-429/2018 Гатчинского городского суда Ленинградской области // Архив Чебоксарского городского суда.

101. Постановление № 1-27/2019 от 29 марта 2019 г. по делу № 1-27/2019 Даниловского районного суда Ярославской области // Архив Чебоксарского районного суда.

102. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

103. Обзор судебной практики военных судов по применению института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Верховный суд Российской Федерации.

104. Обобщение судебной практики по прекращению уголовных дел или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа за 12 месяцев 2018 г. // Судебный участок № 2 мирового судьи Новосергиевского района Оренбургской области.

105. Обобщение судебной практики применения судами области законодательства об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст.76.2 УК РФ) // Амурский областной суд.

106. Обобщение практики назначения районными (городскими) судами меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности за 2017 год // Волгоградский областной суд.

107. Обобщение судебной практики прекращения уголовных дел или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (освобождения от уголовной ответственности лиц с назначением судебного штрафа) (ст. 76.2 УК РФ) за период с 15 июля 2016 года по 31 декабря 2016 года // Ленинградский областной суд.

108. Справка по итогам обобщения судебной практики применения мировыми судьями Центрального района г. Оренбурга освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ) за первое полугодие 2018 г. // Судебный участок № 2 мирового судьи Центрального района г. Оренбурга.

109. Справка по результатам обобщения судебной практики назначения судебного штрафа за 2017 год и первое полугодие 2018 года // Судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда.

110. Дело № 10-9698/2017 // Архив Московского городского суда.

111. Дело № 1-141/2017 // Архив Кировского районного суда г. Хабаровска.

112. Дело № 1-17/2020 // Архив Ломоносовского районного суда г. Архангельска.

113. Дело № 1-185/2020 // Архив Мытищинского городского суда.
114. Дело № 1-200/2019 // Архив Медведевского районного суда Республики Марий Эл.
115. Дело № 1-36/2020 // Архив Полярного районного суда Мурманской области.
116. Дело № 2-2/2020 // Архив Верховного Суда Республики Калмыкия.
117. Дело № 22-176/2017 // Архив Ульяновского областного суда.
118. Дело № 2-592/2021 // Архив Читинского районного суда.
119. Дело № 2-768/2016 // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области.
120. Дело № 4/17-44 /2018 // Архив Кировского районного суда г. Перми Пермского края.
121. Уголовное дело № 1–170/2018 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области.
122. Уголовное дело № 1-337/2019 // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.
123. Практика применения судами принудительных мер медицинского характера // Пензенский областной суд // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/a/1448/>.
124. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
125. Сведения о зарегистрированной преступности // Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
126. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года. – М. : ФКУ ГИАЦ МВД России, 2019. – 60 с.
127. Статистические данные о состоянии преступности в РФ // Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

128. Показатели преступности РФ // Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

IV. Монографии, учебники, учебные пособия

129. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А. Н. Аверьянов. – М. : Политиздат, 1985. – 218 с.

130. Агзамов, И. М. Условное неприменение наказания в уголовном праве России : монография / И. М. Агзамов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 438 с.

131. Азми, Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения / Д. М. Азми. – М. : Юстицинформ, 2014. – 359 с.

132. Айдинян, Р. Н. Система понятий и принципов гносеологии : монография / Р. Н. Айдинян. – Л. : изд-во ЛГУ, 1991. – 208 с.

133. Актуальные проблемы уголовного права / отв. ред. О. С. Капинус. – М. : Проспект, 2015. – 199 с.

134. Александров, А. И. Философия зла и философия преступности / А. И. Александров. – СПб. : ИД СПбГУ, 2013. – 513 с.

135. Алексеев, И. Н. Условное осуждение в уголовном праве / И. Н. Алексеев. – Ростов : Феникс, 2007. – 140 с.

136. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2002. – 514 с.

137. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1975. – 239 с.

138. Андрианов, В. К., Лапшин В. Ф., Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Меры уголовно-правового характера : монография / В. К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко. – М. : РГУП, 2022. – 608 с.

139. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М. : Наука, 1978. – 172 с.

140. Антонян, Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин. – М. : Наука, 1987. – 273 с.

141. Антонян, Ю. М., Эминов В. Е. Преступление и наказание : криминологическо-психологический характер / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М. : Норма, 2019. – 304 с.
142. Арямов, А. А. История уголовного права России / А. А. Арямов. – М. : Юстиция, 2018. – 344 с.
143. Афанасьев, В. Г. Научное управление обществом / В. Г. Афанасьев. – М. : Наука, 1973. – 288 с.
144. Афанасьев, В. Н. Теория оптимального управления непрерывными динамическими системами. Аналитическое конструирование / В. Н. Афанасьев. – М. : Физический факультет МГУ, 2011. – 202 с.
145. Бабаев, М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Проспект, 2014. – 296 с.
146. Бавсун, М. В. Методологические основы уголовно-правового воздействия / М. В. Бавсун. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 234 с.
147. Баев, О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения / О. Я. Баев. – М. : Норма, 2013. – 276 с.
148. Байтин, М. И. Сущность права / М. И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2002. – 372 с.
149. Безбородов, Д. А., Зарубин А. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки, виды / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин. – СПб. : СПБИ (ф) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. – 72 с.
150. Безбородов, Ю. С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции : монография / Ю. С. Безбородов. – М. : Проспект, 2018. – 156 с.
151. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : Норма, 2004. – 244 с.
152. Белогриц-Котляревский, Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. – СПб. : универ. тип., 1904. – 644 с.

153. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права / А. Ф. Бернер. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1865. – Т. 1. – 424 с.
154. Берталанфи, Л. Общая теория систем / Л. Берталанфи. – М. : Директ Медиа, 2007. – 346 с.
155. Бойко, А. И. Система и структура уголовного права. В 3-х томах. Т. 1. Системология и структурализм в современной познавательной культуре / А. И. Бойко. – Ростов : Феникс, 2007. – 461 с.
156. Бойцов, А. И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве / А. И. Бойцов. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 92 с.
157. Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С. В. Бородин. – М. : Юридическая литература, 1990. – 315 с.
158. Бочкарева, Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в России и основные направления их совершенствования : монография / Е. В. Бочкарева. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 144 с.
159. Бриллиантов, А. В. Освобождение от уголовной ответственности с учетом обобщения судебной практики : научно-практическое пособие / А. В. Бриллиантов. – М. : Проспект, 2013. – 216 с.
160. Бурков, В. Н. Основы математической теории активных систем / В. Н. Бурков. – М. : Наука, 1977. – 435 с.
161. Бытко, Ю. И. Справедливость и уголовная политика : монография / Ю. И. Бытко. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 211 с.
162. Бышевский, Ю. В., Марцев А. И. Наказание и его назначение / Ю. В. Бышевский, А. И. Марцев. – Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1975. – 114 с.
163. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 304 с.
164. Веснин, В. Р. Теория организации / В. Р. Веснин. – М. : Проспект, 2014. – 198 с.

165. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М. : ИД «Территория будущего», 2005. – 902 с.
166. Вопленко, Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика : понятие, основные черты и функции / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград : ВолГУ, 2004. – 295 с.
167. Воронин, В. Н. Индивидуализация наказания : монография / В. Н. Воронин. – М. : Проспект, 2016. – 270 с.
168. Гайдес, М. А. Общая теория систем (системы и системный анализ) / М. А. Гайдес. – М. : Глобус пресс, 2005. – 196 с.
169. Галиакбаров, Р. Р. Система и виды наказаний / Р. Р. Галиакбаров. – Горький : ГШ МВД СССР, 1986. – 98 с.
170. Галиуллин, И. З. Условные меры уголовно-правового характера / И. З. Галиуллин. – Казань : изд-во Казанского ун-та, 2006 – 116 с.
171. Гамбаров, Ю. С. Свобода и ее гарантии. Популярные юридические очерки / Ю. С. Гамбаров. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 314 с.
172. Гернет, М. Н. Дети-преступники / М. Н. Гернет. – М. : Книга по требованию, 2013. – 254 с.
173. Гета, М. Р. Уголовное право : пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России : монография / М. Р. Гета. – М. : Норма, 2016. – 178 с.
174. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 758 с.
175. Гишинский, Я. И. Криминология : теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гишинский. – СПб. : Юридический центр пресс, 2009. – 409 с.
176. Гладких, В. И., Дьяконова С. В. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения : монография / В. И. Гладких, С. В. Дьяконова. – М. : изд-во Международного юридического института, 2009. – 198 с.
177. Гуманизация современного уголовного законодательства / под общ. ред. В. П. Кашепова. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 336 с.

178. Гуринская, А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ : монография / А. Л. Гуринская. – СПб. : изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 399 с.
179. Демин, А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования : монография / А. В. Демин. – М. : Проспект, 2016. – 284 с.
180. Денисова, А. В. Системность российского уголовного права : монография / А. В. Денисова. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 510 с.
181. Днепровская, М. А. Особый порядок судебного разбирательства уголовных дел / М. А. Днепровская. – М. : РАП, 2010. – 136 с.
182. Договор Руси с Византией / сост. М. В. Федоров. – М. : РУДН, 2012. – 91 с.
183. Дорская, А. А., Честнов И. Л. Эволюция системы права России : теоретический и историко-правовой подходы / А. А. Дорская, И. Л. Честнов. – СПб. : Астерион, 2010. – 204 с.
184. Дуюнов, В. К. Уголовно-правовое воздействие : теория и практика / В. К. Дуюнов. – М. : Норма, 2003. – 208 с.
185. Дядькин, Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания / Д. С. Дядькин. – СПб. : Юридический центр пресс, 2006. – 330 с.
186. Евреинов, Н. Н. История телесных наказаний в России / Н. Н. Евреинов. – Харьков : Полиграфика, 1994. – 245 с.
187. Егоров, А. В. Теория сравнительного правоведения : монография / А. В. Егоров. – М. : Проспект, 2018. – 468 с.
188. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В. В. Ершов. – М. : РГУП, 2018. – 342 с.
189. Ершов, В. В., Ашмарина, Е. М., Корнев, В. Н. Экономическое право Российской Федерации / В. В. Ершов, Е. М. Ашмарина, В. Н. Корнев. – М. : РГУП, 2017. – 732 с.
190. Есаков, Г. А., Долотов, Р. О., Филатова, М. А., Редчиц, М. А., Степанов, П. П., Цай, К. А. Уголовная политика : дорожная карта (2017-2025 гг.) / Г. А. Есаков,

Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов, К. А. Цай. – М. : Центр стратегических разработок, 2017. – 76 с.

191. Есаков, Г. А., Понятовская, Т. Г., Рарог, А. И. Чучаев, А. И. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев. – М. : Проспект, 2013. – 236 с.

192. Жалинский, А. Э. Избранные труды. Т. 2 / А. Э. Жалинский. – М. : НИУ ВШЭ, 2015. – 417 с.

193. Жестеров, П. В. Манифест уголовной репрессии эпохи дополненной реальности / П. В. Жестеров. – М. : Проспект, 2017. – 217 с.

194. Жигун, Л. А. Теория организации и организационная деятельность : монография тезауруса / Л. А. Жигун. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 178 с.

195. Законодательство Петра I / сост. В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 2014. – 402 с.

196. Зельдов, С. И. Освобождение от наказания и его отбывания / С. И. Зельдов. – М. : Юридическая литература, 1982. – 170 с.

197. Иванов, А. Л. Меры уголовно-правового характера : монография / А. Л. Иванов. – М. : ЮНИТИ ДАНА, 2017. – 176 с.

198. Иванов Н. Г. Уголовное право. Общая часть / Н. Г. Иванов. – М. : Юрайт, 2014. – 358 с.

199. Игнатенко, В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях / В. В. Игнатенко. – Иркутск : изд-во ИГЭА, 1998. – 131 с.

200. Исаков, В.Б. Юридические факты в советском праве. / В.Б. Исаков. – М. : Юрид. лит., 1984. – 124 с.

201. История инакомыслия в СССР. Новейший период. – М. : Весть, 1992. – 178 с.

202. Каган, М. С. Проблемы методологии гуманитарного познания / М. С. Каган. – М. : Юрайт, 2018. – 114 с.

203. Кадников, Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России / Н. Г. Кадников. – М. : Юрид. изд-во МВД России, 2000. – 189 с.

204. Калинина, Т. М. Иные меры уголовно-правового характера : проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения / Т. М. Калинина. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 232 с.
205. Карательная психиатрия / под общ. ред. А. Е. Тараса. – М. : Аст, 2005. – 598 с.
206. Кауфман, М. А. Пробелы в уголовном праве : понятие, причины, способы преодоления / М. А. Кауфман. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 344 с.
207. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. – М. : Проспект, 2016. – 294 с.
208. Кашепов, В. П. Гуманизация современного уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, А. А. Гравина, Т. О. Кошаева ; под общ. ред. В. П. Кашепова. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 336 с.
209. Керимов, Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М. : Аванта+, 2001. – 532 с.
210. Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. – М. : Госюриздат, 1958. – 78 с.
211. Кириенко, М. С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : монография / М. С. Кириенко. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 320 с.
212. Кирсанов, А. Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве: анализ, практика, выводы / А. Ю. Кирсанов. – М. : ЮНИТИ ДАНА, 2019. – 168 с.
213. Кистяковский, А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений / А. Ф. Кистяковский. – Киев : Унив. тип., 1878. – 174 с.
214. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник уголовного права / А. Ф. Кистяковский. – М. : Лань, 2014. – 374 с.
215. Клейменов, И. М. Сравнительная криминология / И. М. Клейменов. – М. : Норма, 2012. – 344 с.
216. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара : изд-во СамГУ, 2001. – 214 с.

217. Клепиков, С. Н. Формирование и становление современной системы права : монография / С. Н. Клепиков. – Воронеж : Научная книга, 2014. – 208 с.
218. Коваженков, М. А. Феномен управления в экономическом пространстве / М. А. Коваженков. – М. : Научная библиотека, 2013. – 215 с.
219. Коган, В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В. М. Коган. – М. : Наука, 1983. – 187 с.
220. Коллманн, Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Ш. Коллманн. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 288 с.
221. Константиновский, И. В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами / И. В. Константиновский. – М. : тип. М.М. Стасюлевича, 1887. – 198 с.
222. Конфискация орудий, средств совершения и доходов от коррупционных преступлений в Восточной Европе и Центральной Азии. – Стамбул : ОЭСР, 2018. – 98 с.
223. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. – СПб. : Юридический центр пресс, 2002. – 348 с.
224. Коржанский, Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н. И. Коржанский. – М. : Академия МВД СССР, 1980. – 208 с.
225. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: вопросы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : изд-во Дальневосточного гос. университета, 1987. – 176 с.
226. Коробеев, А. И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний / А. И. Коробеев. – Хабаровск : изд-во Хабаровской ВШ МВД СССР, 1986. – 134 с.
227. Кригер, Г. А., Кузнецова, Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона / Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова. – М. : Юридическая литература, 1977. – 198 с.
228. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / отв. ред. В. П. Кашепов. – М. : Контракт, 2018. – 280 с.

229. Кудрявцев, В. Н. Стратегии борьбы с преступностью / В. Н. Кудрявцев. – М. : Норма, 2018. – 174 с.
230. Кудрявцев, В. Н., Яковлев, А. М. Основания уголовно-правового запрета / В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 216 с.
231. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – М.: Юридическая литература, 1969. – 220 с.
232. Курлаева, О. В., Павлухин, А. Н., Эриашвили, Н. Д. Конфискация имущества как мера государственного принуждения : монография / О. В. Курлаева, А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ ДАНА, 2016. – 167 с.
233. Курлов, А. Б. Методология социального познания : монография / А. Б. Курлов. – М. : Проспект, 2015. – 212 с.
234. Курс советского уголовного права. Т. 3 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1970. – 434 с.
235. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Гардарика, 1999. – 524 с.
236. Лазарев, В. В. Избранные труды. Т. 2 : Пробелы в законодательстве : установление, преодоление, устранение / В. В. Лазарев. – М. : Новая юстиция, 2010. – 920 с.
237. Лазарев, В.В. Об органичности для права разумности и определенности (рецензия на книгу: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: Монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 157 с.) / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 142 – 145.
238. Лапаева, В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика / В. В. Лапаева. – М. : Российская академия правосудия, 2012. – 569 с.
239. Липинский, Д. А. Юридическая ответственность / Д. А. Липинский. – Тольятти : изд-во ВУиТ, 2002. – 207 с.
240. Лопатин, В. В., Лопатина, Л. Е. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2007. – 1200 с.

241. Лопашенко, Н. А. Конфискация имущества : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 244 с.
242. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия : уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – СПб. : Юридический центр пресс, 2004. – 504 с.
243. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
244. Лунеев, В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства / В. В. Лунеев. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 334 с.
245. Люблинский, П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки) / П. И. Люблинский. – М. : Наркомюст, 1923. – 100 с.
246. Малолеткина, Н. С. Назначение и исполнение наказания условно : монография / Н. С. Малолеткина, Н. Б. Маликова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – 116 с.
247. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 192 с.
248. Малюкова, О. В., Демина, Л. А., Семенов, В. Е. Логика и право / О. В. Малюкова, Л. А. Демина, В. Е. Семенов. – М. : Проспект, 2018. – 320 с.
249. Мартыненко, Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : монография / Э. В. Мартыненко. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 147 с.
250. Марцев, А. И. Диалектика и вопросы уголовного права / А. И. Марцев. – Красноярск : изд-во КрасГУ, 1990. – 216 с.
251. Марченко, М. Н. Источники права / М. Н. Марченко. – М. : ТК «Велби», 2005. – 224 с.
252. Международное публичное право : учебник / под ред. К. А. Бекяшева. – М. : Юрист, 2003. – 514 с.
253. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : в 2-х ч. Ч. 1 / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 1997. – 404 с.

254. Мельникова, Э. Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии / Э. Б. Мельникова. – М. : Дело, 2001. – 416 с.
255. Меры, связанные и не связанные с лишением свободы. Альтернативы тюремному заключению. Пособие по оценке систем уголовного правосудия. – Вена : Управление ООН по наркотикам и преступности, 2010. – 134 с.
256. Милюков, С. Ф. Российская система наказаний / С. Ф. Милюков. – СПб. : изд-во СПбГУ, 1998. – 144 с.
257. Милюков, С. Ф. Российское уголовное законодательство : опыт критического анализа / С. Ф. Милюков. – СПб. : Знание, 2000. – 257 с.
258. Мицкевич, А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества / А. В. Мицкевич // Проблемы современного гражданского права. – М. : ГородецЪ, 2000. – 320 с.
259. Мицкевич, А. В. Уголовное наказание : понятие, цели и механизмы действия : монография / А. В. Мицкевич. – СПб. : Юридический центр пресс, 2005. – 248 с.
260. Мокичев, К. А., Айзенберг, А. М., Розин, Э. Л., Васильев, А. М., Венгеров, А. Б. Научное наследие кафедры теории государства и права ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА / К. А. Мокичев, А. М. Айзенберг, Э. Л. Розин, А. М. Васильев, А. Б. Венгеров. – М. : Проспект, 2017. – 766 с.
261. Морозова, Л. А. Теория государства и права / Л. А. Морозова. – М. : Норма, 2017. – 431 с.
262. Мухсинова, Л. Х. Исследование систем управления / Л. Х. Мухсинова. – Оренбург : ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», 2013. – 201 с.
263. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского характера / Г. В. Назаренко. – СПб. : Юридический центр пресс, 2004. – 214 с.
264. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. Ч. 1 / А. В. Наумов. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 244 с.

265. Национальные банковские системы / под ред. В. И. Рыбина. – М. : НИФРА-М, 2009. – 498 с.
266. Нечепуренко, А. А. Институт уголовного испытания как воплощение идеи условности наказания / А. А. Нечепуренко. – Омск : Омская академия МВД России, 2007. – 78 с.
267. Нечепуренко, А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : опыт комплексного исследования / А. А. Нечепуренко. – Омск : Омская академия МВД России, 2008. – 118 с.
268. Новое уголовное право России. Общая часть. – М. : Зерцало, 1995. – 172 с.
269. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М. : Зерцало, 2001. – 264 с.
270. Ной, И. С. Вопросы теории уголовного наказания в советском уголовном праве / И. С. Ной. – Саратов : изд-во Саратовского гос. университета, 1962. – 268 с.
271. Ной, И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Политико-юридическое исследование / И. С. Ной. – Саратов : изд-во Саратовского гос. ун-та, 1973. – 295 с.
272. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. – 4000 с.
273. Ольховик, Н. В., Прозументов, Л. М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н. В. Ольховик, Л. М. Прозументов. – Томск : изд-во Томского государственного университета, 2009. – 156 с.
274. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения : монография / В. Н. Орлов. – М. : Юстиция, 2013. – 530 с.
275. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания / В. Н. Орлов. – М. : Юстиция, 2014. – 351 с.
276. Перевалов, В. Д. Теория государства и права / В. Д. Протасов. – М. : Юрайт, 2017. – 412 с.

277. Петров, А. В., Зырянов, А. В. История и методология юридической науки / А. В. Петров, А. В. Зырянов. – Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2015. – 204 с.
278. Пионтковский, А. А. Об условном осуждении или испытании. Уголовно-политическое исследование / А. А. Пионтковский. – Одесса : типо-лит. Штаба Одесского военного округа, 1894. – 128 с.
279. Пионтковский, А. А. Уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая / А. А. Пионтковский. – Казань : тип. Императорского Казанского университета, 1913. – 244 с.
280. Подройкина, И. А. Система уголовных наказаний в истории России и современном зарубежном законодательстве : монография / И. А. Подройкина. – М. : Юстицинформ, 2017. – 214 с.
281. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права / С. В. Познышев. – М. : Спарк, 1999. – 616 с.
282. Поленина, С. В. Качество закона и эффективность законодательства / С. В. Поленина. – М. : изд-во ИГиП РАН, 1993. – 134 с.
283. Полный курс уголовного права. В 5 томах / отв. ред. А. И. Коробеев. – СПб. : Юридический центр прессы, 2008. – Т. 1. Преступление и наказание. – 912 с.
284. Поляков, А. В. Общая теория права : проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А. В. Поляков. – М. : Проспект, 2015. – 412 с.
285. Попов, А. Н. Русская правда в отношении к уголовному праву / А. Н. Попов. – М. : Университетская типография, 1841. – 344 с.
286. Право и социальное развитие : новая гуманистическая иерархия ценностей / отв. ред. А. В. Габов, Н. В. Путило. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 272 с.
287. Правоприменение : теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – 415 с.
288. Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерение : коллективная монография / отв. ред. И. Л. Честнов. – СПб. : Астерион, 2018. – 504 с.

289. Проблемы функциональной грамматики : признаки естественной классификации / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 566 с.
290. Пропостин, А. А. Конфискация имущества : прошлое, настоящее, будущее / А. А. Пропостин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 192 с.
291. Протасов, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Протасов. – М. : Юрайт, 2018. – 409 с.
292. Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты : монография / под общ. ред. А. Н. Савенкова. – М. : ЮНИТИ ДАНА, 2019. – 315 с.
293. Протченко, Б. А. Принудительные меры медицинского характера / Б. А. Протченко. – М. : Юридическая литература, 1976. – 156 с.
294. Психиатрия. Национальное руководство / под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Н. Краснова, Н. Г. Незнанова, В. Я. Семке, А. С. Тиганова. – М. : ГОЭТАР-Медиа, 2011. – 275 с.
295. Пудовочкин, Ю. Е., Пирвагидов, С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права : сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества независимых государств / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – СПб. : Юридический центр пресс, 2003. – 314 с.
296. Пусторослев, П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1 / П. П. Пусторослев. – Юрьев : тип. К. К. Маттисена, 1912. – 192 с.
297. Рабец, А. М. Ювенальное право Российской Федерации / А. М. Рабец. – М. : Юрайт, 2018. – 417 с.
298. Решетов, Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ: монография. / Ю. С. Решетов. – Казань: изд-во Казанск. ун-та, 1989. – 159 с
299. Розенталь, Э., Сандрем, К. Роль международных прав человека в законодательстве по охране психического здоровья / Э. Розенталь, К. Сандрем. – Женева : Отдел охраны психического здоровья и предупреждения токсикомании ВОЗ, 2004. – 98 с.

300. Российское законодательство X-XX веков : в 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – М. : Юридическая литература, 1984. – 432 с.

301. Российское законодательство X-XX веков : в 9 томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления централизованного государства / отв. ред. О. И. Чистяков. – М. : Юридическая литература, 1985. – 485 с.

302. Российское законодательство X-XX веков : в 9 томах. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. – М. : Юридическая литература, 1985. – 451 с.

303. Российское законодательство X-XX вв. : в 9 томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. О. И. Чистяков. – М. : Юридическая литература, 1987. – 458 с.

304. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. – СПб. : Питер, 2005. – 559 с.

305. Сабанин, С. Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания / С. Н. Сабанин. – Екатеринбург : изд-во УрГЮА, 1993. – 134 с.

306. Сабитов, Т. Р. Система уголовно-правовых принципов / Т. Р. Сабитов. – М. : Проспект, 2012. – 240 с.

307. Савоськин, А. В. Обращения граждан в Российской Федерации : понятие, виды и система законодательства / А. В. Савоськин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 116 с.

308. Сергеев, Д. Н. Социальные и правовые аспекты постпенитенциарного контроля : монография / Д. Н. Сергеев. – М. : Проспект, 2017. – 176 с.

309. Система права : история, современность, перспективы : монография / под ред. Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2017. – 189 с.

310. Скляр, С. В., Эрхитуева Т. И. Условное осуждение : юридическая природа, основания применения и порядок исполнения / С. В. Скляр, Т. И. Эрхитуева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – 172 с.

311. Смоленский, М. Б., Алексеева, М. В. Конституционное право / М. Б. Смоленский, М. В. Алексеева. – Ростов : Феникс, 2013. – 595 с.
312. Сперанский, М. М. О коренных законах государства / М. М. Сперанский. – М. : Эксмо, 2015. – 414 с.
313. Спиридонов, Л. И. Социология уголовного права. – М. : Юридическая литература, 1986. – 252 с.
314. Стручков, Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : изд-во Саратовского гос. университета, 1970. – 228 с.
315. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков – Саратов : изд-во Саратовского Ун-та, 1978. – 288 с.
316. Субботин, А. Л. Классификация / А. Л. Субботин. – М. : ИФ РАН, 2001. – 89 с.
317. Сулейменов, М. К. Право как система : монография / М. К. Сулейменов. – М. : Статут, 2016. – 216 с.
318. Сундуров, Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф. Р. Сундуров. – Казань : изд-во Казанского ун-та, 2005. – 283 с.
319. Сырых, В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам : настольная книга соискателя / В. М. Сырых. – М. : РАП, 2012. – 326 с.
320. Сырых, В. М. Социология права / В. М. Сырых. – М. : Норма, 2001. – 451 с.
321. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая / Н. С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – 474 с.
322. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Г. Тард. – М. : Норма, 2009. – 198 с.
323. Теоретические основы предупреждения преступности / отв. ред. В. К. Звирбуль и др. – М. : Юридическая литература, 1977. – 255 с.
324. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юрайт, 2014. – 331 с.

325. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской правды / М. Н. Тихомиров. – М. : изд-во МГУ, 1953. – 404 с.
326. Ткачевский, Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский. – М. : Городец, 2007. – 237 с.
327. Тоболкин, П. А. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / П. А. Тоболкин. – Свердловск : ВЮЗИ, 1983. – 171 с.
328. Томсинов, В. А. История русской политической и правовой мысли X-XVIII веков / В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 2003. – 400 с.
329. Уголовное наказание : социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под ред. В. Ф. Лапшина. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 217 с.
330. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др.; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – М. : КОНТРАКТ, 2017. 384 с;
331. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова. – Казань : изд-во Казанского гос. ун-та, 2003. – 436 с.
332. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / отв. ред. А. И. Чучаев. – М. : Проспект, 2015. – 702 с.
333. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. Н. М. Кропачев, Б. В. Волженкин, В. В. Орехов. – СПб. : изд-во СПбГУ, 2006. – 734 с.
334. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М. : Норма, 1997. – 516 с.
335. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. В. В. Векленко. – М. : Юрайт, 2017. – 502 с.
336. Уголовное уложение от 22 марта 1903 года – СПб. : изд. В. П. Анисимова, 1903. – 260 с.
337. Уголовно-правовое воздействие : монография / под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2015. – 288 с.
338. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1886. – 808 с.

339. Фельдштейн, Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн. – М. : Зерцало, 2003. – 151 с.
340. Филимонов, В. Д. Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – М. : ЦентрЮрИнфор, 2002. – 139 с.
341. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – СПб. : тип. Министерства путей сообщения, 1889. – 198 с.
342. Цофнас, А. Ю. Теория систем и теория познания / А. Ю. Цофнас. – Одесса : АстроПринт, 1999. – 302 с.
343. Цыганков, Б. Д., Овсянников, С. А. Психиатрия : учебник для вузов / Б. Д. Цыганков, С. А. Овсянников. – М. : ГЕОЭТАР-Медиа, 2012. – 452 с.
344. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Лань, 1995. – 595 с.
345. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права / И. Л. Честнов. – СПб. : Алеф-пресс, 2012. – 402 с.
346. Чистяков, О. И. Избранные труды / О. И. Чистяков. – М. : Норма, 2008. – 544 с.
347. Шаргородский, М. Д. Наказание по советскому уголовному праву / М. Д. Шаргородский. – М. : Юридическая литература, 1967. – 248 с.
348. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Л. : изд-во ЛГУ, 1973. – 221 с.
349. Шаутаева, Г. Х. Судимость и ее уголовно-правовое значение / Г. Х. Шаутаева. – Ижевск : изд-во Удмуртского университета, 2009. – 98 с.
350. Шели, Дж. Криминология / Дж. Шели. – СПб. : Питер, 2003. – 900 с.
351. Шестакова, Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации / Л. А. Шестакова. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 214 с.
352. Щедрин, Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография / Н. В. Щедрин. – Красноярск : КрасГУ, 1999. – 180 с.
353. Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России : опыт синтетического исследования / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2014. – 781 с.

354. Ювенальная юстиция в Российской Федерации : криминологические проблемы развития / отв. ред. Н. П. Мелешко. – СПб. : Юридический центр пресс, 2006. – 171 с.

355. Юшков, С. В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение / С. В. Юшков. – М. : Зерцало, 2013. – 512 с.

356. Явич, Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л. С. Явич . - Сталинабад, 1957. - 164 с.

357. Яцеленко, Б. В. Противоречия уголовно-правового регулирования / Б. В. Яцеленко. – М. : РПА Минюста России, 1996. – 178 с.

V. Научные статьи

358. Авдейко, А. Г., Земцова, А. В. Тенденции и перспективы современной уголовной политики в сфере предпринимательства / А. Г. Авдейко, А. В. Земцова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации МВД России. – 2016. – № 1. – С. 37–42.

359. Агеева, О. Н., Анощенко, С. В., Петрикова, С. В., Помнина С. Н. Состояние преступности условно осужденных : федеральный и региональный аспекты / О. Н. Агеева, С. В. Анощенко, С. В. Петрикова, С. Н. Помнина // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 682–700.

360. Агзамов, И. М. Испытательный срок в механизме условного неприменения наказания / И. М. Агзамов // Закон и право. – 2012. – № 6. – С. 64–68.

361. Агзамов, И. М. Принципы условного неприменения наказания в уголовном праве России / И. М. Агзамов // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 211–216.

362. Азаров, В. А., Константинов, В. В. Понятие укрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета / В. А. Азаров, В. В. Константинов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 4. – С. 15–20.

363. Акутаев, Р. М. Понятие и система иных мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания / Р. М. Акутаев // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 44–48.

364. Акутаев, Р. М., Юсупов, М. Ю. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию) : компаративистский аспект / Р. М. Акутаев, М. Ю. Юсупов // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 25–30.

365. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12 – 19.

366. Александрова, Н. С., Шмачкова, Ю. С. Принудительные меры воспитательного воздействия / Н. С. Александрова, Ю. С. Шмачкова // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2016. – № 2. – С. 109–115.

367. Ананиан, Л. Л. Перенаселенность тюрем и права заключенных (обзор) / Л. Л. Ананиан // Социальные и гуманитарные науки. – 1998. – № 4. – С. 195–227.

368. Ананьева, Н. Г. Тюремное заключение по Судебнику 1550 г. / Н. Г. Ананьева // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 5. – С. 16–17.

369. Андрианов, В. К., Пудовочкин, Ю. Е. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера / В. К. Андрианов, Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 94–109.

370. Антонов, Т. Г. Правовая природа непроступного уголовно-противоправного поведения и его последствий / Т. Г. Антонов // Вестник Томского Государственного Университета. – 2009. – № 327. – С. 100–103.

371. Антонова, Е. Ю., Кириллов, М. А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц : анализ законодательных новелл / Е. Ю. Антонова, М. А. Кириллов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 82–89.

372. Артеменков, М. Н. Становление условного осуждения в Российской империи / М. Н. Артеменков // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2014. – № 4. – С. 50–67.

373. Артюшина, О. В. Частичная декриминализация побоев как мера экономии уголовной репрессии / О. В. Артюшина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 44–46.

374. Арямов, А. А., Руева, Е. О. Конфискационный ресурс антикоррупционной политики : гибридные частно-публичные формы (опыт Великобритании) / А. А. Арямов, Е. О. Руева // Российский следователь. – 2020. – № 2. – С. 69–72.

375. Арямов, А. А., Руева, Е. О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции / А. А. Арямов, Е. О. Руева // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 52–55.

376. Бабаев, М. М., Пудовочкин, Ю. Е. Провокативная роль уголовного закона / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Общественные науки. – 2013. – № 4. – С. 78–90.

377. Бабаян, С. Л., Акимов, В. С. Актуальные проблемы применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / С. Л. Бабаян, В. С. Акимов // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 15–18.

378. Бабенко, Н. И. Моделирование современного философского познания мира / Н. И. Бабенко // Известия Байкальского государственного университета. – 2003. – № 2. – С. 123–126.

379. Бабурин, В. В., Хоменко, А. Н. Система российского уголовного права: содержательный аспект / В. В. Бабурин, А. Н. Хоменко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4. – С. 106–111.

380. Бавсун, М. В. Принудительные меры медицинского характера : актуальные вопросы применения / М. В. Бавсун // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 3. – С. 183.

381. Бавсун, М. В. Дублирование норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации как негативная тенденция его развития / М. В.

Бавсун // Закон и законодатель : проблемы законотворческого процесса : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Б. В. Яценко. – М. : РПА Минюста России, 2015. – С. 36–40.

382. Бавсун, М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность / М. В. Бавсун // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 99–102.

383. Баранов, А. В. К вопросу об эффективности системоопределяющих норм права / А. В. Баранов // Правовые проблемы российской государственности : сборник статей. Часть 77. – Томск : ИД Томского государственного университета, 2018. – С. 39–42.

384. Батанов, А. Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? / А. Н. Батанов // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 151–154.

385. Баумштейн, А. Б. Иные меры уголовно-правового характера в современном уголовном праве: понятие и содержание / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – 2018. – № 8. – С. 90–92.

386. Бахвалова, Л. А. Актуальные проблемы эффективности системы мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних / Л. А. Бахвалова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 2. – С. 245–253.

387. Безверхов, А. Г. Системный подход в науке уголовного права / А. Г. Безверхов // Системность в уголовном праве : Материалы II Рос. конгресса уголовного права (Москва, 31 мая-1 июня 2007 г.). – М. : Юрлитинформ, 2007. – С. 50–52.

388. Беляева, Л. И. Международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция в России / Л. И. Беляева // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Института. – 2008. – № 4. – С. 38–44.

389. Биченова, А. Р. Проблемы дифференциации отдельных категорий лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы / А. Р. Биченова // Вестник Самарского юридического института. – 2016. – № 2. – С. 9–11.

390. Благов, Е. В. Об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия / Е. В. Благов // Юридическая наука. – 2017. – № 4. – С. 127–132.

391. Борисов, В. И., Батыргареева, В. С. Иные уголовно-правовые последствия совершения общественно опасного деяния / В. И. Борисов, В. С. Батыргареева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 125–139.

392. Борисова, О. В. Правовое регулирование исполнения судебного штрафа / О. В. Борисова // Lex Russica. – 2017. – № 9. – С. 86–92.

393. Бочкарев С.А. Аксиология уголовного права : введение в тему и проблемы ее становления / С. А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4. – С. 73–80.

394. Боярская, А. В. Судебный штраф : проблема фактического состава / А. В. Боярская // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3. – С. 164–167.

395. Боярская, А. В. Судебный штраф : проблемы материально-правового базиса и правоприменения / А. В. Боярская // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 154–163.

396. Бриллиантов, А. В. Отсрочка отбывания наказания: вопросы теории и практики / А. В. Бриллиантов // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 10–16.

397. Брылева, Е. А. Цели наказания на современном этапе развития Российского государства : восстановление социальной справедливости или кара? / Е. А. Брылева // Администратор суда. – 2019. – № 4. – С. 43–47.

398. Булатов, Б. Б., Николюк, В. В., Шаламов, В. Г. Исполнение судебных решений о применении меры уголовно-правового характера в виде штрафа / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк, В. Г. Шаламов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 9–23.

399. Буркина, О. А., Устинов, А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / О. А. Буркина, А. А. Устинов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 119–124.

400. Бурлака, С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе мер предупреждения преступлений несовершеннолетних / С. А. Бурлака // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 27–31.

401. Бушуева, С. А. О необходимости принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией / С. А. Бушуева // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 273–275.

402. Валуйсков, Н. В., Бондаренко, Л. В., Арутюнян, А. Д. История развития ювенальной юстиции / Н. В. Валуйсков, Л. В. Бондаренко, А. Д. Арутюнян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 331–333.

403. Варламова, Н. В. Обеспечение прав человека как критерий эффективности правового регулирования / Н. В. Варламова // Правовое регулирование : проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Денисенко. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2016. – С. 45–47.

404. Векленко, С. В. О повышении эффективности уголовно-правового воздействия / С. В. Векленко // Противодействие преступности : уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III рос. конгресса уголовного права. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – С. 234–236.

405. Векленко, С. В., Карпов, К. Н. Конфискация имущества : противоречия законодательства / С. В. Векленко, К. Н. Карпов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 28–32.

406. Векленко, С. В., Карпов, К. Н. Систематизация иных мер уголовно-правового воздействия как средство повышения эффективности уголовного закона / С. В. Векленко, К. Н. Карпов // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 93–96.

407. Веретина, Ю. А., Якушин, В. А. Условное осуждение в Российской Федерации и Республике Казахстан : сравнительно-правовой анализ / Ю. А. Веретина, В. А. Якушин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2017. – № 3. – Т. 1. – С. 167–174.

408. Ветошкин, С. А. Институт иных мер уголовно-правового характера : проблемы и перспективы развития / С. А. Ветошкин // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 12А. – С. 111–125.

409. Висков, Н. В. Специальная конфискация : правовая природа и законодательная регламентация / Н. В. Висков // Адвокатская практика. – 2008. – № 4. – С. 50–53.

410. Волкова, Т. Н. Ресоциализация осужденных как мера профилактики преступности и цель уголовного наказания / Т. Н. Волкова // Правовая культура. – 2007. – № 2. – С. 95–102.

411. Гаврилов, Б. Я. Перспективы возвращения уголовного проступка в российское законодательство / Б. Я. Гаврилов // Вестник Института : Преступление. Наказание. Исправление. – 2017. – № 2. – С. 9–13.

412. Галузо, В. Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации законодательства в Российской Федерации? / В. Н. Галузо // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 76–81.

413. Галузо, В. Н. Юридические проблемы периодизации истории Российской Империи / В. Н. Галузо // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 146–150.

414. Гареев, М. Ф. Законодательная регламентация мер уголовно-правового воздействия – уяснение сущности уголовной ответственности / М. Ф. Гареев // Вестник ТИСБИ. – 2011. – № 3. – С. 309–317.

415. Гельфер, М. А. Условное осуждение в СССР / М. А. Гельфер // Проблемы права. – 1939. – № 2. – С. 2–5.

416. Генрих, Н. В. Императивные и диспозитивные способы регулирования уголовно-правовых отношений / Н. В. Генрих // Общество и право. – 2010. – № 3. – С. 107–117.

417. Генрих, Н. В. Проблемы совершенствования механизма уголовно-правового регулирования / Н. В. Генрих // Общество и право. – 2009. – № 5. – С. 162–167.

418. Герасина, Ю. А. О необходимости совершенствования положений главы 15 Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю. А. Герасина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 161–164.

419. Гишинский, Я. И. Преступность несовершеннолетних : криминологический анализ / Я. И. Гишинский // КриминалистЪ. – 2010. – № 7. – С. 84–90.

420. Глухова, А. А., Шпилев, Д. А. Современная уголовная политика Германии: пример для подражания или своевременное предостережение? / А. А. Глухова, Д. А. Шпилев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 1060–1072.

421. Голенко, Д. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Д. В. Голенко // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 78–82.

422. Голубева, Л. А. Эссенция систематизации законодательства / Л. А. Голубева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. – Ч. 8. – С. 18–25.

423. Горбань, Д. В. Досудебная пробация как стадия процесса ресоциализации / Д. В. Горбань // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 317–320.

424. Гравина, А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе / А. А. Гравина // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 95–105.

425. Грачев, Н. И. Происхождение верховной власти у восточных славян / Н. И. Грачев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5. – С. 22–42.

426. Густова, Э. В. О проблемах гуманизации уголовного законодательства / Э. В. Густова // Вестник Омской Юридической академии. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 55–59.

427. Давыденко, А. В. Перспектива введения в Российской Федерации института ювенальной юстиции / А. В. Давыденко // Законодательство и экономика. – 2015. – № 10. – С. 64–68.

428. Дворецкий, М. Ю. Иные меры уголовно-правового характера как форма реализации уголовной ответственности / М. Ю. Дворецкий // Вестник Тамбовского университета. Серия «Политические науки и право». – 2015. – № 3. – С. 52–56.

429. Денисова, А. В. К вопросу о системе уголовного права / А. В. Денисова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2013. – № 1. – С. 90–102.

430. Дизер, О. А., Водяная, М. Ю. Перспективы применения принудительного лечения от алкоголизма / О. А. Дизер, М. Ю. Водяная // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 158–165.

431. Доктринальные и законодательные понятия в уголовном праве России : учеб. пособие : в 7 т. / под ред. Г. И. Чечеля. – Ростов н/Д, 2013. – Т. 2 (И – М). – 325 с. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_21310564_38547646.pdf.

432. Долгополов, К. А., Магомедов, Г. Б. Применение иных мер уголовно-правового характера : теоретические аспекты / К. А. Долгополов, Г. Б. Магомедов // Власть Закона. – 2017. – № 1. – С. 117–124.

433. Дядькин, Д. С. Система и виды наказаний применительно к их назначению / Д. С. Дядькин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 67–70.

434. Евсеев, А. В., Радимушкина, О. В. Криминологическая характеристика и тенденции криминальной виктимизации в Российской Федерации / А. В. Евсеев, О. В. Радимушкина // Виктимология. – 2018. – № 1. – С. 13–24.

435. Егорова, О. А. Функции исторических и логических методов в юридическом познании / О. А. Егорова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 26–35.

436. Ершов, В.В. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы / В.В. Ершов // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 38 – 52.

437. Ершов, В.В. Определенность права / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2017. – № 1 (129). – С. 5 – 25.

438. Ершов В.В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 1 (81). – С. 24 – 31.

439. Есипов, В. В. Преступление и наказание в древнем праве / В. В. Есипов // Варшавские университетские известия. – 1903. – № 2. – С. 1–60.

440. Звечаровский, И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера / И. Э. Звечаровский // Законность. – 2007. – № 1. – С. 21.

441. Звечаровский, И. Э. Меры уголовно-правового характера : понятие, система, виды / И. Э. Звечаровский // Законность. – 2004. – № 3. – С. 35–37.

442. Звечаровский, И. Э. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 20–24.

443. Звечаровский, И. Э. О юридической природе судебного штрафа / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 98–101.

444. Звонов, А. В., Расторопова, О. В. Система уголовных наказаний по законодательству периода централизации государства Российского / А. В. Звонов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 125–128.

445. Зубкова, В. И. К некоторым вопросам реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года / В. И. Зубкова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 294–298.

446. Иванцова, Н. В., Хисматова, З. Г. Наркоторговля и борьба с ней / Н. В. Иванцова, З. Г. Хисматова // Марийский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 64–67.

447. Иногамова-Хегай, Л. В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера / Л. В. Иногамова-Хегай // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 98–103.

448. Иногамова-Хегай, Л. В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. В. Иногамова-Хегай // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 84–92.

449. Исмагулова, А. Т. Совершенствование уголовного законодательства Республики Казахстан, регламентирующего институт принудительных мер медицинского характера / А. Т. Исмагулова // Современное право. – 2013. – № 3. – С. 159–164.

450. Каданева, Е. А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера / Е. А. Каданева // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 131–135.

451. Кадников, Н. Г., Дайшутов, М. М. К вопросу о несоблюдении системности при внесении в УК РФ изменений и дополнений / Н. Г. Кадников, М. М. Дайшутов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 117–120.

452. Кажикин, А. А. Субординационные и координационные связи в системе отечественных СМИ / А. А. Кажикин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2013. – № 1. – С. 136–139.

453. Казакова, В. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / В. А. Казакова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – №3. – С. 263–268.

454. Карнозова, Л. М. Ювенальная юстиция в России : прошлое, настоящее, будущее / Л. М. Карнозова // Институт государства и права Российской академии наук // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <http://igpran.ru/articles/2979/>.

455. Кауфман, М. А. Уклонение от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного при условном осуждении и условно-досрочном освобождении от наказания : понятие, признаки, правовые последствия / М. А. Кауфман // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 59–65.

456. Кашаргин, Р. С. О практике освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы правоприменения / Р. С. Кашаргин // Правоведение. – 2018. – № 2. – С. 254–267.

457. Квашис, В. Е. Основные показатели и тенденции преступности в США / В. Е. Квашис // Виктимология. – 2019. – № 1. – С. 9–13.

458. Квашис, В. Е., Генрих, Н. В. Преступность в России и зарубежных странах : методологические аспекты сравнительного анализа / В. Е. Квашис, Н. В. Генрих // Пролог. – 2013. – № 4. – С. 23–31.

459. Келина, С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера / С. Г. Келина // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 56–57.

460. Кибальник, А. Г. Уголовный кодекс РФ : 12-й год деградации / А. Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 40–41.

461. Киреева, И. Л. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / И. Л. Киреева // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2008. – № 1. – С. 108–110.

462. Кистяковский, Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Б. А. Кистяковский // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М. : Норма, 2007. – С. 171–179.

463. Клейменов, М. П. Профанация уголовной политики / М. П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 3. – С. 131–134.

464. Клейменов, М. П. Снижается ли преступность в России? / М. П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 1. – С. 157–162.

465. Клейменов, М. П., Клейменов, И. М., Пустовит, Р. В. Практика назначения наказания за коррупционные преступления / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов, Р. В. Пустовит // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 64–69.

466. Клочко, А. Н., Кулиш, А. Н., Резник, О. М. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны банковской деятельности на Украине / А. Н. Клочко, А. Н. Кулиш, О. М. Резник // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 790–800.

467. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Синергетические принципы коэволюции сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Глобализация : синергетический подход. – М. : РАГС, 2002. – С. 34–72.

468. Кобец, П. Н. Особенности рецидивной преступности среди лиц, условно осужденных / П. Н. Кобец // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – № 10. – С. 171–172.

469. Кобец, П. Н. Предупреждение преступности : теоретические аспекты / П. Н. Кобец // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 8. – С. 197–199.

470. Кобец, П. Н., Краснова, К. А. О необходимости совершенствования института условного осуждения в современной России / П. Н. Кобец, К. А. Краснова // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. – 2009. – № 6. – С. 34–38.

471. Ковтунова, Д. В., Музыка, О. А. Координационно-субординационные связи понятий в рамках теории самоорганизации и нелинейности / Д. В. Ковтунова, О. А. Музыка // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2012. – № 1. – С. 195–200.

472. Колмаков, П. А. О некоторых проблемных ситуациях правового регулирования принудительных мер медицинского характера / П. А. Колмаков // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 103–108.

473. Колосовский, В. В. Понятие и виды мер уголовно-правового характера / В. В. Колосовский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 29. – С. 44–49.

474. Королева, М. В. К оценке уровня криминализации российского общества / М. В. Королева // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1. – С. 124–134.

475. Корягина, С. А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия (по материалам Иркутской области) / С. А. Корягина // Криминологический журнал Байкальского национального университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 93–97.

476. Корякин, А. Л. Теория и практика прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде штрафа / А. Л. Корякин // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 4. – № 1. – С. 65–69.

477. Корякова, Я. И. Потребление наркотических средств без назначения врача / Я. И. Корякова // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы международной научно-практической конференции – Пермь : Меркурий, 2014. – С. 35–37.

478. Косевич, Н. Р. Иные меры уголовно-правового характера как проявление предупредительной и правозащитной направленности уголовной политики Российской Федерации в судебных решениях / Н. Р. Косевич // СПС КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=87058;fld=134;from=86870-22;rnd=0.801478381967172>.

479. Косевич, Н. Р. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних как составная часть социальной политики Российской Федерации по защите детства / Н. Р. Косевич // Российский судья. – 2014. – № 2. – С. 19–23.

480. Костылева, О. В. Научность и научная обоснованность – сомнительные принципы уголовной политики / О. В. Костылева // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Серия 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 7–25.

481. Краснов, А. В., Скоробогатов, А. В. Правовая ценность в России : теоретико-правовой и ретроспективный анализ / А. В. Краснов, А. В. Скоробогатов // Genesis : исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 126–143.

482. Крастиньш, У. Я. Системность и иные уголовно-правовые меры принудительного воздействия / У. Я. Крастиньш // Системность в уголовном праве : материалы II российского конгресса уголовного права. – М. : 2007. – С. 216–217.

483. Крафт, В. А. Цели применения принудительных мер медицинского характера: медико-юридический аспект / В. А. Крафт // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2018. – № 3. – С. 31–33.

484. Кригер, Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства / Г. А. Кригер // Вестник Московского государственного университета. Серия «Право». – 1977. – № 2. – С. 7–8.

485. Крылова, Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. / Н. Е. Крылова // Закон. – 2015. – № 8. – С. 90–107.

486. Крылова, Н. Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона / Н. Е. Крылова // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 26–34.

487. Кудрявцев, В. Н. Функциональные системы в области права / В. Н. Кудрявцев // Вопросы кибернетики. Правовая кибернетика. – М. : Наука, 1977. – № 40. – С. 12–24.

488. Кузнецова, М. А. Об иерархической системе правовых норм и смежных правовых явлениях / М. А. Кузнецова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2014. – № 3. – С. 153–158.

489. Кузнецова, Н. Ф. Социальная обусловленность уголовного закона / Н. Ф. Кузнецова // Правовые исследования : сб-к научн. статей. – Тбилиси : Мецниереба, 1977. – С. 36–45.

490. Кулиш, М. М. Понятие и классификация конфискации имущества / М. М. Кулиш // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 2. – С. 100–102.

491. Курганов, С. И. Меры уголовно-правового характера / С. И. Курганов // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 59–63.

492. Курц, А. В. Штраф как уголовное наказание в истории уголовного права досоветской России / А. В. Курц // Вестник ТИСБИ. – 2001. – № 1. – С. 64–70.

493. Кухарук, В. В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией и вопросы ее применения / В. В. Кухарук // Право и политика. – 2013. – № 5. – С. 655–660.

494. Лебедев, М. Е. Субординационные связи в российском законодательстве / М. Е. Лебедев // Российский юридический журнал. – 2001. – № 3. – С. 29–31.

495. Липинский, Д. А. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве / Д. А. Липинский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3. – С. 87–94.

496. Литовченко, В. И. Классификация и систематизация терминов / В. И. Литовченко // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. Педагогика, филология, право, экология. – 2006. – № 1. – С. 156–159.

497. Лобанова, Л. В. Отвечает ли принципу гуманизма идея так называемой общей типовой санкции? / Л. В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2011. – № 2. – С. 145–148.

498. Лобанова, Л. В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний / Л. В. Лобанова // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 14–20.

499. Лобанова, Л. В., Мкртчян, С. М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности / Л. В. Лобанова, С. М. Мкртчян // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 111–121.

500. Лопашенко, Н. А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона / Н. А. Лопашенко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 5–13.

501. Лопашенко, Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы / Н. А. Лопашенко // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 504–513.

502. Лоцинкин, В. В. К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера / В. В. Лоцинкин // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10. – С. 131–136.

503. Луковская, Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений / Д. И. Луковская // История государства и права. – 2007. – № 3. – С. 197–211.

504. Лукьянова, Е. Г. Правовая система России : современные тенденции развития / Е. Г. Лукьянова // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 6. – С. 6–23.

505. Лунеев, В. В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства / В. В. Лунеев // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы. – М. : ИЗиСП, 2009. – С. 55–59.

506. Малков, В. Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью / В. Д. Малков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 25. – С. 78–88.

507. Малько, А. В. Правовая система и правовая жизнь общества / А. В. Малько // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 51–65.

508. Мамедов, Р. Я. Судебный штраф как мера уголовно-правовой ответственности / Р. Я. Мамедов // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 80–83.

509. Маркарян, Э. С. Системное исследование человеческой деятельности / Э. С. Маркарян // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 77–86.

510. Маркова-Мурашова, С. А. Классификация, типология, систематизация правовых понятий как методологические предпосылки конкретизации законодательства / С. А. Маркова-Мурашова // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 164–171.

511. Мартыненко, Н. Э. Социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны потерпевших / Н. Э. Мартыненко // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 6–9.

512. Марфицын, П. Г. Основания и порядок применения судебного штрафа в уголовном судопроизводстве России : правозащитные и правоохранные аспекты / П. Г. Марфицын // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 2. – С. 158–162.

513. Мацкевич, И. М. Философия борьбы с преступностью / И. М. Мацкевич // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7. – С. 10–18.

514. Медведев, Е. В. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера / Е. В. Медведев // Адвокатская практика. – 2021. – № 4. – С. 45 – 50.

515. Мелюханова, Е. Е. Понятие «система наказаний» // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2017. – Т. 27. – Вып. 1. – С. 101–105.

516. Минникес, И.А. Правовое регулирование: нормативные и индивидуальные начала / И.А. Минникес // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. – 2010. – № 1 (1). – С. 4 – 11.

517. Михлин, А. С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве / А. С. Михлин // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. – М. : ВНИИ МВД РФ, 1993. – С. 11–22.

518. Молчанов, Д. М., Куликов, А. С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь : сравнительный анализ / Д. М. Молчанов, А. С. Куликов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12. – С. 125–134.

519. Назаренко, Г. В. К вопросу о терминсистеме уголовного права / Г. В. Назаренко // Государственно-правовое и социальное развитие современного общества: теоретические и практические аспекты. – Грозный : изд-во ЧГУ, 2018. – С. 137–139.

520. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского воздействия : раздел «Меры общественной безопасности» / Г. В. Назаренко // Lex Russica. – 2017. – № 8. – С. 101–111.

521. Невский, С. А. О воспитательной функции уголовного закона (по материалам работы Л.Е. Владимирова "Уголовный законодатель, как воспитатель народа". М., 1903 г.) / С. А. Невский, Н. И. Пикуров // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – № 3(55). – С. 12-18.

522. Немытина, М. В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры / М. В. Немытина // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 4. – С. 166–173.

523. Непомнящая, Т. В. Иные меры уголовно-правового характера : понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 114–121.

524. Нечепуренко, А. А. Испытание как уголовно-правовое явление / А. А. Нечепуренко // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 121–124.

525. Нечепуренко, А. А. Содержание уголовной ответственности : подходы к переосмыслению и перспективы законодательного регулирования / А. А. Нечепуренко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 1. – С. 3–10.

526. Николаев, К. Д. Виды конфискации имущества / К. Д. Николаев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 10–14.

527. Николюк, В. В. «Новое» и «старое» в практике отмены судом условного осуждения в свете правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда / В. В. Николюк // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 120–129.

528. Новиков, Е. Е. Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным мерам уголовного наказания / Е. Е. Новиков // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8. – С. 153–159.

529. Нурболатов, А. Н. Система безопасности по законодательству стран англосаксонской системы права (США, Великобритания) / А. Н. Нурболатов // Апробация. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 70–79.

530. Осипов, М. Ю. О методике определения эффективности правовых процессов / М. Ю. Осипов // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 28–34.

531. Панасенко (Яловая), В. Н., Яловой, Г. Н. Общие и специальные признаки исключительной меры наказания / В. Н. Панасенко (Яловая), Г. Н. Яловой // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 207–209.

532. Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты / Н. К. Панько // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 120–127.

533. Пашенко, Е. А. Конфискация имущества: реалии и ожидания / Е. А. Пашенко // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 81–88.

534. Перинская, Н. А. Ресоциализация / Н. А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 161–162.

535. Петренко, Е. Г. Правовое регулирование и научные подходы к понятию «санкция» / Е. Г. Петренко // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 111. – С. 37–42.

536. Пикуров, Н. И. Основные тенденции и проблемы современного развития межотраслевых связей уголовного права / Н. И. Пикуров // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : Материалы XIII Российского конгресса уголовного права, Москва, 26–27 мая 2022 года. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", – 2022. – С. 97-103.

537. Пинкевич, Т. В., Черных, Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации / Т. В. Пинкевич, Е. Е. Черных // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 141–144.

538. Пионтковский, А. А. Юридическая наука, ее природа и метод / А. А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 71–78.

539. Питулько, К. В. К вопросу об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма / К. В. Питулько // Роль науки в развитии социума : теоретические и практические аспекты : сборник материалов международной научно-практической конференции – СПб. : Культур-информ пресс, 2018. – С. 337–339.

540. Пиюк, А. В. Уголовное наказание и меры уголовно-правового характера: соотношение и перспективы применения / А. В. Пиюк // Судья. – 2020. – № 8. – С. 35–41.

541. Подройкина, И. А., Улезько, С. И. Система уголовных наказаний в иерархии мер юридической ответственности / И. А. Подройкина, С. И. Улезько // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 40–44.

542. Полубинская, С. В. Изменения и дополнения УК РФ в оценках уголовно-правовой науки / С.В. Полубинская // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 4. – С. 234–250.

543. Понкин, И. В., Редькина, А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности, в юридической науке / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 37. – С. 249–259.

544. Понкратова, Е. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера как две основные формы реализации уголовной ответственности / Е. Г. Понкратова. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы XVII Международной научной конференции (г. Казань, февраль 2021 г.). – Казань : Молодой ученый, 2021. С. 45–48 // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://moluch.ru/conf/stud/archive/388/16366/>.

545. Попрядухина, И. В. Субъект правонарушения по Судебнику 1497 г. / И. В. Попрядухина // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1. – С. 131–133.

546. Прихожая, Л. Е. Зарубежный опыт применения мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним как источник совершенствования

российского законодательства / Л. Е. Прихожая // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского института ФСИН России. – 2016. – № 4. – С. 213–214.

547. Проводина, Е.В. Социальное предназначение иных мер уголовно-правового характера / Е. В. Проводина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 6. – С. 56–60.

548. Прокументов, Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л. М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 81–91.

549. Прокументов, Л. М., Сутурин, М. А., Терентьева, В. А. Особенности уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних: история и перспективы развития / Л. М. Прокументов, М. А. Сутурин, В. А. Терентьева // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4. – С. 40–45.

550. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения / Ю. Е. Пудовочкин // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 4. – С. 460–472.

551. Пудовочкин, Ю. Е. Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм / Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Института : Преступление. Наказание. Исправление. – 2009. – № 1. – С. 10–15.

552. Пудовочкин, Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления / Ю. Е. Пудовочкин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 5. – С. 168–175.

553. Пудовочкин, Ю. Е. О грядущих изменениях уголовного закона (в порядке доктринального заключения на проект Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») // Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pudovochkin\(09-11-11\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pudovochkin(09-11-11).htm).

554. Пунигов, А. С. К вопросу о понятии «меры уголовно-правового характера» / А. С. Пунигов // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке. Материалы 4-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, январь 2007). – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 289–293.

555. Пунигов, А. С. Меры уголовно-правового характера: проблемы определения понятия / А. С. Пунигов // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 458–466.

556. Рарог, А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции / А. И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 470–479.

557. Рахматуллин, З. Р. Сравнительный анализ условного осуждения и уголовного наказания в виде ограничения свободы / З. Р. Рахматуллин // Эпоха науки. – 2015. – № 1. – С. 11–17.

558. Розенко, С. В. Эволюция наказания в российском уголовном праве : проблемы системности и совершенствования / С. В. Розенко // Вестник Югорского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 51.

559. Садикова, Д. Р. Отражение политических идей Ш.Л. Монтескье в «Наказе» Екатерины II (по материалам дореволюционной историографии) / Д. Р. Садикова // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2014. – № 12. – С. 102–108.

560. Самощенко, И. С., Никитинский, В. И., Венгеров, А. Б. К методике изучения эффективности правовых норм / И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 70–71.

561. Семенцова, И. А. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим расстройствами сексуального предпочтения : дискуссионные вопросы / И. А. Семенцова // ЮристЪ-ПравоведЪ. – 2016. – № 6. – С. 97–102.

562. Сергеев, Д. Н. Нужен ли закон о пробации? / Д. Н. Сергеев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 3. – С. 68–72.

563. Серебренникова, А. В. Нужен ли нам мораторий на внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : постановка вопроса / А. В. Серебренникова // Российский следователь. – 2017. – № 5. – С. 34–37.

564. Середа, Е. В. К вопросу о введении института пробации в российское уголовно-исполнительное право / Е. В. Середа // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 39–41.

565. Сипок, Р. П. Общая характеристика эффективности уголовно-правовых норм / Р. П. Сипок // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 9. – С. 73–80.

566. Скаков, А. Б. Повышение эффективности уголовно-исполнительной политики Казахстана и России в сфере исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, и социальной адаптации / А. Б. Скаков // Человек : преступление и наказание. – 2018. – Т. 26. – № 2. – С. 154–162.

567. Скобликов, П. А. Конфискация имущества как наказание : доводы «за» и «против» / П. А. Скобликов // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 61–63.

568. Скрипченко, Н. Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера / Н. Ю. Скрипченко // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2011. – № 2. – С. 16–22.

569. Скрипченко, Н. Ю. Судебный штраф : проблемы реализации законодательных новелл / Н. Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 106–114.

570. Соктоев, З. Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе / З. Б. Соктоев // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 90–94.

571. Спасенников, Б. А. К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера / Б. А. Спасенников // Вестник Института. Преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 1. – С. 12–16.

572. Спасенников, Б. А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами / Б. А. Спасенников // Вестник Института. Преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2. – С. 8–11.

573. Степанов, А. А. Правовая природа конфискации имущества / А. А. Степанов // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – № 2. – С. 72–76.

574. Степашин, В. М. Лечение лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, как уголовно-правовая принудительная мера медицинского характера / В. М. Степашин // Вестник ОмГУ. Серия «Право». – 2014. – № 2. – С. 200–206.

575. Степашин, В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности / В. М. Степашин // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 122–128.

576. Стромов, В. Ю., Дворецкий, М. Ю. Иные меры уголовно-правового характера в контексте повышения эффективности уголовной ответственности: проблемы теории и правоприменительной практики / В. Ю. Стромов, М. Ю. Дворецкий // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. Право. – 2013. – № 6. – С. 227–236.

577. Сундуров, Ф. Р. Конфискация имущества : национальный и международно-правовой аспекты / Ф. Р. Сундуров // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : сб-к научн. тр. – М. : Проспект, 2010. – С. 200–202.

578. Сундуров, Ф. Р., Боковня, А. Ю. Проблемы систематизации мер уголовно-правового характера / Ф. Р. Сундуров, А. Ю. Боковня // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – № 1. – С. 25–29.

579. Сундурова, О. Ф. Усиление и отягчение иных мер уголовно-правового характера / О. Ф. Сундурова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 499–503.

580. Сысоев, Р. А. К вопросу о негативных последствиях течения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией / Р. А. Сысоев // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 108–110.

581. Талянин, В. В. Качество закона как фактор повышения «социальной престижности» правовой законности / В. В. Талянин // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. – 2000. – № 1. – С. 22–24.

582. Тарбагаев, А. Н., Москалев, Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ) : проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев // Вестник СПбГУ. Серия 14. «Право». – 2016. – № 2. – С. 28–39.

583. Тарбагаев, А. Н., Усс, А. В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера, применяемых к осужденным / А. Н. Тарбагаев, А. В. Усс // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 115–117.

584. Татарников, В. Г. Конфискация имущества в уголовном законодательстве России и зарубежных стран / В. Г. Татарников // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 11. – С. 399–402.

585. Тенчов, Э. С. Институты уголовного права : система и взаимосвязь / Э. С. Тенчов // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 60–66.

586. Терентьева, В. А. Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принципы реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания / В. А. Терентьева // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 29–33.

587. Терентьева, В. А., Черненко, Т. Г. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания на основании ст. 92 УК РФ / В. А. Терентьева, Т. Г. Черненко // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 118–120.

588. Тихомиров, А. Н., Спасенников, Б. А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания / А. Н. Тихомиров, Б. А. Спасенников // Вестник Института. Преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 1. – С. 17–20.

589. Ткачевский, Ю. М. Юридическая природа условного осуждения / Ю. М. Ткачевский // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 32–38.

590. Толкаченко, А. А. К обсуждению проекта Федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или Чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2017 № 42 практике применения судебного штрафа / А. А. Толкаченко // Закон. – 2018. – № 1. – С. 137–150.

591. Толкаченко, А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания / А. А. Толкаченко // Судья. – 2020. – № 8. – С. 18–27.

592. Трофимова, Г. А. Судебный штраф – альтернатива? / Г. А. Трофимова // Российский судья. – 2017. – № 8. – С. 30–34.

593. Трунцевский, Ю. В. Классификация мер уголовно-правового воздействия / Ю. В. Трунцевский // Финансовое право и управление. – 2015. – № 2. – С. 137–144.

594. Трунцевский, Ю. В. Меры уголовно-правового воздействия : понятие и виды / Ю. В. Трунцевский // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 29–32.

595. Трунцевский, Ю. В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия / Ю. В. Трунцевский // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 554–562.

596. Тюшнякова, О. В. «Бессистемная» система уголовных наказаний / О. В. Тюшнякова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4. – С. 80–85.

597. Улезько, С. И. Характеристика системы наказаний в российском уголовном праве / С. И. Улезько // Вестник краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 58–60.

598. Уразбаев, Р. Ш. Условное осуждение: наказание или освобождение от наказания? / Р. Ш. Уразбаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 3. – С. 91–99.

599. Уткин, В. А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации / В. А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – 1. – С. 45–52.

600. Уткин, В. А. Основания и пути модернизации системы наказаний / В. А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 127–130.

601. Филимонов, О. В. Токийские правила и российская практика применения наказаний, не связанных с лишением свободы / О. В. Филимонов // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 48–49.

602. Хачак, Б. Н. Отсрочка отбывания наказания по уголовному законодательству: гендерный анализ / Б. Н. Хачак // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 3. – С. 174–175.

603. Хильгендорф, Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права / Э. Хильгендорф // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 1. – С. 111–141.

604. Хоменко, А. Н. Вопросы применения и конкуренции норм об освобождении от уголовной ответственности / А. Н. Хоменко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 2. – С. 87–92.

605. Чиркин, В. Е. Верховенство права в правовом государстве : терминологические вопросы конституционного права / В. Е. Чиркин // Право и современные государства. – 2016. – № 5. – С. 9–20.

606. Чиркин, В. Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация / В. Е. Чиркин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 18–30.

607. Чирков, А. П. Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства / А. П. Чирков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 9. – С. 81–84.

608. Чучаев, А. И. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве / А. И. Чучаев // Законность. – 2006. – № 9. – С. 56–60.

609. Чучаев, А. И., Фирсова, А. П. Уголовно-правовое воздействие : сущность и характеристика / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова // *Lex Russica*. – 2008. – № 6. – С. 1330–1346.

610. Шалагин, А. Е., Усманов, И. М. Современная наркоситуация в Российской Федерации : тенденции, прогноз, меры противодействия / А. Е. Шалагин, И. М. Усманов // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2016. – № 1. – С. 30–34.

611. Шанина, А. А. Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера в связи с расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости / А. А. Шанина // *Уголовно-исполнительное право*. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 189–194.

612. Шпынова, Е. В. Принудительные меры медицинского характера : теоретические и правоприменительные проблемы / Е. В. Шпынова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2015. – № 4. – С. 65–72.

613. Щедрин, Н. В., Кылина, О. М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций / Н. В. Щедрин, О. М. Кылины // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2008. – № 3. – С. 40–49.

614. Яковлев, С. А., Медведкова, Е. В. Вопросы определения процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера / С. А. Яковлев, Е. В. Медведкова // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 87–94.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

615. Агзамов, И. М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный уголовно-правовой институт : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Агзамов Ильдар Марсович. – М., 2013. – 412 с.

616. Бабаян, С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Бабаян Сергей Львович. – М., 2014. – 540 с.

617. Бавсун, М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2013. – 432 с.

618. Берш, А. Я. Принудительные меры медицинского характера : понятие и виды : дис. ... канд. юрид. наук / Берш Анастасия Яковлевна. – Одесса, 2017. – 189 с.

619. Биктимеров, Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Биктимеров Эльдар Луизович. – Саратов, 2009. – 26 с.

620. Биктимеров, Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Биктимеров Эльдар Луизович. – Саратов, 2009. – 198 с.

621. Борченко, Д. Ю. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Борченко Денис Юрьевич. – Тольятти, 2007. – 208 с.

622. Бурдо, Е. П. Наказание по общему праву Англии, Уэльса и США : сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бурдо Евгений Петрович. – Казань, 2007. – 191 с.

623. Бытко, С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность : теоретический и прикладной аспекты : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Бытко Сергей Юрьевич. – Саратов, 2018. – 471 с.

624. Васеловская, А. В. Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Васеловская Александра Викторовна. – Томск, 2020. – 27 с.

625. Гаджирамазанова, П. К. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гаджирамазанова Пати Кагировна. – Махачкала, 2002. – 32 с.

626. Гареев, М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гареев Марат Фаизович. – Казань, 2005. – 23 с.

627. Григорьев, А.С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Григорьев Александр Сергеевич. - Тюмень, 2011. - 185 с.

628. Денисова, А. В. Системность уголовного права: закон, теория, практика : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Денисова Анна Васильевна. – М., 2018. – 633 с.

629. Дуюнов, В. К. Механизм уголовно-правового воздействия : теоретические основы и практика реализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Дуюнов Владимир Кузьмич. – Тольятти, 2001. – 554 с.

630. Ерофеева, В. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ерофеева Виктория Александровна. – М., 2018. – 256 с.

631. Ефремова, И. А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ефремова Ирина Алексеевна. – Саратов, 2018. – 56 с.

632. Жарко, Н. В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жарко Наталья Викторовна. – Рязань, 2005. – 196 с.

633. Жинкин, А. А. Эффективность права : антропологическое и ценностное измерение : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Жинкин Сергей Алексеевич. – Красноярск, 2009. – 415 с.

634. Жук, М. С. Институты уголовного права : понятие, система, перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Жук Максим Сергеевич. – Краснодар, 2003. – 380 с.

635. Журавлева, Т. Н. Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Журавлева Татьяна Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 181 с.

636. Карелин, Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Карелин Дмитрий Владимирович. – Томск, 2001. – 212 с.

637. Карпов, К. Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Карпов Кирилл Николаевич. – Омск, 2011. – 206 с.

638. Коблева, М. М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Коблева Мария Мухадиновна. – М., 2015. – 216 с.

639. Кононов, А. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кононов Александр Дмитриевич. – М., 2019. – 31 с.

640. Кравец, Ю. П. Условное осуждение по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кравец Юрий Петрович. – М., 1991. – 187 с.

641. Крицкий, К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Крицкий Кирилл Владимирович. – Казань, 2021. – 226 с.

642. Курлаева О.В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Курлаева Оксана Владимировна. – Рязань, 2013. – 192 с.

643. Лукьянова, И. М. Отсрочка отбывания наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лукьянова Ирина Михайловна. – Тюмень, 2010. – 199 с.

644. Луценко, Н. С. Судебный штраф : проблемы теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Луценко Надежда Сергеевна. – Красноярск, 2020. – 26 с.

645. Магомедов, Г. Б. Преступления небольшой и средней тяжести : освобождение от уголовной ответственности и от наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Магомедов Гусейн Багавдинович. – М., 2015. – 181 с.

646. Малыгина, А. А. Назначение наказания и мер медицинского характера лицу, признанному больным наркоманией : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Малыгина Александра Александровна. – СПб., 2016. – 216 с.

647. Малышев, А. Н. Конфискация имущества в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Малышев Александр Николаевич. – М., 2010. – 204 с.

648. Мартыненко, Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мартыненко Эдуард Владимирович. – М., 2010. – 198 с.

649. Набиулин, Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Набиуллин Фарид Кавиевич. – Казань, 2008. – 23 с.

650. Нартымов, Д. М. Проблемы повышения эффективности наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нартымов Дмитрий Михайлович. – Нижний Новгород, 2010. – 250 с.

651. Нечепуренко, А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Нечепуренко Алексей Алексеевич. – Омск, 2009. – 512 с.

652. Низамитдинова, Е. М. Освобождение от отбывания наказания по российскому уголовному права: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Низамитдинова, Елена Марсовна. – М., 2006. – 204 с.

653. Оловенцова, С. Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Оловенцова Светлана Юрьевна. – Рязань, 2010. – 206 с.

654. Орлов, В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Орлов Владислав Николаевич. – М., 2015. – 432 с.

655. Островский, А. Л. Условное осуждение в российском и зарубежном законодательстве : дис. .. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Островский Александр Леонидович. – М., 2007. – 196 с.

656. Павлова, А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Павлова Арзулана Акрамовна. – М., 2011. – 211 с.

657. Подройкина, И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Подройкина Инна Андреевна. – Омск, 2017. – 540 с.

658. Полуэктов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Полуэктов Андрей Георгиевич. – М., 2018. – 214 с.

659. Пропостин, А. А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Пропостин Андрей Александрович. – Томск, 2010. – 212 с.

660. Самойлова, С. Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Самойлова Светлана Юрьевна. – Омск, 2011. – 196 с.

661. Середин, А. А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Середин, Алексей Александрович. – М., 2005. – 218 с.

662. Сизова, В. Н. Эффективность российского уголовного законодательства: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сизова Виктория Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 263 с.

663. Скрипченко, Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Скрипченко Нина Юрьевна. – М., 2013. – 456 с.

664. Степашин, В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Степашин Виталий Михайлович. – Омск, 2019. – 527 с.

665. Сыч, К. А. Уголовное наказание и его состав : теоретические и методологические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сыч Константин Антонович. – Рязань, 2001. – 451 с.

666. Тарасов, А. Н. Условное осуждение по законодательству России : вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тарасов Андрей Николаевич. – Казань, 2003. – 194 с.

667. Фильченко, А. П. Реализация уголовной ответственности : проблемы отраслевого и межотраслевого согласования/рассогласования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Фильченко Андрей Петрович. – Рязань, 2014. – 44 с.

668. Хачак, Р. А. Конфискация имущества : исторические, сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хачак Руслан Адамович. – Краснодар, 2011. – 214 с.

669. Хлебницына, Е. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хлебницына Елена Александровна. – М., 2019. – 187 с.

670. Швецов, С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Швецов Станислав Борисович. – СПб., 2004. – 199 с.

671. Ширяев, В. Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия : содержание, проблемы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ширяев Владимир Феодосьевич. – Ярославль, 2001. – 192 с.

VII. Литература на иностранном языке

672. Batley, S. Classification in Theory and Practice / S. Batley. – Oxford: Elsevier, 2014. – 181 p.

673. Crime Control in Britain : a Review of Policy Research / ed. by R. Clarke, D. Cornish. – Albany: State University of New York, 1983. – 302 p.
674. Deflem, M. Deviance and Social Control / M. Deflem // The Handbook of Deviance / ed. by E. Goode. – Malden, MA: Wiley Balckwell, 2015. – 583 p.
675. Hall, J. General Principles of Criminal Law / J. Hall. – Indianapolis, 1960. – 450 p.
676. Johns, A. Correctional Control 2018 : Incarceration and Supervision by State / A. Johns // Prison Policy Initiative // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://www.prisonpolicy.org/reports/correctionalcontrol2018.html>.
677. Lafave, W., Scott, A. Criminal Law / W. Lafave, A. Scott. – St. Paul, 1986. – 115 p.
678. Phelps, M. S., Curry, C. Supervision in the Community : Probation and Parole / M. S. Phelps, C. Curry // Oxford Research Encyclopedias // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://oxfordre.com/criminology/view/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-239>.
679. The Role of the Probation Service. – London : House of Commons, 2011. – 190 p.

VIII. Электронные ресурсы

680. Председатель Верховного Суда России провел итоговое совещание с судьями России по итогам 2021 года // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : http://www.supcourt.ru/press_center/news/30760/.
681. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/29651/.

682. Верховный Суд РФ подвел итоги 2017 года // РБК // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/02/21/5a8bc7c29a79470b82780b67>.

683. Динамика рассмотрения уголовных дел с назначением судебного штрафа // Российское агентство правовой и судебной информации // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <http://rapsinews.ru/multimedia/20190213/294984085.html>.

684. Забота о детях или удар по семье : инфографика ВЦИОМ // ВЦИОМ // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/family/article/juvenalnaja-justicija-za-i-protiv.html>.

685. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Общественная палата РФ // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://www.oprf.ru/ru/discussions/1389/newsitem/>.

686. Коррупция : преступление и наказание // ВЦИОМ // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-prestuplenie-i-nakazanie>.

687. Основные направления стратегической реформы уголовно-правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года : выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В.П. Иванова на заседании ГАК по теме «Повышение эффективности действующего уголовно-правового инструментария по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики» (Москва, 15.04.2015) // ФСКН России // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2015/0415/094736651/detail.shtml.

688. Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.04.2011 № 1/общ – 1583 // СПС «Консультант плюс» // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL :

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=87058;fld=134;from=86870-22;rnd=0.801478381967172>.

689. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации» от 24.11.2018 № 593998-7 // система обеспечения законодательной деятельности // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : http://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

690. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части смягчения наказания за преступления небольшой тяжести беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет» // СПС «Консультант плюс» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=177804#033646350199577224>.

691. Prison Population Rate // World Prison Brief // [Электронный ресурс] / Режим доступа : URL : http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Авторская концепция раздела VI Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

Раздел VI. Акцессорные меры уголовно-правового характера

Статья 1. Общие положения об акцессорных мерах уголовно-правового характера

1. Акцессорные меры уголовно-правового характера есть вспомогательные связанному с реализацией уголовной ответственности ресурсу уголовно-правового воздействия некарательные меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

2. Акцессорные меры уголовно-правового характера выступают вариативной формой реализации принудительного сегмента уголовно-правового воздействия, исключающей уголовную ответственность, либо дополняют объем уголовно-правового воздействия в случаях привлечения лица к уголовной ответственности или освобождения от нее.

3. Акцессорные меры уголовно-правового характера включают вариативные и дополнительные меры.

Статья 2. Вариативные меры уголовно-правового характера.

1. Вариативные меры уголовно-правового характера есть меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию

¹ Порядковая нумерация статей приведена без привязки к статьям действующего УК РФ.
Прим. авт.

уголовной ответственности, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния.

2. Лицу, совершившему общественно опасное деяние, могут быть назначены следующие вариативные меры уголовно-правового характера:

- а) недобровольные меры медицинского характера, связанные со стационарным лечением;
- б) судебный штраф;
- в) принудительные меры воспитательного воздействия.

Статья 3. Дополнительные меры уголовно-правового характера.

1. Дополнительные меры уголовно-правового характера есть меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с мерами уголовной ответственности либо мерами, исключающими уголовную ответственность, в связи с совершением общественно опасного деяния.

2. Лицу, совершившему общественно опасное деяние, могут быть назначены следующие дополнительные меры уголовно-правового характера:

- а) конфискация имущества;
- б) недобровольные меры медицинского характера, не связанные со стационарным лечением.

Статья 4. Принудительные меры воспитательного воздействия

1. Принудительные меры воспитательного воздействия есть вариативные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния в несовершеннолетнем возрасте, в целях формирования правопослушных нравственных установок и предупреждения совершения данными лицами деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.

2. Несовершеннолетний, совершивший впервые преступление небольшой или средней тяжести, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

3. Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

а) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;

б) возложение обязанности загладить причиненный вред;

в) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;

Несовершеннолетнему может быть назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия.

4. Принудительные меры воспитательного воздействия назначаются на срок от одного месяца до двух лет при совершении преступления небольшой тяжести и от шести месяцев до трех лет – при совершении преступления средней тяжести. По достижении восемнадцатилетнего возраста исполнение принудительной меры воспитательного воздействия прекращается.

5. При систематическом неисполнении принудительной меры воспитательного воздействия она может быть заменена судом на иную принудительную меру воспитательного воздействия либо отменена судом по представлению специализированного государственного органа, и производство по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего может быть возобновлено в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

6. Передача под надзор состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанностей по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Если указанные лица не в состоянии выполнять возложенные на них

обязанности, данная мера по решению суда может быть заменена на меру, указанную в пункте «б» или в пункте «в» части третьей настоящей статьи.

7. Возложение обязанности загладить причиненный вред устанавливается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него трудовых навыков. В случаях, когда суд возлагает на несовершеннолетнего обязанность трудоустроиться, он устанавливает срок для исполнения этой обязанности, который не может превышать трех месяцев с момента вступления постановления о применении принудительной меры воспитательного воздействия в силу. Одновременно суд определяет размер удержаний из заработка несовершеннолетнего в пределах, не превышающих 10% ежемесячно.

8. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе, связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. На несовершеннолетнего может быть также возложена обязанность продолжить обучение в общеобразовательной организации или трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа, а также обязанность по участию в специальных социально-реабилитационных программах.

9. Несовершеннолетние, совершившие общественно опасные деяния и не подлежащие уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а также достигшие возраста, предусмотренного частями первой или второй статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, и не подлежащие уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий

(бездействия) либо руководить ими, могут быть помещены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

10. В специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа могут быть помещены несовершеннолетние, указанные в п.9 настоящей статьи, в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода.

Статья 5. Судебный штраф

1. Судебный штраф есть вариативная мера уголовно-правового применяемая к лицам, совершившим впервые преступления небольшой или средней тяжести и предпринявшим позитивные посткриминальные действия, в целях предупреждения совершения данными лицами деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.

2. Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (денежного взыскания) в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и невозможности освобождения лица от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основаниям.

3. Размер судебного штрафа не может быть более половины размера штрафа, установленного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. Если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, размер судебного штрафа не должен превышать двести пятьдесят тысяч рублей.

4. Размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения им заработной платы или иного дохода.

5. Лицо, которому применен судебный штраф, обязан его уплатить в течение 60 дней со дня вступления соответствующего постановления суда в законную силу. При наличии уважительных причин, обуславливающих невозможность уплаты судебного штрафа в установленный срок, с учетом материального положения лица суд вправе предоставить отсрочку в уплате судебного штрафа на срок, не превышающий один год.

6. В случае злостного уклонения от уплаты судебного штрафа он отменяется судом, и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса.

Статья 6. Конфискация имущества

1. Конфискация имущества есть дополнительная мера уголовно-правового характера, обеспечивающая принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства связанного с преступной деятельностью имущества, применяемая к лицам, совершившим общественно опасные деяния, в целях возмещения ущерба и предупреждения совершения данными лицами деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.

2. Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства на основании постановления суда:

а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу, а также полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности;

б) денег, ценностей и иного имущества, в которые было преобразовано имущество, указанное в пункте «а» части первой настоящей статьи, и доходов от этого имущества;

в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

3. Если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него. Имущество, переданное другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало, что оно получено в результате преступных действий.

4. Если конфискация имущества в натуральной форме невозможна, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, эквивалентной стоимости указанного имущества. В случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации, суд выносит решение о конфискации иного имущества соответствующей стоимости.

5. При решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Статья 11. Недобровольные меры медицинского характера

1. Недобровольные меры медицинского характера есть вариативные либо дополнительные меры уголовно-правового характера, применяемые в целях излечения либо улучшения состояния здоровья лиц, совершивших общественно опасные деяния, а также в целях предупреждения совершения данными лицами деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.

2. Недобровольные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства лиц, совершивших общественно опасные деяния, связаны с опасностью данных лиц для себя, других лиц, причинения иного существенного вреда.

3. Лицо, которому назначена недобровольная мера медицинского характера, подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже одного раза в шесть месяцев для решения вопроса о наличии оснований для внесения представления в суд о прекращении применения или об изменении такой меры. При отсутствии оснований для прекращения применения или изменения недобровольной меры медицинского характера администрация медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение, или уголовно-исполнительная инспекция, осуществляющая контроль за применением принудительных мер медицинского характера, представляет в суд заключение для продления недобровольного лечения.

4. Продление, изменение и прекращение применения недобровольных мер медицинского характера осуществляются судом по представлению администрации медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение, или уголовно-исполнительной инспекции, контролирующей применение принудительных мер медицинского характера, на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

Статья 11.1 Вариативные недобровольные меры медицинского характера, связанные со стационарным лечением

1. Суд может назначить следующие вариативные недобровольные меры медицинского характера:

а) недобровольное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа;

б) недобровольное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа;

в) недобровольное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением.

2. Недобровольное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, назначается, если характер психического расстройства лица требует таких условий лечения, ухода, содержания и наблюдения, которые могут быть осуществлены только в стационарных условиях. Выбор интенсивности условий лечения осуществляется с учетом психического состояния лица, удостоверенного заключением комиссионной судебно-психиатрической экспертизы.

Статья 11.2 Дополнительные недобровольные меры медицинского характера, не связанные со стационарным лечением

1. Суд может назначить следующие дополнительные недобровольные меры медицинского характера:

а) недобровольное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях;

б) возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

2. Недобровольное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях назначается лицам, которые по своему психическому состоянию не нуждаются в помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

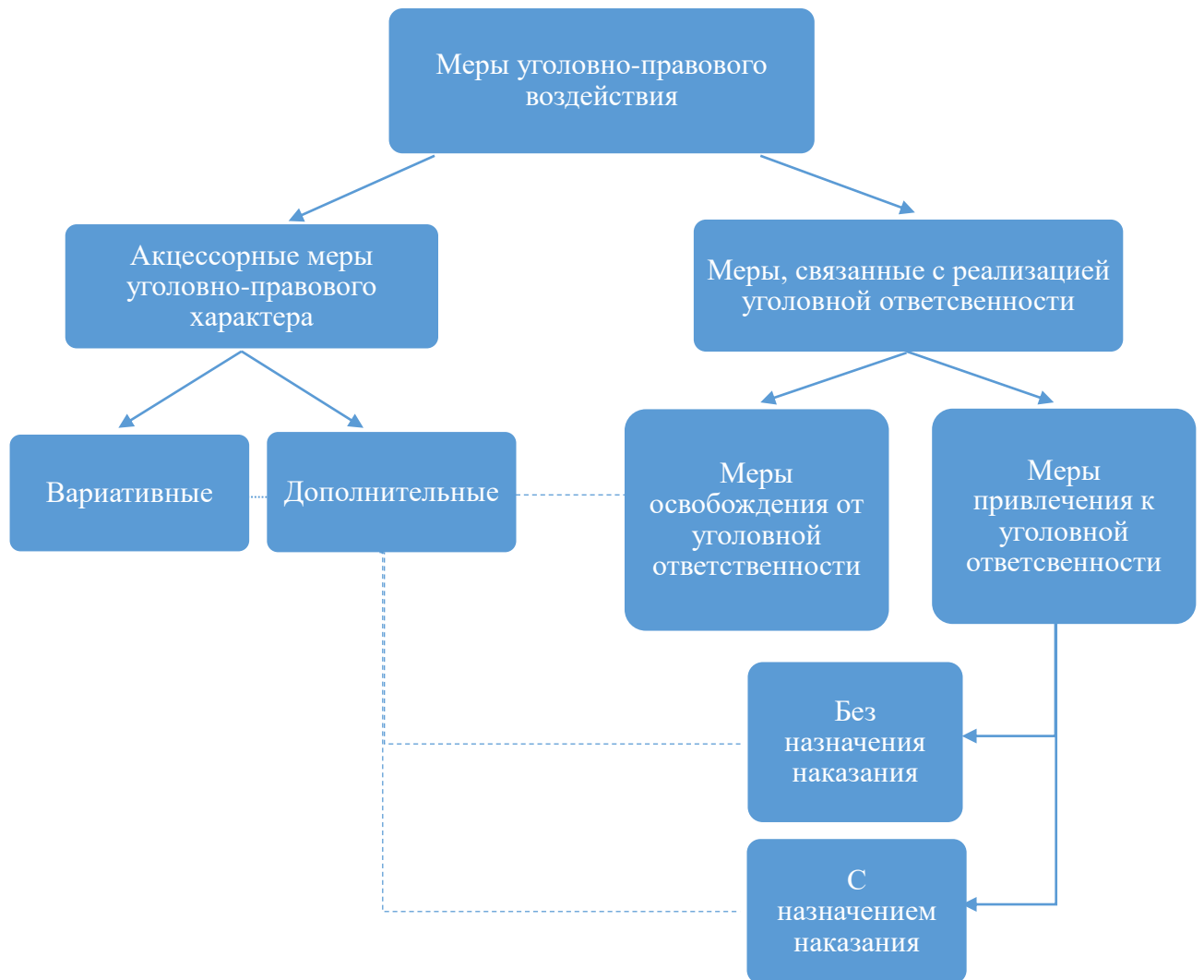
3. В отношении лиц, осужденных за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, недобровольные меры медицинского характера исполняются по месту отбывания лишения свободы, а в отношении осужденных к иным видам наказаний – в медицинских организациях государственной системы здравоохранения. При соответствующем изменении психического состояния такого лица, его помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, производится в порядке, предусмотренном законодательством в сфере охраны здоровья. Время

осужденного в медицинских организациях засчитывается в срок отбывания наказания.

3. Возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию осуществляется на основании постановления суда при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, а также в случаях освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям либо в случаях применения судебного штрафа.

4. Возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию возможно исключительно при условии совершения лицом преступления в состоянии наркотического опьянения либо при наличии связи совершенного общественного опасного деяния со склонностью к употреблению запрещенных веществ.

Приложение 2: Диаграмма: Дифференциация мер уголовно-правового воздействия в зависимости от соотношения с уголовной ответственностью.

Приложение 3. Результаты социологического опроса по проблематике правового регулирования и правоприменительной деятельности в сфере применения иных мер уголовно-правового характера.

Социологический опрос проводился в период с 2018 по 2023 годы. Всего было опрошено 412 человек - правоприменители различных целевых групп, из которых 112 следователей, 89 сотрудников прокуратуры, 102 судьи, 109 адвокатов, работающих в различных регионах России: городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Республике Карелия, Воронежской, Томской, Омской и Новосибирской областях, Краснодарском крае.

При возможном выборе нескольких вариантов ответа респондентам предлагалось обозначить один, наиболее, с их точки зрения, подходящий.

Перечень вопросов:

1. Отличие иных мер уголовно-правового характера от других форм уголовно-правового воздействия состоит в их:

- 1.1. Некарательной сущности;
- 1.2. Реализации вне рамок уголовной ответственности;
- 1.3. Меньшем правоограничительном потенциале;
- 1.4. Не порождающем последствий судимости характере;
- 1.5. Иное _____.

2. Согласны ли Вы с тем, что иные меры уголовно-правового характера – это вариативная форма реализации уголовно-правового воздействия, исключая уголовную ответственность, либо инструмент дополнения мер уголовно-правового воздействия?

- 2.1. Да;
- 2.2. Нет.

3. Поддерживаете ли Вы необходимость формулирования более конкретной дефиниции, отражающей сущность иных мер уголовно-правового

характера, и их законодательной дифференциации на вариативные и дополнительные меры в целях обеспечения большей определенности права:

3.1. Да, конкретизация обеспечит большую определенность в понимании сущности данных мер;

3.2. Нет, потребность в конкретизации правовых предписаний отсутствует.

4. Перечень иных мер уголовно-правового характера, представленный в Разделе VI УК РФ:

4.1. Не достаточный, поскольку ряд иных мер уголовно-правового характера фактически закреплён в других разделах УК РФ и (или) нормах законодательства смежной тематики;

4.2. Достаточный и содержит исчерпывающий перечень мер.

5. Судебный штраф (ст. 104.4. УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. ст. 90 УК РФ), конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (ст. 99 УК РФ), возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ):

5.1. Имеют достаточное количество общих признаков для возможности их рассмотрения в рамках одного института;

5.2. Не имеют достаточного количества общих признаков для возможности их рассмотрения в рамках одного института.

6. Необходимо ли отражение в уголовном законодательстве правовых последствий совершения общественно опасных деяний несовершеннолетними лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности?

6.1. Да, применение мер в связи совершением объективно общественно опасного деяния должно находить отражение в нормах УК РФ;

6.2. Нет, специфика субъекта в данном случае обуславливает место соответствующих правовых последствий в нормах законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних.

7. Востребованность наличия в уголовном законодательстве иных мер уголовно-правового характера, определяется следующими критериями:

7.1. Отсутствие необходимости реализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших определенные категории и виды преступлений, либо недостаточность мер уголовной ответственности для достижения целей уголовно-правового воздействия;

7.2. Необходимость отражения индивидуализированного подхода к уголовно-правовому воздействию в отношении лиц с разными особенными характеристиками;

7.3. Способность соответствующего типа уголовно-правового воздействия обеспечить достижение поставленных перед иными мерами уголовно-правового характера целей;

7.4 Императивное требование отражения в уголовном законодательстве всех форм реагирования на совершение общественно опасного деяния (ч.1, ст. 3 УК РФ);

7.5. Социальный запрос на законодательное закрепление альтернативных уголовной ответственности мер либо дополнительных уголовно-правовых последствий общественно опасного деяния;

7.6. Иное _____;

8. Являются ли иные меры уголовно-правового характера мерами государственного принуждения?

8.1. Да, все иные меры уголовно-правового характера по типу воздействия являются принудительными;

8.2. Нет, только наказание является принудительной мерой;

8.3. Частично, в содержании отдельных мер принуждение является лишь вероятным;

8.4. Иное _____.

9. Обладают ли иные меры уголовно-правового характера некарательными свойствами?

9.1. Да, все иные меры уголовно-правового характера имеют некарательные свойства;

9.2. Нет, поскольку иные меры уголовно-правового характера являются принудительными;

9.3. Частично, в содержании отдельных мер имеются некарательные свойства;

9.4. Иное _____.

10. В какой области, на Ваш взгляд, имеются проблемы правовой регламентации и применения принудительных мер воспитательного воздействия?

10.1. Эффективность отдельных мер;

10.2. Статус принудительных мер воспитательного воздействия;

10.3. Отсутствие обязательности их применения в отдельных случаях;

10.4. Иное _____;

10.5. Проблемы отсутствуют.

11. В какой области, на Ваш взгляд, имеются проблемы правовой регламентации и применения судебного штрафа?

11.1. Круг адресатов и перечень преступлений, в результате совершения которых может применяться данная мера;

11.2. Соотношение с иными видами освобождения от уголовной ответственности;

11.3. Срок уплаты судебного штрафа;

11.4. Статус судебного штрафа;

11.5. Иное _____;

11.6. Проблемы отсутствуют.

12. В какой области, на Ваш взгляд, имеются проблемы правовой регламентации и применения конфискации имущества?

12.1. Перечень преступлений, при совершении которых возможно применение конфискации;

12.2. Перечень подлежащего конфискации имущества;

12.3. Отсутствие обязательности применения данной меры;

12.4. Статус конфискации;

12.5. Иное _____;

12.6. Проблемы отсутствуют.

13. В какой области, на Ваш взгляд, имеются проблемы правовой регламентации и применения принудительных мер медицинского характера?

13.1. Статус принудительных мер медицинского характера;

13.2. Перечень принудительных мер медицинского характера;

13.3. Основания продления и прекращения принудительных мер медицинского характера;

13.4. Иное _____;

13.5. Проблемы отсутствуют.

14. Эффективность применения иных мер уголовно-правового характера верно определять на основе следующих показателей:

14.1. Максимальное достижение целей реализации нормы с минимальными правоограничениями, налагаемыми на адресата;

14.2. Снижение риска совершения повторного преступления (общественно опасного деяния) после применения меры;

14.3. Невозможно выработать единые критерии эффективности для разных мер, входящих в круг иных мер уголовно-правового характера;

14.4. Иное _____.

15. Считаете ли Вы верным закрепление в уголовном законодательстве положений об уголовно-правовом воздействии в отношении юридических лиц:

15.1. Нет, это противоречит сложившейся концепции уголовного законодательства;

15.2. Да, это возможно путем признания юридических лиц субъектами преступления;

15.3. Да, это возможно, не признавая юридических лиц субъектами преступления;

15.4. Иное _____.

Полученные ответы:

Варианты ответов	Группы представителей юридической профессии, % ответов			
	следователи	работники прокуратуры	судьи	адвокаты
1.1.	32	34	45	43
1.2.	26	22	19	27
1.3.	21	29	28	14
1.4.	20	14	7	16
1.5.	1	1	1	0
2.1.	96	90	92	88
2.2.	4	10	8	12
3.1.	61	55	53	47
3.2.	39	45	47	53
4.1.	51	54	59	58
4.2.	49	46	41	42
5.1.	52	35	51	46
5.2.	48	65	49	54
6.1.	52	56	59	59
6.2.	48	44	41	41
7.1.	40	34	33	45
7.2.	21	24	26	8
7.3.	9	8	9	14
7.4.	10	12	9	10
7.5.	20	22	21	23
7.6.	0	0	1	0
8.1.	31	44	44	39
8.2.	17	16	21	21

8.3.	44	35	31	32
8.4.	8	5	4	8
9.1.	44	45	40	39
9.2.	18	15	21	32
9.3.	31	34	35	21
9.4.	7	6	4	8
10.1.	60	48	44	42
10.2.	12	12	11	19
10.3.	19	15	16	21
10.4.	20	25	29	18
10.5.	0	0	0	0
11.1.	10	14	12	12
11.2.	21	24	27	27
11.3.	9	8	9	19
11.4.	40	32	30	20
11.5.	17	22	21	21
11.6.	3	0	1	1
12.1.	34	37	41	38
12.2.	30	29	25	28
12.3.	12	7	13	15
12.4.	18	23	17	16
12.5.	6	4	4	3
12.6.	0	0	0	1
13.1.	18	22	10	14
13.2.	8	12	12	8
13.3.	10	12	32	31
13.4.	32	34	31	40
13.5.	32	20	15	7
14.1.	35	24	33	35
14.2.	50	49	30	41

14.3.	10	20	25	15
14.4.	5	7	12	9
15.1.	20	30	29	27
15.2.	27	21	27	22
15.3.	50	48	42	45
15.4.	3	1	2	6